

Труды

КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3, 2014

transactions.krc.karelia.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

А. Е. Загребин. ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ В РОССИИ: ДИНАМИКА НАУЧНЫХ ИДЕЙ И ЗНАНИЙ	3
С. И. Кочкуркина, О. В. Орфинская. ТЕКСТИЛЬ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИЛАДОЖСКОЙ КУРГАННОЙ КУЛЬТУРЫ (ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	9
Т. Б. Никитина. КОСТЮМ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК МАРКЕР ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	21
И. Ю. Винокурова. ВЕПСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ, СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ И ГЕНЕЗИС	33
П. Вереш. ЭТИОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ ОБСКИХ УГРОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАТРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И МОДЕЛЬ МИРА	43
М. В. Кундозерова. ОТГОЛОСКИ МИФА О СОТВОРЕНИИ МИРА В КАРЕЛЬСКОЙ РУНЕ НА СЮЖЕТ «СОСТЯЗАНИЕ В ПЕНИИ»	53
Е. А. Пивнева. ПУТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ ЮГРЫ	58
О. М. Фишман. ПРОБЛЕМАТИКА ПОВСЕДНЕВНОГО БИЛИНГВИЗМА ТВЕРСКИХ КАРЕЛОВ XX–XXI ВЕКА	66
М. В. Мосин. СОЗДАВАТЬ ЛИ ЕДИНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ ДЛЯ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ?	76
Д. В. Цыганкин. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАФИННО-УГОРСКОГО СУФФИКСА <i>-л</i> В МОРДОВСКИХ, ХАНТЫЙСКОМ И МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	83

ТРУДЫ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН. № 3, 2014. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. А. Мызников. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ КОМИ ЯЗЫКА	90
Л. П. Рощевская, Н. Г. Лисевич. ДОКУМЕНТЫ Д. В. БУБРИХА В НАУЧНОМ АРХИВЕ КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН	99
Е. И. Маркова. КАЛЕВАЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА «ПЕСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА»	108
А. А. Арзамазов. МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ, МИФОМ И ВЫМЫСЛОМ: ОБРАЗ ИЖЕВСКА В УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ 1990-Х ГОДОВ	114
Ю. Г. Антонов. ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА КОМЕДИИ В МОРДОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ	120
И. А. Никитина, И. Р. Такала. «КАРЕЛЬСКИЕ КОСМОПОЛИТЫ»: ФИНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В 1946–1953 ГОДАХ	125
Аспирантские тетради	
И. М. Поташева. ГОНЧАРСТВО ДРЕВНИХ КАРЕЛОВ: ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ	134
А. О. Муравьев. ВЛИЯНИЕ КОНСПИРАТИВНОЙ ПОЕЗДКИ О. В. КУУСИНИНА В ФИНЛЯНДИЮ В 1919 г. НА ПОИСК НОВЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ФИНСКОЙ КОМПАРТИИ	141
К. А. Тарасов. ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА	146
О. А. Колоколова. МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА» В РОМАНЕ А. ТИМОНЕНА «МЫ КАРЕЛЫ»	149
А. А. Берн. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФИНСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА	153
Юбилей и даты	
К. К. Логинов, А. П. Косменко – исследователь изобразительного искусства прибалтийско-финских народов России	158
Л. И. Иванова, В. П. Федотова – собиратель и исследователь карельской фразеологии	165
И. П. Новак. Александра Васильевна Пунжина (к 80-летию со дня рождения)	169
В. П. Миронова. Эйно Семеновичу Киуру, фольклористу и переводчику – 85 лет	171
Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Яков Алексеевич Балагуров (к 110-летию со дня рождения)	173
Рецензии и библиография	
А. И. Рупасов. Ант Ю. Август Рей – государственный деятель Эстонии, политик, дипломат. Тарту: Национальный архив, 2012. 399 с.	176
Е. Ю. Дубровская. Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары: новая книга о судьбах северокарельской деревни в годы Гражданской войны. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. 346 с.	180
С. А. Мызников. Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, 2013. 350 с.	183
Библиография изданий сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН по финно-угроведению за 2009–2013 гг. (Составитель Н. В. Чикина)	187
Издания ИЯЛИ КарНЦ РАН за 2013 год	190
Правила для авторов	194

Карельский научный центр
Российской академии наук

ТРУДЫ

КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3, 2014

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петрозаводск
2014

Научный журнал
**Труды Карельского научного центра
Российской академии наук**
№ 3, 2014
Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Scientific Journal
**Proceedings of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences**
No 3, 2014
RESEARCH IN THE HUMANITIES SERIES

Главный редактор
А. Ф. ТИТОВ, член-корр. РАН, д. б. н., проф.

Редакционный совет

А. М. АСХАБОВ, академик РАН, д. г.-м. н., проф.; В. Т. ВДОВИЦЫН, к. ф.-м. н., доцент; Т. ВИХАВАЙНЕН, доктор истории, проф.; А. В. ВОРОНИН, д. т. н., проф.; С. П. ГРИППА, к. г. н., доцент; Э. В. ИВАНТЕР, член-корр. РАН, д. б. н., проф.; А. С. ИСАЕВ, академик РАН, д. б. н., проф.; В. Т. КАЛИННИКОВ, академик РАН, д. х. н., проф.; А. М. КРЫШЕНЬ (зам. главного редактора), д. б. н.; Е. В. КУДРЯШОВА, д. флс. н., проф.; В. В. МАЗАЛОВ, д. ф.-м. н., проф.; Ф. П. МИТРОФАНОВ, академик РАН, д. г.-м. н., проф.; И. И. МУЛЛОНЕН, д. фил. н., проф.; Н. Н. НЕМОВА, член-корр. РАН, д. б. н., проф.; В. В. ОКРЕПИЛОВ, академик РАН, д. э. н.; О. Н. ПУГАЧЕВ, член-корр. РАН, д. б. н.; Ю. В. САВЕЛЬЕВ, д. э. н.; Д. А. СУБЕТТО, д. г. н.; Н. Н. ФИЛАТОВ, член-корр. РАН, д. г. н., проф.; В. В. ЩИПЦОВ, д. г.-м. н., проф.

Editor-in-Chief
A. F. TITOV, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.), Prof.

Editorial Council

A. M. ASKHABOV, RAS Academician, DSc (Geol.-Miner.), Prof.; N. N. FILATOV, RAS Corr. Fellow, DSc (Geog.), Prof.; S. P. GRIPPA, PhD (Geog.), Assistant Prof.; A. S. ISAEV, RAS Academician, DSc (Biol.), Prof.; E. V. IVANTER, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.), Prof.; V. T. KALINNIKOV, RAS Academician, DSc (Chem.), Prof.; A. M. KRYSHEN' (Deputy Editor-in-Chief), DSc (Biol.); E. V. KUDRYASHOVA, DSc (Phil.), Prof.; V. V. MAZALOV, DSc (Phys.-Math.), Prof.; F. P. MITROFANOV, RAS Academician, DSc (Geol.-Miner.), Prof.; I. I. MULLONEN, DSc (Philol.), Prof.; N. N. NEMOVA, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.), Prof.; V. V. OKREPILOV, RAS Academician, DSc (Econ.); O. N. PUGACHYOV, RAS Corr. Fellow, DSc (Biol.); Yu. V. SAVELIEV, DSc (Econ.); V. V. SHCHIPTSOV, DSc (Geol.-Miner.), Prof.; D. A. SUBETTO, DSc (Geog.); V. T. VDOVITSYN, PhD (Phys.-Math.), Assistant Prof.; T. VIHAVAINEN, PhD (Hist.), Prof.; A. V. VORONIN, DSc (Tech.), Prof.

Редакционная коллегия серии «Гуманитарные исследования»

И. Ю. ВИНОКУРОВА, д. и. н.; А. С. ГЕРД, д. фил. н., проф.; Н. Г. ЗАЙЦЕВА, д. фил. н.; О. П. ИЛЮХА (зам. ответственного редактора), к. и. н.; Н. А. КОРАБЛЕВ, к. и. н.; С. И. КОЧКУРКИНА, д. и. н.; Н. А. КРИНИЧНАЯ, д. фил. н.; Е. И. МАРКОВА, д. фил. н.; И. И. МУЛЛОНЕН (ответственный редактор), д. фил. н., проф.; А. В. ПИГИН, д. фил. н., проф.; Н. Н. СМИРНОВ, д. и. н., проф.; Т. ХЯМЮНЕН, доктор истории, проф.; Н. В. ЧИКИНА (ответственный секретарь), к. фил. н.

Editorial Board of the Research in the Humanities Series

N. V. CHIKINA (Executive Secretary), PhD (Philol.); A. S. GERD, DSc (Philol.), Prof.; T. HÄMYNEN, PhD (Hist.), Prof.; O. P. ILYUKHA (Deputy Editor-in-Charge), PhD (Hist.); S. I. KOCHKURKINA, DSc (Hist.); N. A. KORABLYOV, PhD (Hist.); N. A. KRINICHNAYA, DSc (Philol.); E. I. MARKOVA, DSc (Philol.); I. I. MULLONEN (Editor-in-Charge), DSc (Philol.), Prof.; A. V. PIGIN, DSc (Philol.), Prof.; N. N. SMIRNOV, DSc (Hist.), Prof.; I. Yu. VINOKUROVA, DSc (Hist.); N. G. ZAITSEVA, DSc (Philol.).

ISSN 1997-3217 (печатная версия)
ISSN 2312-4504 (онлайн-версия)

Зав. редакцией А. И. Мокеева
Адрес редакции: 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
тел. (8142)762018; факс (8142)769600
E-mail: trudy@krc.karelia.ru
Электронная полнотекстовая версия: <http://transactions.krc.karelia.ru>

© Карельский научный центр РАН, 2014

УДК 391/395

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ В РОССИИ: ДИНАМИКА НАУЧНЫХ ИДЕЙ И ЗНАНИЙ*

А. Е. Загребин

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

Статья посвящена истории изучения этнографии финно-угорских народов России в исторической ретроспективе. Отмечено, что поиски прародины финнов и венгров совместились с краеведческими интересами зарождающейся российской финно-угорской интеллигенции, оказывая влияние на идентитет и этничность уральских народов. Показана динамика научной деятельности и факты исследовательской преемственности в области этнографического финно-угроведения.

Ключевые слова: финно-угорские народы, этнография, дело «СОФИН», власть, научные центры финно-угроведения.

A. E. Zagrebin. ETHNOGRAPHIC FINNO-UGRIC STUDIES IN RUSSIA: THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC IDEAS AND KNOWLEDGE

The article is devoted to the history of studying the ethnography of Finno-Ugric peoples of Russia in historical retrospective. The search for the Ural ancestral home of the Finns and the Hungarians was linked with the regional interests of the emerging Finno-Ugric intelligentsia in Russia, influencing the identity and ethnicity of Uralic nations. The dynamics of scientific activity and the facts of research continuity in the field of ethnographic Finno-Ugric studies are demonstrated.

Key words: Finno-Ugric peoples, ethnography, the 'SOFIN' case, authority, scientific centers of Finno-Ugric studies.

Финно-угорские народы России, чье жизненное пространство ныне находится в Западной Сибири, на Урале, в Среднем Поволжье, на Европейском Севере и Северо-Западе России, разделены расстояниями, спецификой хозяйственной деятельности и образа жизни. Тем не менее на протяжении длительного времени российские финно-угры осознают себя не только в качестве носителей определенной этничности, но и представителями более широкой историко-культурной общности [Voigt, 2012]. Думается, что истоки современного финно-угорского мира

можно искать не только в пределах предметной сферы этнографии, но также в истории науки.

Важным представляется вопрос о времени и обстоятельствах зарождения финно-угорских этнографических исследований. Изначально следует разграничить длительный период накопления материалов о народной культуре финно-угорских народов и хронологически более скромный период научного осмысления собранного, когда мир идей, по-видимому, превращает время в историческую эпоху, выделяя приоритеты, указывая на ориентиры и вырабатывая систему оценивания.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 14-18-03573.

Возникнув как филологическое направление компаративистского характера, финно-угроведение довольно скоро приобрело этнографическую (в широком понимании) сущность. Результаты открытий, отражаясь на страницах научных изданий, учебников и популярной периодики, постепенно формировали чувство финно-угорского родства. Внимание к проблемам традиционной культуры живущих в России родственных народов со стороны финских, венгерских и эстонских этнографов вело к интеграции исследований с русскими учеными, создавая дискуссионный контекст, необходимый для позитивного развития науки. Финно-угорская проблематика стала для отечественной этнографии одной из связующих нитей с европейским народоведческим процессом, наложив свой отпечаток на предметную сферу, полевые практики и личные истории.

Одним из важных побудительных моментов для пионеров финно-угорских исследований был поиск прародины, свидетельств общей истории и минувшего «золотого века». Не обнаруживая надежных доказательств родства с иудеями, эллинами, латинянами, гуннами, жителями Кавказа, Тибета и Гималаев, строящие национальную историю финские и венгерские интеллектуалы все чаще обращали взоры на Восток [Le Calloc'h, 2008]. Материалы, собранные российскими академическими экспедициями, в свою очередь недвусмысленно указывали направление возможных поисков.

От опытов классификации к этнической идентификации

В интеллектуальной жизни Европы век Просвещения был отмечен сочетанием двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, в ученом сообществе наблюдался закат сугубо клерикальных способов мировосприятия и лишенных этнографической конкретики локальных версий этногенеза, с другой – ощущалось стремление освободиться от груза сомнительных этнотеорий, требовавшее применения рациональных методов, включая непосредственное наблюдение за жизнью народов, находившихся в тени классических древностей. Народов, историей которых во многом являлась этнография. Так, научный импульс, подкрепленный государственным финансированием, коснулся европейской периферии и сопредельных с ней азиатских земель, где в массе своей жили финно-угорские народы России.

В просвещенном веке обнаруживается, что растущий хаос эмпиризма можно обуздать с помощью «таблиц», становящихся новым спосо-

бом создавать историю [Фуко, 1994. С. 161]. Мало того, в XVIII в. почти по всей Европе был заключен негласный союз между государством и учеными, обеспеченный тем, что работа по созданию классификаций преследовала как познавательные, так и сугубо практические цели, позволяя принимающим решения быть информированными о состоянии населения, с которым должно считаться [Пэнто, 2004. С. 106].

Ключевым пунктом новой методологии был поиск языковых соответствий, чаще реализуемый при помощи составления сравнительных многоязычных словарей, когда по заранее подготовленному списку собирались слова по возможности из разных языков и диалектов. Преодолевая сложившиеся стереотипы, наука вела общество к пониманию того, что, несмотря на территориальную разобщенность, разные уровни политического и экономического развития, можно уверенно говорить о неизменности древних языковых типов. Кроме того, определение языкового родства подготавливало почву для поиска исторических параллелей, времени и места возможных этнических контактов.

Зародившись в недрах естественных наук, классификации распространились на гуманитарную сферу посредством лингвистики, занявшей вскоре приоритетное место в историко-культурных исследованиях. Неслучайно классиками ранней финно-угристики были астроном-математик Я. Шайнович и медик-ботаник Ш. Дьярмати. Благодаря классификационным построениям была выдвинута гипотеза о неразрывной связи истории языка и истории человечества.

Одна из первых попыток классифицировать народы «российского средиземья» была предпринята в начале 1720-х годов доктором Д. Г. Мессершмидтом. Хотя наиболее известной этнолингвистической классификацией стал опыт капитана Ф. И. Страленберга. Опровергая сложившееся в европейской историографии мнение о том, что население северовосточной Евразии представлено лишь татарами, он при помощи сравнительной таблицы представил в шести группах (классах) лексические материалы из более чем тридцати языков. Высказанные им предположения по сей день дают пищу для научных дискуссий [Manaster Ramer, Sidwell, 1997]. Своей классификацией Страленберг выразил одну из ключевых идей финно-угроведения о том, что народы, говорящие на родственных языках, в настоящее время живущие частью в Сибири и частью в Европе, в древности составляли один народ, одну культуру, пережитки которой, скорее всего, существуют и поныне.

Интеллектуальный прорыв, совершенный в эпоху Просвещения, способствовал не только разрушению замкнутой европоцентричной модели истории, но и привел к распаду прежней «полигистории» на отдельные отрасли знания, среди которых свою роль суждено будет сыграть этнографии.

Великие экспедиции на ментальной карте финно-угорского мира

Обнаружившаяся в самом начале петровского времени потребность в знании своей страны чрезвычайно расширила возможности для размышлений ученых, путешествующих по открытым наукой социокультурным пространствам. Как оказалось, во многих местностях, даже совсем мало удаленных от столичных городов, если население и говорит по-русски, быт и антропологический тип выдают его сравнительно недавнее обращение. Вместе с тем возможность для дальнейших теоретических конструкций и практических реконструкций находилась в прямой зависимости от способности ученых самостоятельно добывать эмпирический материал.

Идея экспедиции как «специального путешествия» для непосредственного наблюдения народного быта в буквальном смысле витала в научной атмосфере эпохи. Развившаяся на основе западноевропейской моды на фиксацию путевых наблюдений, экспедиция создала ранее не известный тип исследовательских процедур, известный нам как полевая работа.

Академические экспедиции по глубинным областям России XVIII в., сменившие их поездки в поисках родственных народов финских и венгерских ученых, наконец, ареальные полевые этнографические исследования второй половины XIX – начала XX в. не только обозначили финно-угорскую проблематику, но и выявили проблемы научного лидерства. Умение демонстрировать возможности избранной методологии и готовность вести за собой людей, как правило, обеспечивали успех задуманного предприятия. Добиваясь выдающихся результатов, лидеры задавали столь высокую планку ожиданий, за которой как будто бы возникала пустота. Удивительно, но эта «кажущаяся невозможность» не раз становилась точкой отсчета для новой генерации финно-угроведов. Со временем организаторы великих экспедиций сами становились субъектами, персонифицирующими историю науки, чей мифологизированный путь оживлял ментальную карту финно-угорского мира [Загребин, 2007].

Труд жизни А. И. Шегрена, Э. Леннрота, М. А. Кастрена, А. Регули и других подвижников, кроме иных бесспорно важных вещей, показал, что наука о родственных народах нуждается в постоянном поступлении качественной полевой информации от носителей этнической традиции. Тем не менее наблюдение различных событий из народной жизни и сбор артефактов превратились в этнографию никак не ранее того, как ученые задумались о теоретической стороне своей деятельности. В области финно-угроведения это было связано с эпохой этнографического эволюционизма.

Этнографический музей и/или театр народной жизни

Положение финно-угорских этнографических исследований на рубеже XIX–XX вв. оказалось несколько двусмысленным. Основная трудность, возникшая с появлением в науке о народах и культурах позитивистской методологии, заключалась в том, как совместить или, лучше сказать, примирить ожидаемую романтическую пастораль с прагматическими задачами полевой работы. Универсальным решением проблемы многим виделась набирающая популярность в этнографических кругах теория развития.

Учитывая неоднородность хозяйственно-экономического и социально-политического устройства финно-угорских народов, можно было попытаться реконструировать основные этапы исторического прошлого финнов и венгров с помощью изучения современного быта родственных народов России. И лучшим средством демонстрации данного подхода виделся этнографический музей. Неслучайно пионеры финно-угорской этнографии А. О. Хейкель, Я. Янко, У. Т. Сирелиус и в несколько меньшей степени И. Н. Смирнов были музейщиками по профессии и по призванию.

Выставочные перспективы финно-угорской этнографии стали еще одним местом встречи научных интересов финских, венгерских и русских ученых, однако при всей теоретико-методологической близости открывалась и существенная разница в принципах музейной композиции. В первом случае это были вариации концепта «один народ – одна культура», во втором – сложное мозаичное полотно с проскальзывающими красками ассимиляционизма.

Быть этнографом, не разделяя идеи этнографического музея как средоточия вещей, идентифицирующих народ(ы) во времени и пространстве, тогда вряд ли представлялось возможным. Путь к этому храму материализо-

ванного воплощения этничности лежал через экспедиционные поля, университетские кафедры и властные кабинеты, где в зависимости от успеха предприятия музей приобретал реальные либо виртуальные очертания. Труд по выстраиванию экспозиции требовал соучастия и сотворчества немалого числа любителей и профессионалов, движимых желанием представить в наиболее выгодном свете культуру своего народа. Так, например, куратор I Финно-угорской выставки в Национальном музее Финляндии У. Т. Сирелиус выступал не просто заинтересованным зрителем, но порой и режиссером в «театре традиционной культуры» родственных народов, вовлекая в свои исследования местных помощников, тем самым способствуя смене парадигмы, идущей от внешнего интереса к самопознанию [Загребин, 2013. С. 151].

Пионеры финно-угорской этнографии, скорее всего, предполагали, что резонанс от их собирательской деятельности так или иначе коснется процессов нациестроительства, а музей станет одним из краеугольных камней строящегося здания национальной культуры [Жеребцов и др., 2012].

«Недостроенное здание» советского финно-угроведения

Первые два десятилетия советской власти – период активной научной работы среди российских финно-угров, вместе с другими народами включившихся в эксперимент по ускоренной социально-экономической модернизации «внутренней периферии» [Калинин, 2000]. Финно-угроведение стало частью инициатив, исходящих от краеведческих обществ и учреждений науки, заинтересованных в сведениях об этнических традициях и степени проникновения в них инноваций [Налимов, 2010]. Ученые представлялись проводниками политики культурной революции, советское финно-угроведение рассматривалось властью в качестве одного из направлений с особыми идеологическими задачами.

Этнографам, придерживавшимся теории развития, не могла не импонировать роль наблюдателя эволюции народов, лишь в малой степени затронутых влиянием буржуазии. Ученые должны были искать баланс между позитивистскими практиками, отражающими полифоничную картину народной жизни, и ангажированными текстами официальных отчетов. Выйдя из народной среды, представители раннего советского финно-угроведения проделали трудный путь, отделивший их от стези молча-

ливых отцов и приблизивший к состоянию людей говорящих и пишущих. Многим из них было не чуждо литературное творчество, ставшее еще одним инструментом в деле построения корпуса национальной истории и культуры.

Годы относительного плюрализма в советской гуманитаристике оставили вполне зримое институциональное наследие. Речь идет прежде всего о возникновении сети краеведческих, по сути своей этнографических музеев и комплексных научно-исследовательских институтов. Призванные содействовать строительству и пропаганде новой «социалистической культуры», они чаще занимались изучением и сохранением фольклорно-этнографической традиции [Поппе, 1927]. Тогда же наметилась постепенная трансформация – с теоретико-методологической авансцены уходил эволюционизм, уступая место географическому и хозяйственному детерминизму и ареальному исследованию этнических культур.

В Финляндии больший вес приобретали научные подходы, демонстрировавшие этнографами, сохранявшими верность финно-угорской проблематике, но возрастающее внимание уделявшими собственно финской этнографии. Сходная ситуация складывалась в Венгрии и Эстонии. Сужение финно-угорского научного дискурса было связано и с внешнеполитической ситуацией, так как Советская Россия, а затем СССР находились в весьма натянутых отношениях с правительствами «буржуазной Эстонии», «белофиннов» и «хортистов». Границы были закрыты, возможностей для научных поездок становилось все меньше, легальная переписка была поставлена под жесткий контроль. Попытки отдельных ученых приподнять опускающийся занавес порой удавались, но время классической финно-угорской этнографии безвозвратно уходило.

Смена политического курса в СССР сопровождалась постепенным свертыванием национально ориентированных проектов и декорированием актов унификации, вела к минимизации экспедиционной деятельности и гибели многих этнографов, чье научное наследие было утрачено либо надежно скрыто [Загребин, Куликов, 2011].

В русле этой тенденции в Нижегородском ОГПУ в 1932–1933 гг. родилось так называемое «Дело СОФИН» (Союз освобождения финских народностей), активисты которого якобы планировали отторжение финно-угорских регионов от СССР и создание конфедерации под эгидой Финляндии. Вместе с удмуртскими учеными под следствием оказались представители финской, карельской, коми, коми-пермяц-

кой, марийской и мордовской интеллигенции, а также столичные исследователи, занимавшиеся финно-угроведением [Куликов, 1997]. Дальнейшие судьбы большинства из них были печальны.

Послевоенное (воз)рождение этнографического финно-угроведения

Почти тридцать лет отечественное финно-угроведение как комплексное научное направление и этнография как часть его находились в забвении. Вторая мировая война еще сильнее размежевала финно-угорские народы, внеся суровые коррективы в планы ученых. Наука была жестко увязана с решением военно-политических проблем.

Послевоенные надежды уцелевших воплотились в проведенной в Ленинграде Всесоюзной конференции по финно-угорской филологии [Научная конференция..., 1947]. Но только после того как И. В. Сталин указал, что классы уходят и приходят, а нации остаются, забрехала надежда вывести этнографию на уровень легитимной науки. Плата за легитимацию была оставлена прежней.

Зависимость такого рода в целом была свойственна послевоенной этнологии, тесно связанной в странах Запада с системой колониального управления, в СССР – с «руководящей и направляющей ролью партии», и даже в неприсоединившихся странах. Но этот хрупкий баланс между властью этнографического факта и властью государства обеспечил условия для послевоенного ренессанса этнографии и, что важно для нас, – формирования устойчивого интереса к финно-угорской проблематике. В тот период особенно велика оказалась роль ученых, не побоявшихся взять на себя роль человека, напрямую работающего с властью [Zagrebin, 2007. P. 72]. Это была игра, построенная на взаимных уступках, обидах и объятиях. Она же обеспечила издание научного журнала «Советское финно-угроведение», функционирование тартуской аспирантуры профессора П. Аристе, финно-угорские экспедиции Эстонского национального музея, проведение всесоюзных конференций и международных конгрессов финно-угроведов. Наибольшим успехом тех лет можно считать возникновение самостоятельных коллективов финно-угроведов в России.

Некоторые выводы и размышления

Атлантический тренд, возоблававший в европейской этнологии, и кризис советской эт-

нографии способствовали тому, что вектор этнических исследований финно-угорской направленности сместился в область прежней «внутренней периферии». Третье поколение российских финно-угроведов было возвращено преимущественно на местной почве, подготовленной учителями-предшественниками, прошедшими школу московской, ленинградской и тартуской аспирантур. Таким образом, завершился переход финно-угорской этнографии в этнографическое финно-угроведение.

Глобальность информационного пространства, плюрализм мнений и растущая роль связанных с наукой общественных инициатив обеспечили качественный рост проводимых исследований в академических институтах, в федеральных и региональных учреждениях науки и образования. Вместе с тем ощущение личной ответственности за сказанное и сделанное не приходит столь же скоро, как право на определение научной тематики, равно как осведомленность по широкому кругу вопросов не всегда переходит в системное знание. Это становится особенно важным для генерации, ныне ступающей по пути этнографического финно-угроведения.

Прошедшее время дало возможность говорить о роли и значении каждой отдельной личности, экспедиции, (арте)факта во всей сложности историографического спектра. Прочитывая светлые и темные страницы истории науки, начинаешь лучше понимать ту действительность, что характерна для сегодняшнего дня финно-угорских исследований.

Литература

Жеребцов И. Л., Загребин А. Е., Шарпов В. Э., Юрпалов А. Ю. Этнографический музей и идентичность: к предыстории формирования музейных коллекций пермских народов (коми и удмуртов) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. Вып. 1. С. 78–82.

Загребин А. Е. Финно-угорские народы России в историографии XVIII – первой половины XIX в. // Отечественная история. 2007. № 5. С. 169–175.

Загребин А. Е. У. Т. Сирелиус и финно-угорская этнография // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 145–153.

Загребин А. Е., Куликов К. И. Советское финно-угроведение 1920-х – начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национального в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв. / Ред. И. Ятс, Э. Таммиксаар. Тарту, 2011. С. 149–163.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. 178 с.

Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997. 368 с.

Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар, 2010. 336 с.

Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. 23 января – 4 февраля 1947 г. Тезисы докладов / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР, проф. Д. В. Бубрих. Ленинград, 1947. 104 с.

Поппе Н. Н. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Труды КИПС. Вып. 15. Л., 1928. С. 27–76.

Пэнто Л. Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 99–114.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 408 с.

Le Calloc'h B. Les hongrois face à la revelation de leur origine finno-ougrienne aux XVIII et XIX siècles // Études finno-ougriennes. 2008. Vol. 40. P. 161–175.

Manaster Ramer A., Sidwell P. The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1997. Vol. 87. P. 139–160.

Voigt V. Finno-Ugric Folk Tradition Expressing Identity // Acta Ethnographica Hungarica. 2012. Vol. 57, N 2. P. 398–399.

Zagrebin A. The Scientist and Authority in the History of Finno-Ugric Research in Russia // Journal of Ethnology and Folkloristic. 2007. Vol. 1, N 1. P. 63–73.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Загребин Алексей Егорович

директор, д. и. н.
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртская Республика,
Россия, 426004
e-mail: adm@udnii.ru

Zagrebin, Alexey

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4 Lomonosov St., 426004 Izhevsk, Udmurtia, Russia
e-mail: adm@udnii.ru

УДК 39 (470.22)

ТЕКСТИЛЬ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИЛАДОЖСКОЙ КУРГАННОЙ КУЛЬТУРЫ (ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)*

С. И. Кочкуркина¹, О. В. Орфинская²

¹Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

²Институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева

Ткани из погребений Приладожской курганной культуры X–XII вв. представлены фрагментами изделий из шерсти полотняного, простого саржевого и саржевого «в елочку» переплетения. Шерстяной текстиль характеризуется грубыми тканями с нитками неравномерной толщины и тонкими кустарными сукнами со следами начеса. Несмотря на некоторую близость к текстилю синхронных памятников Северо-Запада и Волго-Окского междуречья, в целом он свидетельствует о самобытном уровне ткачества. Шелковые ткани, золотные ленты и вышитые золотными нитями изделия, подтверждающие высокий статус погребенных, поступали в Приладожье, по всей вероятности, из Средней Азии в результате активных торговых контактов. Для определения структуры тканей и природы текстильных волокон использовались методы оптической микроскопии; качественный и количественный состав металла в золотных нитях выявлен путем микрорентгено-спектрального анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: приладожские курганы, ткани из шерсти, льна, шелковые изделия, вышивка, золотные нити, структура текстиля и происхождение.

S. I. Kochkurkina, O. V. Orfinskaya. TEXTILES FROM LADOGA BURIAL MOUNDS (A RESEARCH IN TECHNOLOGY)

Textiles from the 10th–12th century Ladoga burial mounds appear as fragments of tabby, twill, and broken twill woolen items. Woolen textiles feature coarse fabrics of slub threads, and thin domestic weaving broadcloth with traces of brushing. Although somewhat similar to textiles from concurrent sites of the Northwestern region and Volga-Oka interfluvium, they generally evidence a unique weaving quality. Silk fabrics, goldwork bands and gold-embroidered items indicating the high standing of the deceased were apparently delivered to Priladozhje from Middle Asia owing to active trade contacts. The structure of the fabrics and the characteristics of the fibres used in the textiles were determined by optical microscopy; the composition and amounts of metals in the gold threads were determined by electron probe microanalysis.

Key words: Ladoga burial mounds, woolen, linen fabrics, silk textiles, embroidery, gold threads, textile structure and genesis.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории», проект «Истоки Карелии: время, территория, народы».

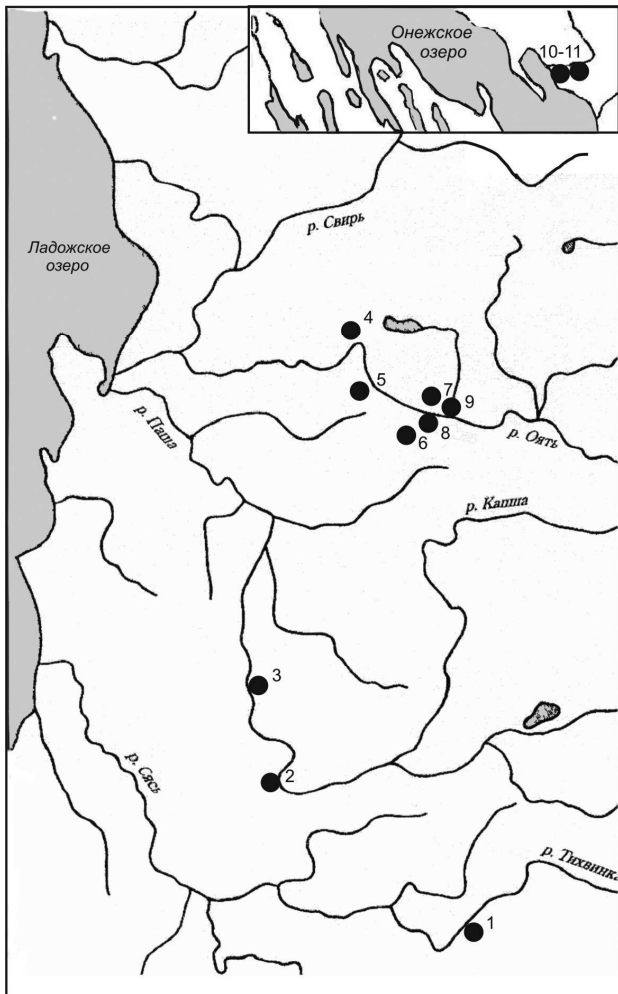

Рис. 1. Курганы с остатками текстиля:

- 1 – Новосельск-14; 2 – Заозерье-6; 3 – Леоново-112; 4 – Акулова Гора; 5 – Кургино; 6 – Алеховщина-1; 7 – Гайгово; 8 – Нюбиничи; 9 – Кяргино-Круглицы; 10, 11 – Челмужи

Археологические ткани из погребений Приладожской курганной культуры (рис. 1) впервые были подвергнуты комплексному анализу О. И. Давидан [1989]. Ею изучены 78 образцов текстиля: 42 из фондов Гос. Эрмитажа (раскопки В. И. Равдоникаса, Г. П. Гроздилова и Н. Н. Чернягина), 36 из фондов ИЯЛИ КарНЦ РАН (раскопки А. М. Линевского). Технологический анализ осуществлен О. И. Давидан, анализ волокна проведен в химической лаборатории Эрмитажа Е. А. Миколайчук по методу, примененному ранее при исследовании староладожских тканей.

В кургане Новосельск-14 в женском погребении, датированном XI в., собраны «обрывки шерстяных тканей саржевого переплетения. На одном обрывке имеется шов, выполненный нитью правой крутки, и к этой ткани пришита полоска шелковой ткани. В другом – края двух ку-

сочков шерстяной ткани подогнуты и соединены кусочком светлого шелка, перехваченного плетеным шнурком из шерстяных нитей» [Давидан, 1989. С. 320].

В кургане Леоново-112, в мужском труположении X в., кусочки холста прослежены под поясом, фрагменты черной и темно-красной шерстяной ткани саржевого переплетения – на лицевой стороне поясных бляшек. Авторы статьи полагают, что, возможно, погребенный был облачен в холщовую одежду, прижатую поясом к телу, затем в теплую или накрыт покрывалом из черной и темно-красной шерстяной ткани.

В Заозерье-6 обрывки тканей обнаружены при расчистке двух погребений X в., совершенных по обряду кремации. В мужском сохранились остатки шерстяной и шелковой тканей на бронзовых оковках рога и под берестой – видимо, вещи были завернуты в шерстяную ткань с шелковой отделкой и не пострадали в погребальном костре. В женском (в отчете В. И. Равдоникаса об остатках тканей не упоминается) найдены три фрагмента шерстяной ткани саржевого переплетения «в елочку» и один – полотняного.

В женском погребении Алеховщина-1 XI в. выявлены шерстяная ткань саржевого переплетения и обрывок шерстяной ткани, украшенной бронзовыми колечками и спиральками («кольчужная» ткань) (рис. 2). Согласно О. И. Давидан [1989. С. 331], «кольчужные» ткани были широко распространены у финнов и балтов, но по технике исполнения они различны. Ткань из Алеховщины ближе к латгальским образцам женских накидок-виллайне, украшенных бронзовыми колечками.

Большое количество фрагментов тканей сохранилось при раскопках курганов Челмужи-2 и Челмужи-5 в труположениях в срубках XI в. По мнению О. И. Давидан, в кургане Челмужи-2 в женском погребении с ребенком обнаружены куски шерстяной ткани саржевого переплетения. Один пристал к лицевой стороне бронзового браслета, второй – к бронзовой бусине, к третьему пришита двухцветная шерстяная тесьма. Тесьма еще двух видов найдена в обрывках: одна из красных и темно-зеленых нитей, вторая с узором из золотистых и коричневых поперечных полос и с кисточкой из петель, перехваченных двойной золотистой нитью. Из этого же погребения происходит кусочек ткани полотняного переплетения, приставший к бронзовому браслету. Здесь же выявлен обрывок вязаного изделия (рукавицы? носка?), выполненного из очень толстых нитей (пух 84 %,

тонкая ость 16 %). Кроме того, среди находок имеются отдельные шнурки (некоторые, по-видимому, части тесьмы).

Рис. 2. Алеховщина-1. «Кольчужная» ткань

В мужском погребении сохранилось пять обрывков шерстяных тканей: два образца обычной саржи, три полотняного переплетения (один обрывок с вышивкой ромбами). Во втором мужском погребении хорошо видны отпечатки ткани простого саржевого переплетения.

В кургане 5 в погребении женщины и ребенка О. И. Давидан [1989. С. 318–319] определены три обрывка шерстяных тканей: обычная саржа, саржа «в елочку» и полотняного переплетения (последняя зафиксирована на бусах детского захоронения). У головы умершей женщины обнаружен маленький кусочек шелковой ткани, вероятно, от головного убора.

Исследовательницей частично рассмотрены и остатки тканей из раскопок А. М. Линевского. Шелковые изделия с золотным шитьем изучены и опубликованы М. В. Фехнер [1985. С. 204–207]. Сравнивая ткани приладожских курганов с синхронными тканями из Старой Ладogi, Новгорода, финских могильников Волго-Окского междуречья, латгальских могильников и могильника Залахтове, О. И. Давидан пришла к выводу, что по направлению крутки пряжи и переплетению они ближе всего к тканям финских могильников Волго-Окского междуречья. Однако, как подчеркивала исследовательница, вопреки существовавшему мнению, согласно которому ткани саржевого переплетения «в елочку» являются финно-угорскими по происхождению [Ефимова, 1966. С. 132], область распространения их не ограничивается финно-угорской территорией – они встречены в шведском могильнике Бирка, в польском городе Волине. Ткани приладожских курганов отличаются от синхронных новгородских. Есть отличия от тканей Старой Ладogi. Что касается тканей из латгальских могильников, то по крутке нитей они идентичны приладожским, но в них отсутствует саржа «в елочку». Зато в кургане Алеховщина-1, по определению О. И. Давидан, выявлен обрывок виллайне латгальского вида. Ткани могильника Залахтове по крутке нитей можно сравнить с приладожскими, но они лучшего качества.

После статьи О. И. Давидан о тканях Приладожской курганной культуры прошло более 20 лет. За это время усовершенствовалась методика работы с тканями с применением естественно-научных методов, существенно возросла база данных археологических артефактов, к тому же не все образцы тканей из курганов, раскопанных А. М. Линевским, особенно шелковых, были подвергнуты тщательному анализу. Поэтому авторы данной статьи решили вернуться к этому источнику в надежде на получение новой информации о качестве тканей, их происхождении и, возможно, деталях костюма населения Приладожья в X–XII вв.

Изучение проводилось О. В. Орфинской в Центре исследования исторических и традиционных технологий Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия им Д. С. Лихачева (Институт наследия, Москва). Целью работы является обобщение всей полученной информации о текстильных изделиях, обнаруженных в ходе раскопок приладожских курганов.

Методы исследования:

- структура тканей, тесьмы и лент исследовалась методами оптической микроскопии в неполяризованном свете (МБС-10), увеличение от 10 до 40^x;

- для выяснения природы текстильных волокон использовались методы оптической микроскопии в проходящем и отраженном поляризованном свете (ПОЛАМ-Р-212), увеличение 200–400^x. Работы по изучению природы текстильных волокон выполнены О. Б. Лантратовой (Отдел реставрации ГИМ);

- качественный и количественный состав золотных нитей выявлен микрорентгеноспектральным методом (микрорентгоном) Л. Д. Исхаковой (Научный Центр волоконной оптики РАН).

Для проведения микроскопии были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме.

Все объекты исследования представлены в таблице. Образцы, которые были описаны ранее О. И. Давидан и сейчас исследованы вторично, обозначены римской цифрой I, новый материал – цифрой II.

Материал представлен тканями, лентами, шнурами и тесьмой, а также отдельными нитями от тесьмы или самостоятельными нитями. Кроме текстиля найдены фрагменты меха, кожаных изделий и деталь берестяного туюска.

Шерстяные образцы – ткани полотняного и саржевого переплетения с простым и ломаным рисунком. Ломаная саржа строится на основе простой саржи 2/2¹, но направление диагонали не постоянное, оно меняется через определенное число нитей основы с направления Z на S, образуя «елочный» рисунок. Ткань с таким рисунком называется Broken и Chevron Twill. В нашем случае, когда в месте соединения диагоналей с разным направлением происходит смещение диагоналей вниз или вверх на две нити утка, это саржа Broken Twill. Однако в отечественной литературе за ломаной саржей исторически закрепилось название саржа «в елочку», без разделения ее на два вида.

Кроме шерстяных тканей в коллекции представлены простые и сложные шелковые ткани. К простым относятся образцы, в разработке которых участвуют только одна система нитей основы и одна система нитей утка, в сложных, например в ткани самит, таких систем несколько.

¹ В числителе – число нитей основных перекрытий, в знаменателе – уточных. Саржа 2/2: одна нить основы перекрывает две нити утка и уходит под две нити вниз. Следующая нить основы сдвигается вверх или вниз на одну уточную нить, что и приводит к образованию диагонального узора.

При определении тесьмы и лент мы называем шерстяные и полушерстяные тканые ленты тесьмой (в соответствии со сложившейся традицией), в то время как шелковые золоточные полосы – лентами.

Курган Гайгово-1

Почти во всех исследованных образцах представлена ткань темного, почти черного цвета из шерстяных нитей саржевого переплетения (2/2) с рисунком «в елочку». Нити основы и утка примерно одинаковые по толщине и степени крутки (Z крутка). Толщина нитей в разных образцах колеблется от 0,2 до 0,8 мм, что объясняется различной сохранностью текстиля. Средняя толщина нитей равна 0,5–0,6 мм. Плотность ткани на различных фрагментах составляет 14–22 нити основы и 12–17 нитей утка на 1 см² (далее н/см). Средняя плотность ткани 18/15 н/см. Результаты микроскопических исследований показали, что в шерстяных волокнах ткани присутствует синий краситель – индиго. На одном фрагменте сохранилась боковая круглая кромка.

В трех образцах (II/10.1, I/3.2 и I/5.1) выявлена ткань полотняного переплетения с нанесенным на нее рисунком. Она имеет шерстяные одинаковые по толщине и степени крутки нити основы и утка (Z крутка). Их средняя толщина 0,5 мм. Расстояние между нитями основы много меньше, чем между нитями утка. Плотность ткани 18/10 н/см. На ней заметны нечеткие контуры узора, выполненного сине/зеленым и желтым цветом на светло-коричневом фоне. Размеры фрагментов слишком маленькие, чтобы однозначно определить технику нанесения рисунка, поэтому несколько условно мы будем называть данную ткань набивным рисунком.

В кургане встречено четыре варианта тесьмы, которые можно разделить на две группы в зависимости от технологических характеристик:

1. Тесьма шириной 1,6–1,7 см из относительно толстых шерстяных нитей (0,6–1,0 мм) с круткой второго порядка (S, 2z), из красной, желтой и темной сине/зеленой шерсти, где уточная нить также шерстяная (коричневая) первого порядка (Z), работающая в паре (образец I/7.1). Сюда же относится и шерстяная тесьма с синим узором на желтом фоне (образец I/4.2). Характеристики нитей аналогичны. Различия в этой группе заключаются в числе работающих дощечек и рисунке;

2. Тесьма шириной около 1 см выполнена также из шерстяных нитей второго порядка, но с меньшей толщиной нитей, чем в тесьме первой группы (0,6–0,8 мм). Основной отличительной чертой является наличие не шерстяных,

а растительных нитей утка, которые в настоящее время почти полностью утрачены. Технология выполнения работы та же. Эту группу можно разделить на две подгруппы: с рисунком из шерстяных нитей и без него (по состоянию на 2013 г.). В нескольких образцах фиксируется тонкая нить растительного происхождения, которая использовалась как нить основы. Следовательно, эта группа имела более сложный орнамент, чем мы можем наблюдать сегодня.

Курган Гайгово-2

Меховое изделие, от которого остались незначительные фрагменты, было сшито нитями из жил. Со стороны волоса прослежены следы ткани из растительных волокон полотняного переплетения.

Курган Гайгово-3

Ткани и тесьма по своим основным характеристикам совпадают с набором текстиля из кургана Гайгово-1. Однако боковая кромка ткани саржевого переплетения в этом кургане имеет другое строение: она состоит из 10 кромочных нитей основы, а не из 5, как в Гайгово-1.

Как удалось установить, в курганах 1 и 3 присутствует одинаковый текстильный набор, состоящий из двух видов тканей и тесьмы, различной по рисунку, ширине и технике исполне-

ния, что, возможно, свидетельствует об одном типе сшитого текстильного изделия, характерного для погребального обряда курганной группы Гайгово.

Курган Кургино-1

Небольшой фрагмент (3 x 3,6 см) простой саржи 2/2 с рисунком в Z направлении и плотностью ткани 14/9 н/см, без кромок.

Курган Кургино-2

Набор текстиля аналогичен по составу текстильному комплексу кургана Гайгово-1: ткань «в елочку» с раппортом по основе 20 нитей, ткань полотняного переплетения с нанесенным на нее узором и тесьма. Однако в этом кургане на саржевой ткани по краю изделия нитью, вероятно красного цвета, сделаны петли (фестоны), выполняющие, видимо, декоративную роль. Один из фрагментов имеет два слоя; это позволяет предположить, что черная саржевая ткань и ткань полотняного переплетения ранее были соединены между собой. Кроме того, нити, которыми прошита ткань полотняного переплетения, соответствуют нити, которой сделаны «фестоны». Шерстяная тесьма с цветным узором, выполненная на дощечках, присутствующая в этом кургане, близка к шерстяной тесьме из Гайгово-1.

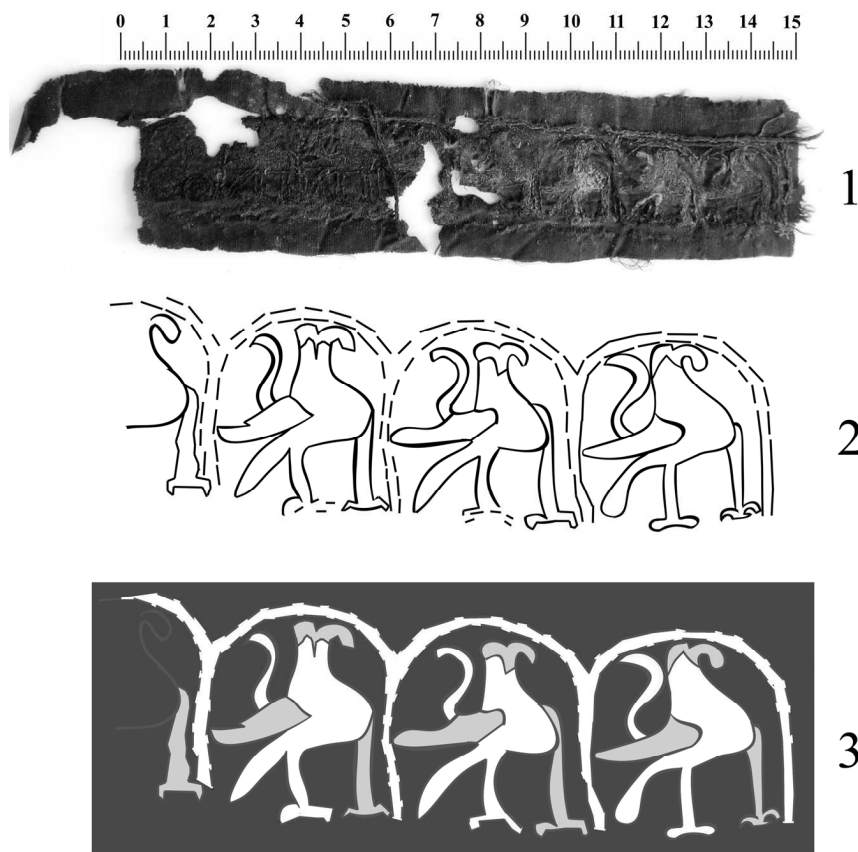

Рис. 3. Фрагмент воротника с вышивкой из кургана Кяргино-Круглицы-5:

1 – общий вид; 2, 3 – прорисовка вышивки и реконструкция

Материал из раскопок Приладожских курганов X–XII вв.

№ объекта	Курган	Описание объектов	№ и описание образца
II/1	Нюбиничи-2	Небольшие многослойные фрагменты меха и тканей	1.1.1. Мех
			1.1.2. Ткань. Лен (?) ¹ . Полотняное переплетение
			1.2.1. Мех
			1.2.2. Ткань. Шерсть. Саржа (?) ²
			1.3. Ткань. Шерсть. Саржа (?)
			1.4. 1. Ткань. Шерсть. Саржа (?)
			1.4.2. Ткань. Шерсть. Полотняное переплетение с декором (шерсть)
			1.4.2.1. Нить декора. Шерсть
II/2	Неизвестен	Фрагменты меха и тканей	2.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			2.2. Мех
II/3	Неизвестен	Фрагменты меха	3.1. Мех
II/4	Неизвестен	Фрагменты меха с небольшими кусочками нитей (лежат на мехе)	4.1. Мех (был сшит)
			4.2. Отдельные нити, вероятно, от тесьмы. Шерсть
II/5	Неизвестен	Фрагменты меха	5.1. Мех
II/6	Неизвестен	Фрагмент сильно сжатой и загрязненной ткани	6.1. Ткань. Шерсть. Саржа (?)
II/7	Гайгово-2	Фрагменты сшитого из меха изделия с отпечатками и остатками ткани	7.1. Ткань. Лен (?). Полотняное переплетение
			7.2. Мех (был сшит)
			7.2.1. Сшивная нить, которой соединены фрагменты меха
II/8	Неизвестен	Фрагменты меха	8.1. Мех
II/9	Кургино	Фрагмент кожаного изделия с прорезями	9.1. Кожа
II/10	Гайгово-1	Фрагменты бересты с тканями	10.1. Ткань. Шерсть. Полотняное переплетение
			10.1.1. Сшивная нить. Шерсть
			10.2. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			10.3. Тесьма. Шерсть. Сине/зеленый и красный узор
			10.4. Береста
<i>Образцы, исследованные и описанные О. И. Давидан</i>			
I/1	Гайгово-1		1.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
I/2	Гайгово-1		2.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
I/3	Гайгово-1	Фрагменты тканей	3.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			3.2. Ткань. Шерсть. Полотняное переплетение
I/4	Гайгово-1	Фрагмент ткани с пришитой к ней тесьмой	4.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			4.2. Тесьма. Шерсть. Сине/зеленый и желтый узор
			4.3. Сшивная нить. Шерсть
I/5	Гайгово-1	Фрагменты ткани и тесьмы	5.1. Ткань. Шерсть. Полотняное переплетение
			5.1.1. Сшивная нить. Шерсть
			5.2. Тесьма. Шерсть + лен (?). Полосатая с красным краем
I/6	Гайгово-1	Фрагменты полушерстяной тесьмы	6.1. Тесьма. Шерсть + лен (?). Красная с черным краем
			6.2. Тесьма. Шерсть + лен (?). Черная с красным краем
			6.3. Тесьма. Шерсть + лен (?). Геометрический узор с красным краем
I/7	Гайгово-1		7.1. Тесьма. Шерсть. Красный и желтый узор
I/7/42	Акулова Гора	Две золотные ленты и маленькие кусочки бересты	7/42.1. Лента широкая. Шелк, золотные нити. Ромбический узор
			7/42.2. Лента узкая. Шелк, золотные нити. Узор «зигзаг»
			7/42.3. Фрагменты бересты
I/8	Гайгово-3	Фрагмент саржевой ткани с подшитой к ней тесьмой	8.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			8.2. Ткань. Шерсть. Полотняное переплетение
			8.2.1. Сшивная нить. Шерсть
			8.3. Тесьма. Шерсть + лен (?). Геометрический узор с красным краем

¹ Лен (?) – сохранность волокон позволяет однозначно сказать, что это растительные лубяные волокна, возможно лен или конопля. Более точно растение не определяется.

² Саржа (?) – рисунок саржи не определяется.

№ объекта	Курган	Описание объектов	№ и описание образца
II/1	Нюбиничи-2	Небольшие многослойные фрагменты меха и тканей	1.1.1. Мех
I/9	Кургино-1		9.1. Ткань. Шерсть. Саржа простая. Красно-коричневая
I/10	Кургино-2	Фрагменты ткани и тесьмы. Край кусочка саржевой ткани подшит красной нитью и декорирован фестонами	10.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			10.2. Ткань. Шерсть. Полотняное переплетение
			10.2.1. Сшивная нить. Шерсть
I/11	Кургино-2	Фрагменты ткани и меха	10.3. Тесьма. Шерсть. Сине/зеленый и красный узор
			11.1. Ткань. Шерсть. Полотняное переплетение
I/12	Кургино	Один фрагмент сшит из двух лент (широкой и узкой). К нему с изнаночной стороны подшита тафта; отдельные ленты (два фрагмента)	11.2. Мех
			12.1. Лента широкая. Шелк + золотные нити. Ромбический узор
			12.2. Лента широкая. Шелк + золотные нити. Рисунок «зигзаг»
			12.3. Лента узкая. Шелк + золотные нити. Рисунок «зигзаг»
			12.4. Ткань. Шелк. Тафта
I/13	Кургино	Фрагменты ткани и нитей от тесьмы	12.5. Сшивная нить. Шелк
			13.1. Ткань. Шерсть. Саржа простая
I/14	Кургино	Фрагменты ткани, тесьмы и кожи	13.2. Отдельные нити от тесьмы. Шерсть
			13.3. Мех
			14.1. Ткань. Шерсть. Саржа простая
I/15	Кургино		14.2. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			14.2.1. Сшивная нить. Шерсть
			14.3. Тесьма. Шерсть. Желтый, сине/зеленый и красный узор
			14.4. Фрагмент кожаного изделия
I/16	Нюбиничи-2	Фрагмент ткани с пришитой к нему тесьмой	15. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку» с небольшим настилом
I/17	Нюбиничи-8	Фрагменты тканей и тесьмы, бересты, на которой сохранилась ткань	16.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			16.2. Тесьма. Шерсть. Светло- и темно-коричневого цвета
			17.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
			17.2. Тесьма. Шерсть + лен (?). Геометрический узор с красным краем
I/18	Неизвестен	Фрагменты тканей	17.3. Береста. Изделие с прорезями
			17.4. Ткань. Лен (?). Полотняное переплетение
			18.а. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
I/19	Неизвестен	Фрагменты тканей со швами	18.б. Ткань. Шерсть. Узорное качество (лен (?) + шерсть)
			21.1. Ткань. Шерсть. Саржа «в елочку»
I/20	Неизвестно		21.2. Сшивная нить. Шерсть
I/21	Неизвестен	Фрагменты ткани и тесьмы	20.1. Ткань. Шерсть. Саржа простая с настилом
			21.1. Ткань. Шерсть. Саржа простая
			21.2. Тесьма. Шерсть. Сине/зеленый и желтый узор
I/22	Неизвестен	Фрагменты тесьмы	21.3. Тесьма. Шерсть + лен (?). Красная с темным краем
			22.1. Тесьма. Шерсть + лен (?). Темная с красным краем
I/23	Неизвестен	Фрагменты тесьмы	22.2. Тесьма. Шерсть + лен (?). Темная с красной и белой центральными полосами
			23.а. Тесьма. Шерсть. Пестрая. Красный, сине/зеленый и желтый узор
			23.б. Тесьма. Шерсть. Сине/зеленый и желтый узор. Бахрома
I/24	Кургино-2	Фрагмент воротника с вышивкой	24.1. Ткань. Шелк. Саржа
			24.2. Нити вышивки. Золотные и шелковые нити
			24.3. Сшивная нить. Шелк
I/25	Кяргино-Круглицы-5	Фрагмент воротника с вышивкой. Золотная лента и два вида шелка	25.а.1. Ткань. Шелк. Саржа
			25.а.2. Золотные и шелковые нити вышивки
			25.а.3. Сшивная нить. Шелк
			25.б. Лента. Шелк + золотные нити. Узор «зигзаг» с поперечными полосами
			25.в. Ткань. Шелк. Самит
			25.г. Ткань. Шелк. Тафта
			25.д. Мех

Воротник представлен фрагментом правой части изделия. Вышивка выполнена на шелковой саржевой ткани (1/2) сине/зеленого цвета в технике «в прикреп» золотными и серебряными пряженными нитями. Нити прикрепа вышивки были изготовлены из растительных волокон. Контур рисунка и арки выполнены шелковой нитью красного цвета швом «вперед иголкой». Воротник, вероятно, кроился вдоль нитей основы.

Курганная группа Кургино (без указания кургана)

В одном из курганов обнаружено три фрагмента золотных лент. На двух из них сохранились следы соединявшего их шва, третий был сшит из широкой и узкой лент.

Курган Кяргино-Круглицы-5

Фрагмент вышитого воротника (рис. 3), все технологические характеристики которого – ткань, на которой выполнена вышивка, нити вышивки и шнур – соответствуют воротнику из кургана Кургино-2. Различия наблюдаются в размерах фрагментов и расположении отдельных элементов. Шелковая ткань полотняного переплетения – тафта, скорее всего, служила подкладкой этого воротника. Небольшой фрагмент ткани самит являлся, вероятно, отделкой неопределенного изделия. Кроме тканей в погребении находилась золотная узкая (шириной 1,2 см) лента с узором «зигзаг» на золотом и серебряном фоне.

В кургане присутствует небольшой фрагмент меха, что свидетельствует о наличии изделия из меха или шкуры животного.

Курганы Нюбиничи-2, 8

В кургане 2, возможно, находилось сшитое из меха изделие, перекрытое тканью из растительных волокон. Ниже него располагалась темная шерстяная ткань саржевого и полотняного переплетения. Ткань полотняного переплетения декорирована шерстяными нитями. Здесь же найдена тесьма из шерстяных нитей.

В кургане 8 обнаружены фрагменты саржевой и полотняной тканей, аналогичных тканям из кургана Гайгово-1. Возможно, это остатки изделия из двух типов тканей и тесьмы. В этой же курганной группе выявлен фрагмент берестяного туеска.

Курган Акулова Гора

Найдено изделие, сшитое из двух золототканых лент, сходное с образцами из курганной группы Кургино.

Кроме того, исследованы фрагменты текстиля и меха (без указания места находки) (см. табл.).

Изученная нами коллекция содержит 94 образца, представленных в основном шерстяными тканями: саржа «в елочку» (14 фрагментов), саржа простая (9), ткань полотняного переплетения (8), два образца которой имеют тканый узор, а остальные – набивной рисунок; шерстяная тесьма (9) и тесьма из шерсти со льном (8), отдельные нити (16 фрагментов). Выявлены обрывки льняной ткани (3), шелковой (5) и золотных лент (6). Коллекции содержат десять кусочков меха (на одном сохранились жилы, которыми был сшит мех), два обрывка кожаного изделия, четыре кусочка бересты.

Шелковые ткани и ленты

Ткань самит встретилась только в кургане Кяргино-Круглицы-5 (I/25.в). Она, вероятно, была как минимум трехцветной и использовалась в качестве нашивной декоративной детали на неопределенное изделие. Нити основы имеют слабую крутку и достаточно низкую плотность¹ (18 нитей связующей + 18 пар нитей внутренней основы на 21–26 пробросов утка), что свойственно среднеазиатским – согдийским тканям [Иерусалимская, 2012. С. 109–116]. Отношение внутренней основы к связующей 2/1 характерно для 2-й группы тканей занданечи (самит из Средней Азии, р-н Самарканда), которая датируется VIII–XI вв. [Muthesius, 1997. P. 147]. Последовательный проброс нитей утка также не исключает того, что местом производства этой ткани является Средняя Азия [Desrosiers, 2004. P. 466–468]. Средневековые азиатские ткани вырабатывались разного качества: были шедевры, но был и большой поток тканей среднего уровня, к которым и относится наша ткань. Шелк, являясь дорогим импортным товаром, высоко ценился во всех европейских культурах. Изделия из него много раз перешивали. Из поврежденных вещей вырезали хорошие куски ткани, которые шли на отделку; их затем могли спарывать и пришивать неоднократно на новые изделия, пока шелк не рассыпался полностью. Именно благодаря этому фрагменты шелка «жили» очень долго в культуре и передавались, как драгоценности, из поколения в поколение. Эту точку зрения подтверждает и дата погребения кургана Кяргино-Круглицы-5 XII в., что свидетельствует о долгом сохранении в быту редких шелковых тканей.

Тонкая шелковая тафта присутствует в курганах Кяргино-Круглицы-5 и Кургино (I/12.4.; I/25.г). Эта ткань связана с шитыми изделиями, вероятно, с воротниками. Можно предположить, что она являлась либо под-

¹ Характеристика не абсолютная, так как ткань сильно деформирована.

кладкой, что более вероятно, либо основной тканью изделия, к которым пришивались воротники.

Шелковая саржа (1/2) обнаружена в курганах Кургино-2 и Кяргино-Круглицы-5 (1/24.1; 1/25.а). Из нее были сшиты воротники. Не очень высокое качество как окраски ткани, так и самого ткачества (фиксируются ткацкие ошибки) указывает на то, что этот процесс проходил не в развитом текстильном центре, а на его периферии, в пределах Средней Азии.

Золотные ленты найдены в курганных группах Кургино, Акулова Гора и в кургане Кяргино-Круглицы-5 (1/7/42.1; 1/7/42.2; 1/12.1; 1/12.2; 1/12.3; 1/25.б). Если исключить вариант путаницы образцов, то можно предположить, что в погребении Акулова Гора, где обнаружено изделие, сшитое из широкой золотной ленты с ромбическим узором и узкой – с «зигзагом», и в Кяргино-Круглицы-5, где к этому набору лент добавляется еще одна широкая с «зигзагом», присутствуют одинаковые изделия. Вероятно, это воротник и манжета или воротники, где в одном из них широкая полоса сшита из кусочков двух лент с различным узором. Но если допустить, что произошла рокировка одного из фрагментов, то получается, что в каждом погребении присутствовало по воротнику, состоящему из широкой и узкой лент. Воротники, вероятно, имели подкладку из шелковой тафты. Золотная лента из Кяргино-Круглицы-5 могла являться очельем (налобной лентой) или украшением одежды. На материале из Суздаля была замечена закономерность, что воротники с шитьем чаще находятся в женских погребениях, а из золототканых лент – в мужских [Сабурова, Седова, 1984. С. 122].

Золотные нити для лент и вышивки представлены двумя видами: на шелковом сердечнике – позолоченное серебро и на льняном – серебро. Состав металла в нитях на шелковом сердечнике для тесьмы отличается от металла на нитях для вышивки.

Вероятней всего, и нити и золотные ленты являются товаром из региона Средиземного моря.

Воротники с вышивкой

В двух курганах обнаружены фрагменты от двух воротников, все технологические характеристики которых совпадают. По описанию М. В. Фехнер [1985. С. 205], орнамент состоит из повторяющихся, плотно примыкающих друг к другу полукруглых арочек, в которых помещены крылатые грифоны и изображения «древа жизни». У нас есть возражения относительно «крылатых грифонов». Грифон – мифическое животное с головой хищной птицы и телом зве-

ря. Он имеет крылья, которые всегда¹ направлены вверх, и четыре мягкие лапы (четко выраженные, если он стоит, и менее четко, если сидит), длинный хвост с кисточкой на конце и уши. На оятской вышивке отсутствуют основные детали грифона:

- на круглой головке нет ушей, хотя и есть крупный клюв;
- две птичьи лапы, а не четыре;
- крыло идет параллельно земле;
- хвост раздваивается и одна часть идет вверх, а вторая вниз.

Поэтому мы считаем, что на воротнике вышиты птицы (см. рис. 2), аналоги которых можно найти на вышивках воротников из коллекции ГИМ, описанных М. В. Фехнер [1993. С. 8]. Поиски птиц с раздвоенным хвостом привели нас в Китай. Именно там «живет» мифическая птица с длинным раздвоенным хвостом – Феникс. Длинные поднятые хвосты имеют фазаны, павлины и петухи на иранских тканях. Допустимо предположить, что сюжет – птица с длинным раздвоенным хвостом – был занесен на территорию лесной зоны, возможно, на тканях² из Центральной Азии, куда он попал из Китая или Ирана. Это на первый взгляд странное утверждение вполне реально, так как согдийская школа шелкоткачества складывалась из разных компонентов, в том числе и под китайским и иранским влиянием [Иерусалимская, 1972. С. 5–58]. Изображение птицы с раздвоенным хвостом мы встречаем и на архитектурных памятниках, например, на стенах Дмитровского собора в г. Владимире.

В Кургино-2 к воротнику были пришиты бусины [Кочуркина, Линеvский, 1985. С. 108], отсюда предположение, что это не деталь одежды (платья, рубахи), а ожерелки – шейные украшения. А значит, существовали центры их производства, и они могли покупаться/продаваться, как любое другое ювелирное изделие. Возможно, из такого близкого или далекого центра товар доставлялся партиями и расходился по поселениям. В композиции вышивки воротников чувствуется влияние Византии, которое уже стало частью русской культуры, что подтверждается многочисленными находками воротников по всей территории Древней Руси.

¹ У всех крылатых животных, появившихся на свет в Восточном Средиземноморье, будь то кони, львы, козлы и т. д., крылья направлены вверх.

² Ткани являются одним из самых выразительных «носителей» изобразительных сюжетов. Полихромные шелка, служившие для пошива одежды или ее отделки, были доступны для созерцания большой массе народа и могли формировать новые для данной местности образы. Конечно, нельзя исключить, что такими носителями были металл, керамика, возможно, деревянные изделия, но ничто не сравнится с многоцветными тканями.

Невысокое качество вышивки свидетельствует о том, что она была выполнена не в специализирующихся на вышивке центрах, а где-то на Северо-Западе Руси.

Ткани из растительных волокон

Все ткани имеют полотняное переплетение. Лубяные растительные волокна удалось зафиксировать только в текстиле из курганов Ньюбиничи-2, 8 и Гайгово-2 (II/1.1.2; II/7.1; I/17.4), и лишь в кургане Ньюбиничи-2 была определена его плотность (15/12 н/см). Льняное, конопляное или крапивное волокно, конечно, применялось для ткачества довольно широко, но плохая сохранность в почве не позволяет определить истинный размер его использования. Нити из растительных волокон применяли вместе с шерстяными для ткачества тесьмы. Все нити имеют Z крутку.

Шерстяные ткани полотняного переплетения

Ткани из разных погребений имеют близкие текстильные характеристики. Средняя плотность тканей 16/9 н/см, хотя в кургане Челмужи-5 зафиксирована ткань с более низкой плотностью 8/6 н/см [Давидан, 1985. С. 322]. Нити основы и утка имеют Z крутку и одинаковую толщину в пределах одной ткани. Преобладание числа нитей основы к утку характерно для текстиля, выработанного на простом вертикальном ткацком станке с грузиками.

Многие ткани этой группы имеют цветной декор. В одном случае это бранное ткачество, когда узор создавался за счет введения в ткань цветных шерстяных и льняных нитей в процессе ткачества (Ньюбиничи-2 – I/1.4.2 и, вероятно, без указания места – I/18.6). Второй вариант – это нанесение рисунка на готовую ткань (Гайгово-1 – II/10.1, I/5.1; Гайгово-3 – I/8.2, а также Кургино-2 – I/10.2; I/11.1). Шерстяная ткань имеет узор, который, вероятно, напоминал медальоны с неким наполнением, выполненный в сине-желтой гамме на светло-коричневом фоне. Допустимо предположение, что под впечатлением набивных узоров на шелковых, льняных или хлопковых импортных тканях на территории лесной зоны наносились рисунки на местную шерстяную ткань. Техника набойки в это время, скорее всего, была уже известна. Две шерстяные ткани с набивным рисунком из финно-угорских могильников охарактеризованы Л. В. Ефимовой [1966. С. 127]. Найденный на Райковецком городище XI–XIII вв. близ г. Бердичева фрагмент небольшого штампа можно отнести к инструменту для набивки узора на шерстяную ткань [Гончаров, 1950. С. 126]. Третий вариант, зафиксированный О. И. Давидан, это вышивка.

Ткани, выполненные в технике бранного ткачества, можно отнести к высокохудожественным произведениям ткацкого искусства. Исключить их местное производство нельзя, однако для такой работы требуются внимание и определенные навыки, возможно, профессиональные. Вероятно, эти полихромные ткани являлись отделкой неких изделий, что указывает на то, что они ценились довольно высоко и, возможно, занимали по значимости и ценности следующее после шелка место.

Шерстяные ткани саржевого переплетения

Все шерстяные ткани саржевого переплетения строятся по системе 2/2.

В четырех образцах рисунок саржи не определяется (II/1.2.2; II/1.3; II/1.4; 1. II/6.1).

Простая саржа 2/2

Простая саржа встречена в курганной группе Кургино (Кургино-1 – I/9.1; Кургино – I/13.1, I/14.1 и без указания места – I/20.1 с настилом; I/21.1).

Из исследованных образцов два имеют красно-коричневую окраску, плотность 13–14 нитей основы и 9 нитей утка н/см и простую кромку, третий фрагмент с аналогичными характеристиками – коричневого цвета. Возможно, они выработывались на месте с теми характеристиками, которые требовались для решения конкретных задач. У одного образца есть настил, полученный в ходе дополнительной обработки поверхности ткани или в результате длительного использования. Его можно отнести к сукну с плотностью 16/12 н/см. В этой группе тканей толщина нитей двух систем различна: нити основы тоньше и с более сильной круткой, чем нити утка. Это означает, что технологический процесс подготовки нитей для тканей разделен на два этапа: отдельно готовили нити основы и отдельно нити утка.

Саржа с рисунком «в елочку»

Рисунок «елочка» строится за счет смены направления диагоналей саржи с Z на S через определенное число нитей основы. В нашем материале присутствуют ткани с раппортом рисунка в 12, 20 и 28 нитей основы. Ткани с раппортом в 12 нитей (Ньюбиничи-2 и без указания места) имеют среднюю плотность 16/11 н/см. В этих образцах кромки не зафиксированы. Ткани с раппортом в 20 нитей (Гайгово-1, Гайгово-3, Кургино-2, Ньюбиничи-8 и без указания места) имеют среднюю плотность 16/13 н/см и круглую кромку в 5 или в 10 нитей основы. У тканей с раппортом в 28 нитей (Кургино и без указания места) средняя плотность 16/15 н/см. У двух из них отмечен настил. Плотность ткани не зависит от ширины «елочки» (средняя плотность

17/14 н/см), однако настил зафиксирован только на самом широком варианте. Часто в европейских тканях раппорт ломаной саржи не выдерживался по всему полотну [Jørgensen, 1992. S. 85]. В нашем случае, имея небольшие фрагменты тканей, невозможно определить стабильность рисунка саржи. Почти все ткани этой группы – черного цвета, полученного в результате крашения коричневой шерсти красителем индиго или за счет двойного крашения (синий плюс коричневый). Ткань тонкая, ровная, из одинаковых по своим характеристикам нитей основы и утка, с не очень высокой плотностью.

Тесьма

Определены две группы, выполненные на дощечках с четырьмя дырочками:

1. Шерстяная тесьма шириной около 2 см из нитей второго порядка красного, желтого и темного сине/зеленого цветов и коричневой нитью утка. Выделены три варианта узора: красные с сине/зелеными кромки и желто-красный узор по центру (Гайгово-1 – II/10.3, I/7.1 и Кургино – I/14.3); красные кромки и сине/зелено-желтый узор по центру (Гайгово-1 – I/4.22; без указания места – I/21.2, I/23.б); красные кромки и пестрое заполнение красными, желтыми, сине/зелеными рядами «галочек» (без указания места – I/23.а);

2. Полушерстяная тесьма шириной около 1 см, в которой наряду с шерстяными нитями присутствуют и нити из растительных волокон, вероятней всего льна. Шерстяные нити также имеют второй порядок и представлены темным сине/зеленым и красным цветами. Нити из растительных волокон крайне плохо сохранились, и их характеристики не определяются. Установлено пять вариантов узора:

– красный бордюры и горизонтальные сине/зеленые и красные поперечные полосы. Реконструкция узора с льняными нитями: каждая полоса подчеркивалась белой льняной нитью;

– красный бордюры и горизонтальные сине/зеленые и красные полосы, между которыми расположены «4-лепестковые цветы». Реконструкция узора с льняными нитями: каждая полоса подчеркивалась белой льняной нитью;

– красный бордюры и сине/зеленая середина. Реконструкция узора с льняными нитями: горизонтальные ломаные линии, выполненные белой льняной нитью на сине/зеленом фоне;

– сине/зеленый бордюры и красная середина. Реконструкция узора с льняными нитями: горизонтальные ломаные линии, выполненные белой льняной нитью на красном фоне;

– широкая тесьма, состоящая как бы из двух узких. По центру проходят красная и белая продольные полосы.

Подводя итоги проведенного исследования, следует прежде всего обратить внимание на слабую источниковую базу сохранившегося текстиля: только из 11 курганов (вскрыто более 700!) удалось получить остатки шерстяных, льняных, шелковых тканей, меха, кожи и бересты. Это произошло и по причине невнимательности исследователей при раскопках памятников, некоторого пренебрежения к этому виду источника, а также отсутствия на тот период разработанной методики изучения такого хрупкого, как текстиль, материала. Вне всякого сомнения, органические остатки присутствовали в каждом погребении, поскольку умерших хоронили в парадной, не будничной, одежде.

Фрагментарность остатков текстиля позволяет лишь в общих чертах реконструировать покрой и детали одежды. Женский костюм включал плечевую, безрукавную одежду, ворот, проймы и подол которой украшались узорчатой тесьмой. Из нее, по всей вероятности, изготавливались и пояса (кушаки) для безрукавного одеяния. Дополняла костюм рубаха из растительного волокна.

По археологическим материалам выявлены некоторые скупые детали мужского костюма. Ворот рубахи застегивался фибулой; на кожаный пояс, иногда украшенный бронзовыми бляшками, прикреплялись нож, огниво, кремь для высекания огня. Однако подчеркнем: даже скудные остатки археологического текстиля при использовании современных методов исследования являются незаменимым источником для восстановления истории развития древнего ткачества во времени и пространстве.

Литература

Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во Украинской АН ССР, 1950. 152 с.

Давидан О. И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 316–336.

Ефимова Л. В. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 107. М., 1966. С. 127–134.

Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. СПб.: ГЭ, 1972. С. 5–58.

Иерусалимская А. А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: ГЭ, 2012. 384 с.

Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 224 с.

Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь г. Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984. С. 91–130.

Фехнер М. В. Изделия золотного шитья из курганов бассейна р. Ояти // Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 204–207.

Фехнер М. В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1993. Вып. 82. С. 3–21.

Desrosiers S. Soieries et autres textiles de L'Antiquité au XVI siècle. Catalogue. Paris, 2004. P. 466–468.

Jørgensen L. B. North European Textiles until AD 1000. AARHUS University press, 1992. S. 85.

Muthesius A. Byzantine Silk Weaving AD 400 to AD 1200. Vienna: Verlag Fassbaender, 1997. P. 147.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кочкуркина Светлана Ивановна

зав. сектором археологии, д. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: babkin@karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Орфинская Ольга Вячеславовна

старший научный сотрудник
Институт природного и культурного наследия
им. Д. С. Лихачева
ул. Космонавтов, 2, Москва, 129366
эл. почта: orfio@yandex.ru
тел.: 89060929992

Kochkurkina, Svetlana

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: babkin@karelia.ru
tel.: (8142) 781886

Orfinskaya, Olga

Likhachev Institute of Cultural and Natural Heritage
2 Kosmonavtov St., 129366 Moscow, Russia
e-mail: orfio@yandex.ru
tel.: 89060929992

УДК 902.470.343

КОСТЮМ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК МАРКЕР ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. Б. Никитина

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
при Правительстве Республики Марий Эл*

Представлено обобщение всех известных в настоящее время материалов по костюму из марийских средневековых могильников IX–XI вв. (249 комплексов из 7 памятников), которые рассмотрены на фоне широких аналогий из синхронных древностей соседних территорий. Для реконструкции и выделения этнического своеобразия костюма использованы не только украшения, но и сохранившиеся остатки органических материалов: ткани, кожи, меха и т. д.

Ключевые слова: Ветлужско-Вятское междуречье, средневековье, костюм, марийцы, волжские финны.

T. B. Nikitina. MEDIEVAL COSTUME OF MARI POPULATION AS A MARKER OF ETHNIC CULTURE

The article is a synthesis of all currently known materials on the costume from 9th–11th century Mari medieval burials (249 assemblages from 7 sites), which are discussed against the background of the broad similarities with synchronous antiquities from neighboring territories. The ethnic identity of the costume was reconstructed using not only jewelry, but also the preserved remains of organic materials: fabrics, leather, fur, etc.

Key words: Vetluga-Vyatka interfluves, Middle Ages, costume, Mari, Volga Finns.

Костюм любого этноса формируется на протяжении длительного времени; его облик изменяется под воздействием различных факторов: географических, экономических и исторических. Изменения климата, миграции, торговые и этнокультурные контакты способствуют складыванию специфического костюмного комплекса, который является важным источником для изучения культурной, политической и экономической истории древнего населения, его своеобразной «визитной карточкой». Значение костюма как источника для изучения этнической культуры марийского населения эпохи средневековья, не документированной письменными источниками, особенно важно.

Использование отдельных элементов костюма, а особенно украшений, в качестве этноопределяющего индикатора для выводов исторического характера возможно при соблюдении соответствующей методики исследования. В противном случае они превращаются в эластичный материал, которым возможно иллюстрировать любые, иногда некорректные, не соответствующие исторической действительности построения.

Для выявления и реконструкции этнографического облика средневекового костюма марийского населения в данной статье использованы следующие методические подходы:

1. Из общей массы сохранившихся частей костюма и украшений, обнаруженных в средневековых марийских могильниках, были выделены наиболее характерные типы предметов и элементы одежды, объединяющие рассматриваемые археологические памятники и не получившие распространения у населения других культур.

2. Путем системного анализа основным элементам и украшениям марийского костюма выявлены аналогии в костюмных комплексах населения, проживавшего на сопредельных территориях.

3. Украшения рассматривались в составе конкретного костюмного комплекса (одно погребение) с учетом их функционального назначения и точного местоположения, указывающего на особенности ношения.

4. Сделана попытка сопоставить выявленные в средневековых могильниках фрагменты частей одежды с марийским традиционным костюмом (XVIII–XIX вв.), известным по публикациям этнографов и искусствоведов, и, таким образом, атрибутировать указанный археологический материал.

Объектом исследования явились отдельные элементы костюма и украшения, принадлежавшие взрослым индивидам из семи погребальных памятников IX–XI вв. (249 комплексов), расположенных в Ветлужско-Вятском междуречье. Большинство исследователей считают, что эти памятники оставлены населением, которое являлось предками современных марийцев.

Впервые марийские «этноопределяющие» украшения в могильниках IX–XI вв. обозначил Г. А. Архипов: головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек; височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление в виде утолщения, грибовидной или многогранной головки; трапециевидные пластинчатые подвески с конскими головками; арочные подвески со сплошной основой; усатые широкосрединные перстни [Архипов, 1973. С. 17–40]. В настоящее время в результате работы с полными комплексами погребений стало возможным этот список корректировать, дополнить и уточнить отдельные детали. Использование для реконструкции костюмов органических материалов (кожи, меха, ткани) позволило представить более полный облик костюма и выявить его особенности. К сожалению, неудовлетворительная сохранность органики исключила возможность количественных подсчетов. Но даже реконструированные с использованием фрагментов кожи, ткани, меха единичные экземпляры костюмов дают возможность значительно расширить наши знания о древней марийской одежде.

Материалы для изготовления одежды

Остатки меха, ткани, кожи в виде тлена и разрозненных фрагментов находили в могильниках неоднократно. При публикации Веселовского могильника (далее Веселово) упоминались «кафтаны из телячьей шкуры» (пп. 2, 15), «овчины» (п. 12) или «молодого лося» (п. 5), рубахи из «куньего меха» (пп. 12, 15), шапка из «меха куницы» (п. 12) с оторочкой из «лисыего меха» (п. 4) [Халиков, Безухова, 1960. С. 32–33]. Ссылки на заключения специалистов в литературе прежних лет, к сожалению, отсутствуют; вероятно, определение материала проводилось археологами визуально. С целью уточнения видового состава животных, из шкур которых изготовлялась одежда, проведены исследования 17 образцов меха из пп. 3, 5, 6 и жертвенных комплексов (далее жк) 2, 4 Русенихинского могильника (далее Русениха), жк 13 могильника «Нижняя стрелка» и жк 2, п. 15 могильника «Черемисское кладбище». Изучение проводилось параллельно в двух лабораториях доцентом кафедры зоологии МарГУ В. И. Дроботом (12 экз.) и экспертом-криминалистом Н. С. Курочкиным (5 экз.). Оба исследователя получили сходные результаты: образцы меха обладают диагностическими признаками, характерными для волосяного покрова бобра. Внешняя разница меха по длине, твердости, цвету ворса объясняется возрастом особей и зависит от того, какая часть шкуры зверька использована для изготовления одежды. Из хвоста бобра произведены кошельки грушевидной формы. Ячеистая поверхность кожи на кошельках является естественной, а не специальным тиснением, как часто упоминается в археологической литературе.

В погребениях обнаружено значительное количество фрагментов тканей от головных уборов, рубах, верхней одежды (кафтаны?), обуви. Часть тканей проанализирована сотрудником Института природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева к. и. н. О. В. Орфинской. Для анализа взято 49 образцов (не более трети имеющегося материала) из Русенихи и «Нижней стрелки», среди которых установлены ткани растительного происхождения полотняного переплетения, шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетения и фрагменты шелка. Среди общей массы обнаруженных фрагментов, так же как и среди проанализированных образцов, преобладают шерстяные ткани. Такое соотношение текстиля отмечено исследователями для средневековых могильников поволжских [Ефимова, 1966. С. 132] и прибалтийских финнов Юго-Восточного При-

ладожья [Давидан, 1989. С. 334; Косменко, 1984. С. 10], а также чепецкой культуры [Елкина, 1988. С. 146]. В Верхнем Прикамье, напротив, зафиксировано преобладание тканей из растительных волокон [Крыласова, 2001. С. 32; Оборин, 1953].

Значительный интерес представляют остатки вышивки металлической нитью: пп. 2, 6, 8 и жк 5, 6 Русенихи, пп. 5, 15, 16 Веселово, жк 13 «Нижней стрелки». По определению д. т. н. С. Я. Алибекова, для изготовления нити использована оловянно-свинцовая бронза (Cu-Sn-Pb), аналогичная металлу для «оловянного бисера», украшавшего костюмы средневековых поволжских финнов [Никитина, Алибеков, 2012. С. 140–147]. В большинстве случаев от вышивки сохранились лишь россыпи металлической окиси в районе подола, боковых швов рубах или штанов, которые позволяют определить длину и особенности покроя. Несколько раз удалось зафиксировать фрагменты орнамента. На ткани из жк 5 Русенихи орнамент горизонтально-зональный: прямые ряды чередуются с рядами с изображением крестов (рис. 1: 2). На фрагменте кожи из этого же комплекса узор образован параллельными рядами стежков шириной 5 мм, между стежками 2 мм, между рядами 10–11 мм. В жк 6 Русенихи вышивка на ткани состоит из горизонтальных рядов и вертикальных столбиков металлической нити, образующих квадраты, в центре которых косые кресты (рис. 1: 1). Вышивка из прямых горизонтальных линий в сочетании с полосой зигзагов и вертикальных столбиков обнаружена в п. 5 Веселово. Орнамент косой крест в квадрате зафиксирован в п. 16 Веселово, из горизонтальных и вертикальных рядов – в п. 15 Веселово, из горизонтальных рядов – в жк 13 «Нижней стрелки» [Никитина, 2012. Рис. 19/1, 205/24].

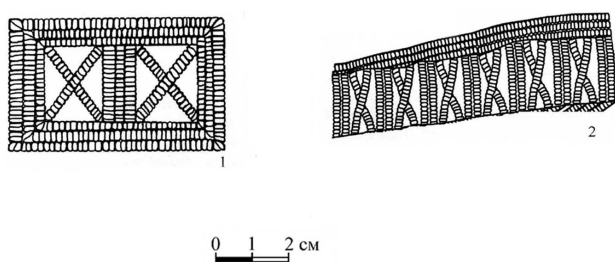

Рис. 1. Вышивка металлической нитью. Русенихинский могильник: 1 – жк 6; 2 – жк 5.

Элементы кроя и детали костюма

Обилие металлических украшений, создавших консервирующую среду из окислов меди, способствовало сохранению достаточно круп-

ных фрагментов тканей и кож, что позволило проследить отдельные элементы кроя и реконструировать некоторые детали костюма.

Головные уборы. В женских захоронениях на черепах в налобной части обнаружены фрагменты убора (пп. 3, 4, 12 Веселово, п. 1 «Черемисского кладбища», пп. 10, 17 «Нижней стрелки» и т. д.), которые предшественниками названы налобными венчиками. По материалам Веселовского могильника А. Х. Халиковым и Е. А. Безуховой была сделана реконструкция венчиков: они имели прямоугольную форму, длину 15–20 см (иногда более 30 см), ширину 3–3,5 см и украшены вышивкой или металлическими накладками [Халиков, Безухова, 1960. С. 46; Никитина, 2012. Рис. 10/14, 14/1]. История зарождения этого элемента убора в Ветлужско-Вятском междуречье и возможные аналогии освещены Г. А. Архиповым, который склонен был видеть в украшении прототип современного женского головного убора «сорока» [Архипов, 1961. С. 127–138; 1973. С. 18–19].

По моему мнению, по форме и размерам описанные изделия имеют больше сходства с налобным украшением «нашмак» (марийск.), составляющим часть полотняного головного убора марийских женщин «шарпан-нашмак», чем с «сорокой», которая распространена в районах совместного проживания марийцев с русскими и заимствована от последних [Молотова, 2012. С. 185]. «Нашмак» служит для крепления полотенца «шарпана» на голове. «Шарпан» представляет собой полотенце с украшенными боковыми краями и расшитыми концами. Размеры полотенца составляют у луговых мариек до 200 x 40 см, у горных более 200 x 25 см [Молотова, 2012. С. 186, 188], у восточных 200 x 30 см [Сепеев, 1975. С. 193].

Прямоугольные куски ткани значительных размеров с боковыми кромками являются частой находкой. В п. 19-а «Нижней стрелки» обнаружены два прямоугольных фрагмента шерстяной ткани саржевого переплетения размерами 130 x 30 и 122 x 31 см. У первого фрагмента с четырех сторон заметны кромки. По пропорциям данные образцы ткани близки к «шарпану». По этнографическим материалам известно, что концы «шарпана» богато украшались вышивкой, тесьмой, шерстяной или шелковой домотканой лентой [Молотова, 1992. С. 36; 2012. С. 186]. О. В. Орфинская обнаружила в составе текстиля из п. 19-а мелкие плохо сохранившиеся кусочки шелка, который, вероятно, и использовался для украшения концов полотенца. В жк 4 этого же могильника край прямоугольного изделия из тонкой шерсти темно-синего цвета обшит (или обвязан?)

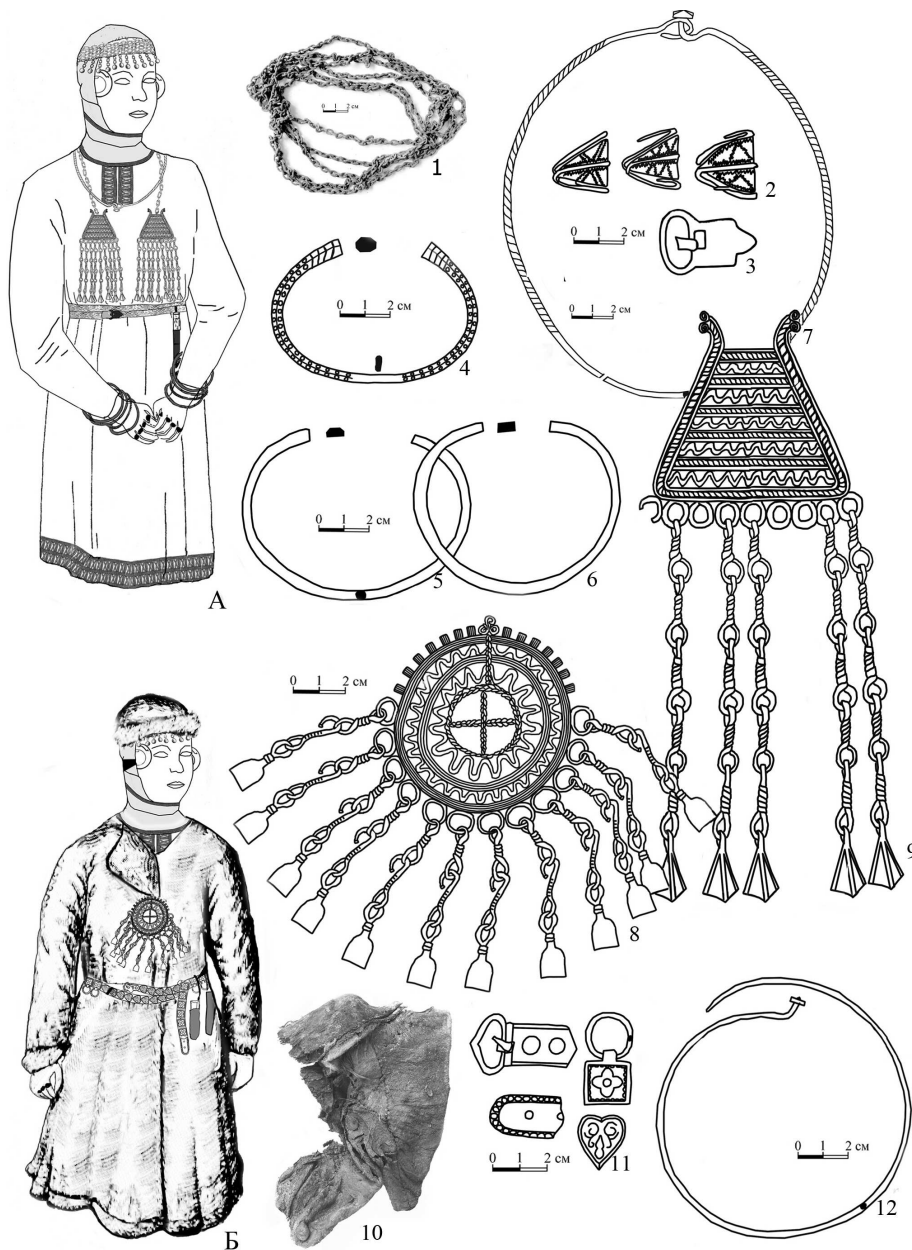

Рис. 2. Русенихинский могильник, п. 6.

светлой шерстью и украшен лентой из тонкой ткани растительного происхождения и узором, выполненным цветными шерстяными и металлической нитями.

В марийской этнографии существует достаточно устойчивое мнение о том, что головной убор «шарпан-нашмак» является заимствованием у тюркских народов: татар, башкиров или чувашей [Молотова, 1992. С. 37]. Перечисленные факты свидетельствуют о том, что головной убор типа «шарпан-нашмак» появился у марийцев уже в эпоху средневековья.

Головные полотенца с вышивкой на концах известны у средневековой мордвы. В. Н. Мартыанов в Крюково-Кужновском, Елизавет-Михайлов-

ском, Журавкинском могильниках отметил более 50 находок остатков полотенец [Мартыанов, 1976. С. 92–93]. В п. 300 Крюково-Кужновского могильника размеры полотенца составляют 18 x 80 см [Материалы..., 1952. С. 99–100].

В качестве верхней одежды использовались **шубы и кафтаны**.

Шуба являлась, вероятно, обязательным атрибутом погребальной одежды (рис. 2). Неслучайно марийская загадка «Одежду покойника надеваю» имеет ответ «шуба» [Марийские народные загадки..., 2006. С. 377]. В п. 6 Русенихи край рукава шубы обшит полоской кожи в виде манжеты. Послойная фиксация вещей и органических остатков в погребениях позво-

лили выявить, что в большинстве случаев шуба шилась мехом внутрь. Шуба мехом наружу встречается редко, но, например, в п. 6 Русенихи обнаружены остатки двух шуб: одна мехом внутрь, другая наружу.

Фрагмент верхней одежды, возможно кафтана, из нескольких пластин тонкой кожи обнаружен в жк 13 «Нижней стрелки» с женским набором вещей. Ширина пластин в высохшем состоянии 25 см, длина сохранившейся части 34 см. Куски кожи сшиты с изнаночной стороны обметочным швом. На изнаночной стороне кожи сохранились следы прилипшего органического материала, заметны тонкие пуховые волосы. Один фрагмент имеет следы подгиба, т. е. не исключено, что кожа покрывала меховую подкладку.

В жк 6 Русенихи с мужским инвентарем обнаружено несколько фрагментов шерстяной ткани, которая различается по толщине. Среди более плотной ткани находился большой лоскут со швами, по которому возможно проследить покрой. Длина сохранившегося фрагмента 27 см, он состоит из пяти полос (4 шва): ширина первой полосы 9 см, вторая полоса с одного конца 7 см, с другого 9 см; третья полоса соответственно 6 и 8 см, четвертая полоса шириной 9 см, пятая сохранилась в небольшом фрагменте, не дающем представления о размерах. Обнаруженный образец являлся, вероятно, фрагментом подола кафтана. Шов, соединяющий подол с верхней частью, также сохранился. Все швы выполнены с двойным подгибом, чистовые на обе стороны. Находка фрагмента текстиля предположительно от кафтана с клиньями представляет значительный интерес, так как, по этнографическим данным, отрезной по талии кафтан со сборами или клиньями считается одеждой более поздней по сравнению с прямоспинной одеждой туникообразного покроя [Гаген-Торн, 1960. С. 135; Крюкова, 1956. С. 131–133].

Пояс. Одним из обязательных атрибутов марийского костюма является наборный пояс. Опираясь на комплекс украшений, можно сказать, что наборные пояса на Дубовском и Веселовском могильниках характерны как для мужских, так и для женских погребений в равной степени. Эти наблюдения подтверждаются материалами «Нижней стрелки», которые обработаны специалистами-антропологами: из 20 костяков с поясными наборами женские составили 9, мужские – 11.

У большинства окружающих марийцев народов наборный пояс, являясь показателем социального ранга, принадлежал воинам. Наборные пояса зафиксированы преимущественно

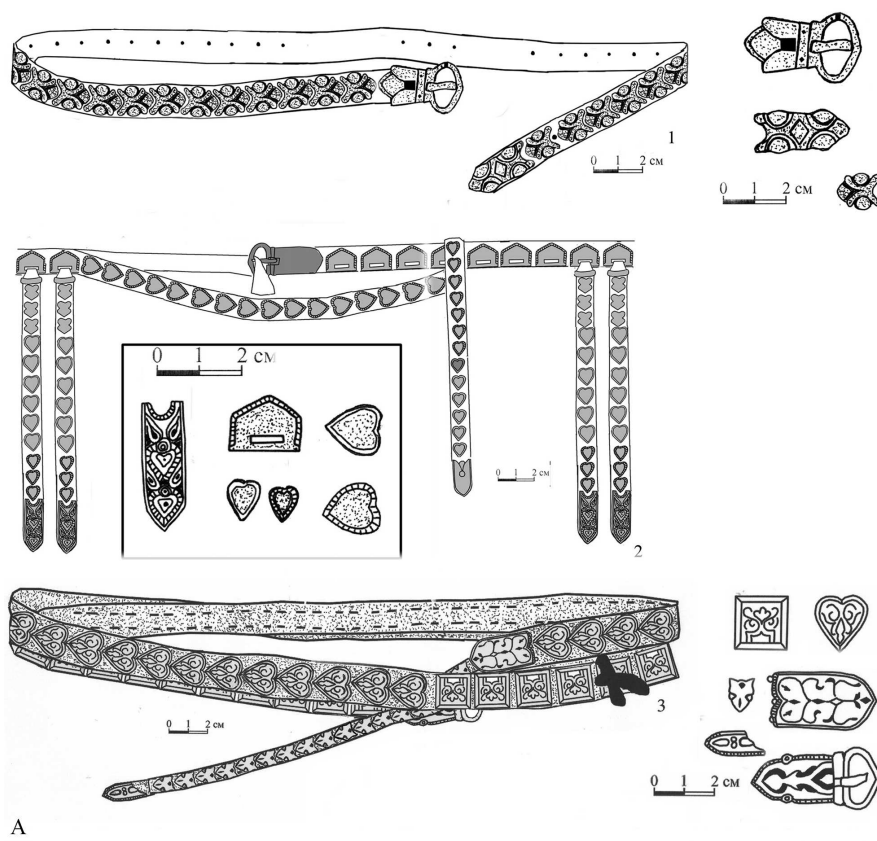
в мужских захоронениях в Ярославском Поволжье [Мальм, 1963. С. 65], Новгородской земле [Михайлов, Соболев, 2000. С. 225], Средней Швеции, где известна только единственная находка в женском захоронении на о. Оланд [Михайлов, 2005. С. 138]. Наборный пояс является принадлежностью воинского мужского костюма у большинства кочевников [Худяков, Иванов, 2006. С. 513; Добжанский, 1990]. В мужских захоронениях пояс с накладками найден также у финнов на западе Новгородской земли [Хвошинская, 2004. С. 91], в памятниках чепецкой древнеудмуртской культуры [Иванова, 1991. С. 41–42; Иванова, 1999. С. 228], муромы, мордвы-эрзи [Гришаков, Зеленева, 1990. С. 25–32; Бейлекчи, 2005. С. 55].

Подобное марийскому использование наборного пояса в мужском и женском костюмах встречается у синхронного населения Пермского Предуралья, но количество комплексов с такими находками невелико – 12,1 %: мужских – 5,49 %, женских – 18,7 % [Крыласова, 2001. С. 87–89, 95, 96].

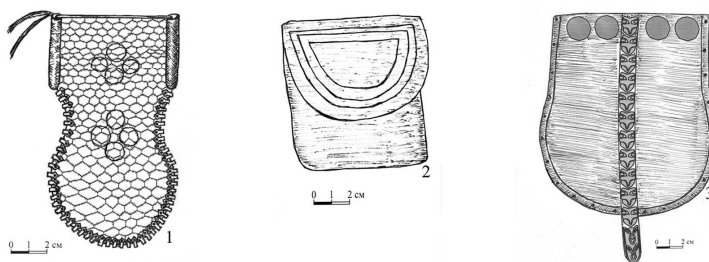
В более ранний период находки поясов в женских захоронениях встречаются в раннеболгарском Танкеевском, древнемадьярском Большетиганском (втор. пол. VIII – нач. IX в.) [Халикова, 1976. С. 168] могильниках, в IX–X вв. в курганах Южного Урала [Мажитов, 1981. С. 60, 65, 83]. Более частые находки наборного пояса в женских костюмах, чем в мужских, являются отличительной чертой караякуповской и неволинской культур [Иванов, 2006. С. 411].

Обнаруженные в марийских могильниках пояса изготовлены из толстой кожаной ленты шириной 1,5–2 см. На кожу крепились с помощью шпеньков металлические накладки. Отдельные экземпляры имели более сложное строение: кожаная лента сверху была обтянута тонкой, вероятно, крашеной кожей, поверх которой прикреплены накладки (пп. 12, 13 Веселово, п. 3 Русенихи). В жк 13 Русенихи ремень обтянут шелковой тканью и также украшен накладками. У наиболее статусных членов общества основной ремень дополнялся боковыми ремешками (от 1 до 6). Один набор, как правило, имел накладки двух типов, выполненные в одном художественном стиле. Обычно в этом же стиле изготовлены пряжка, наконечник и накладки от дополнительных ремешков. Разнообразные в типологическом отношении накладки отражают широкие торговые и культурные контакты марийского населения преимущественно с лесостепным и степным миром.

По материалам марийских могильников выявлено несколько способов ношения пояса: 1) один оборот; 2) 1,5 оборота; 3) 2 оборота.

А

Б

Рис. 3. А – реконструкция поясов: 1 – «Нижняя стрелка», п. 31; 2 – Дубовский могильник, жк в кв. Е/4; 3 – Русенихинский могильник, п. 3. Б – реконструкция кошельков: 1 – Веселовский могильник, п. 13; 2 – Веселовский могильник, п. 15; 3 – Русенихинский могильник, жк 2

В первом случае конец кожаного ремня был продет в пряжку и затыкался за ремень или свободно свисал вниз. Ремень по всей длине покрыт накладками. Такой способ ношения пояса наиболее простой и универсальный и известен повсеместно (рис. 3, А: 1).

Во втором случае к основному кожаному ремню сбоку крепился дополнительный ремешок, конец которого продевался в пряжку и замыкал пояс. Свободный конец основного ремня, украшенный накладками и наконечником, перекидывался через ремень, образуя на животе еще один ряд, и свисал вниз (рис. 3, А: 2). На основном ремне прикреплены накладки, дополнительный ремешок накладок не имел. Ана-

логичные пояса были реконструированы по материалам венгерских могильников Пербете, Башхалом, Яношсаллаш И. Диенешем, который связывал их появление с «Понтийской Болгарской державой» [Диенеш, 1959. Vol. 86], а также обнаружены в Большетиганском могильнике [Халикова, 1976. С. 168, рис. 9].

В третьем случае кожаный ремень был обернут дважды, образуя на животе два ряда, а на спине перекрещивался (рис. 3, А: 3). Ремень по всей длине покрыт металлическими накладками. Раскопки Русенихинского могильника, на котором производилась послойная фиксация одежды в погребениях, показали, что пояс в два оборота являлся преобладающим. Можно ут-

верждать, что подобный способ ношения пояса является оригинальным для могильников Ветлужско-Вятского междуречья, так как на других территориях практически не встречается.

Близкий способ ношения сохранился в традиционном марийском костюме. Ю. Вихманн подробно описала несколько вариантов марийских поясов, среди которых значительную часть составили пояса, обернутые вокруг талии в два и даже три оборота [Вихманн, 1913. С. 42–43, 46]. У марийцев празднично-обрядовый пояс называется «*шиян̄што*» (серебряный пояс) [Молотова, 1992. С. 51].

На других территориях нам известен только один наборный пояс, дважды обернутый вокруг талии, – в реконструкции костюма «чухонки» И. Г. Георги; упоминания о таких поясах отмечены для ижоры и получили название «оловянный ремень» [Шлыгина, 1986. С. 221–222].

Неотъемлемой частью поясного набора являются **кошельки**, информация о которых сохранилась в 55 комплексах.

1. Кошельки лировидной (в литературе встречается «грушевидной» или «подковообразной») формы из двух пластин ячеистой кожи имеют округлую нижнюю часть и горловину в форме цилиндра или раструба (32 экз.) (рис. 3, Б: 1). Нижняя округлая часть окантована мелкими обоймочками-зажимами из цветного металла. Боковые края верхней части имеют зажимы в виде несомкнутой трубочки или двух сплошных металлических пластин. Кошельки обнаружены преимущественно в мужских захоронениях. Женские захоронения с такими кошелями являются исключением (2 экз. на Юмском могильнике) и отличаются особым статусом: они принадлежали литейщицам.

2. Кожаные кошельки с нижним округлым краем, боковые края слабо изогнуты и горловина почти не выражена (5 экз.) (рис. 3, Б: 3). Кошельки по бокам имеют прошитую кожаную или металлическую сплошную полосу, по центру узкий ремешок для застегивания и крепления к ремню. На лицевой стороне прикреплен пластина из фольги цветного металла (п. 19 Веселово, жк 8 Русенихи) или иные украшения (п. 5 Веселово). Встречаются в мужских и женских комплексах.

В единичных случаях встречаются кошельки других типов.

Кошельки 1-го типа имеют наибольшее распространение в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья. Аналогичные находки встречаются в памятниках волжских булгар [Казаков, 2001. С. 173], Пермском Предуралье [Крыласова, 2007. С. 225], Чепце [Иванов, 1991. С. 149, рис. 10, 13–14], Примокшанье

[Материалы..., 1952. С. 127, 150], Кубенском озере, у д. Челмужи в Прионежье [Зайцева, 2008. С. 78–79] и могильнике Бирка [Arbman, 1940. Nff. 279,5], но не получили там массового распространения. Есть все основания считать их маркером культуры марийского населения Ветлужско-Вятского междуречья [Никитина, 2013].

Массовые аналогии кошелям 2-го типа находятся в венгерских погребальных комплексах Карпато-Дунайского бассейна [Эрдели, 1972. С. 137, рис. 1; The Ancient Hungarians, 1996. С. 73, 88, 95, 112, 120, 126, 153, 154 и др.], отдельные аналогии известны в Бирке [Arbman, 1940. Nff. 958, 819], Пермском крае [Белавин и др., 2009. С. 222, рис. 77/24], в мордовских Пановском [Материальная культура..., 1969] и Крюково-Кужновском [Материалы..., 1952. С. 59, табл. XII/1; с. 127] могильниках.

Обувь. Впервые обувь была реконструирована Е. А. Безуховой и А. Х. Халиковым по материалам Веселовского могильника и отнесена к типу поршней [1960. С. 32–33], затем достаточно подробно описана Г. А. Архиповым [1961. С. 134–135]. В обоих случаях основное внимание было уделено рассмотрению украшений и их места в составе изделия. Детали, связанные с особенностями кроя и ношения, оставались неизвестными. Максимальное привлечение органических материалов, полученных в результате раскопок последних лет, позволяет восстановить наиболее полный облик обуви.

Основная часть изделия, закрывающая ступню, изготовлялась из одного или двух соединенных на заднике швом кусков кожи. В прорези по верхнему краю вдевался кожаный ремешок, который слегка стягивал изделие; к нему крепились дополнительные украшения: петлевидные или очковидные подвески, бронзовые пронизки или прямоугольные планки с шумящими подвесками. В п. 7 Юмского могильника внутри была обнаружена береста, а в жк 11 Русенихи береста крепилась на подошву снаружи. В покрое и оформлении передней части (носка) наблюдаются различия. 1. Носок обуви состоял из двух половинок, являющихся продолжением кусков, закрывающих ступню. По центру проходил шов, а поверхность носка украшена металлическими пронизками и цепочками. 2. Носок имел вшитый треугольник из кожи, украшенный металлической нитью и пронизками. Вокруг вставленного треугольника кожа плотно собрана с помощью четырех рядов цветных нитей. Петлевидные и очковидные подвески служили не только украшением, но и

удерживали шерстяные шнурки, которые оборачивались вокруг ноги. В жк 5, 14 Русенихи шнуры (по два с каждой стороны) длиной 77 см изготовлены из прядей двух цветов, сплетенных в косичку, имели раздвоенный конец, украшенный бронзовыми пронизками. На заднике пришита умбоновидная подвеска с привесками и пять металлических бусин с продетыми кожаными шнурками (два шнурка по 30 см), которые также оборачивались вокруг ноги. В опубликованной ранее литературе упоминаний об онучах не встречается, а указано, что поршни носились на шерстяной чулок. В указанных комплексах под шнурками найдены достаточно крупные фрагменты тонкой шерстяной ткани саржевого переплетения без швов, похожие на остатки онуч. «Онучи делались обычно из холста или неокрашенной пестряди (для лета) и из белой домашней полушерстяной или шерстяной ткани (для зимы)» [Сепеев, 1975. С. 181], поэтому по находкам мелких фрагментов их легко спутать с чулками (к тому же они не исключали последних). Онучи перевязывались сверху шнурком или веревкою, или «лентой из красного сукна» [Филоненко, 1914. С. 8].

Сходные формы обуви существовали у муромы. По материалам Подболотьевского могильника известно несколько реконструкций женской обуви, которая состояла также из поршней с бронзовыми украшениями в области носка и по верхнему краю и ремешков с бронзовыми пронизками вокруг ноги [Городцов, 1914. Рис. 33, 34, 39, 40, 47, 61]. Украшения носков обуви и фрагменты ремешков типа обор также обнаружены в Чулковском могильнике (п. 24, 30) [Гришаков, 1986. Табл. 46, 81]. Кожаная обувь с втачным носом, судя по украшениям, существовала в мордовских захоронениях VIII–XI вв. Степановского [Петербургский, Аксенов, 2008. С. 59] и одновременного Второго Старобадиковского [Петербургский, 2011. С. 107] могильников. Достаточно убедительные реконструкции обуви этого периода у мордвы сделаны В. Н. Мартьяновым [2001. С. 270] и Р. Ф. Ворониной [1974. С. 38]. Близкий покрой обуви с украшенным носком находит свои истоки в более раннем Безводнинском могильнике V–VII вв. [Краснов, 1980. С. 68, 69].

Несмотря на сходство основных элементов и кроя обуви волжских финнов, каждый народ имел свои особенности в формах украшений.

Традиция украшать обувь в районе носка и онуч продолжает сохраняться в марийском костюме до XX вв. [Молотова, 1992. С. 38, 40] и была впоследствии перенесена на лыковую обувь.

Украшения изготовлены преимущественно из медно-оловянистых сплавов или серебра. Они рассмотрены в научной литературе подробно в различных аспектах; именно среди них и были выделены этномаркеры марийской культуры средневекового периода.

Украшения головы. Цепочки из проволочных звеньев цветного металла обертывались вокруг головы несколько раз (см. рис. 2: 1). Число оборотов, вероятно, зависело от возраста, имущественного и социального статуса носительницы. Иногда цепочки имели более сложное устройство: каждый ряд был изготовлен из оригинальных звеньев и самостоятельно замкнут, ряды между собой соединялись специальными креплениями. От головной цепочки на лоб спускались короткие цепочки с шаровидными бубенчиками, привески со стороны затылка имели длину до 5 см, привески в области висков или за ушными раковинами – 10–15 см и завершались на концах бубенчиками, когтями рыси, коньковыми костяными привесками или иными оберегами.

Яркой и выразительной деталью женского головного убора являлись *височные браслетообразные кольца* из медной или серебряной проволоки с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление (см. рис. 2: 12): гвоздевидная шляпка, грибовидная гладкая или граненая головка, простое завершение в виде крючка, а второй – обрублен или заострен. В могильниках IX–XI вв. их найдено более 120 экз. У ветлужских женщин в костюме присутствует по 4–6 височных колец (по 2–3 с каждой стороны). В отдельных случаях к ним привешивались дополнительные подвески или серьги-подвески, среди которых встречаются привозные изделия.

Характерной особенностью костюма марийского населения Ветлужско-Вятского междуречья в IX–XI вв. является наличие *височных подвесок* не только к височным кольцам, но и в виде самостоятельных украшений с треугольным или арочным щитком и дополнительными шумящими привесками на длинных цепочках (жк 4 «Нижней стрелки», п. 79 Дубовского могильника).

Серьги-кольца с гроздевидной привеской, овально-треугольной, калачевидной формы, со змеевидным основанием обнаружены в основном в мужских захоронениях по обеим сторонам головы (рис. 4). В женских погребениях они встречаются значительно реже и, как правило, по одному экземпляру. Способ ношения этих украшений различен. А. Х. Халиков, опираясь на местонахождение изделия в п. 4 Веселово, реконструировал их в качестве ушных серег, но известны случаи, когда изделия привязывались

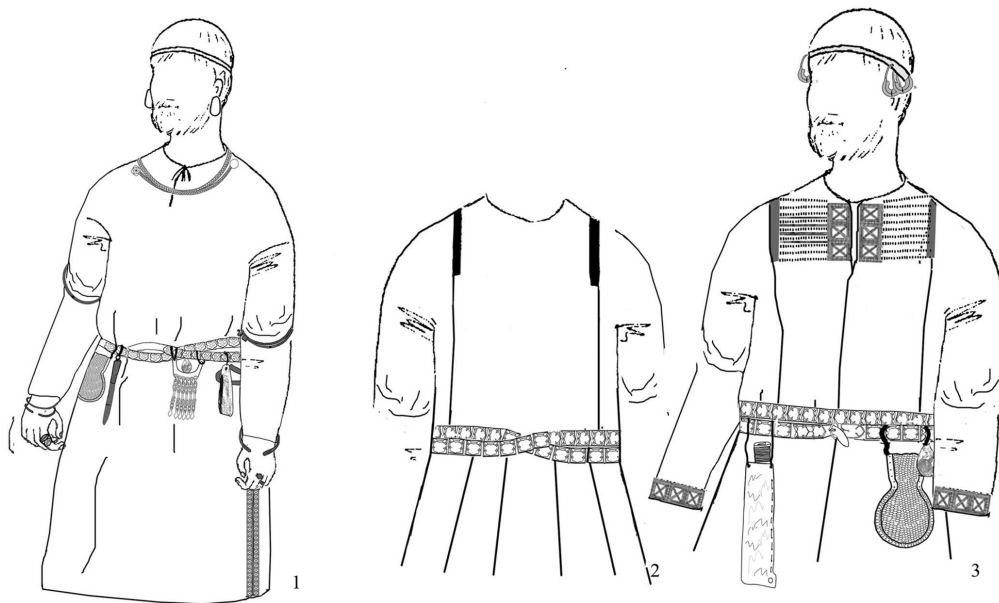

Рис. 4. Реконструкция мужских костюмов. 1 – Русенихинский могильник, п. 8; 2, 3 – Русенихинский могильник, жк 6

к височному кольцу или к волосам, дополняя комплекс височных украшений (п. 10 Веселово). Специфических для населения Ветлужско-Вятского междуречья серег-колец не выявлено, но у населения этого региона наиболее распространены были калачевидной формы.

Показательной деталью головного убора в марийских могильниках являются *накосники*. В памятниках IX–XI вв. к сожалению, большинство найденных накосников сохранились фрагментарно (около 30 погребений). Среди них преобладают простые формы из шнуров с бусами, а также кистевые накосники из нескольких ремешков или шнуров с бронзовыми бубенчиками, треугольными подвесками, лапчатыми и коническими привесками и различными оберегами (п. 14 Русенихи, п. 6 Юмского могильника). Накосник из нескольких ремешков имеет сходство с широко распространенным марийским украшением XVI–XVII вв. «*ўпинэ*» [Никитина, 1992. Рис. 22], а также с известным по этнографическим материалам украшением «*ўп кандыра*», т. е. «шнурки для волос». Концы шнурков обычно заправляются за пояс [Тимофей Евсевьев, 2002. С. 109, 112, 123]. Такое положение накосника зафиксировано в п. 3 конца XI в. марийского Выжумского могильника.

Выразительный облик имеют *нагрудные* трапециевидные *подвески* из спаянных прямых и зигзагообразных медных проволок со стилизованными (конскими?) головками, повернутыми в противоположные стороны (см. рис. 2: 9). Снизу щиток имеет петли (10–13 шт.) для шумящих лапчатых или бутыльчатых привесок на

длинных цепочках. Украшения носились парно по обе стороны груди и соединялись между собой перекинутыми через шею ремешком или цепочкой. Подобные украшения обнаружены в самых богатых женских захоронениях, общее их количество чуть более 40 экз. Картографирование показывает, что их распространение ограничено марийскими памятниками Ветлужско-Вятского междуречья. Единичные экземпляры обнаружены в муромских древностях, но входили в состав ожерелий [Никитина, 2002. С. 107, 108].

В такой же технике изготовлены подвески с круглым ажурным щитком и шумящими привесками по нижнему краю (п. 10 «Нижней стрелки», п. 14, 15 «Черемисского кладбища», п. 77 Дубовского, п. 6, жк 14 Русенихи) (см. рис. 2: 8). Эти изделия по форме и технике изготовления напоминают мордовские украшения, но у последних в верхней части имеется значительный выступ, оформленный в большинстве случаев в виде конских головок [Голубева, 1979. С. 53–56]. Украшение, аналогичное мордовским, найдено только в одном случае – в жк 13 «Нижней стрелки». Более близки к изделиям, найденным в марийских захоронениях, муромские украшения с шумящими подвесками или без них [Бейлекчи, 2005. С. 172, 174; Гришаков, Зеленева, 1990. Рис. 8].

Кроме специфических, описанных выше, украшений в погребениях обнаружены биконьковые и арочные подвески, которые также носились парно по обе стороны груди. По способу парного ношения нагрудных украшений марий-

ский костюм имеет аналогии с мордовским, в котором различные типы украшений (пирамидальные, прямоугольные и пластинчатые трапециевидные) также прикреплялись к концам ремня, перекинутого через шею, а затем дополнительно пристегивались или пришивались к одежде в районе груди [Голубева, 1987. С. 104].

Обязательной деталью марийского костюма являются *браслеты* (рис. 2: 4–6). Браслеты обнаружены в мужских и женских захоронениях, в последних иногда от 6 до 16 экземпляров в одном погребении. Особенно много браслетов (80 % погребений) обнаружено в Веселовском и Русенихинском могильниках. По количеству браслетов в погребениях и количеству погребений с браслетами марийские могильники близки с захоронениями поволжских финнов (муромы и мордвы) и существенно отличаются от памятников других окружающих народов. В Верхнем Прикамье браслеты не очень популярны и обнаружены по 1–2, редко 3 браслета в богатых захоронениях, являясь статусным украшением (19,7 % мужских и 30,2 % женских) [Крыласова, 2001. С. 102]. Немногочисленны браслеты в памятниках чепецкой культуры [Иванова, 1982. С. 58]. В могильниках северо-западной и северо-восточной Руси браслеты являются частой находкой, но обнаружены преимущественно по 1–2 экз. в погребении, наличие более трех изделий в одном комплексе является исключением [Левашова, 1967. С. 207].

В мужских погребениях марийских могильников браслеты, как правило, массивнее и обнаружены в районе локтевых суставов. Вероятно, они выполняли не только декоративную функцию, но и поддерживали рукав, позволяя его подтянуть в случае производственной необходимости (см. рис. 4). Подобное положение браслетов зафиксировано также в ряде мордовских захоронений Крюково-Кужновского могильника [Материалы..., 1952. С. 144–147].

Основная масса украшений, имеющих этническую специфику, изготовлена из проволоки или деталей, соединенных техникой спайки. В рассматриваемый период наборная техника в большей степени была характерна для поволжских финнов: мери, муромы, мещеры. В Прикамье для изготовления украшений в большей степени практиковалось литье.

Таким образом, на основании рассмотренного материала можно сделать несколько выводов:

1. Уже в IX в. оформился костюм, по которому марийское население Ветлужско-Вятского междуречья можно отличить от соседних народов.

2. Марийский средневековый костюм по основным элементам и украшениям в большей степени близок к костюму поволжских финнов, что объясняется особенностью формирования и этнической близостью этих народов.

3. Многие детали костюма IX–XI вв. получают дальнейшее развитие в последующие эпохи и, несмотря на значительную трансформацию на протяжении нескольких столетий, имеют параллели в традиционном марийском костюме.

Источники и литература

Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1973. 198 с.

Архипов Г. А. Древнемарийский костюм IX–X вв. (Опыт реконструкции по археологическим материалам Веселовского могильника) // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Вып. XVI. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1961. С. 127–138.

Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: МФ МПСИ, 2005. 275 с.

Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: БГПУ, 2009. 285 с.

Вихманн Ю. Очерки по марийской этнографии / Пер. с нем. Хельсинки, 1913. НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1, д. 594. 124 с. машинописного текста.

Воронина Р. Ф. О некоторых деталях одежды среднеэцнинской мордвы VIII–XI вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 140. М.: Наука, 1974. С. 33–38.

Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.

Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // Свод археологических источников. Вып. E-1-59. М.: Наука, 1979. 113 с.

Голубева Л. А. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 107–115.

Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // Древности. Т. XXIV. М., 1914. 385 с.

Гришаков В. В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области в 1986 году // Архив кабинета археологии Мордовского ГПИ им. М. Е. Евсевьева. № И-1175.

Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Муром VII–X вв. Йошкар-Ола, 1990. 77 с.

Давидан О. И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 316–336.

Диенеш И. Пербетейская находка. Каким был пояс венгров – завоевателей родины? // *Archaeologiai ertesito*. Budapest, 1959. Vol. 86.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

- Елкина А. К.* Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 143–152.
- Ефимова Л. В.* Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 107. М.: Наука, 1966. С. 127–134.
- Зайцева И. Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. С. 57–142.
- Иванов А. Г.* Качашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 140–180.
- Иванов В.* Угорские племена в Восточном Закарье и Приуралье // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань: РухИЛ, 2006. С. 408–417.
- Иванова М. Г.* Мало-Венижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 52–76.
- Иванова М. Г.* Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 35–55.
- Иванова М. Г.* Удмурты // Финно-угры Поволжья и Предуралья в средние века. Ижевск: ИИЯЛ УНЦ УрО РАН, 1999. С. 207–254.
- Казаков Е. П.* О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Том 2. Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П. В. Алабина, 2001. С. 170–179.
- Косменко А. П.* Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984. 199 с.
- Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980. 225 с.
- Крыласова Н. Б.* История прикамского костюма. Пермь: ПГПУ, 2001. 259 с.
- Крыласова Н. Б.* Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 351 с.
- Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1956. 160 с.
- Левашова В. П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Совет. Россия, 1967. С. 207–252.
- Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VII–XII в. М.: Наука, 1981. 162 с.
- Мальм В. А.* Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. М.: ГИМ, Ярослав. музей-заповедник, 1963. С. 64–70.
- Мартыанов В. Н.* Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI вв. // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. С. 88–106.
- Мартыанов В. Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.
- Марийские народные загадки* // Свод марийского фольклора / Сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 432 с.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.*: Крюково-Кужновский могильник. Моршанск: Моршан. краевед. музей, 1952. 232 с.
- Материальная культура среднеэтнографической мордвы VIII–XI вв.* Археологический сборник. Т. III. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 176 с.
- Михайлов К. А., Соболев В. Ю.* Новгородские пояса XI–XII вв. // Археологические вести. № 7. СПб., 2000. С. 222–228.
- Михайлов К. А.* Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 145–153.
- Молотова Т. Л.* Из истории традиционных головных уборов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. С. 182–197.
- Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 112 с.
- Никитина Т. Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII в.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 160 с.
- Никитина Т. Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
- Никитина Т. Б.* О значении и месте пояса в погребальном обряде Дубовского могильника // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Казань: Фолиант, 2011. С. 142–149.
- Никитина Т. Б., Алибеков С. Я.* Древнемарийская вышивка по материалам Русенихинского могильника IX–XI вв. // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 140–147.
- Никитина Т. Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. 408 с.
- Никитина Т. Б.* Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология, № 2. Казань, 2013. С. 151–161.
- Оборин В. А.* Рождественское городище и могильник // Уч. зап. ПГУ. Т. 9. Вып. 3. Пермь, 1953. С. 161–177.
- Петербургский И. М., Аксенов В. Н.* Древние памятники на реке Ляча. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 168 с.
- Петербургский И. М.* Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 408 с.
- Селеев Г. А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. 247 с.
- Тимофей Евсевьев:* этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2002. 146 с.
- Филоненко В. И.* Отчет о командировке в Бирский уезд к язычникам-инородцам // Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа: Электрическая губернская тип., 1914. 36 с.

Халиков А. Х., Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960. 60 с.

Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // Совет. археология. 1976. № 2. С. 158–178.

Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовые) // Труды ИИМК. Том VI. СПб: Дмитрий Буланин, 2004. 408 с.

Худяков Ю., Иванов В. Культура кочевников евразийских степей // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань: РухИЛ, 2006. С. 504–521.

Шлыгина Н. В. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М: Наука, 1986. С. 208–228.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. ст. совет. и венгер. археологов. М.: Наука, 1972. С. 128–144.

Arbman Y. Birka I: Die Gräber: Tafeln. Uppsala, 1940.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Edited by Istvan Fodor. Budapest. 1996. 479 с.

Список сокращений

АГПИ – Арзамасский государственный педагогический институт

АН СССР – Академия наук СССР

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

ГИМ – Государственный исторический музей

ИИЯЛ УНЦ УрО РАН, УДИИЯЛ УрО АН СССР – Институт истории, языка, литературы Удмуртского научного центра Уральского отделения Академии наук

МарГУ – Марийский государственный университет

МарНИИЯЛИ (МарНИИ) – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Правительстве Республики Марий Эл

МГУ – Московский государственный университет

Мордовский ГПИ – Мордовский государственный педагогический институт

МордНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики

МФ МПСИ - Муромский филиал Московского педагогическо-социального института

НГУ – Новосибирский государственный университет

ПГУ – Пермский государственный университет

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

РМЭ – Республика Марий Эл

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Никитина Татьяна Багишевна

зам. директора, д. и. н.

Марийский научно-исследовательский институт

им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл

ул. Красноармейская, 44, г. Йошкар-Ола,

Республика Марий Эл, Россия, 424036

эл. почта: tshikaeva@yandex.ru

тел.: (836) 2641928

Nikitina, Tatyana

Mari Research Institute of Language, Literature and History

under the Government of the Mari El Republic

44 Krasnoarmejskaya St., 424036 Yoshkar-Ola,

Mari El Republic, Russia

e-mail: tshikaeva@yandex.ru

tel.: (836) 2641928

УДК 398

ВЕПСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ, СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ И ГЕНЕЗИС*

И. Ю. Винокурова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Исследуется проблема возникновения и развития аграрных культов у вепсов. Сделан вывод о том, что в конце XIX – первой трети XX в. на вепсской территории еще существовали слаборазвитые, с локальными различиями аграрные культы, объектами которых были хтонические и наземные мифологические персонажи и христианские святые. Сравнительно-исторический анализ этих образов позволил выделить их различные этнокультурные истоки. Одни образы были субстратного (общешинно-угорского) происхождения, другие – собственно вепсского, третьи – адаптированными в вепсской среде заимствованиями в результате контактов с древними балтами, русскими в различные периоды истории и в ходе христианизации. Обнаружены особенности развития некоторых аграрных культов: четкое распределение патронажных земледельческих функций между земными и наземными мифологическими персонажами; появление наряду с женским хтоническим образом мужского; главенство грома среди небесных объектов, передача богу-громовержцу (позже христианскому святому) в патронаж не только неба, но и хлебных полей и др.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вепсы, земледелие, вепсская мифология, религия, верования, ритуалы, аграрные культы.

I. Yu. Vinokurova. VEPSIAN MYTHOLOGICAL CHARACTERS ASSOCIATED WITH HORTICULTURE: THE ETHNOCULTURAL SOURCES AND GENESIS

The issue of emergence and evolution of Vepsian agrarian cults is investigated. The conclusion drawn is that minor, locally variable agrarian cults still existed in Vepsian territory in the late 19th – first third of the 20th century, and their objects were chthonic and terrestrial mythological characters and Christian saints. A comparative historical analysis of these images revealed their different ethnocultural sources. Some of them were of substrate (common Finno-Ugric) origin, others were Vepsian proper, and a third group were the borrowings adopted into the Vepsian milieu through contacts with ancient Balts or Russians at different times in the history and in the course of Christianization. Some distinctive features were detected also in some agrarian cults: strict division of horticultural patronage functions between underground and terrestrial mythological characters; emergence of a male chthonic character alongside with the female one; primacy of thunder among celestial objects, with not only the sky but also bread crops placed under the patronage of the ‘thunderer’ deity (or a Christian saint later on), etc.

K e y w o r d s: Veps, horticulture, Vepsian mythology, religion, beliefs, rituals, agrarian cults.

* Статья выполнена по проекту «Истоки Карелии: время, территория, народы» в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

Данные вепсской лексики, археологические находки, сельскохозяйственные обычаи и обряды свидетельствуют о давнем знакомстве вепсов с земледелием. Лексический материал показывает, что земледелие, преимущественно подсечно-огневого типа, распространилось среди прибалтийско-финских племен еще в эпоху единой общности, существование которой датируется примерно серединой II тыс. до н. э. – VIII в. н. э. [Седов, 1997. С. 3, 6]. Причем предки вепсов намного раньше, чем древние карелы, освоили некоторые предметы и явления земледельческого быта [Зайцева, 2011. С. 57–65]. Многие древние земледельческие и скотоводческие термины в прибалтийско-финских языках оказались заимствованиями из балтийских, германских и славянских языков, что говорит о явном влиянии соседних народов на проникновение производящего хозяйства в среду прибалто-финнов.

Как писал М. Элиаде, «занятие земледельческим трудом меняет всю “экономику священного” человека» [Элиаде, 1994. С. 80–81]. Распространение земледелия у древних вепсов, рост его доли в комплексном хозяйстве должны были повлиять и на представления народа о Космосе и месте в нем человека, способствовать преобразованию вепсского мифологического пантеона, появлению в нем особых божеств, отвечающих за земледельческие процессы, в одних случаях – преобразованных из старых персонажей, в других – заимствованных.

Проблема появления аграрных культов у вепсов впервые была обозначена В. В. Пименовым в его книге «Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры». Располагая на тот момент небольшим количеством источников, исследователь пришел к выводу, что «такие культы, видимо, возникали, но не получили простора для своего роста, будучи частью вытеснены, частью ассимилированы христианством». В результате он сделал довольно грустное заявление: «Вепсская мифология не создала ни собственного Озириса, ни своей Деметры» [Пименов, 1965. С. 242]. Данный вывод был сформулирован почти 50 лет назад. За это время состоялись многочисленные экспедиции с целью сбора полевого материала о вепсских мифоритуальных традициях, были выявлены ранее неизвестные архивные источники. Новые факты о земледельческих культах позволяют детализировать сделанное В. В. Пименовым заключение. В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос: какие персонажи, связанные с земледелием, пусть и не входящие ни в какое сравнение с Озирисом и Деметрой, присутствовали в традиционном мировоззрении и укладе жизни вепсского крестья-

нина в конце XIX – первой трети XX в. (т. е. в период, к которому относится большая часть имеющихся в нашем распоряжении источников), каковы их этнокультурные истоки и пути развития.

Земля. Характерной чертой древних земледельческих религий являются центральные объекты – земля и небо, которые, как правило, персонифицированы в образы Земли-Матери и Неба-Отца. К ним крестьянин обращается в ритуалах и заклинаниях о ниспослании урожая. Эти объекты в мифологиях многих народов-аграриев представляются как супружеская пара, породившая все то, что есть во Вселенной [Honko, 1987. С. 333; Топоров, 2000. С. 249]. Например, в греческой мифологии богиня земли Гея была супругой бога неба Урана; от этой четы произошли все другие боги. В эстонской традиции небесному отцу (варианты Уку, Таеватаат) соответствовала мать-земля – Маа-эма [Петрухин, Хелимский, 1997, II. С. 564]. Аналогичные представления, известные и русским, отразились в одном из заклинаний этого народа: «Ты небо – отец, ты земля – мать» [Гальковский, 2013. С. 38]. Одно из порождений Земли-Матери и Неба-Отца – человек. По древним верованиям, Небо и Земля некогда были нераздельны, тесно прижаты друг к другу. Первый рожденный ими сын раздвинул родителей, создав «жизненное пространство, предназначенное для заполнения его жизнями» [Топоров, 2000. С. 261]. Позднее разделительная функция была приписана не человеку, а Богу-Творцу. Подобные христианизированные представления получили любопытное преломление в северновепсских заклинаниях, произносимых в случае тяжелых родов женщины. Например: «Kut Sünd om erigeinu man i taivhan eriži, muga erigeikaha mam i lapś eriži» – «Как Бог отделил врозь землю и небо, так пусть отделятся мать и ребенок» (заклинание читалось на воду, в которую была положена земля, взятая с трех перекрестков) [SKS, Perttola, № 671]; или: «Vot kut Sünd om erigeitanu man i taivhan eriži, muga erigeikaha íened kakś henged eriži» – «Вот как Бог отделил врозь землю и небо, так пусть отделятся врозь эти две души» (слова произносились во время ритуального выливания воды из кадки в por) [SKS, Perttola, № 676]. Выделение Неба и Земли в качестве главных персонажей, от которых зависело начало земледельческих работ, без сомнения, оставило след в северновепсской пословице: «Taivaz sanub: sarkad, a ma sanub: eilä» – «Небо говорит: сапоги, а земля говорит: нет» [Rainio,

1968. С. 310]. В настоящее время приходится сожалеть, что при записи этой поговорки собирателем не были зафиксированы ее истинное значение и контекст высказывания.

В целом в вепсской мифологии воззрения о небе и земле сохранились в виде самостоятельных линий развития.

У вепсов выявлены достаточно фрагментарные представления о земле и связанных с ней персонажах. Они оказались разностадиальными по времени возникновения, локальными по территории бытования, иногда – вариативными внутри одного поселения. Чтобы определить степень развитости этих представлений, функции вепсских мифологических образов, связанных с земледелием, обратимся к характеристике древнегреческой богини Деметры, которая как образец божества земледельческого хозяйства была упомянута В. В. Пименовым. Возникновение образа Деметры, последующее расширение ее функций было исследовано Б. Л. Богаевским в его знаменитой книге «Земледельческая религия Афин», до сих пор не утратившей научную ценность [Богаевский, 1916]. Начнем с того, что среди греческих божеств, связанных с земледелием, Б. Л. Богаевский различал земные (хтонические) и наземные (эпихтонические). Он подчеркивал, что первоначально Деметра возникла как наземное, или эпихтоническое, божество колосающегося ячменного поля и этим отличалась от хтонической богини Геи – Матери-Земли, жившей в почвенном слое. «Когда греческий земледelec смотрел на зеленеющие хлебные всходы, когда он видел волнуемое ячменное поле уже с легким фиолетовым отливом, или обращал внимание на золотистые созревшие колосья, он видел в поле светлый лик кроткой матери ячменного поля – Деметры» [Богаевский, 1916. С. 116]. Следующей ступенью в развитии мифологических представлений было превращение Деметры в Мать всех хлебных полей в период их зрелости. Далее Деметра начала заведовать разнообразными явлениями в жизни хлебных посевов на всем протяжении их недолгого существования. «Она стала божеством снятого посева, сложенного в снопы, заботилась о молотье и принимала под свое покровительство новый урожай и хлеб, выпеченный из свежего зерна» [Богаевский, 1916. С. 125]. Существующие у греков и других земледельческих народов во все времена представления параллелизма между засеянным полем и брачной жизнью привели к появлению новой опекунской функции у Деметры, распространившейся на супружеские отношения в семье, детей, домашних животных. В дальнейшем

Деметра постепенно «спускалась в плодородный почвенный слой» и на этом пути иногда отождествлялась с богиней Земли Геей, беря под свое покровительство умерших [Богаевский, 1916. С. 135].

Вернемся теперь к вепским материалам. Среди обнаруженных нами мифологических персонажей народного происхождения также довольно легко можно выделить земные и наземные образы. В основе одного из северновепских обрядов сева отразились более ранние представления о земле – почвенном плодородном слое – как о живом существе. Начиная посев, крестьянин крестился, кланялся земле и говорил: «Armaz mahut, ota sem'ned, anda miile viilad» – «Дорогая земелюшка! Прими зернышко и дай нам хлеба!» [Винокурова, 1994. С. 80]. В дальнейшем осмысление образа земли приняло «маскулинизирующий» (термин В. Н. Топорова) характер: к женскому персонажу добавился мужской. У вепсов выявляются верования более позднего происхождения о мужском и женском духах-хозяевах земли, представляющих супружескую пару, – *maižand* («хозяин земли») и *maemag* («хозяйка земли»). В отличие от северновепской группы шимозерские вепсы начинали сев с обращения к «земляным хозяевам»: «Maižand, maemagain! Pätkat semendamha, abutagat kazvatamha Iiibad!» – «Земляной хозяин, земляная хозяйка! Разрешите сеять, помогите вырастить урожай!». За словами следовал культовый обряд жертвоприношения духам земли «гостинцев» – хлеба, который клали под пень или камень. «Гостинцы» могли также зарыть в землю, из чего следует, что *maižand* и *maemag* являлись хтоническими духами, или обитателями внутриземного пространства.

В южновепсской традиции, в отличие от шимозерской, *maižand* и *maemag* являлись духами любого места на земле; видимо, такими же, как *muan ižandy* и *muan emändy* в южной Карелии, *maanhaltija* у финнов и карелов [Симонсури, 1991. С. 130; Иванова 1995. С. 37], т. е. они не имели четкую аграрную привязанность. Духи-хозяева особых участков земли – полей, предназначенных для земледелия, у южных вепсов носили названия *pöudižand* («хозяин поля») и *pöudemag* («хозяйка поля»). Судя по культовой практике, они также считались хтоническими духами. В период уборки урожая крестьяне закапывали для *pöudižand* и *pöudemag* на полосе хлеб и яйцо, чтобы те дали им хороший урожай [Винокурова, 1994. С. 103]. Наличие парных женских и мужских образов земли сближает вепсскую традицию с литовской и отличает от русской, латыш-

ской, марийской и мордовской традиций, в которых образ земли имеет преимущественно женское воплощение [Топоров, 2000. С. 328–333; Тойдыбекова, 1997. С. 103; Мокшин, 2004. С. 205–207].

Народные женские образы земли наделялись материнскими функциями. В основе некоторых вепских обрядов сева просматривается идея «оплодотворения земли». Их исполнителем, как правило, был мужчина. По данным начала XX в., принимаясь за работу, он должен был расстегнуть пуговицы на одежде, в том числе на штанах. Аналогичные представления пронизывали и русские посевные обряды. В Дмитровском крае Подмосковья, например, сеятель был босым, он нес зерно в незавязанном мешке или старых штанах, будучи при этом без пояса. В Кадниковском уезде Вологодской губернии посев льна мужчины производили без штанов или в обнаженном виде [Бернштам, 1988. С. 136]. В с. Шмаково Ирбитского у. Пермской губ. сеятель льна иногда раздевался донага и, высыпав лен в лукошко, ударял пустым мешком по своим ногам, полагая, что чем выше он ударит, тем длиннее вырастет лен. По сообщению Б. Л. Богаевского, произносимые при этом действия «слова приговора таковы, что их привести нельзя» [Богаевский, 1916. С. 59]. Вообще, сквернословие в земледельческих обрядах, имеющее продуцирующий смысл, – явление, распространенное среди многих европейских народов.

В ритуалах сева часто использовали яйца, которые катали по земле или крошили на полосе. Яйцо является универсальным символом зарождения новой жизни. При соприкосновении с землей в весеннее время оно должно было пробудить ее от зимнего сна, заставить плодоносить. Так, у северных вепсов сев льна предварялся катанием яйца по полосе. Затем сеяльщик съедал половину яйца, а вторую бросал в землю со словами: «*Min rakie tupa, sen rakie r'ouvaz*» – «Какое желтое яйцо, такой желтый у меня лен» [SKS, Pertola, № 371]. В этой группе был известен также похожий обряд, но совершаемый по окончании посева льна: хозяин крошил на полосе яйца, чтобы лен рос длинным и белым.

Материнские функции земли нашли отражение и в южновепском мифоритуальном комплексе, связанном с жатвой. В народных представлениях жатва воспринималась как мученические роды хозяйки поля, во время которых происходило рождение зерна («духа хлеба»), заключенного в снопы. По поверьям южных вепсов, в период жатвы на поле часто можно было слышать стоны, означающие, что хозяйка

поля рождает. Услышавший стоны обязательно дарил «рожнице» «пеленку»: снимал с себя портянку, платок или передник и оставлял на полосе [Винокурова, 1994. С. 103].

К группе вепских наземных мифологических персонажей можно отнести духов, связанных с ржаным полем. Все они оказались русского происхождения и имели узко локальное распространение среди вепсов. У северных вепсов с. Урицкое в Петров день совершался такой обряд: все члены семьи шли с миской творога в ржаное поле, там они садились на полосу, съедали немного творога, а затем разбрасывали его ложками через плечо на поле с заклинанием: «Будильница-кадильница! Иди сыру есть!» [Винокурова, 1994. С. 85]. По данным О. А. Черепановой, *кадильница, кудельница, удельница* – женский дух, обитающий в ржаном поле, функциями которого являлись охрана ржи и обеспечение плодородия, связанного с урожаем [Черепанова, 1983. С. 113–114]. У вепсов с. Пондала Бабаевского р-на Вологодской обл. зафиксировано заимствованное из мифологической лексики русского языка название *balovnicad* («баловницы»), под которым понимались духи в облике девушек, населяющих ржаное поле. Колыхание колосьев ржи объяснялось в народе игрой баловниц [Зайцева, Муллонен, 1972]. У русских *баловница* – локальный термин, обозначающий колдунью, ведьму [Черепанова, 1983. С. 15].

К наземным мифологическим персонажам, связанным с хлебными полями, можно отнести и духа зерна *kühärō, kaharō* (кюхаро, кахаро) у южных вепсов. Сведения о данном персонаже были записаны Л. Кеттуненом во время его пребывания в южновепских деревнях с целью изучения диалектических особенностей вепского языка [Kettunen, 1925]. Можно предположить, что в искаженном виде, как *кикаго*, наименование этого духа было зафиксировано в начале XX века в д. Корвала исследователем А. А. Киселевым [РЭМ, ф. 2, оп. 2, № 37]. Последующим поколениям исследователей не удалось подтвердить и дополнить информацию о данном персонаже. Видимо, он довольно рано исчез из памяти населения.

Сущность духа *kühärō, kaharō*, вследствие недостаточности сообщений, определить трудно. В некоторых заклинаниях, записанных Л. Кеттуненом, жнецы после уборки урожая просили *kühärō, kaharō* перенести зерно из скирд других хозяев в свои скирды:

«*Kiiheroi, kaheroi, kanda i karguta kaikutšes kegošpä mil'ēn ližata i kaikutšes skirdaspä abuta mil'ēn toda, minun zapoikale, minuj kegho...*» – «Кюхерой,

кахерой, принеси и сделай больше с каждого снопа мне добавку и с каждой скирды помоги мне принести на мою запольку, в мой стог...»;

«*Kühārō, kaharō kandab, karkatab, tob, torkutab, baiarškeiīs kegōšpä, bohatsūd'en skirdaspä, meid'eņ kegōhe, meid'eņ skirdōhe, raudāžīl vādrīl, vaškšīl kanambruslōl*» – «Кюхаро, кахаро приносит, делает больше, приносит, дергает с боярских стогов, со скирд богачей в наши стога, в наши скирды железными ведрами, медными коромыслами»;

«*Kühārō, kaharō, tule munaiitšut sōmhā, kañd'tše leibad, rugiš' i kagrad verhīs skirdōšpä i verhīs kegošpä meid'eņ kegōhe i meid'eņ skirdōhe, raudāžō kanambruslā, üliūši ühtsās mas*» – «Кюхаро, кахаро, приходи яичницу есть, принеси хлеба, ржи и овса с чужих скирд и чужих стогов в наши стога и наши скирды, железными коромыслами через девять земель» [Kettunen, 1925. S. 371–372].

Такое же смысловое значение имел и текст вепсского заклинания, записанный с ошибками на кириллице А. А. Киселевым, который исследователь сопроводил русским переводом, не вполне соответствующим подлиннику. «Когда жнут последний сноп, называемый *пожиная бабка*, говорят: “Кикаго-гаммгела Тимой Галмгела Ваней кагерой канда минут галмгела Ваней Никифорот гамлгеяй” (т. е. по-русски: “Весь хлеб с поля Ивана, Тимофея и т. д. пусть переходит ко мне”)» [РЭМ, ф. 2, оп. 2, № 37]. Имея варианты заклинаний, записанные Л. Кеттуненом, можно в какой-то мере попытаться реконструировать запись Киселева: «*Kiharō kagrkegole Timoin kagrkegole, Vanein, kagroid kanda minun kagrkegole, Vanei Nikiforan kagrkegospä*» – «Кихаро на овсяном стогу, на овсяном стогу Тимофея, Ивана, овес принеси на мой стог, с Ивана Никифорова стога». По предположению, выдвинутому А. Туруненом, эти тексты свидетельствуют о том, что *kühārō, kaharō* был духом воровства зерна [Turunen, 1956. P. 187]. Однако вероятнее, *kühārō, kaharō* был духом зерна, одной из функций которого было увеличение урожая хозяина за счет урожая соседей, т. е. это был дух, приносящий добро одним и вредящий другим.

Название *kühārō, kaharō* Л. Кеттунен считает описательным, связанным со словом *küherdan* ‘я сгибаюсь, я глубоко кланяюсь’. На наш взгляд, данное предположение находит подтверждение в балтийских языках и данных культуры. Вепсский дух *kühārō* ведет свое происхождение из древнебалтийского мифологического пантеона. В мифологии балтийских племен был известен бог *Curche (Kurke)*, сов-

падающий с *kühārō* по названию и некоторым функциям. О нем также сохранились чрезвычайно фрагментарные сообщения. Это божество имело отношение к ниве и земледельческим обрядам. Согласно древнейшему свидетельству (1249 г.), пруссы изготовляли изображение *Curche (Kurke)* раз в год при сборе урожая и поклонялись ему. Немецкий хронист XVI в. С. Грунау определяет *Curche (Kurke)* как божество еды. В других письменных источниках *Curche (Kurke)* обычно помещается в списках богов по соседству с Пушкайтсом (воплощением земли, священной бузины) и Пергрубрюсом (воплощением весны, листвы, травы), т. е. как бы на границе между сферой леса и поля. По мнению В. Н. Топорова, *Curche (Kurke)* – злой дух, вредящий злакам и собственно зерну (ср. литов. Крумине и другие божества, ведающие зерновыми, урожаем и т. п.); его действиям приписывали неурожай, об этом свидетельствует терминология: ср. латыш. *kurka* ‘мелкое, сухое, съезжившееся зерно’; лит. *kurkt* ‘высыхать’ и т. д. [Топоров, 1972. С. 306].

Образ *Curche (Kurke)* вошел и в русскую мифологию под несколько измененным названием *Коркуша*. *Коркуша* – персонифицированный образ лихорадки в русском заговоре [Майков, 1869. С. 47]. В русском названии персонажа, как и у балтов и вепсов, нашла отражение идея согнутости, скрюченности; *коркуша* – та, что причиняет корчи, судороги. Характерно, что немецкий автор XVII в. М. Преториус указывает обряды и заговоры, связанные с *Curche (Kurke) (Gurcho, Gurklio* – искаженное имя) и напоминающие, с одной стороны, жатвенные обряды в Прибалтике, Белоруссии и Польше (ср. польск. *kurka zbozowa*); а с другой – русские заговоры от лихорадки с участием *Коркуши*, злого духа, вредящего зерну [Иванов, Топоров, 1997, II. С. 30].

Земледельческий цикл завершали сушка снопов и молотья – важные сельскохозяйственные операции по отделению зерен от колосьев, которые происходили в риге, представляющей собой хозяйственную однокамерную постройку с печью. Крестьяне старались намолотить больше зерна, чем полагалось по расчету снопов. Считалось, что помощь в примолоте мог оказать дух риги. Верования о духе-хозяине риги встречались у вепсов повсеместно еще в 1980-е годы. В рассказах он мог представляться одиночным персонажем – «хозяином» или «хозяйкой», либо супружеской парой, либо мужем и женой с детьми. Вепские названия духа-хозяина риги отличаются локальным разнообразием: у южных вепсов – *rigi-uk* («ригачный дед»), *rigibukō* («ригачный бука»), *rigaivan* («ригачный Иван»), *rignik* («риж-

ник»), *riganižand* («хозяин риги»); его жена – *rigibab* («ригачная старуха»); у средних вепсов – *rigenižand* («хозяин риги»), *rihen rahkoi* («ригачный домовый»), *riheuk* («ригачный дед») и *riheak* («ригачная баба»), *bukač* («бука»); у северных вепсов – *riihen ižandaine* («хозяюшка риги») и *riihen emagainie* («хозяюшка риги»), *rigačakaine* («ригачная старушка») [Винокурова, 1992. С. 19; Зайцева, Муллонен, 1972. С. 471; Kettunen, 1925. S. 370].

В вепсских быличках дух риги обладает амбивалентной характеристикой. С одной стороны, о нем говорится, что «он делает добро», «сторожит ригу», помогает молотить. С другой – с ригачным хозяином полагается быть особенно осторожным, поскольку он может «преподнести неожиданный сюрприз довольно неприятного свойства» за непочтительное к нему отношение: спалить ригу и находящееся там зерно; замучить человека, оставшегося ночевать в риге, не спросив разрешения ее «хозяина»; дать плохой примолот зерна [Макарьев, 1932. С. 37].

Начало молотбы знаменовалось жертвоприношением ригачнику. У северных вепсов перед началом молотбы оставляли по углам риги подарки для *rigačakaine*: кусок хлеба, горсть сахара и чаю. При этом говорились такие слова: «*Řigačakaine! Primkat podarkad! Abuta miniin tapta rugiž!*» – «Ригачная старушка! Примите подарки! Помоги мне молотить рожь!» [Винокурова, 1992. С. 20]. Обряд, связанный с началом молотбы у оятских вепсов, красочно описан В. Н. Майновым: «Что у нашего северянина ригачник, то у чуди "ригхе-ижанд", его дело в пору жару пустить на снопы, его забота добрый замолот дать, но для всего этого требуется со стороны человека жертва: первый сноп так ему в жертву и идет; и куда только он девается? Только в окно его засунешь, так словно его вихрем из оконца выдернет, и слышно только, словно кто от риги бегом бежит; озорники говорят, что их же односельчане бедные таскают – так и ждут у окошка, да только это пустое! Набрехать недолго. Почтишь ригхе-ижанда, так он из одного снопа даст четыре мешка умолота, а не почтишь – убирай живее ноги! Спалит и ригу, и хлеб так, что едва успеешь сам выскочить» [Майнов, 1877. С. 23–24]. Плохой примолот духи посылали и тому, кто уходил из риги, не поблагодарив его «хозяев».

Чаще всего место обитания духов риги в рассказах расположено за ригачной печью-каменкой. По вепским верованиям, «хозяева» риги показывались перед людьми только в случае нарушения теми правил поведения. При описаниях внешнего облика духов риги указывались, как правило, такие черты: дух и его же-

на – маленькие, покрытые черной шерстью или грязные. Неслучайно измазанного грязью человека часто сравнивали с хозяином риги: «*Sina oled redukas kutiá rihenrahkoi*» – «Грязный ты, как ригачник» [Зайцева, Муллонен, 1972. С. 471]. В одном из мифологических рассказов духи риги наделены собачьими чертами: «*Riihen ižandaine, da emagainie oma karvakaižed, vot kutnä koir, vaiše tukad oma mustad i pit'kad i rožale om pästnu. Kerdan mäni baba tapmaha tütrenke kaks'toškim'es öl. Dei hiiläšt'i ozutihe riihen ižandaine, kut koir, i hö pelgastutihe. Potom ižandaine kadei kündusele*» – «Хозяюшка да хозяюшка риги – мохнатые, вот как собака, только волосы черные и длинные и на лице спущены. Однажды пришла баба с дочерью молотить в двенадцать часов ночи. Да и тихо показался хозяюшко риги, как собака, и они испугались. Потом хозяюшко исчез на крыльце» [Винокурова, 2006. С. 338–339].

Л. Кеттунен рассказывает, как в д. Сташково утром Нового года приносили в ригу горшок с кашей, всей семьей становились вокруг него и, прежде чем начать есть, кланялись в каждый угол риги и произносили заклинание:

<i>kühärō, kaharō,</i>	<i>kühärō, kaharō,</i>
<i>tule pudrot sōmhä,</i>	иди есть кашу,
<i>gomnan ižandāie,</i>	хозяюшко гумна,
<i>gomnan emagāie,</i>	хозяйка гумна,
<i>tūgat pudrot sōmhä,</i>	идите есть кашу,
<i>da abutagot meile tapmišt</i>	и помогите нам
<i>tapta,</i>	смолотить,
<i>ūdō vodō rahnmišt rahnda!</i>	в новом году собрать
	зерно!

Текст заклинания явно указывает на то, что у южных вепсов покровителями молотбы могли быть не только духи-хозяева риги, но и дух *kühärō*, вместе с духами-хозяевами гумна (*gomnan ižandāie, gomnan emagāie*).

С распространением православия среди вепсов к прежним персонифицированным образам земли и колосющихся полей, от которых зависел урожай, добавились персонажи христианского происхождения. Например, у северных вепсов сев мог включать культовые обряды, адресованные не только земле, но и Богу-Творцу. Так, встречаются сведения о ритуале сева, во время исполнения которого крестьянин бросал семена трижды через плечо и говорил: «Это Богу!». Потом бросал семена на полосу и говорил: «Это себе» [SKS, Pertola, № 476]. В д. Подщелье по окончании жатвы оставляли на полосе последнюю пядь колосьев, которую заплетали косой. Говорили, что это «*Богу на бороду*» [АКНЦ, ф. 26, оп. 1, № 15, С. 207]. Данные культовые обряды

свидетельствуют о том, что в народных представлениях Бог-Творец соединил в себе функции прежних земных и наземных мифологических персонажей. В общевепсской традиции покровителем земли, ее плодородных функций стал Николай Угодник. На связь этого святого с плодородием земли указывает тот факт, что день *Николаы весеннего* (9/22.05) у вепсов повсеместно являлся важной вехой сеяния. Чтобы получить хороший урожай, средние и южные вепсы стремились начать сев на неделе до Николаы, и только в исключительных случаях (если погодные условия не позволяли этого сделать) – в посленикольскую неделю. В д. Пелкаса сев овса заканчивали к празднику Николая Угодника [Зайцева, Муллонен, 1972. С. 505]. Следы древнего счета с начальной точкой – днем св. Николая (9/22.05) удалось обнаружить у северных вепсов. В северновепсских деревнях производили посев различных культур в течение десяти недель от *Николаы весеннего*. При этом применялся обратный счет: первая неделя от Николаы называлась «десятая», потом шла «девятая», далее «восьмая» и т. д. [Винокурова, 1994. С. 78].

У северных вепсов наземным мифологическим персонажем, ответственным за урожай на полях, кормильцем, стал Илья Пророк. Удостовериться в этом позволяет текст песни, которая сопровождала жертвоприношение творцом в ржаном поле в Петров день:

Tovarzi-jävarzi!	Товарзи-яварзи!
Ken om rugihez?	Кто есть во ржи?
Pühä Ií- sôtei rugihez!	Святой Илья-кормилец во ржи!
Lindïne, lindïne!	Птичка, птичка!
Tule meidänno rugehez sästod' sômhal!	Иди к нам в рожь творог есть!
Anda meal leibad!	Дай нам хлеба!

[SKS, Valjakka, № 325].

В жертву Илье у северных вепсов оставлялся нескошеный на последней борозде небольшой участок ржи под названием *Ilían bard* 'борода Ильи'. Жнецы говорили: «Na, Ilíja, däkha silei bardaks» – «На, Илья, тебе остаток на бороду» [SKS, Perttola, № 375].

В д. Подщелье покровительницей льняного поля была *Олёна* – св. равноапостольная царица Елена, день памяти которой приходился на 21 мая / 3 июня [АКНЦ, ф. 26, оп. 1, № 15: 205]. За посевы репы у северных вепсов отвечал Онуфрий Великий (день памяти – 12/25 июня). Магические приемы, которые использовались по отношению к народным персонажам, – оголение, нецензурная брань, манипуляции с яйцами, – стали адресоваться и христианским свя-

тым. В д. Подщелье посев льна производился в обнаженном виде. Крестьянин садился голым телом на ниву и говорил: «Расти Олена – б..., у меня ж... гола, вот тебе!», чтобы лен лучше рос [АКНЦ, ф. 26, оп. 1, № 15. С. 205]. В с. Шелтозеро перед началом посева репы крестьянин ел яйцо, намеренно роняя крошки желтка на землю, и произносил заклинание: «Anufrij, Anufrij, repusi, repusi» – «Ануфрий, Ануфрий, репный, репный» [SKS, Perttola, № 514].

Небо. Рассмотрим теперь линию развития мифологических представлений о небе. Самым древним небесным образом вепсского пантеона, восходящим к финно-угорскому периоду, является бог Юмау – *Jumau*. Диалектные термины: *g'umau* (Пондала), *g'umou* (Шимозеро), *jumou* (Озера), *jumä* (Сидорово, Чайгино), *d'umal* (Шелтозеро) [Зайцева, Муллонен, 1972. С. 90.]. Его название имеет соответствие во многих родственных финно-угорских мифологиях и, как полагают исследователи, восходит к прафинно-угорскому божеству, чье имя связано с названием неба (*juma*): фин., кар. *Jumala*; эст. *Jumal*; саам. Юбмел; коми Йомал; мар. Юмо – Кугу-Юмо [Петрухин, Хелимский, 1997. С. 564]. В одном из диалектов марийского языка слово *jumo* сохранилось не только в значении 'верховный бог', но и 'небо' [SKES, 1955. S. 122]. В этом реликте, как можно видеть, ярко отразился процесс олицетворения неба в народном мышлении. В то же время, по версии ряда этимологов, лексема *juma* имеет арийское происхождение. Ее источником является санскритское слово *dyumán*, имеющее первоначальное значение «небесный; сияющий, сверкающий; яркий», а также служащее определением древнеиндийского небесного бога Индры [SKES, 1955. S. 122; Häkkinen, 2007. S. 289]. Сравнительные материалы по развитым ураническим мифологиям многих народов обнаруживают единый путь развития представлений, связанных с небом: он шел от персонификации неба к его дифференциации и появлению отдельных божеств – воплощений небесных явлений, в том числе грома. Например, у славянских народов образ Отца-Неба уступил со временем свое место Перуну – «богу грозы, громовержцу, мечущему на Землю гром и молнии, как бы "окрещающему" ее водой и огнем» [Топоров, 2000. С. 250].

Некоторые данные вепсской метеорологической лексики могут говорить о *Jumau* как о боге неба, производящем различные погодные явления, поскольку в вепсском языке названия, обозначающие гром, грозу, раду, содержат имя этого бога: *g'umalangiiru* – гром (букв. «божий

грохот»), *g'umalansä* – гроза (букв. «божья погода»), *jumalanheboine* – радуга (букв. «божья лошадка») или *jumalankušak* (букв. «божий кушак»).

В то же время ряд сведений о *Jumau* как о боге грома и молнии оставили следы в диалектах вепсского языка. Так, у шимозерских и пязозерских вепсов слово *g'umou* сохранило два значения – бог и гром: «G'umou g'ureidab i lämin iškeb» – букв. «Бог (= гром) гремит и высекает молнию». Судя по данным лексики оятских вепсов, слово *jumou* имело у них три значения – 'бог, гром, молния', например: «Jumou jureidab» – «Бог (= гром) гремит», «Jumal iški heboho» – «Молния (= Бог) ударила в лошадь» [Зайцева, Муллонен, 1972. С. 151]. У южных вепсов гром и Бог также отождествлялись. Услышав раскаты грома, крестьяне имитировали баранье бляенье, объясняя такое поведение аграрными интересами: «Jumā juraidab, kulin, miše tariž bakkähtada, dei iče radlimā. Štobj vödm'an ei kibišta rahndes» – «Гром (Бог) гремит, слышала, что нужно бляеть, да и сами делали. Чтобы не болела поясница во время жатвы» (Боброзеро) [Винокурова, 2006. С. 326]. Данный любопытный факт, соотнесенный с культурными аналогиями других народов, заставляет выдвинуть предположение, что спутником бога Юмоу в вепсских верованиях мог быть баран. В Скандинавии, например, бог грома Тор представлялся едущим на повозке, запряженной баранами [Тресиддер, 2001. С. 21]. У западноафриканского народа йоруба баран – символ и атрибут бога грома Шанго, а гром воспринимается как оглушающее баранье бляенье [Бидерманн, 1996. С. 24].

Еще в дохристианское время у финнов и карелов название небесного бога и громовержца *Jumala (Jumal)* было заменено названием *Укко*. По своему коренному значению *ukko* – это представитель мужского пола, почитаемый старшим по возрасту и званию. Первоначально термин *ukko* использовался как эпитет, выражающий благоговение и почтение по отношению к небесному богу *Jumala (Jumal)*. Когда же слово *Jumala (Jumal)* постепенно стало обозначать вообще сильного и могущественного бога, даже христианского, его громовые и небесные функции стали соединять с именем *Укко*, т. е. праотца, старца [Кастрен, 1853. С. 511]. В финском и карельском языках термины, обозначающие гром, грозу, радугу, содержат корень *uk*, а не *jumou*, как у вепсов: *ukkonen* (фин.) – гром (уменьш. от *ukko*); *ukonilta* (кар.), *ukkosäi* (фин.) – гроза (букв. «божья погода»); *ukonkuari* (кар.) – радуга (букв. «божья дуга») и др. Известно, что еще в XVIII в. Ук-

ко был в центре обрядов, направленных на успешное созревание урожая зерновых. М. Агрикола дал описание одного из обрядов следующим образом:

И как посеяли весной,
тогда чарку Укко пили.
Принесли на пир чарку Укко,
и опьянели тут и девка, и старуха.
Много постыдного совершали,
все видели и слышали,
как Рауни с Укко грохотали,
славно со дна забушевало.
И это дало по желанию погоду и воду.

Это описание исследователи истолковывают как священный брак Укко и его жены Рауни, сопровождающийся громом и плодородным дождем, обеспечивающим урожай [Сиикала, 1990. С. 152–153].

В вепсской традиции следов перехода от *Jumau* к *Uk* не обнаружено, за исключением одного языкового примера: «Uk jureidab» – «Гром (= старик, Бог) гремит» [Богданов, 1952. С. 156]. Не удалось зафиксировать и свидетельств об обращениях вепсских крестьян к небу с просьбой об урожае.

После крещения вепсов под словом Юмау стал пониматься христианский Бог вообще, а громовые функции перенеслись на святого Илью Пророка. В XIX в. белозерские вепсы объясняли происхождение грома и молнии следующим образом: «Гром происходит от того, что Илья ездит по небу на огненной коляске, а когда он при быстрой езде наедет на камень и явится искра, то это молния» [Винокурова, 1994. С. 23]. По народным определениям, записанным в с. Шелтозеро в годы Великой Отечественной войны, «Ilja oli d'umalansän d'umal» – «Илья был богом грозы». О нем говорили: «Ilja ajab hebole, kudambal oma suugad i lämin sambutelob» – «Илья едет на лошади, у которой есть крылья, и молния сверкает» [SKS, Valjakka, № 525]. Подобные представления об Илье Пророке стойко сохраняются у вепсов до сих пор. Если в Ильин день раскаты грома отсутствуют, то пязозерские вепсы объясняют это явление перемещением святого на «тихом» виде транспорта – лодке: «G'umou g'üraidab, ka Ilja telegou ajab, a konz ku ei g'ürida, ka venehuu soudab» – «Гром гремит, так Илья на телеге едет, а когда как не гремит, так на лодке плывет» [Винокурова, 2006. С. 280].

Однако в вепсских крестьянских представлениях сфера обитания Ильи Пророка не ограничилась небом. Как мы видели выше, он спустился на землю, стал покровителем ржаных по-

лей. Кроме того, можно утверждать, что под его патронаж попало и крестьянское жилище. Такое заключение основывается на описании ритуала перехода в новый дом, найденном в материалах Ю. Перттола: «В новый дом входит из окна первым мужчина с иконой, ковригой и солью и говорит: “Pühä Iíá, sö íiib i solí!” – “Святой Илья, ешь хлеб и соль!”» [SKS, Perttola, № 383]. Следует заметить, что подобный путь развития представлений можно встретить и у других народов. Так, у литовцев бог Жемепатис, спустившийся с неба на землю, стал не только ее господином, но и получил «свою самую важную “земную” долю – дом, двор, усадьбу, хозяйство, дороги, социальное устройство, ритуал, т. е. то, чего “природная” Земля создать не может» [Топоров, 2000. С. 334].

*

Итак, в конце XIX – первой трети XX в. на вепсской территории еще существовали слабо развитые, с локальными различиями аграрные культы, объектами которых были хтонические и наземные мифологические персонажи и христианские святые. Сравнительно-исторический анализ этих образов позволил выделить их различные этнокультурные истоки. Какие-то из них были субстратного (общезинно-угорского) происхождения, другие – собственно вепсского, третьи – адаптированными в вепсской среде заимствованиями в результате контактов с древними балтами, русскими в различные периоды истории и в ходе христианизации. Удалось обнаружить также особенности развития некоторых аграрных культов: в большинстве случаев четкое распределение патронажных земледельческих функций между земными и наземными мифологическими персонажами, а не сосредоточение их во власти одного объекта культа (как это можно было, например, наблюдать в случае с Деметрой); появление наряду с женским хтоническим образом мужского; использование одинаковых культовых обрядов по отношению как к персонажам народного происхождения, так и к христианским святым; выделение главным среди небесных объектов грома, его персонификация, передача богу-громовержцу (впоследствии христианскому святому) в патронаж не только неба, но и хлебных полей.

Литература

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 278 с.

Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.

Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Т. I. Петроград: Типография М. А. Александрова, 1916. 257 с.

Богданов Н. И. История развития лексики вепсского языка: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952. Машинопись.

Винокурова И. Ю. Аграрная обрядность начала зимы у вепсов (конец XIX – начало XX в.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1992. С. 5–27.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994. 124 с.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006. 448 с.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2013. 575 с.

Зайцева Н. Г. Вепсские материалы в некоторых земледельческих сюжетах на лингвистических картах ALFE: традиции, инновации, контакты // Тр. КарНЦ РАН. 2011. № 6. С. 57–65.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.

Иванов В. И., Топоров В. Н. Курке // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1997, II. С. 29–30.

Иванова Л. И. К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1995. С. 30–52.

Кастрен А. О значении слов: Юмала и Укко в финской мифологии. Из лекций профессора М. А. Кастрена // Ученые записки Императорской Академии Наук по I и III отд. 1853. Т. 1. С. 491–528.

Майков Л. Великорусские заклинания. СПб.: типография Майкова, 1869. 84 с.

Макарьев С. А. Вепсы: Этнографический очерк. Л.: Кирья, 1932. 40 с.

Майнов В. Н. Приютская Чудь (весь-вепсы) // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 30, № 5. С. 38–53, 133–143.

Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: Этнографический справочник. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 320 с.

Научный архив Карельского научного центра РАН (в тексте – АКНЦ).

Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1997, II. С. 563–568.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 262 с.

Российский этнографический музей (в тексте – РЭМ).

Седов В. В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 3–15.

Сийкала А.-Л. Верования финнов в древности // Финны в Европе. VI–XV века. Вып. 2. М.: Наука, 1990. С. 145–165.

Симонсури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск: Карелия, 1991. 210 с.

Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1997. 397 с.

Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 289–314.

Топоров В. Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери *Zemia & *Māte (*Mati) // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сб. науч. тр. М.: Индрик, 2000. С. 239–371.

Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Honko L. Finno-ugric religions // The Encyclopedia of Religion. Vol. 5, N.Y. 1987. P. 333.

Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva, 2007.

Kettunen L. Tähelepanekuid vepslaste mutologiast // Eesti Kirjandus. 1925. N 9. Lk. 365–372.

Rainio J. Äänisvepsäläisiä sananparsia // Kalevalaseuran vuosikirja. 48. Porvoo, Helsinki, 1968. S. 289–312.

Suomen kielen etymologinen sanakirja / J. H. Toivonen. Helsinki, 1955. Vol. I. S. 1–204 (в тексте – SKES).

Suomen Kirjallisuuden Seura (в тексте – SKS).

Turunen A. Über die Volksdichtung und Mythologie der Wepsen // Studia Fennica. VI. Helsinki, MEML II, 1956. S. 169–204.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Винокурова Ирина Юрьевна

зав. сектором этнологии, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: irvin@sampo.ru
тел.: (8142) 781886

Vinokurova, Irina

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: irvin@sampo.ru
tel.: (8142) 781886

УДК 39

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ ОБСКИХ УГРОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАТРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И МОДЕЛЬ МИРА

П. Вереш

Комплексный институт гуманитарных исследований Венгерской АН

Бинарная оппозиция «сырое–вареное» в ритуальной трапезе фратрий по имени Пор и Мось у хантов и северных манси не имеет под собой реальных культурных различий, как предполагали академик Я. Харматта и профессор Д. Ласло, не знакомые с русскоязычной специальной литературой по финно-угристике и этносемиотике. Однако в ходе изучения этимологии названия фратрии Мось и этнонима «манси» выяснилось, что дуальное фратриальное устройство обских угров все-таки возникло под влиянием этнического смешения, на основе двух разных народов – местных уральцев и пришлых угров. Во время языковой интеграции отдельные этносы стали играть друг для друга роль брачного класса. Древнеугорская праформа Мось < *mańć3 – это исходный корень этнонимов не только манси, но и венгров, а именно – отглагольное существительное, имеющее финно-угорский или уральский, даже ностратический корень, семантически связанный со словами «сказать, говорить». Угорская праформа PFU *mańć3 не может быть индо-иранским заимствованием, как считали в течение ста лет, а первоначально означала «сказать, говорить» и одновременно – «сказание, сказ, сказка, миф, легенда».

К л ю ч е в ы е с л о в а: этиологический миф, ханты, манси, субстрат, ген.

P. Veres. THE ETIOLOGICAL MYTH OF OB-UGRIANS ON THE ORIGINS OF PHRATRIAL ORGANIZATION, AND THEIR WORLD MODEL

The binary opposition “raw vs. cooked” in the ritual meal in the Por and Mos phratries of the Khanty and northern Mansi peoples is not based on any actual cultural differences, as Academician J. Harmatta and Professor D. Laslo, who were unfamiliar with the specialized literature in the Russian language on Finno-Ugric and ethno-semiotic studies, used to believe. Studying the etymology of the Mos phratry name and the Mansi ethnonym it turned out however that the dual phratrerial organization of Ob-Ugrians did appear under the influence of the ethnic mixing based on two different “nations” – local Uralians and non-native Ugrians. In the course of language integration, the distinct ethnic groups turned into a marital class for each other. The Old Ugric protoform Mos < *mańć3 is the original stem of the ethnonyms of not only Mansi, but also of Hungarians, more specifically a verbal noun with the Finno-Ugric or Uralic, or even Nostratic stem that is semantically linked with the words “say, speak”. The Ugric protoform PFU *mańć3 could not have been borrowed from an Indo-Iranian source, as one had thought for a hundred years, but originally had the meaning of “say, speak” and, simultaneously, “saga, tale, myth, legend”.

K e y w o r d s: etiological myth, Khanty, Mansi, substrate, gene.

Введение

Для угорского населения хантов и манси таежной зоны Западной Сибири в течение долгого времени (начиная с эпохи средневековья) была характерна известная замедленность социально-экономического развития. В силу этого многие компоненты традиционной культуры обских угров, как и их языки, содержат больше элементов архаики, чем культура остальных финно-угорских народов, живущих к Западу от Урала, т. е. в европейской лесной зоне. Поэтому традиционная культура как манси, так и близкородственных им по языку хантов может служить надежной основой для историко-этнографической реконструкции, а в ряде случаев даже отражает явления, возникшие в далеком прошлом, в ходе их этногенеза. Сюда относятся и феномены материальной культуры, свидетельствующие о хорошей приспособленности к суровому субарктическому климату, и двоичная символическая классификация, и орнаментальные комплексы, связанные элементами преемственности с искусством неолита и бронзового века, например, с так называемыми андроновскими геометрическими мотивами. Сюда же следует отнести и некоторые архаичные черты дуальной социальной организации, лучше всего сохранившиеся в Сибири именно у северных манси Зауралья, в бассейне рек Ляпина и Северная Сосьва.

Представляется, что манси, или по крайней мере некоторые черты их традиционной культуры, например, медвежий праздник, связанный изначально лишь с фратрией Пор, – это реликтовое явление, уходящее корнями в далекую финно-угорскую или даже уральскую эпоху. Важным элементом культовой атрибутики другой фратрии, Мось, является лошадь. Представление о возникшем в ходе этногенеза смешении пришлых с юга угров и местных уральцев-аборигенов отразилось в какой-то мере на дуальной общественной структуре хантов и северных манси, включающей фратрии по имени Пор и Мось. Во всяком случае, культовые изображения животных, относящихся к числу их фратриальных тотемов и символизирующих, по-видимому, верхний и нижний миры, найдены в неолите по всей Северной Евразии, в том числе в Западной Сибири. Исходя из этого, можно допустить, что архаичная общественная структура хантов и мифический герой как крылатый всадник (Мирсусне-хум – «За народом смотрящий человек»)

говорят о том, что в отличие от упомянутых архаических явлений здесь налицо этнокультурное влияние весьма развитых в культурном отношении южных угорских пришельцев, прямых потомков современных обских угров. Они имели бронзолитейное дело, хорошо знали коневодство и изобразительное искусство. Переселяясь, начиная с рубежа бронзового и железного веков, в более северные, таежные районы Западной Сибири, эти угры ассимилировали местные уральские по языку аборигенные популяции. Нынешняя этническая территория обских угров полностью входила в прошлом в восточную часть финно-угорской прародины уральских народов. Тем более что именно на Урале находился центр распространения (рефугиум) широколиственного леса и диких медоносящих пчел. По нашему мнению, именно таким образом и возникла дуальная общественная структура хантов и манси: пришлые и местные, но родственные по языку этносы в Западной Сибири во время этнического смешивания послужили друг для друга экзогамным брачным классом и позднее постепенно превратились во фратрии, называющие себя Пор и Мось.

Параллельно с этим распространялся угорский язык и среди местного уральского субстрата Зауралья. (Таким же образом возникла позже диалектная и этнографическая группа северных манси на хантыйском субстрате после 13 века н. э.) Нашу научную гипотезу о возникновении фратрий обских угров из этнического смешения в ходе их этногенеза убедительно подтверждает и лингвистический материал. Дело в том, что общий финно-угорский и тем более угорский корень хантыйского и северного мансийского фратриального названия *mōš* (pluar. *mońšet*) ~ *mońt* <PFU *mon ~ *manu* > Proto-Ugor *mańć3 > *māńši* обозначает «говорящий». Неслучайно эту же фонетическую и семантическую закономерность можно выявить и у этнонима «манси», и у первой части самоназвания венгров *magy-* (*mad'*-). По моему мнению, как раз к этой финно-угорской этимологии относится у финнов и карелов *mana-* ~ *manaus* (~ *manata*); венгерск. *mon-d* 'сказать' > *сказ* ~ *миф*'; удмурт. *mad'* 'сказка, сказ, миф'; *mad'ni* 'сказку сказать'; мари *manaś* 'крик'; юкагир. *mon-* 'сказать'. Очень интересно, что, согласно исследованию крупного российского лингвиста В. М. Иллич-Свитыча, протофинно-угорская реконструированная форма PFU *mańćэ ~ *mańć3 имеет даже ностратическое происхождение, где *-ć3* ~ *-ćэ* ~ *-čä* – окончание прилагательного. Это нужно принимать во внимание, так как мы имеем дело с одним из

самых древних этнонимов в мире у угорских народов, сохранившимся до сих пор. Как нам недавно удалось доказать, традиционная точка зрения Берната Мункачи (Munkácsi Bernát), когда он сравнивал в 1901 году санскритское слово Manu- ~ manu-ś> с этнонимами угров māñśi (~ mōś ~ moñt' <PFU>*monu-*mañćэ, Proto-Ugor *mañć3>), magy-(ar) мадьяр (венгров), под вопросом finn mies [Setälä, 1887; Chernecov, 1939], этимологически, т. е. семантически, а также исторически, неверна. Об этом, конечно намного подробнее, я писал в диссертации, которую защитил под руководством С. А. Токарева (1899–1985) в Институте этнографии АН СССР [ср.: Patrubány, 1890; Munkácsi, 1901; TESZ, 1974; Gulya, 1996; Veres, 1974, 1979, 2009, 2012].

Также совершенно ошибочная этимологическая интерпретация у М. Бенке (Mihály Benkő) из Будапешта, когда недавно он попробовал связать этноним венгров «мадьяр» (magyar) с самым распространенным мужским именем у казахов Madiyār, которое на могильных памятниках и на стенах мечетей в Казахстане кириллицей действительно пишется как «Мадьяр», однако фонетически произносится «mad-i-yār», так как в казахском языке нет палатализованного звука: d'. Мягко говоря, венгерское самоназвание мадьяр – «magyar» по религиозным соображениям никак не может фигурировать на главных стенах мусульманских мечетей, даже если там написано «Мадьяр». Тюркологи доказали: казахское и узбекское слово «Mad-i-yār», в письменной форме обозначаемое как «Мадьяр», не имеет тюркского происхождения и, несмотря на совершенно случайное письменное совпадение с венгерским самоназванием мадьяр, имеет совершенно другую, не финно-угорскую (и не иранскую), а арабско-персидскую смешанную этимологию, явно возникшую из сокращенной формы от имени Мухаммеда, пророка исламской религии. Итак, правильно будет: Mad-i-yār > мадьяр < Muhamed-yār. Таким образом, Мадьяр ~ Madiyār (<Muhamed-), которое также встречается у узбеков, а -yār 'любящий' (в азербайджанском языке 'любовь'), – несомненно, персидское заимствование через арабский язык во время распространения ислама у тюркских народов [ср.: Veres-Somfai, 2009, 2012: 354; Baski, 2010].

Бинарная оппозиция «сырое–вареное» в ритуальной трапезе традиционной культуры фратрии хантов и северных манси

Из исследований Н. Л. Голдатти, Б. Мункачи, Я. Папаи, В. Н. Чернецова, В. Штейница, А. М. Золотарева, З. П. Соколовой и других из-

вестно, что общество хантов и северных манси делилось на две тотемические экзогамные группы – Пор и Мось (на южно-хантыйском диалекте Монть). В специальной литературе эти дуальные половины обычно называют фратриями. Но, не останавливаясь на вопросах терминологии о том, в какой мере помимо термина «фратрия» следует использовать также понятие «брачный класс» или специальный этнографический термин moiety (= половина), проанализируем миф, рассказывающий о формировании дуальной общественной структуры обских угров, которая к тому же в Сибири лучше всего сохранилась именно у них.

У северных манси в бассейне рек Ляпина и Сев. Сосьва еще в позапрошлом веке был обнаружен интересный этиологический миф, в котором сами обские угры пытались объяснить возникновение фратрий. «Раз богатыри, вернувшись с охоты, только расположились есть убитую дичь, как видят, что на них идет множество других богатырей; часть их испугались, бросились бежать, но, не желая расставаться с мясом, захватили его сырым – это так называемые Мось-хум или Торум сыр-хум. Другие, побуждаемые голодом, остались и начали греть котел, но не успели. Противники пришли и разбили им носы (с этой целью и приходили – хотели посмеяться). С этих пор они и стали носить имя Пор-хум. А потомство богатырей сохранило названия Мось-хум и Пор-хум».

В этой связи венгерский академик Янош Харматта (Harmatta János; 1917–2005) выдвинул весьма далеко идущее положение о том, что у обских угров фратрия Мось якобы действительно ела в свое время только сырое мясо в противовес брачному классу Пор, как об этом и говорится в мифе о происхождении дуальных фратриальных систем. К тому же Я. Харматта связывает предков брачной половины Мось с народом, жившим вблизи Средней Волги, упоминаемым в работе греческого историка Гелланика (V в. до н. э.) и фигурирующим на картах Птолемея. Этот народ в эпоху античности назывался иранцами «амодокос». Анализируя этот этноним, Харматта установил, что его хорошо можно этимологизировать из иранских языков как «поедающий сырое мясо».

Другой видный ученый из Будапешта, профессор Дюла Ласло (László Gyula; 1924–1992) развивал эти положения. Он полагал, что отголосок мифа о возникновении дуально-фратриального устройства общества у обских угров мог в какой-то мере отражать и обычаи древних венгров, и это соответствует замечанию средневекового летописца Регино (около 982 г. н. э.) о том, что венгры «едят сырое мясо

и пьют кровь». По мнению Ласло, у древних венгров, прародиной которых является Северная Азия, вполне мог сохраняться такой архаичный обычай. С другой стороны, эта информация западноевропейского летописца хорошо соотносится с представлениями о фратрии Мось. Людей, входящих в эту группу, обские угры называли иногда «сыромясным народом». Итак, Ласло выдвинул гипотезу, согласно которой традиция поедания мяса в сыром виде связана не только с этногенезом обских угров (как утверждал Харматта), но и с ранней этнической историей венгров.

Вряд ли можно игнорировать эту интересную, но мало известную в специальной литературе концепцию, касающуюся древней истории всех угорских народов, поскольку название так называемого «сыромясного народа», т. е. имя брачного класса, или фратрии, Мось северных этнографических и диалектных групп обских угров генетически связано, по общепринятому мнению лингвистов финно-угроведов, не только с этнонимом «манси», но и с первой частью самоназвания венгерского народа «мадьяр – магуаг».

По мнению Я. Харматта, около II в. до н. э., когда в степной зоне по различным (в том числе и экологическим) причинам происходила значительная перегруппировка кочевых племен, к северу от Каспийского и Аральского морей появился иранский племенной союз даха. Входившие в союз «пориосы» жили севернее «парносов» и соприкасались, таким образом, с восточными финно-уграми. Харматта считает, что название «пориос» (древнеиран. *рагуа; среднеиран. *pori, *pari, *por, *par) сохранилось не только у удмуртов как этноним соседнего народа мари, но и частично у обских угров. Далее Харматта утверждает: поскольку сходное с древнеиранским племенным именем даха слово Пор существует в языках и хантов, и северных манси в качестве фратриального названия, значит, упомянутые южные соседи обских угров – иранцы даха – после II в. до н. э. могли играть важную роль не только в их этногенезе, но и одновременно и в возникновении дуально-фратриальной организации у хантов и северных манси. В подтверждение своей гипотезы он ссылается на то обстоятельство, что в традиционном фольклоре у них сохранилось противопоставление охотников-рыболовов Мось («сыромясным народ») якобы более развитым и культурным, но чуждым Пор («вареномясным народ»). При этом венгерский академик имеет в виду процитированный выше этиологический миф, объясняющий возникновение дуально-экзогамной системы у обских

угров. В этом квазимифе, повествующем о генезисе данной архаичной общественной структуры, члены фратрии Мось действительно называются «сыромясным народом», а люди Пор – «вареномясным народом».

Венгерский иранист Харматта полагает, что этот миф, вернее легенда, впервые записанный известным русским этнографом Н. Л. Гондатти в конце 19 века, отражает историческую действительность и свидетельствует о более высоком культурном уровне предполагаемых, но не доказанных иранских предков фратрии Пор. Однако В. Н. Чернецов (1905–1970), зафиксировавший тот же самый миф позже, в 30-е годы 20-го столетия, отмечает, что в культурно-историческом плане противопоставление эпитетов «сыромясной» и «вареномясной» по фратриям не имеет под собой никакой реальной почвы. Кроме того, по его данным, «сыромясной» относится именно к фратрии Пор, а «вареномясной» – к фратрии Мось, т. е. его материалы совершенно противоположны материалам Н. Л. Гондатти. Но даже если остановиться на варианте Гондатти, возможно толкование этой легенды, отличающееся от предложенного Харматта или Ласло, которые не имели представления не только о работах Чернецова, но также и о монографии Клода Леви-Строса под названием «Сырое и приготовленное», которую издали еще в 1964 году на французском языке. Вышеназванные венгерские ученые также не были знакомы с книгами М. З. Золотарева, В. В. Иванова, В. Н. Топорова и других многочисленных известных советских авторов московско-тартуской семиотической школы, имеющей сегодня мировую известность. Поэтому профессора из Будапешта просто не знали о том, что для архаических культур вообще характерно своеобразное восприятие мира, реализуемое в так называемой его «мифологической» модели (она, по мнению специалистов по этносемиотике, свойственна также психологии раннего детского возраста и художественного творчества и имеет прямое отношение к асимметрии человеческого мозга). Ей присуща, помимо этноцентризма, двойная символическая классификация. Суть последней заключается в том, что если не все, то, как правило, самые важные явления окружающего мира, прежде всего связанные с областью сакрального, описываются с помощью противоположных понятий. Сюда относятся, в частности, дихотомические оппозиции «сырое–вареное», а также другие противопоставления, как, например: правое–левое, мужчина–женщина, тьма–свет, белое–черное, красное–синее, юг–

север, восток–запад, солнце–луна, день–ночь, четный–нечетный, хорошее–плохое, сакральное–профанное. Этим противопоставлениям соответствует система оценок, в которой членам бинарных сопоставлений присвоены отрицательные или положительные значения. Важно, что понятия, составляющие полярные пары символов, могли в оценочном плане меняться местами в зависимости от конкретной ситуации. Такая дуальная картина характерна и для мифологии обских угров. Однако ценная статья об этом В. Н. Чернецова (1939), крупного специалиста по этнографии хантов и манси, а также их лингвистике и археологии, к сожалению, не была известна Леви-Стросу, как и научная деятельность его предшественника в области семиотики и этнологии М. З. Золотарева (1907–1943). Этот ученый с мировым именем, но трагической судьбой, тоже подробно писал в своей монографии (1964) об удивительном дуализме мифологии и социального устройства угров Западной Сибири, которые являются самыми близкими родственниками венгров внутри уральской (финно-угорской) языковой семьи.

У обских угров, как и у подавляющего большинства народов с архаической культурой, правая сторона по традиции всегда соответствует мужскому, а левая – женскому началу или принципу. Это отражается в делении их жилища по признаку пола на две половины (что до последнего времени наблюдалось в юртах у евразийских кочевников и в крестьянских домах Восточной и Средней Европы). У обских угров на медвежьем празднике мужчины целуют именно правую лапу почитаемого животного, при этом мужчины сидят справа, а женщины слева от медведя. Однако в их понятиях о загробной жизни наблюдается инверсия: по «дороге, ведущей в царство мертвых» по правой стороне идут грешные, а по левой – невинные, что является зеркальным отражением ритуальной практики хантов и манси, в которой правая сторона обычно оценивается положительно, а левая – отрицательно. В мансийском языке на это, например, указывает семантика слова «правое» («хорошая» сторона), так же как у венгров «правое» этимологически обозначает «лучшее» (jó > jobb). Место жительства хороших духов находится, по их верованиям, на юге или востоке, а плохих – на севере и западе. Соответственно этому обские угры совершают жертвоприношения двух видов, сырое (кровавое) и вареное, в соответствующих направлениях.

У хантов и манси хорошо прослеживается и противопоставление, связанное с полом, – четный–нечетный, также характерное для дуальной символической классификации.

Например, при убийстве медведицы у обских угров праздник продолжается четыре дня, медведя – пять; у женщины, по представлению обских угров, четыре души, а у мужчины – пять.

Душа мертвого, после того как она покинет тело, летит в образе птицы «по пути мертвых или птиц» в северном направлении, где в устье Оби у Северного Ледовитого океана, как считали ханты и манси, находится страна мертвых. В их верованиях загробный мир соотносится с черным озером, страной змей, лягушек, рыб – с холодным краем.

Мансийский миф сохранил представление обских угров о проникновении души в страну мертвых. «В царство подземного князя Куль можно попасть через маленькое отверстие. Там, где небо соединяется с землей, находится скала с дыркой, которая семь раз покрыта рыболовной и птицеловной сетью. Здесь сидят старик и старуха, они караулят вход. Герой прилетает в виде птицы, попадает в железную сеть, крылья его ломаются, и он попадает в воду, превращаясь там в щуку. Только так, в образе рыбы, можно преодолеть это препятствие и вступить в царство мертвых». Из этого мифа хорошо видно, что сопоставление живого и мертвого выражается в парных оппозициях: воздух–вода, птица–рыба.

Примеры дихотомических противопоставлений у обских угров, куда входит и оппозиция «сырое–вареное», можно продолжить. Но здесь необходимо прежде всего подчеркнуть, что у народов, чья общественная структура имеет двойное деление, ряды положительных и отрицательных символов дуально-символической классификации обычно группируются по фратриям (по брачным классам) отдельно. Поэтому дуальные половины общества выглядят как бы соперничающими, дразнящими друг друга или даже враждующими, хотя взаимные браки в соответствии с экзогамными нормами тесно их связывают. Такая тенденция наблюдается у обских угров. В архаичной модели мира хантов и манси, как и в мировом шаманизме, можно выделить три уровня. Средний мир – это земля, где живут люди, за которыми наблюдает «Человек, смотрящий за народом» (Мир-сусне-хум) – крылатый всадник, седьмой сын Нуми-Торума, главного божества. Именно с дуалистическими мифами связана фратрия Мось. Ее тотемы – гусь, лебедь, береза. Другая фратрия – Пор, ее прапредок – Пор-нэ (женщина Пор), женский мифологический персонаж. Тотемы этой фратрии – медведь, вернее медведица, зонтичное растение ро́г, кедр и лиственница. Как доказано В. Н. Чернецовым,

архаичный медвежий праздник, который у обских угров теперь является общенародным развлекательным мероприятием, первоначально существовал только у фратрии Пор, то есть у «вареномясного народа».

Не исключено, что совпадение названия брачного класса Пор у обских угров с этнонимом иранского племенного союза даха (версия Я. Харматта) может быть и случайным явлением – ведь этимология фратриального названия Пор объясняется специалистами совершенно по-разному. Например, В. Н. Чернецов связывает ее с зонтичным растением. В. Штейниц считает это слово этнонимом аборигенного населения Западной Сибири. По нашему мнению, очень важно в данном случае то, что у обских угров различается два главных вида жертвоприношения: так называемое «кровоавое»: *iri* (сырое) и «бескровоное»: *rog* (вареное). Последнее называется «пори» или «пури» (*pori, puri*). В этой связи надо обратить внимание на следующее интересное обстоятельство, а именно: в ритуалах бескровное жертвоприношение оценивается ниже, чем кровавое. Кровавое приносится лишь в особо важных случаях, а жертвенным животным является лошадь, олень или какое-то другое. Едят мясо не только вареное, но и сырое, а также пьют парную кровь жертвы, в отличие от бескровного жертвоприношения, где еду предварительно варят (ср.: Клод Леви-Строс. Мифологии: сырое и приготовленное. М., 2006).

В бескровных жертвоприношениях особое место занимает медведь, предполагаемый тотемический предок фратрии Пор, мясо которого едят вареным на особом медвежьем празднике. Варят медвежье мясо не женщины, а мужчины. Они получают переднюю часть туши, женщины – заднюю; женщины не могут есть голову, сердце и печень медведя. Весьма примечательно, что раньше в ритуально-религиозной жизни обских угров найдено своеобразное противопоставление по фратриям в жертвоприношениях медведя и лошади.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что фратрия обских угров Пор именуется в мифе не только «вареномясным народом», но ее наименование этимологически близко выражению «бескровоное (т. е. вареное) жертвоприношение» (*pori, puri*), а также близко к хантыйскому слову «пепел» (*por*), которое в свою очередь тесно связано с венгерским глаголом «варить» (*fórralni*) и с отрицательным женским мифологическим персонажем Пор-нэ (женщина Пор), относящимся к нижнему миру. Из фольклорных и этносемиотических работ известно, что в мифологии разных народов имена отрицательных женских образов в каче-

стве типологического изоморфизма иногда интересным образом совпадают со словом «пепел». Не исключено, что у обских угров мы встречаемся с таким же явлением. Тем более что в мифологии обских угров, так же как у японцев, солнце принадлежит женщинам, а луна – мужчинам.

Оценивая, какая из двух фратрий в обско-угорском обществе престижней, нужно принимать во внимание то, что экзогамная группа Мось связана с верховным богом Нуми-Торумом и его сыном Мир-сусне-хумом, а не с отрицательным мифическим женским персонажем, с которым связывается группа Пор. Весьма интересна оппозиция по полам предков этих фратрий: у людей Мось, т. е. «сыромясного народа», предком считается положительный мужской персонаж – крылатый всадник «За народом смотрящий человек», а у людей брачного класса Пор, «вареномясного народа» – отрицательный женский образ Пор-нэ. Из всего этого вытекает, что хотя члены фратрии Мось назывались в мифе «сыромясным народом», однако принадлежали к верхнему миру, а фратрия Пор – «вареномясной (котельный) народ», которую академик Харматта ошибочно считает на основе этого эпитета более развитой в культурном отношении, – должна считаться скорее представителем мира нижнего.

По нашему мнению, у хантов и манси в этиологическом мифе о происхождении их дуальной фратриальной системы Пор и Мось «сыромясной народ» противопоставляется «вареномясному народу» и, по-видимому, символизирует прежде всего обрядовое различие этих дуально-тотемических экзогамных групп обских угров. Ритуальное соперничество и шутовская издевка между группами Пор и Мось (*моньт, mos ~ mońt'*), а также противопоставление их, основанное на прозвищах «вареномясной (котельный) народ» – «сыромясной народ», соответствуют универсальной дуально-символической классификации, отражающей бинарную общественную структуру и связанную с ней своеобразную двоичную мифическую модель мира. Эта интересная дихотомия имеет исключительно оценочный характер в культуре манси. Другими словами, можно уверенно утверждать, что противопоставление «сырое–вареное» по фратриям не отражает процессов этнического смешения у обских угров. И таким образом, не имеет под собой никаких реальных культурных различий, как ранее ошибочно предполагали в своих работах известные венгерские ученые академик Янош Харматта и профессор Дюла Ласло, не знакомые с русскоязычной специальной литературой.

Этнокультурное и генетическое влияние финно-угров на иранцев в создании космогонической дуальной мифологии и их роль в возникновении номадизма

Изучая этимологию названия фратрии Мось и тесно связанное с ним происхождение этнонима «манси», а также этимологию самоназвания венгров, мы нашли однозначное подтверждение того, что дуальное фратриальное устройство обских угров возникло все-таки, частично или полностью, именно под влиянием этнического смешения в ходе их этногенеза. В результате климатических изменений из-за интенсивного заболачивания лесостепной территории в Западной Сибири произошли крупные миграционные процессы. Вследствие этого угорская этнолингвистическая общность, куда входили общие предки обских угров и венгров, после тысячелетнего (а возможно, и более длительного) совместного проживания на юго-восточных окраинах бывшей уральской прародины финно-угров в лесостепях Западной Сибири, расформировалась на рубеже II–I тыс. до н. э. Протовенгров заставили переселиться на юг значительные экологические изменения, а именно – интенсивное заболачивание их лесостепной этнической территории Зауралья; это же заболачивание вытеснило предков обских угров на таежный север. Древние венгры во время переселения в степную зону в ходе приспособления к новым географическим условиям, под сильным экологическим давлением изобрели номадизм – кочевое скотоводство, как совершенно новый культурно-хозяйственный тип, помогающий им выжить во время ухудшающихся климатических условий. По новейшим данным ученых Леутина и Николаевой, адаптация к новым природным факторам среды связана с улучшением межполушарного переноса информации. Экстренность процессов адаптации приводит к усилению взаимодействия полушарий мозга в новых экологических условиях. В период экологических катаклизмов временно, действительно, повышается возможность реализации творческих потенциалов внутри этноса.

Надо признать, для меня явилось приятным сюрпризом неожиданное подтверждение моей концепции о возникновении кочевничества под финно-угорским культурным влиянием в книге А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной «Мифы и гены. (Глубокая историческая реконструкция)». Около 12–10 вв. до н. э. в Западной Сибирской степи и соседней аридной территории Северного Закаспия наблюдалось сильное смешение

восточных финно-угров и иранцев. Этот важный район одновременно был не только центром моноцентрического возникновения и распространения евразийского номадизма [ср.: Г. Е. Марков, 1978, 2010. С. 30], но и этнической территорией древних венгров, где начиная с 12 века до н. э. формировался их андроновский антропологический тип. Тибор Тот (1931–1991) еще в 1970 году в статье, опубликованной в московском журнале «Вопросы антропологии», доказал, что длительный процесс формирования антропологического типа древних венгров начался в 12 в. до н. э., их морфологический ареал локализовался в засушливом районе Северного Каспия, между Аральским морем, Нижней Волгой и горами Мугоджары – Южным продолжением Урала, преимущественно на иранском андроновском субстрате. Этот последний тезис он обосновал в своей диссертации на русском языке (1978). Особенно интересным в свете концепции Г. Е. Маркова (о моноцентрическом возникновении номадизма) является то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Восточного и Центрального Казахстана, и особенно сарматов Нижнего Поволжья (Калиновка) и группы Приаралья (Миздахкан). Этот взгляд Т. Тота, поддержанный Г. Ф. Дебецем [1968], является одним из основных достижений в исследовании этногенеза венгров.

Вышеназванные российские ученые доказывают, что помимо фольклорного материала относительно архаичной дуалистической космогонической мифологии андроновцы-иранцы непосредственно заимствовали от уральцев также специальные гены (mitU7) финно-угорских народов. Коротаев и Халтурина, несомненно, сделали сенсационное открытие в 2010 году, когда установили, что финно-угры опосредованно, через иранцев даже влияли на сюжеты Библии. Так, иранские группы в степной зоне под влиянием финно-угров заимствовали около 12 века до н. э. мифогены уральской дуалистической космогонии, которой древние индоевропейцы и евреи не знали. Все это объясняется тем, что самые интенсивные этнокультурные и генетические контакты между иранцами федоровской археологической культуры с финно-уграми надежно документированы как по лингвистическим, так и по археологическим, антрополого-генетическим данным. Не говоря о фольклорном материале, который весьма убедительно реконструировал в своей докторской диссертации (1990) В. В. Напольских, финно-угровед с мировым именем. По его мнению, существование многих дуалистиче-

ских космогонических мотивов реконструируется даже для древнего периода «урало-американского» единства, существовавшего около алтайских и уральских гор в палеолитическое время, благодаря именно развитию дуалистических космогонических мифов древних уральцев. Это косвенно подтверждают новые генетические данные русских и американских ученых [ср.: Коротаев, Халтурина, 2010. С. 175–182]. Таким образом, никак нельзя исключать того, что ценные наскальные изображения на Урале были созданы далекими предками современных финно-угорских народов на территории их прародины, вблизи которой жили палеоиндейцы.

Очень важно обратить внимание на то, что московские авторы считают: дуалистическая космогония не реконструируется на протоиндоевропейском уровне. Единственная ветвь индоевропейцев, имеющая более или менее развитую собственную дуалистическую космогонию, – иранцы, которые интенсивно контактировали с финно-уграми и именно благодаря им заимствовали дуалистические космогонические мифы древних уральцев [Коротаев, Халтурина, 2010. С. 175–182]. «До сих пор не найдено данных о лингвистических контактах между протоиндоевропейцами и протоуральцами, до сих пор нет оснований полагать, что арии или индоиранцы в целом исходно имели какие-либо древнейшие свидетельства присутствия дуалистических космогонических мотивов, обнаруживаемых исключительно только в ранних авестийских текстах, датируемых около 12–10 вв. до н. э.». Добавим: именно тогда, когда хронологически возникло евразийское кочевничество с коневодческим уклоном в степной зоне под этнокультурным и генетическим влиянием южных групп финно-угров. Таким образом, наиболее древние надежно установленные этнокультурные тесные контакты между иранцами и финно-угорским населением во время андроновской археологической культуры датируются конкретно рубежом II–I тысячелетия до н. э. По мнению Коротаева и Халтуриной, в свете концепции Напольских о появлении весьма ранней «урало-американской» дуалистической космогонии никак не представляется возможным объяснить его поздними влияниями индоевропейцев, арийцев или иранцев, как раньше предполагали М. Р. Драгомонов (1892–1895), У. Холмберг (Харва) (1927–1949), О. Дэнхардт (1907–1915).

Значительно более правдоподобным представляется прямо противоположное направление этнокультурных и генетических влияний

с севера, из лесной зоны. Особенно принимая во внимание тот факт, что именно иранское по языку Федоровское население андроновской культуры находилось в наиболее интенсивном контакте с финно-уграми, обладавшими к тому времени высокоразвитой дуалистической космогонией и достигшими района формирования авестийских текстов до начала складывания авестийской традиции [Коротаев, Халтурина, 2010. С. 175–182]. Эта интересная новая концепция находит дополнительное подтверждение по генетическим данным о пространственном распределении материнской линии: mtU7, а также в этногенезе и ранней этнической истории древних угров.

В связи с этим, несомненно, надо обратить особое внимание именно на то, что венгры – единственный финно-угорский народ, переселившийся с севера на юг, в степную зону, под влиянием значительного экологического изменения, интенсивного заболачивания их лесостепной этнической территории Зауралья (черкаскульская археологическая культура 12–10 вв. до н. э.). Другими словами, южная часть древних финно-угров – далеких предков венгров – мигрировала в степь Западной Сибири на рубеже II–I тысячелетий до н. э., потом – в соседний полупустынный регион нынешнего Казахстана, где с 12 века до н. э. начинал формироваться их андроновский антропологический тип на иранском этническом субстрате (по мнению Тибора Тота; опубликовано на русском языке). Не говоря о том, что в этих аридных местах между Аральским морем, Нижней Волгой и горами Мугоджары в конце бронзового периода впервые возник односторонне специализированный экономико-хозяйственный тип кочевничества (номадизм) в Евразии, и, как ранее нами было доказано, несомненно, под финно-угорским этническим влиянием. Таким образом, древние венгры весьма активно участвовали в создании нового подвижного культурно-хозяйственного типа – номадизма и стали среди финно-угров единственным типичным кочевническим этносом, с которым не могли конкурировать в степи даже арийцы-иранцы, а позже и тюркские кочевники, тем более – ассимилировать их по языку и этнически. Возникает интересный вопрос: почему?

Необходимо подчеркнуть, именно этот финно-угорский народ стал изобретателем и распространителем евразийского кочевничества в степной зоне. Об этом я более подробно пишу в недавней публикации журнала «Этнографическое обозрение» Института этнологии и антропологии РАН. Не нужно забывать:

культурная адаптация к неожиданным экологическим условиям стимулирует выявление потенциальной креативности любого народа. Каждый этнос – осознанная коммуникационно сложная самооргани-зующаяся адаптивная система, которая спонтанно и перманентно старается приспособиться к своему окружению, повернуть ход событий в свою пользу. В этом существенную роль играет то, что функциональная асимметрия мозга является фактором, обеспечивающим адаптацию человека в новых климато-географических условиях во время ухудшения экологической обстановки, чтобы не погибнуть.

Это открытие мирового значения опубликовали В. П. Леутин и Е. Л. Николаева в совместной монографии «Функциональная асимметрия мозга». Они установили, как адаптация к природным условиям среды стимулирует креативные процессы у человека. Теория этих российских ученых, а также результаты исследований А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной об этнокультурных и антрополого-генетических контактах древних иранцев с соседними финно-уграми представляют большой интерес и для зарубежной науки. Можно сказать смело: весьма многочисленные ценные публикации таких российских исследователей по финно-угроведению и уралоистике, как Б. О. Долгих, И. Ю. Винокурова, В. Е. Владыкин, И. Н. Гемуев, А. В. Головнев, Л. Г. Громова, Н. Н. Гурина, Т. П. Девяткина, В. В. Иванов, Н. В. Лукина, Т. В. Миннихметова, Т. Л. Молотова, И. И. Муллонен, В. В. Напольских, Е. И. Ромбандеева, Н. Ф. Мокшин, А. М. Пекина, Е. В. Перевалова, Е. А. Пивнева, В. М. Повоев, Л. С. Христолюбова, Ю. А. Савватеев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, З. И. Строгальщикова, Н. В. Чикина, а также других российских авторов – красноречиво свидетельствуют о том, что многонациональная Россия не только является политически великой державой, но лидирует также и в научной области, в том числе в финно-угроведческих исследованиях. Ведь неоспорим факт, что самые важные мировые научные центры по финно-угристике концентрируются как раз на территории России, где проживает абсолютное большинство финно-угорских и самодийских народов.

Литература

Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. 216 с.

Багашев А. Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Вереш П. Т. Этнокультурное развитие древневенгерского этноса (до появления на современной этнической территории) // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.: Наука, 1978.

Вереш П. Т. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1978.

Вереш П. Т. Этногенез и ранняя этническая история венгерского народа до 895–896 гг. до н. э.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1979.

Вереш П. Т. Проблемы этногенеза финно-угорских народов и венгров // Acta Ethnographica. Budapest, 1984.

Вереш П. Т. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 113–115.

Вереш П. Т. Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса // Acta Ethnographica. 1995.

Волкова В. С., Белкова В. А. О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири // Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology. Cambridge. М.: Наука, 1980.

Горчаковский П. Л. Растительность Урала. М.: Наука, 1968.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.: Наука, 1952.

Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: в 3-х т. М.: Наука, 1971–1974.

Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданов Ю. Ю. Русско-нганасанский словарь. СПб.: Наука, 2007.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Мифы и гены: Глубокая историческая реконструкция. М., 2010. С. 172–182.

Кеппен Ф. П. О первоначальной родине и родстве индоевропейских и угро-финских племен. СПб., 1886.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.

Кузмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008.

Левина И. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья в 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. М., 1996.

Левин-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. М.: Наука, 2007.

Леутин В. П., Николаева Е. Л. Функциональная асимметрия мозга. М.: Наука, 2007.

Лимборская С. А., Хустундинова Э. К., Балановская Е. В. Этногеомика и геногеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: МГУ, 1978.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: МГУ, 2010.

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.

Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов / Ред. Л. А. Наговицын. Ижевск, 1992.

Напольских В. В. Uralic original home: history of studies // A preliminary review. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Серия прerinтов «Научные доклады». Вып. 1. Ижевск, 1995.

Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.

Напольских В. В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1968.

Потемкина Т. М., Коронкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: Наука, 1995.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.

Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964.

Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.

Чернецов В. Н. К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев) // I CIFU Будапешт-1960, I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus. Budapest: Akadémia Kiadó, 1963.

Benkő M. Beszámoló a 2006 nyári nyugat-szibériai kutatóutamról // Eleink Budapest.

Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a magyar nyelvben. Budapest: Akadémia, 1901.

Hajdú P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica 14 // Budapest, 1964.

Gulya J. A magyarok önelnevezésének eredete // Kovács László, Veszprémy László (red.), Honfoglalás és nyelvészet. Budapest: Balassa Kiadó, 1997.

Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig, 1884.

Rudenko S. I. Studien über das Nomadentum // Wehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest: Akadémia Kiadó, 1969.

Serei Ch. The Linguistic Prehistory of Peoples Belonging to the Uralic Family of Languages // VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences // Tokyo, 1970.

Sokolowa S. P. Zur Frage der Entstehung der ethnografischen und territorialen Gruppen der Ob-Ugrier // Acta Ethnographica. Budapest: Akadémia Kiadó, 1977.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 7. Lieferung. DEWOS 1975. Berlin: Akademie-Verlag, 1975.

Tolszov Sz. P. Az ősi Horezm. Budapest: Akadémia Kiadó, 1949. 387 s.

Tóth T. Az ősmagyar genezisének szarmatakori etapjáról // MTA II. Oszt. Közleményei. Budapest: Akadémia Kiadó, 1969.

Veres P. A magyar népetnikai történetének vázlata // Valóság. 1972.

Veres P. Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien // Specimina Sibirica. Pécs: Egyetemi Nyomda, 1988. P. 47–63.

Veres P. The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change. Occasional Papers in Anthropology. No. 5 / Ed. by G. Vargyas: Budapest, 1996. 198 p.

Veres P. Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány–Napkút Kiadó. Ómúltunk Tára. No. 5 / Ed. by Csáji László Koppány. Budapest, 2009.

Veres P. Újabb adatok a magyar népnév eredetéhez és történeti mitológikus hátteréhez a néprajzkutatás szemszögéből // Inde aurum-inde vinum-inde salutem P.K-A. / Ed. by Bali János-Báti Anikó-Kiss Réka. Budapest, 2010.

Witsens N. Berichte über die uralischen Völker. Studia Uralo-Altaica / Ed. by P. Hajdú, T. Mikola, A. Róna-Tas. VII. Szeged: Egyetemi Kiadó, 1975.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Вереш Петер

ведущий научный сотрудник
Комплексный институт гуманитарных исследований
Венгерской АН
эл. почта: p.veres@upcmail.hu; veres@etnologia.mta.hu

Veresh, Peter

Research Centre for the Humanities,
Hungarian Academy of Sciences
e-mail: p.veres@upcmail.hu; veres@etnologia.mta.hu

УДК 398.22

ОТГОЛОСКИ МИФА О СОТВОРЕНИИ МИРА В КАРЕЛЬСКОЙ РУНЕ НА СЮЖЕТ «СОСТЯЗАНИЕ В ПЕНИИ»

М. В. Кундозерова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Рассматриваются космогонические аспекты, занимающие в руне на сюжет «Состязание в пении» лишь периферийное положение. Детальное изучение реплик состязающихся в могущественных знаниях героев приоткрывает некий пласт представлений о сотворении и обустройстве Вселенной, сформировавшихся в карельской этнокультурной традиции. Анализируются мотивы формирования рельефа морского дна, появления на небе звезд, созвездий, радуги/дуги, первых гор, небесных/воздушных столбов/столба, нескольких небесных ярусов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эпос, карельские руны, состязание в пении, космогонический миф, антропоморфный демиург, Вяйнямёйнен, Ёукахайнен, рельеф морского дна, небо, созвездия, небесный столб, небесные ярусы.

M. V. Kundozeroва. THE REFLECTIONS OF THE WORLD CREATION MYTH IN THE KARELIAN EPIC “THE SINGING MATCH”

This paper considers the cosmogonic features exhibited peripherally in the epic “The Singing Match”. In this epic, two heroes compete in knowledge and their dialogue brings to light a stratum of ideas about the creation of the world and the structuring of the universe in Karelian tradition. This paper analyzes motifs of shaping of the sea bed, staring the sky, the origins of constellations, the rainbow, the first mountains, the pillar(s) of the sky or air, and other features.

K e y w o r d s: epic, Karelian runo songs, “The Singing Match”, cosmogonic myth, anthropomorphic demiurge, Väinämöinen, Joukahainen, sea bed, sky, constellations, celestial pillar, celestial spheres.

Руна о состязании в пении бытовала у всех групп карелов, которых, согласно уже сложившейся в карельской фольклористике традиции, принято делить на беломорских (северных), олонекских (южных) и приладожских. Сюжет этой руны повествует о том, как повозки старого Вяйнямёйнена и юного Ёукахайнена (в вариантах могут фигурировать также другие герои) сталкиваются в пути. Между героями возникает ссора по поводу приоритета пользования дорогой. Не желая уступить, молодой Ёукахайнен

предлагает помериться знаниями: у кого их больше, тот и останется на дороге. Старый, умудренный опытом Вяйнямёйнен побеждает в поединке не просто превосходством в знаниях, но и своей колдовской силой: он заклинаниями погружает юного соперника в болото. В качестве выкупа Ёукахайнен обещает отдать свою сестру в жены старцу. Сюжет о состязании в магической силе носит универсальный характер. Он был использован Элиасом Лённротом в третьей главе полного издания «Калевалы».

Какими же знаниями обладал старый Вяйнямёйнен и чем он превзошел своего соперника? Наиболее полноценные в художественном отношении тексты, преимущественно довоенной записи, сохранили сакральный диалог-соствязание, в котором раскрываются потаенные знания героев относительно происхождения некоторых элементов мироздания. Так, юный Ёукахайнен хвалится знаниями о том, что:

Tieän kolkot kuokituksi,
Kalahauat kaivetuksi,
Taivoset tähitetyksi,
Ilman pielet pistetyksi.

[SKVR I, 170: 12–15]

Тони выкопаны в море,
Вырыты для рыбы ямы,
К небесам прибиты звезды,
Небо держится столбами.

(перевод Э. С. Киуру [РНН. С. 40])

Вяйнямёйнен называет эти знания «детским лепетом, бабьим знанием, но не мужа с боро­дою», ведь он лично участвовал в создании частей мира:

Omat on kolkot kuokkimani,
Taivoset tähittämäni,
Olin miessä kolmantena
Ilman pieltä pistämässä,
Ilman kaarta kantamassa,
Taivosta tähittämässä.

[SKVR I, 170: 19 – 24]

Сам копал я тони в море,
Небо звездами усеял,
Я был третьим человеком,
Кто опору неба ставил,
Радугу воздвиг на небе,
Небо звездами усеял.

(перевод Э. С. Киуру)

Если молодой Ёукахайнен просто констатирует акты первотворения, о которых он знает лишь понаслышке, то Вяйнямёйнен оказывается именно творцом, демиургом, создавшим элементы мира. В этой ипостаси он недостижим, кто бы ни соревновался с ним в пении либо испытании магических сил и знаний.

Отметим, что не все тексты содержат диалог героев, в котором раскрываются архаичные космологические представления. Это объясняется угасанием традиции рунопевчества, выпадением из памяти исполнителей наиболее архаичных и малопонятных мотивов и, соответственно, фиксированием фрагментарных текстов. Например, в записях отечественных фольклористов второй половины XX в. большинство текстов по-

вествует о том, как повозки героев сталкиваются на дороге. Но несмотря на то, что один другому предлагает помериться знаниями, сакрального диалога не происходит, и Вяйнямёйнен лишь «запеваает» Ёукахайнена в трясину по самые плечи. При подготовке данного исследования, таким образом, из всего массива текстов эпических песен было выявлено 48 севернокарельских вариантов (1820–1918, 1927–1948 гг.), один южнокарельский (1845 г.) и 15 приладожских (1838–1923 гг.) – всего 64 варианта. Все тексты выявлены в опубликованных источниках [SKVR I, SKVR II, SKVR VII, КС, КЭП].

Необходимо также отметить, что изучению руны о соствязании в пении были посвящены статьи, а также частные замечания в более крупных трудах филологов, отечественных и зарубежных, подходящих с разных позиций к объекту исследования [Krohn, 1903. S. 361–378; Kaukonen, 1956. S. 24–31; 1979. S. 52; Евсеев, 1957. С. 132, 142–143, 150, 199, 202, 244; Kuusi, 1959. S. 43–72; 1963. S. 254; 1980. S. 222; Kuusi и др., 1977. P. 525; Siikala, 2012. S. 242–244]. Образы Вяйнямёйнена и Ёукахайнена одни исследователи относили к божествам воды и льда [Setälä, 1913], другие видели в этих персонажах состязующихся шаманов [Haavio, 1950. S. 82–102; Мелетинский, 1963. С. 132–143.], и древней основой данной руны считался миф о соствязании шаманов в магическом пении [Евсеев, 1994. С. 458.]. Космогонический аспект руны, реконструируемый из диалога героев, оставался в исследованиях на втором плане. На современном этапе, с привлечением новых материалов, наработки предшественников нами существенно дополняются. На первый план изучения выносятся космологические воззрения народа, отразившиеся в руне о соствязании в пении.

В нашем исследовании объектом текстологического анализа станут реплики героев, раскрывающие их знания о сотворении элементов Вселенной. Это позволит выявить некий пласт древних представлений о создании либо устройстве мироздания.

В первую очередь, из воспоминаний Вяйнямёйнена реконструируются представления о формировании рельефа морского дна. Герой говорит о том, что он выкопал рыбные ямы, тони (omat on kolkot kuokkimani/kalahauvat kaivamani), углубил глубины (syveret syventämäni). Наряду с тем, что были созданы глубины, появились также рифы/подводные скалы (luuvot on kokohe luotu). Подобный мотив встречается в беломорской руне о сотворении мира. Дрейфуя в воде, Вяйнямёйнен формирует морской ландшафт: где боками касается, там берега созидает; где коленями

касается, там дно образуется; где ногтями дотрагивается, там скалы воздвигаются; где бородой проводит, там рифы сглаживаются [KKR 39: 56–65]. Согласно большинству вариантов, Вяйнямёйнен создает также рыбные тони, отмели, ямы, даже рыбные косяки. В разных вариантах упомянутые части дна появляются вследствие движения разных частей тела. Например, яма может образоваться при движении головы, ног; отмель – при движении бока, рук, груди, колен; тоня, часто лососевая, – при повороте боком, спиной, животом; риф образуется поднятием руки. Находясь в горизонтальном положении, Вяйнямёйнен создает тоню, в вертикальном (сидя или стоя) – рифы и каменные пороги.

Таким образом, Вяйнямёйнен, состязаясь в знаниях, говорит о своем участии в формировании рельефа морского дна, что реально подтверждается руной о сотворении мира. Как отмечал М. Кууси, данный мотив в руне о сотворении мира является прямым отголоском мифа, а руна о состязании в пении лишь указывает на тот же миф, что свидетельствует о ее более позднем происхождении [Kuusi, 1959. S. 63].

Далее Вяйнямёйнен вспоминает о том, как он вспахал море/моря (mie olin merta kyntämässä; omat meret kyntämäni), горы/риффы/камни в кучу собрал (voarat/vuoret luomani kokoho; luuvot on kokohe luotu; rantihä kokoihi), в единичном случае сделал борозды (sarkaojat saavomani). Мотив вспахивания моря характерен для приладожской традиции. Ближайший аналог этому мотиву находится в ижорской руне о состязании в пении:

Sanoi nuori Joukamoin [...]

”Muissatka sitä ajaista,

Ku meroja kynnettiin,

Meroihin pohja poltettiin,

Kivet luotiin kokkoon?”

Sanoi vanha Väinämöin:

”Miun meroi kyntämäin,

Meroihin pohja kylvämäin,

Kivet luomaan kokkoon,

Aallot maalen airoimaan”.

[КЭП 12: 14–24]

Молвил юный Йоукамойнен [...]

«Помнишь ли такое время:

Перепахивали море,

Дно у моря выжигали,

Камни в кучи собирали?»

Отвечает старый Вяйно:

«Море я перепахал,

Засевал я дно морское,

Камни в кучи собирал,

Волны выгонял на берег».

(перевод Э. С. Киуру)

Мотив вспахивания и выжигания морского дна, собирания камней в кучу, вероятно, является уже более поздним привнесением, отразившим основы подсечного земледелия.

Справедливости ради надо отметить, что камни (kivet), собранные в кучу, встречаются лишь дважды [SKVR VII, 202: 11–13; VII, 156: 24–26]. В двух вариантах упоминаются каменные глыбы (louhet) [SKVR I, 178: 17–19; SKVR VII, 148: 78, 82].

В приладожской традиции воедино собираются рифы, причем в параллельном стихе фигурируют уже холмы [SKVR VII, 149: 26–28]. В беломорской традиции речь идет о горах [SKVR I, 187: 18–20] и холмах [SKVR I, 199: 105–107]. Иногда эти горы и холмы по законам синтаксической синонимии оказываются в параллельных стихах:

V[uoret] l[uomani] k[okoon],

Mäet mulleroittama[ni].

[SKVR I, 185a: 38–39]

Мною горы вместе сведены,
Холмы созданы.

(перевод мой. – М. К.)

Можно предположить, что мотив воздвижения в одну кучу камней, каменных глыб, рифов, гор и холмов, отождествляемых в мифологическом сознании между собой, отражают представления о создании Вяйнямёйненом первых горных вершин в противоположность первоначальному морским глубинам.

Из воспоминаний Вяйнямёйнена можно выделить также пласт представлений, связанных с небесной сферой. Они выявляются в эпической традиции всех групп карелов, хотя наиболее регулярно встречаются у беломорских. Согласно текстам, Вяйнямёйнен создает звезды на небе, а также в нескольких вариантах – созвездие Большой Медведицы. Например:

Taivoset tähyttämäni,
Ilman pilkat pistämäni,
Otavat ojentamani.

[SKVR I, 181: 8–10]

Я усыпал небеса звездами,
Установил воздушные пятна/точки,
Большую Медведицу поставил.

(перевод мой. – М. К.)

В мотиве осыпания неба звездами отчетливо проявляется отголосок мифа о сотворении частей мира, в том числе и звезд, из элементов мирового яйца под воздействием словесной магии героя. Иногда Вяйнямёйнен подмечает, что «правильно Большие Медведицы сделаны, звезды небесные – искусно» [SKVR I, 138: 36–37].

Упоминание луны/месяца и солнца встречается в олонцеком тексте и двух приладожских. Например, герой помнит то время, когда «месяц устанавливали, солнце на место определяли» [SKVR II 35: 11–12]. Или герой «месяц продвигал, солнцу помогал» [SKVR VII₁ 197: 4–5; VII₁ 148].

Далее, согласно исследуемым текстам, Вяйнямёйнен участвовал в установке небесной/воздушной дуги (taivan/taivon/ilman kaari; в переводе Э. С. Киуру – «радуги»), например:

Olin miessä kolmantena [...]
Ilman kaarta kantamassa.
[SKVR I₁ 170: 21, 23]

Я был третьим человеком,
[Из тех, кто. – М. К.] Радугу воздвиг
на небе.
(перевод Э. С. Киуру)

В одном из приладожских текстов воздушных дуг было несколько [SKVR VII₁ 148: 83]. Воздушная дуга/дуги (в переводе Э. Киуру – «своды неба») являются параллельным названием неба в эпизоде его выковывания кузнецом Илмариненом [SKVR I₁ 136: 9–11].

Честь создания небесных сводов либо дуг, как повествуется в руне о ковании неба, принадлежит кузнецу Илмаринену. Однако упоминание Вяйнямёйнена о воздвижении им дуги/радуги не противоречит общей логике эпической традиции, ведь он был там третьим/пятым/шестым/седьмым героем. Например:

Olin miessä 6:na,
7:nä urossa
Otavaa ojentaisa,
Taivon kaarta kantamassa.
[SKVR I₁ 189: 21–24]

Был я шестым человеком,
Седьмым героем,
Когда Большую Медведицу устанавливали,
Небесную дугу воздвигали.
(перевод мой. – М. К.)

Беломорские варианты руны о состязании в пении содержат мотив установки Вяйнямёйненом небесного столба, например:

Olin miekin miessä siellä, [...]
Kaarta taivon kantaissa,
Pieltä ilmon pistäissä.
[SKVR I₁ 185: 32–36]

Был и я там, когда
Дугу небесную приносили,
Столб воздушный устанавливали.
(перевод мой. – М. К.)

В большинстве вариантов воздушные столбы упоминаются во множественном числе, например:

Taivoset tähittämäni,
Ilman pielet pistämäni,
Otavat ojentamani.
[SKVR I₁ 182: 19–21]

Небеса я усыпал звездами,
Воздушные столбы установил,
Большие Медведицы протянул.
(перевод мой. – М. К.)

В мотиве установки воздушного столба/столбов, возможно, отражаются древние представления о существовании некоего мирового столпа, подпирающего небосвод. Представления о центральном столбе (либо нескольких), без которого все мироздание рухнет, реконструируются из мифологий разных народов, что отмечал Е. М. Мелетинский [Мелетинский, 2000. С. 215]. В одной из рун воздушный столб локализуется в *лупе небесном* [SKVR I₁ 85: 146–147], что согласуется с идеей центрального столпа Вселенной.

Обращает на себя внимание также появление в вариантах небес во множественном числе (см. пример выше). Безусловно, формы множественного числа могли появиться в соседних стихах в силу аналогии: небеса, столбы, Медведицы. Однако в поддержку гипотезы о множественности небес в мифологии карелов говорит заклинание о рождении огня, согласно которому огонь высекается на небе и затем спускается на землю сквозь несколько небесных ярусов, например:

Iski tulta Ilmorinen,
Välkähytti Väinämöinen
Yllä taivosen kaheksan,
Ilmalla yheksännellä.
Tuikahti tulikipuna
Läpi taivosen kaheksan,
Läpi kuuven kirjokannen.
[SKVR I₄ 281: 3–9]

Высек искру Илмаринен,
Выбил пламя Вяйнямёйнен
На восьмом высоком небе,
На девятом небосводе.
Искра малая метнулась
Через восемь небосводов,
Через шесть узорных крышек.
(перевод Э. С. Киуру)

Из текста видно, что небес могло быть шесть/восемь/девять, т. е. несколько. Представление о многоярусности небес в форме множественного числа, таким образом, могло косвенно отразиться в речах героев, состязающихся в скальных знаниях.

Рассмотрение диалога героев в руне о состязании в пении раскрывает некий пласт древних представлений, связанных с происхождением и устройством мироздания. Отчетливо проявляются отголоски мифа о сотворении мира, а именно о формировании рельефа морского дна, о появлении на небе звезд, созвездий, радуги/дуги. Кроме этого, в текстах встречаются, возможно, представления о появлении первых гор, небесных/воздушных столбов/столба, нескольких небесных ярусов. Большинство вариантов рун совмещают сразу несколько мотивов, чем подчеркивают масштабность творений демиурга – от самых водных глубин до горных вершин и небосвода.

Источники и литература

Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Кн. 1. 334 с. 1960.

Евсеев В. Я. Комментарии // Карело-финский народный эпос: в 2 кн. / Сост., вступ. ст., пер., прим. В. Я. Евсеева. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 2. 510 с.

Карельский сборник / Акад. наук СССР; ред.: А. И. Андреев, Д. А. Золотарев. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 106 с. (в тексте – КС).

Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с. (в тексте – КЭП).

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 1963. 462 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кундозерова Мария Владимировна

младший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: maria.vlasova@mail.ru
тел.: (8142) 781886

Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1985. 272 с. (в тексте – РНН).

Haavio M. Väinämöinen. Suomalaisten runojen keskushahmo. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1950. 335 s.

Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn: Eesti Raamat. 1976. I. 360 s. (в тексте – КKR).

Kaukonen V. Lönnrot ja Kalevala. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1979. 198 s.

Kaukonen V. Lönnrotin Kalevalan toinen painos. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1956. 635 s.

Krohn K. Kalevalan runojen historia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1903. 895 s.

Kuusi M. Kalevalaista kertomarunoutta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1980. 255 s.

Kuusi M. Suomalaisen luomistarun jäänteitä // Kalevalaseuran vuosikirja, 39. Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1959. S. 43–72.

Kuusi M. Sydänkalevalainen epiikka ja lyriikka // Suomen kirjallisuus. I. Kirjoittamaton kirjallisuus / toim. M. Kuusi, S. Konsala. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1963. S. 216–272.

Kuusi M., Bosley K., Branch M. Finnish Folk Poetry: Epic. An Anthology in Finnish and English. Helsinki: Finnish Literature Society, 1977. 607 p.

Setälä E. N. Väinämöinen ja Joukahainen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1913. 86 s.

Siikala A.-L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s.

Suomen kansan vanhat runot. I–XV. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1908–1997 (в тексте – SKVR).

Kundozeroва, Maria

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaja St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: maria.vlasova@mail.ru
tel.: (8142) 781886

УДК [39+572] (063) (47+57)

ПУТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ ЮГРЫ*

Е. А. Пивнева

Институт этнологии и антропологии РАН

Рассмотрен опыт работы, накопленный в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в целях поддержки языкового и культурного наследия обско-угорских народов (ханты и манси). Обсуждаются современные проблемы и перспективы развития обских угров.

К л ю ч е в ы е с л о в а: региональная этническая политика, обские угры (ханты и манси), языковое и культурное наследие, этническая самобытность, традиции, инновации.

E. A. Pivneva. SOLUTIONS AND OPPORTUNITIES FOR PRESERVING OB-UGRIC LANGUAGES AND CULTURES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: THE EXPERIENCE OF UGRA

The article considers the experience gained in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Ugra, in conserving the linguistic and cultural heritage of the Ob-Ugric peoples (Khanty and Mansi). Current issues and prospects for Ob-Ugric peoples are discussed.

К e y w o r d s: regional ethnic policy, Ob-Ugrians (Khanty and Mansi), linguistic and cultural heritage, ethnic identity, traditions, innovations.

В настоящее время в северных регионах России предпринимаются заметные усилия со стороны государственных и общественных структур, а также отдельных этнических активистов, направленные на сохранение этнокультурного наследия народов Севера. Оценить сильные и слабые стороны реально действующих «этносохранительных» моделей, их достоинства и недостатки, успехи и просчеты крайне важно и для социальной практики, и с сугубо академической точки зрения. В этом отношении представляет интерес опыт региональной политики Ханты-Мансийского округа – Югры

(далее – ХМАО), направленной на поддержку и сохранение этнокультурного наследия проживающих там коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Настоящая статья, основанная главным образом на полевых материалах автора, посвящена вопросам современного социокультурного развития обско-угорских народов (ханты и манси) в контексте проводимой в округе этнической политики.

Специфика этнокультурной ситуации в ХМАО связана с открытием в регионе богатейших нефтяных и газовых месторождений. В отраслевой структуре промышленной продукции

---

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

нефтегазодобывающая промышленность составляет 89,4 %, округ относится к регионам-донорам России и лидирует по целому ряду экономических показателей. Нефтепромышленное освоение привело к существенной трансформации традиционной хозяйственной деятельности КМНС: сокращению площадей оленьих пастбищ, уменьшению числа промышленных водоемов, переходу части коренных жителей на новые формы занятости.

Освоение природных богатств Западной Сибири во второй половине XX в. потребовало переезда на эту территорию очень большого по численности населения, которое переселялось туда со всего бывшего Советского Союза. Сегодня в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре проживают представители более 120 народов. Обские угры (ханты и манси), будучи «титულными» в округе, составляют в этнической структуре ХМАО всего 2,1 % (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в ХМАО около 19 068 хантов и 10 977 манси).

Ситуация т. н. «асимметричного взаимодействия» определяет специфику многих сторон современных социальных изменений у обских угров, в частности, является значимым фактором активно протекающего в их среде этнического смешения. Этот же фактор предопределяет особенности этноязыковых процессов. Сегодня абсолютное большинство представителей обско-угорских народов свободно владеет русским языком. В ходе переписи 2010 г. из 18 801 проживающих в ХМАО хантов (это число включает только указавших владение языками) с хантыйским языком оказалось 3 268 чел., русским – 18 757 чел. В числе 10 969 манси владеющих мансийским – 682 чел., русским – 10 966 чел. [Итоги..., 2012].

Существует тенденция снижения среди коренных народов Севера доли людей, признающих родным язык своего народа: в 1989 г. титульный язык назвали родным 61 % хантов и 37 % манси. В 2002 г. – 44,2 % хантов и 20,3 % манси (по территориям преимущественного проживания). Согласно переписи 2010 г., родным считают язык своего народа 36,3 % хантов и 14,5 % манси (всего по РФ). По территориям преимущественного проживания (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) картина выглядит следующим образом. Всего указали при переписи родной язык 18 878 хантов и 10 949 манси, в том числе хантыйский в качестве родного – 5 003 чел. (26,5 %), мансийский в качестве родного – 1 574 чел. (14,4 %) соответственно [Итоги..., 2012].

Обские угры относятся к наиболее урбанизированным среди малочисленных народов

Севера. Данные переписей демонстрируют тенденцию постоянного роста доли горожан в их общей численности. У хантов: в 1979 г. – 22,6 %; в 1989 г. – 29,8 %; в 2002 г. – 34,6 %; в 2010 г. – 38,4 %; у манси в те же годы – 35,3; 45,6; 51,8; 57,3 % соответственно. Лишь малая часть современных хантов и манси продолжает вести традиционное хозяйство (оленоводство, рыболовство, охота), с которым обычно связывают сохранение этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов Севера. По официальным данным, на конец 2008 г. из более 30 тыс. КМНС ХМАО в сельской местности (сельских поселениях) проживает 16 980 чел. (55,7 %), из них ведут традиционный образ жизни в границах территорий традиционного природопользования 2 440 чел., что составляет всего 8 % в общей численности коренных малочисленных народов Севера ХМАО. Это 827 семей, 556 из которых занимаются оленеводством. Больше всего оленеводов в Сургутском районе – 382 семьи, в Березовском районе – 80 семей, в Нижневартовском районе – 67 семей [Единый офиц. сайт...].

Следует отметить, что на протяжении последних лет для коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории автономного округа, характерен положительный естественный прирост, показатели которого увеличились в 2004–2008 гг. с 9,8 до 14,8 промилле. Эта тенденция продолжилась и в 2009–2010 гг. Так, в 2009 году коэффициент рождаемости у КМНС составил 24,3 промилле; в 2010 году – 26,5 промилле; а естественного прироста +15,5 и +18,8 промилле соответственно. Особо интересен тот факт, что показатели рождаемости и естественного прироста коренных народов Югры выше, нежели в целом по округу (в 2010 г. рождаемость по округу составила +16,2 промилле, естественный прирост +9,4 промилле) [Оперативная информация...].

Такое положение в значительной степени обусловлено отмеченными выше процессами этнического смешения. Поскольку «ряды» КМНС пополняются в основном за счет молодежи из этнически смешанных семей, повышенная рождаемость коренных малочисленных народов обусловлена значительной долей в их составе молодого населения.

Современная статистика демонстрирует тенденцию снижения у аборигенов общей смертности: около 10 промилле в 2004–2005 гг.; 8,8 – в 2009 году; 7,7 промилле в 2010 году [Отчет...], но по сравнению с общеокружными показателями уровень смертности у представителей коренных малочисленных народов Севера остается неизменно более высоким, даже

при относительно небольшом удельном весе в их общей численности людей в возрасте старше трудоспособного, и в основе такой ситуации лежат прежде всего социально-экономические проблемы.

В настоящее время показатели по доходам, обеспеченности жилой площадью, различными видами обслуживания у населения многих северных территорий значительно ниже среднероссийских. Произошедшее в последнее десятилетие XX в. разрушение сельского и промыслового хозяйства привело к росту безработицы и обнищанию значительного числа коренных народов Севера. По официальным данным, уровень зарегистрированной безработицы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в ХМАО на начало 2010 года выше окружных значений в 1,6 раза.

Ситуация с трудоустройством аборигенов усугубляется тем, что значительная часть их проживает в небольших населенных пунктах, в которых сфера занятости представлена в основном бюджетными ставками в школах, детских садах, медпунктах (больницах), домах культуры, сельских администрациях. Большинство КМНС занимают должности, не требующие квалификации: разнорабочие, уборщицы, сторожа, кочегары и т. п. При такой структуре занятости у них крайне низок уровень заработной платы. Основными источниками существования многих семей аборигенов в последнее время стали сезонная работа, социальные пособия, пенсии пожилых людей.

«Сегодня самый сложный вопрос – повышение качества жизни коренного населения, – считает президент общественной организации «Спасение Югры» А. В. Новыхов. – Для этого надо решить две непростые проблемы – сохранить исконную среду обитания, не сокращая объемы промышленного освоения в регионе, и улучшить жилищные условия, учитывая, что большая часть поселений была построена еще в 50-е и требует одновременного восстановления <...> Но для того, чтобы полностью снять вопрос, нужны огромные финансовые вливания, государственная поддержка» [Эксперт..., 2012].

На огромной территории, которую занимает ХМАО, и при абсолютной малочисленности аборигенных групп их этнокультурный потенциал не может служить заметным фактором социально-экономического развития региона. В то же время статус округа определяется именно проживанием на данной территории коренных малочисленных народов, и это отмечено в его основном законе – Уставе. По-

этому сохранение этнической идентичности этих народов представляется региональной властью как важнейшая политическая и культурная задача: «Наши усилия должны быть направлены на бережное сохранение культурного потенциала коренных народов Севера», – подчеркивает в своих выступлениях губернатор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Н. В. Комарова [Комарова].

В ХМАО уже сделаны заметные шаги в этом направлении. Создан и действует институт представительства интересов народов Севера в органах государственной власти автономного округа – Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера Думы ХМАО. Разработан механизм взаимоотношений субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность на территориях традиционного проживания и ведения традиционного хозяйствования, и коренных малочисленных народов Севера. Определена и закреплена форма осуществления местного самоуправления коренными малочисленными народами Севера в местах их компактного проживания.

В деле сохранения этнокультурного наследия аборигенных народов большая роль принадлежит общественному движению, оформившемуся в 1989 г. в окружную ассоциацию «Спасение Югры», при ее участии проведено множество мероприятий в защиту языка и культуры хантов и манси. В округе существуют и другие общественные организации КМНС: «Союз общин коренных малочисленных народов Севера», «Союз оленеводов-частников», «Союз мастеров традиционных народных промыслов коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа». Для сохранения и возрождения народных традиций в г. Ханты-Мансийске создан Центр культуры и искусства народов Севера, имеющий десять филиалов. Более двадцати мастеров из числа народов Севера носят звание «Народный мастер России», изделия многих из них включены в представительские экспозиции Правительства ХМАО.

На сегодняшний день в округе наработана значительная нормативно-правовая база по регулированию отношений в сфере защиты прав и исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Это касается вопросов недропользования, жилищных правоотношений, охоты и рыболовства, установления налоговых льгот, культуры, образования, молодежной политики, народно-художественных промыслов и др. [Подробнее см.: Айпин, 2013].

В соответствии с долгосрочными окружными целевыми программами в бюджете округа

предусматриваются существенные финансовые средства на поддержку малочисленных народов и их культур. Так, госпрограмма «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014–2020 годы» предполагает принятие мер, направленных на содействие развитию традиционных форм хозяйствования коренных малочисленных народов и этнографического туризма, повышение уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера, возрождение и развитие самобытной культуры, языка и промыслов.

Особого упоминания заслуживает Постановление правительства ХМАО – Югры № 228-п «О грантах ХМАО – Югры для поддержки проектов, способствующих сохранению, развитию, популяризации фольклора, традиций, языка, промыслов коренных малочисленных народов Севера», которое действует в округе с 2008 г. За счет грантов издаются диски с песнями на родных языках обских угров, создаются мультфильмы, восстанавливаются и фиксируются традиционные технологии (изготовление берестяного чума северных манси, резьба по дереву) и пр. По мнению экспертов из числа КМНС, «непосредственное участие в таких проектах – это хорошая школа самостоятельности, в целом это улучшает ситуацию по сохранению культуры». Существует и обсуждаемая в СМИ точка зрения, что подобная практика порождает деятелей с «проектным сознанием», она имеет профессиональный крен в сторону освоения бюджета [ПМА ХМАО..., 2010].

В 2011 г. правительство ХМАО утвердило «Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», в которой оговорены приоритеты государственной политики в отношении КМНС. Как заявила губернатор ХМАО Н. В. Комарова, «программа поможет вписать традиционные формы хозяйствования коренных народов в экономику современной Югры, не нарушая при этом самобытности народов Севера» [Единый офиц. сайт...]. Насколько совместимы эти задачи, покажет время. Пока же представители КМНС высказывают озабоченность по поводу декларативного характера документа и ликвидации Департамента по делам малочисленных народов Севера в структуре исполнительной власти ХМАО.

Что касается самобытности/этнической специфики, сегодня мы можем наблюдать, что вытесняемая из повседневного быта традиционная культура северных аборигенов «оживляется» в основном во время праздников, фести-

валей, превращающихся в зрелищные и развлекательные мероприятия – в том числе и для туристов. В округе отмечают «Вороний день», «Праздник обласа», День оленевода и др. Однако новая среда меняет само содержание обрядности. Календарные праздники, связанные изначально преимущественно с промысловыми культурами, для современного населения выполняют совсем иные функции. Как правило, они иницируются властями и привлекают широкие массы зрителей.

У «Вороньего дня» с 2012 г. появился окружной статус. Теперь весь регион во вторую субботу апреля празднует это событие как символ единения людей, проживающих на землях Югры. Организаторы подчеркивают, что этот праздник стал «площадкой» знакомства с традиционной культурой коренных малочисленных народов Севера: участники торжеств узнают о языке, фольклоре, промыслах, кухне хантов и манси. По мнению начальника управления туризма Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора автономного округа И. Г. Аркановой, новый окружной праздник будет способствовать развитию этнического туризма: «Сейчас несколько общин в Нижневартовском, Ханты-Мансийском, Белоярском районах работают по договору с туроператорами, принимают гостей у себя в стойбищах. Они предлагают путешественникам принять участие в традиционных промыслах – рыбалке, охоте, сборе дикоросов. В этом году на поддержку этнического туризма будет направлено 72 млн рублей, в прошлом выделили 25 млн рублей, из них 12 миллионов – грантовая поддержка. Чтобы получить средства, общины представляли бизнес-планы, проекты по строительству маршрутов и инфраструктуры» [Эксперт..., 2012].

В среде экспертов, в том числе из числа КМНС, подобного рода этнокультурные мероприятия находят неоднозначный отклик. У «настоящих» («посвященных») имитация их традиционного образа жизни в целях развития туристического бизнеса порождает сложные чувства: «Мы – кукольные ханты. Настоящего хантыйского вообще ничего нет. Тут сплошь показуха» [ПМА ХМАО..., 2010]. Некоторые исследователи считают, что для коренных малочисленных народов Севера важно не только и не столько проведение различных публичных мероприятий, особенно – многочисленных и многозатратных фестивалей и праздников, сколько проявление конкретной заботы органов власти об общественных нуждах, включая этнокультурные, языковые и религиозные запросы [Российская нация..., 2008].

В то же время существует следующая точка зрения: хотя «возрождение» традиционной культуры в новых условиях сводится зачастую лишь к внедрению в широкие массы определенного объема сведений об этой культуре, подобные этнокультурные мероприятия имеют большое значение, в том числе – для формирования толерантного отношения к людям, ведущим традиционный уклад жизни, особенно среди подрастающего поколения. Наши собеседники из северных регионов высказывали также мнение о важности таких мероприятий для приобщения молодого поколения к своему языку. Например, рассказывая об опыте проведения медвежьего праздника в Шурышкарском районе, начальник управления культуры и молодежной политики администрации района А. А. Худолей заметил: «Очень мало такой молодежи, конечно, кто в это верит. В деревнях крупных – они уже оторвались от корней-то, потому что интернатская жизнь капитально отрывает людей от корней <...> Но язык, который звучит со сцены, в том числе и этим сохраняется» [ПМА ЯНАО..., 2013].

Большое значение в ХМАО придается научной деятельности представителей народов Севера. Согласно переписи 2010 г., из 7 653 проживающих в ХМАО манси в возрасте 15 лет и старше высшее образование имели 1 021 чел. (13,3 %), у хантов данной возрастной категории из 13 312 чел. высшее образование было у 1 526 чел. (11,46 %) [Единый офиц. сайт...]. В округе созданы Институт социально-экономического и национального возрождения обско-угорских народов (ныне – Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок), фольклорные фонды северных ханты и манси, этнографический музей-заповедник «Торум Маа» и др. Многие актуальные вопросы современной жизни обских угров находят отражение на страницах газет «Ханты ясанг» (на хантыйском языке) и «Луима сэрипос» (на мансийском языке).

Исследователи-северяне взяли на себя задачу публикации трудов, освещающих собственную этническую культуру и жизненно важные проблемы адаптации коренных народов к новым социально-экономическим и политическим условиям. Здесь считаю уместным привести выдержку из моей беседы с сотрудником этнографического музея-заповедника «Торум Маа» Н. К. Партановым, размышляющим о значении такого рода деятельности для этнического самосознания северных народов: «Возникло понимание, что значение народа приумножается тем, что создается прослойка интеллигенции, именно ученой интеллигенции. Они создают

культурный фонд, поднимают значение народа <...> За счет богатства культуры и языка народ поднимается. Если будут созданы фольклорные тома, как «Калевала» и пр., эти народы могут поднять свое значение до мирового уровня. Современные ханты и манси это ощущают. Хотя многие уже не знают языка, они ощущают эту культуру, видят этот пласт, который за ними стоит, и они чувствуют себя увереннее в этой жизни, они уже *хотят* быть хантами и манси. Раньше привилегиями прельщались, чтобы угождать получить, там, на рыбалку съездить, а сегодня уже этого нету, по менталитету чувствуют себя ханты и манси, если понимание приходит. Хотя не знают языка, они поддерживают связь с малой родиной, в деревнях.

И люди другими глазами начинают смотреть на хантов и манси. Раньше их считали примитивными народами, анекдоты сочиняли. Сейчас тоже анекдоты есть, но уже совершенно другие – какой-то хант хитрый, мудрый становится. Раньше он был – простачок, которого обманывали все время, подсмеивались (в народном фольклоре, в анекдотах, которые придумывали вахтовики и прочие). Сегодня совсем в другом образе предстает. Он тоже человек!» [ПМА ХМАО..., 2010].

Чрезвычайно важной для сохранения и передачи этнокультурных традиций представляется разработка системы обучения детей с учетом этнических особенностей, с использованием этнокультурного опыта, элементов традиционной системы воспитания. В настоящее время в учебные планы образовательных учреждений ХМАО включены предметы, отражающие этнокультурную специфику региона (родной язык, родная литература), предметы, интегрирующие этнокультурную составляющую (технология, изобразительное искусство, физическая культура), интегрированные курсы МХК, а также курсы декоративно-прикладного искусства, охотоведения и оленеводства, народных промыслов. Однако этнокультурный компонент образования содержат только 32 из более 350 общеобразовательных школ округа. Школьное обучение в ХМАО ведется, как правило, по общегосударственным программам, слабо адаптированным к этническим особенностям северян.

Преподавание родных языков в школах, по заключениям экспертов, постепенно сокращается: «В последние годы практически все национальные школы при маленьких поселках закрылись. С закрытием сельских школ исчезают и сами села – жители перебираются в поселки побольше, чтобы не отдавать своих детей в школы-интернаты» [Четверкина].

По данным муниципальных органов управления образования, в 2012 г. в ХМАО родной язык изучали в 8 детских садах 148 воспитанников (ханты 71, манси 77), в 33 общеобразовательных учреждениях – 2 255 учащихся (ханты 1 354, манси 804, ненцы 97), в двух центрах дополнительного образования – 653 ребенка (ханты 438, манси 215). В целом по округу родной язык изучали 3 056 детей (ханты 1 863, манси 1 096, ненцы 97). Этот показатель на 48 % больше, чем в предыдущем учебном году. Однако по сравнению с 2008 г. наблюдается тенденция снижения числа учащихся, изучающих родные языки и литературу. Если тогда родные языки и литературу среди учащихся изучали 2 610 чел., то в 2009 г. – 2 056 чел., в 2010 г. – 1 476 чел., в 2011 г. – 1 595 чел., в 2012 г. – 1 542 чел. Такая ситуация объясняется уменьшением числа учеников, изучающих родной язык и литературу в 10–11 классах. Основная причина сокращения, которую указывают родители и учащиеся, – подготовка к ЕГЭ [Департамент...].

В учреждениях профессионального образования, подведомственных правительству автономного округа, из числа коренных малочисленных народов Севера в очной форме обучается 741 человек, в том числе 48 человек по программам высшего профессионального образования, 393 человека – по программам среднего профессионального образования и 364 человека – по программам начального профессионального образования. В Югорском государственном университете (г. Ханты-Мансийск) учатся 353 студента из числа коренных народов. В рамках целевой программы ХМАО «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» малообеспеченным студентам из числа коренных малочисленных народов Севера оказываются следующие виды государственной поддержки: компенсация стоимости обучения (до 100 тыс. руб. в вузах и 50 тыс. в учреждениях среднего профессионального образования) и стоимости проезда на каникулы и обратно; ежемесячные выплаты дополнительных пособий и пособий на питание; ежегодные выплаты пособий на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей, на приобретение одежды и обуви студентам первого и выпускного курсов.

Наиболее востребованными у абитуриентов из числа КМНС являются специальности, связанные с охраной окружающей среды и рациональным использованием природных ресурсов, туризмом, растениеводством, сельскохозяйственным производством, судовождением, отделочными и строительными рабо-

тами, автомобильным транспортом, автоматизированными системами обработки информации и управления, здравоохранением и образованием.

Преподавание хантыйского и мансийского языков до недавнего времени осуществлялось в Ханты-Мансийском педагогическом колледже, который в 2010 г. был объединен с техническим колледжем. До 2010 г. в Югорском государственном университете в качестве структурного подразделения существовал Институт языка, истории и культуры народов Югры, в котором были кафедры мансийской филологии, хантыйской филологии, финно-угроведения и общего языкознания, лаборатория по изучению и сохранению языков, лаборатория – творческая мастерская Ювана Шесталова. Однако в 2008 г. кафедры хантыйской филологии и финно-угроведения и общего языкознания были реорганизованы путем объединения в кафедру общего языкознания и уралолистики. В результате дальнейших преобразований все кафедры, на которых осуществлялась подготовка студентов по финно-угорским языкам, литературе и культуре, объединены в одну кафедру филологии с кафедрой русского языка. Реорганизация системы подготовки специалистов высшей квалификации в области родных языков не лучшим образом влияет на сохранение этноязыковых традиций.

Следует отметить, что в основе этноязыковых проблем лежат трудности как объективного, так и субъективного характера. Полиэтническая структура населения региона, в которой коренные малочисленные народы составляют меньшинство, – причина узкой сферы использования этнических языков в общественной жизни. В связи с тем, что языки коренных народов почти не востребованы в современной социальной среде, они все больше рассматриваются сегодня как средство фиксации и хранения накопленных народом достижений традиционной культуры, следовательно – прерогативой узкого числа специалистов. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию в регионе, необходимо создать механизмы использования этих языков в социокультурной и деловой сферах.

Существует мнение, что позиции финно-угорских языков можно укрепить за счет роста этнического самосознания молодежи, которое в настоящее время находится «на чрезвычайно низком уровне, что, в свою очередь, способствует возникновению чувства этнического нигилизма. Для решения этой задачи необходимо повышать этническую компетентность молодого поколения путем пропаганды языка и культуры» [Зайц, 2010].

Именно по такому пути пошли активисты обско-угорского общественного движения. «После создания нашей организации (“Спасение Югры”) где-то уже с 1990-х годов мы основным центром нашего внимания сделали подрастающее поколение – общеобразовательные учреждения, школы и в летний период – этнические стойбища, которые уже имеют долговременный опыт работы, – рассказывает первый президент “Спасения Югры”, ныне депутат Думы ХМАО – Югры Т. С. Гоголева. – На базе “Спасения Югры” начали практиковать проведение Воскресной школы, которая затем плавно перетекла в государственное учреждение при городском отделе народного образования, в студию “Лылынг союм” <...> Что касается наращивания усилий в этом направлении – это “языковые гнезда”, проекты, которые были бы связаны с погружением в языковую среду...» [ПМА ХМАО..., 2010].

В итоге можно констатировать, что специфика социально-экономической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре по-прежнему предопределяет существование многих проблем КМНС, которые обозначились еще в 1970–1980-е гг. Это экологические вопросы, проблемы природопользования, угасание традиционных отраслей хозяйства, безработица и низкий материальный уровень жизни, утрата многих черт этнической культуры и родных языков в условиях растворения среди более многочисленного приезжего населения и многое другое [Народы..., 1992. С. 503].

Для решения существующих проблем, как было отмечено выше, в округе уже многое сделано. Вместе с тем у местного населения существуют определенные претензии к окружной власти. В числе основных упреков в адрес представителей властных структур – несоответствие реального содержания проводимой политики декларируемым правовым и иным нормам, формализация статуса коренных малочисленных народов в нормативных документах. Сегодня в ХМАО существуют списки или реестры субъектов традиционного природопользования, видов традиционной хозяйственной деятельности, объектов культурного наследия этих народов, но современные хозяйственно-культурные практики не вписываются в рамки этих списков [Новикова, 2012]. Усилия, направленные на улучшение социально-экономического положения коренных народов, часто сводятся на нет из-за противоречивости положений, заложенных в различных нормативных актах, несогласованности действий по их реализации, отсутствия законодательно утвержденных механизмов реализации, контроля и мер ответственности за неисполнение.

Без надлежащего правового регулирования остаются ключевые отношения, например, связанные с правом КМНС на пользование землей (оно признается, но не наполняется юридическим содержанием), на приоритетное природопользование, на разного рода компенсации. Остается открытым и один из ключевых для обеспечения прав КМНС вопрос, связанный с определением порядка документального подтверждения принадлежности граждан к коренным малочисленным народам Севера.

Можно также согласиться с мнением о том, что наиболее видимым внешне итогом деятельности многочисленных общественных организаций коренных народов, действующих как органы этнического самоуправления, и государственных структур в области поддержки языков и культуры хантов и манси является использование в культурной политике ХМАО элементов их традиционной культуры как отголосков символов, которые уже утрачивают свое «исконное» содержание и используются в целях формирования общей региональной идентичности в русле фольклоризации национальной политики.

Что касается этнических последствий произошедших в последние десятилетия перемен, приходится признать, что возрождение многих традиционных форм культуры малочисленных народов Севера сегодня уже невозможно по объективным причинам, поскольку они (формы культуры) в прошлом были тесно вплетены в традиционную хозяйственную деятельность. Преобразование этой сферы повлекло за собой разрушение основ тех духовных образований, которые выразились в фольклоре, народном изобразительном искусстве, ремесле. С угасанием традиционных отраслей хозяйства, на фоне всеобщей модернизации продолжаются процессы трансформации либо утраты самобытной этнической культуры обских угров, несмотря на предпринимаемые попытки ее сохранения.

Утрачивает свою функциональную роль и этнический язык как отличительный признак народа, поскольку он вытесняется не только из производственной сферы, но и из бытового общения. Однако объективный процесс перехода коренных народов Севера на русский язык не снимает проблемы сохранения их родных языков. В образовательном процессе желательно шире использовать воспитательный потенциал базовых средств этнической культуры северных народов (устное народное творчество, декоративно-прикладное искусство, народные игры и игрушки, традиционные физические состязания, празднично-игровой фольклор). Вероятно, следует рассмотреть возможность

создания новых (более адекватных этническим запросам северян) форм воспитательно-образовательных структур и предусмотреть целевую подготовку специалистов педагогического профиля в области этнокультурных традиций воспитания. Следует также уделять более пристальное внимание инновационным формам обучения детей КМНС и региональному компоненту в программах образовательных учреждений, расположенных в местах компактного проживания хантов и манси.

Факт признания родным языка своего народа гораздо бóльшим числом людей, чем реально владеющих им, говорит о высоком уровне этнического самосознания хантов и манси, ставящем барьер этнической ассимиляции. Сегодня налицо повышение престижа этнической культуры народов Севера в округе в целом и возрастание интереса к своей этничности в среде самих северян. Эти тенденции отразили последние (2002 и 2010 гг.) переписи населения, показавшие существенный рост численности КМНС округа за счет активного процесса смены этнических предпочтений в пользу коренных народов. Наряду с чисто утилитарными выгодами, стремление к идентификации с представителями КМНС связано с переоценкой отношения аборигенов к своей этничности, избавлением от стереотипов стигматизированного сознания. Последнее можно считать важнейшим результатом деятельности аборигенных общественных организаций и позитивных социально-политических изменений в ХМАО.

Источники и литература

Айпин Е. Д. О некоторых аспектах социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М.: Изд-во Совета Федерации, 2013. С. 143–153.

Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры: [Электронный ресурс]. URL: <http://doinhmao.ru/validation/> (дата обращения: 12.01.2014).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Пивнева Елена Анатольевна

ученый секретарь, к. и. н.
Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32А, г. Москва, Россия, 119991
эл. почта: pivnel@mail.ru
тел.: (495) 9380019

Единый официальный сайт государственных органов ХМАО: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admhmao.ru> (дата обращения: 09.08.2011).

Зайц Г. Актуальные вопросы развития мордовских литературных языков // Uralistics from Hungary. Congress XI. Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14.VIII.2010). Piliscsaba, 2010. P. 172–182.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.

Комарова Н. В. Интервью межгосударственной телерадиокомпании «Мир» накануне VI Всемирного конгресса финно-угорских народов: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admhmao.ru> (дата обращения: 07.08.2012).

Народы Севера России (1960–1980-е годы). Ч. 2. М.: ИЭА РАН, 1992. (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVIII).

Новикова Н. И. Списочная идентичность и живая жизнь аборигенов Российского Севера // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 27–33.

Оперативная информация Департамента здравоохранения ХМАО – Югры (по данным лечебно-профилактических учреждений округа) // Текущий архив ИЭА РАН.

Отчет о результатах и эффективности реализации бюджетных ведомственных и целевых программ автономного округа: материалы к Докладу губернатора ХМАО за 2010 г.; Информация на заседание Совета по вопросам коренных малочисленных народов Севера при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе (Ханты-Мансийск, 01 июня 2011 года) // Текущий архив ИЭА РАН.

Полевые материалы автора. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, 2010 г. (в тексте – ПМА ХМАО).

Полевые материалы автора. Ямало-Ненецкий автономный округ, Шурышкарский р-н, пгт Мужы, 2013 г. (в тексте – ПМА ЯНАО).

Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2008.

Четверкина Т. Н. Сохранение культурного наследия народов Севера // «Регион-86»: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.region86.ugrariu.ru/arhive> (дата обращения: 10.01.2014).

Эксперт Урал. 2012. № 17 (509): [Электронный ресурс]. URL: <http://m.expert.ru/ural/2012/17/mestodlya-etnosa> (дата обращения: 12.01.2014).

Pivneva, Elena

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
32A Leninskiy Av., 119991 Moscow, Russia
e-mail: pivnel@mail.ru
tel.: (495) 9380019

УДК 39/81.246/316.344

ПРОБЛЕМАТИКА ПОВСЕДНЕВНОГО БИЛИНГВИЗМА ТВЕРСКИХ КАРЕЛОВ XX–XXI ВЕКА

О. М. Фишман

Российский этнографический музей

Статья посвящена описанию феномена карельско-русского бытового билингвизма как важной составляющей проблемы языкового/речевого полилингвизма. Трансформация его объективных и приоритетных субъективных факторов и признаков на протяжении XX–XXI вв. выявлена при анализе языкового и этноконфессионального самосознания, оценки и статуса родного и русского языков, речи как компонента социальной коммуникации конкретных локальных групп тверских карелов. Интерпретация опубликованных, архивных и авторских полевых материалов, собранных на протяжении 30 лет – с 1980-х по 2012 год, предпринята в исторической проекции с использованием методологических приемов этнологии, этнолингвистики, лингвокультурологии и социолингвистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тверские карелы, карельско-русский повседневный билингвизм, проблематика, феномен, признаки, XX–XXI вв., полевые источники, архивы.

O. M. Fishman. SUBJECT MATTER OF EVERYDAY BILINGUALISM OF TVER KARELIANS IN THE 20TH–21ST CENTURIES

The paper describes the phenomenon of Karelian-Russian everyday bilingualism as a significant component of the language/speech polylingualism problem. The transformation of its objective and major subjective factors and traits over the 20th–21st centuries is revealed through analysis of the language- and ethno-confessional identity, evaluation and status of the native and the Russian languages, speech as a component of social communication of specific local groups of Tver Karelians. The interpretation of published, archival and the author's own field materials, collected over a period of 30 years – from the 1980s to 2012, was undertaken in a historical projection using the methodological techniques of ethnology, ethno-linguistics, linguistic culturology and sociolinguistics.

K e y w o r d s: Tver Karelians, Karelian-Russian everyday bilingualism, subject matter, phenomenon, features, 20th–21st cc., field sources, archives.

Длительный опыт изучения различных локальных групп карелов вне исторической родины (т. н. тихвинских и тверских) привел меня к убеждению, что в совокупности признаков этих сообществ первое место занимают самосознание и язык в широком понимании – речь / общение / коммуникация.

Именно в них аккумулируются как устойчивые, так и эволюционирующие этнокультурные показатели, одним из феноменов которых выступает языковой билингвизм: «Pagizemma kar'ialakši, a virt'ä lawlamma ven'ïäl'äkši» / «Говорим по-карельски, а песни поем по-русски».

В данной статье из всех известных у карельских переселенцев XVII в. типов билингвизма (повседневный, фольклорный, профессиональный) остановлюсь на характеристике первого – бытового карельско-русского билингвизма.

Исследовательский дискурс

Прежде всего изложу те исходные теоретические положения, которые были ранее использованы мной и остаются базовыми в контексте заявленной темы. Это определение языка в лингвокультурологии – как объекта отражения и фиксации культуры [Хроленко, 2005. С. 58], а также с позиции этнолингвистики – для изучения с его помощью человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологического творчества [Славянские древности..., 1995. С. 5; Толстой, 1995; Юдин, 1998. С. 408–411; Березович, 2000; Толстая, 2002. С. 1–9; Бартминский, 2005].

В основе одной из актуальных проблем современной этнолингвистики – моделирования картины мира или концептуальной модели мира, включающей в себя сумму знаний индивида и народа о внешнем мире [Герд, 1995; БТСС, 1999. С. 120, 304], – лежит переосмысление ряда постулатов теории «лингвистической относительности Сепира–Уорфа» [Сепир, 1993; Уорф, 1960]. О различиях в способах отражения и «сегментирования» действительности разными языками Э. Сепир писал: «Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками» [цит. по: Звегинцев, 1960; Василевич, 1988. С. 58]. (Библиография современных исследований приведена в ряде работ В. В. Красных, в том числе см. [Красных, 2002, С. 258–281]).

Прямое отношение к выбору поли- и междисциплинарного исследовательского дискурса наряду с вышеперечисленными методическими обоснованиями имеют и используемые в современных социолингвистических исследованиях. Прежде всего те из них, которые направлены на изучение билингвизма, жизнестойкости/вitalности языка, взаимосвязи языкового и этнического самосознания, речи как компонента социальной коммуникации, а также анализа внеязыковых ситуаций функционирования языка в различных общностях и группах.

Значительным интерпретационным потенциалом обладают опубликованные, архивные и авторские полевые материалы, собранные на протяжении 30 лет – с 1980-х по 2012 год у тверских карелов; в них содержатся данные

о языковом и этноконфессиональном самосознании; степени сохранности родного языка, оценке и статусе карельского и русского языков, уровне карельско-русского повседневного и фольклорного двуязычия, языке профессиональной практики. Среди моих информантов преобладают люди двух возрастных когорт: родившиеся до революции 1917 г. и в 1920–1930-е годы, православные и старообрядцы в недалеком прошлом.

Внешние факторы билингвизма

Первоначально изложу внешние/объективные факторы и признаки, препятствовавшие и способствовавшие развитию билингвизма.

Полагаю, что массовое переселение карелов в Россию в XVII в. после Столбовского мира следует рассматривать: (1) как процесс так называемой этнической мобилизации, происходившей в конфликтных условиях религиозно-культурного и языкового противостояния, социально-экономической и государственно-правовой дискриминации; (2) как явление, отразившее высокий уровень этнической и вероисповедной «самости» карелов, а также этнополитическую идеологию конфессионального и государственного единства карелов с русскими. На переломе карельской истории – исходе с родины в XVII в. – язык стал главным выражением этнической и религиозной принадлежности переселенцев, их самоидентификация выстраивалась по схеме: «свой язык – свой народ – своя вера».

В результате поэтапного процесса миграции в Новгородские, Угличские, Бежецкие и Ярославские земли, растянувшейся на ряд десятилетий, возникали территориально разобщенные и нестабильные по численности и месту расселения карельские анклавы. Вместе с тем переписные и селитьбенные документы того времени свидетельствуют, что мигранты предпочитали селиться компактными семейно-родовыми и соседскими кланами, что типично для любого миграционного движения. Стоит подчеркнуть особый социально-правовой статус «корельских зарубежных выходцев», колонизировавших опустевшие и обезлюдившие государственные земли Бежецкого Верха: бесплатное наделение землей, получение денежных субсидий на приобретение строительного леса и сельскохозяйственного инвентаря, освобождение на 10 лет от уплаты государственных налогов, фактическое самоуправление путем создания специальных административных единиц на территориях плотного расселения (Чамеровская и Кесемская дворцовые волости). Все это способст-

вовало сложению собственных, в определенной мере замкнутых и самодостаточных социально- и этнокультурных миров, население которых длительное время не нуждалось в активном языковом общении с окружающими русскими. Расселение, отчасти регулируемое властью, шло и на монастырские вотчины, и в помещичьи владения. Со временем все карельские переселенцы оказывались насельниками конкретных административных и церковных единиц – волостей и приходов, в рамках которых и начиналось сложение новых локальных групп: козловской, рамешковской, весьегонской, вышневолоцкой и зубцовской (держанской). История каждой из них в XVIII–XIX вв. складывалась по-разному, о чем говорят сохраняющиеся и поныне этнолокальные особенности, диалектные и говорные отличия, конфессиональная неоднородность (православные, старообрядцы, баптисты, пашковцы и др.).

В числе известных внешних факторов формирования указанных локальных и микролокальных групп: демографические (численность, превышавшая карельское население на исторической родине, высокая плотность и компактность расселения), социально-экономические и этнокультурные (удаленность, а подчас и изолированность от массивов русских деревень и городских центров Тверского Верхневолжья и др.). Сыграло свою роль и насильственное переселение жителей небольших, в основном помещичьих карельских деревень в русскую среду и наоборот. Так, излагая свою родословную, Алексей Антонович Беляков (1901 г. р.), один из основоположников карельского литературного языка в 1930-е годы, редактор карельской газеты «Колхозойн Пуолех («За колхозы»), подчеркивает, что его дед по материнской линии был русским и «не знал ни слова по-карельски». По семейным рассказам, он был «переведен из Старицкого уезда в Козловскую волость Вышневолоцкого уезда, чтобы в некоторой степени обрусить карельское население деревни Бормино <...> Насколько была велика его роль в обрусении карелов, говорит то, что моя мать уже не знала русского языка. Если ей приходилось говорить по-русски, так коверкала она слова, что трудно было понять содержание ее речи. Не случайно и замуж вышла в карельскую деревню» [ГАТО, Р-1367, ед. хр. 76, л. 3]. Сходную ситуацию карелизации удалось записать от Марии Григорьевны Т., родившейся в 1904 г. в карельской деревне Большое Плоское Новоторжского у. В ее семье говорили по-карельски, «а вот бабушка отца была русской – вот такие парадоксы» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 10].

Вместе с тем подчеркнуты и другие обстоятельства. Именно в условиях миграции проявилась высокая адаптационная способность и хозяйственная активность переселенцев. Обживание новых мест и обустройство на них потребовали крайнего напряжения сил всего сообщества, что было возможно лишь при сохранении и усилении семейно-родовой и групповой сплоченности, соответствующих типов и форм отношений.

Безусловно, в этом отразился консерватизм крестьянского мышления, ориентированный на коллективный социальный опыт, поддержание системы традиционных этнокультурных и религиозных ценностей (крестьянский труд, земля, семья, община, взаимопомощь и вера).

Однако необходимость самосохранения актуализировалась и положением карелов как чужеземных переселенцев, сохранявших травмирующие воспоминания о прошлом, имевших за своими плечами негативный исторический опыт, усугубленный со временем ощущением этнического неравенства, что сказывалось в пренебрежительном отношении со стороны русских.

Таким образом, роль мигрантов способствовала обостренному восприятию собственных отличительных черт, формированию субъективного образа своего народа и его истории, четкого языкового и этнокультурного самосознания тверских карелов. Показателем его высокого уровня является самоназвание *kar'ialazet* = *карелы* – этноним, восходящий к раннесредневековой летописной кореле. Наряду с ним на новые земли было перенесено и синхронное ему название прародины – *Kar'iala* = Корела.

Длительной сохранности этнического идентитета и родного языка способствовало и преобладание эндогамных (внутрикарельских) браков. По рассказам матерей и бабушек наших информантов, браки карелов с русскими были редкостью и в начале XX в. (за исключением жителей помещичьих деревень, в которых еще в середине XIX в. помещик мог принудить к подобному браку своих крепостных).

Особенно строго запрет на межконфессиональные/межэтнические браки поддерживался в старообрядческих деревнях: «мирских безговали» до конца 1920-х, а в некоторых общинах – в 1930-е годы и даже позднее. Русские женщины, вышедшие замуж в старообрядческие карельские деревни в 1921–1938 гг., вспоминали, что приходилось учить карельский язык. Елена Ивановна Т., 1920 г. р., русская из д. Застолбье Рамешковского р-на Тверской обл., рассказывала: «пришла в Корелу. Первое время со свекровью говорила через переводчика – мужа: быстро карельский восприняла» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 7 об.].

С середины XIX в. важными каналами освоения русского языка для мужской в основном части населения были отхожие промыслы (Тверь, города Тверской и соседних губерний Верхневолжья, Петербург, Москва) и служба в армии. Об этом пишет и автор многих книг по истории и культуре Тверской Карелии А. Н. Головкин: «До революции 1917 года русский язык в деревне Поцеп вообще не звучал. Русских жителей не было, между собой говорили по-карельски. Русские слова и предложения многие взрослые знали, особенно мужчины, которые ездили в Бежецк на рынок, а зимой работали на отходничестве в Петербурге» [Головкин, 2007. С. 41]. Этому вторят и оценочные соображения А. А. Белякова: «карелы всегда стремились овладеть русским языком. Это стремление вызывалось экономическими условиями, которые вынуждали карел искать за пределами карельского поселения заработки» [Беляков, 2001. С. 44, 45].

В фольклорных материалах Государственного архива Тверской области (ГАТО) под названием «Забыл карельский язык» приведен характерный местный анекдот. «Отслужил солдат службу, вернулся домой, забыл карельский язык и все говорил по-русски. Его спрашивают, а чем кормят в солдатах? – в солдатах не как дома, кормят мясом, “калой” (т. е. рыбой) – а крупная ли рыба? Да разная бывает, бывает по “вакше”, по “какши”, а иногда и по “шулу” (испр. шүлү) (т. е. по четверти, по 2 четв. и по сажени)» [ГАТО, ф. Р-1367, ед. хр. 30, л. 124].

А вот оценка местного краеведа начала XX в. «Солдаты во время пребывания на службе очень заметно развились. Некоторые из них совершенно изменили свой прошлый образ жизни. Начали хорошо говорить по-русски и даже сделались как бы своего рода местными ораторами, стали вводить новые развлечения, принесли с собой новые народные песни (см. песни солдат, которые подхватила и местная молодежь)» [ГАТО, ф. Р-625, ед. хр. 60, л. 44].

С этого же времени – с середины XIX в. – важным социальным фактором освоения карелами русского языка становится школа. Первая начальная школа была организована в 1840–1841 г. Министерством императорского двора и уделов в крупном карельском селе, волостном центре Толмачи (Бежецкий у.); через 24 года она стала земской. Наряду с ней в 1859 г. открылась еще и церковно-приходская школа, а в 1913 г. – земское двухклассное училище. В 1872 г. грамотных в Толмачевской волости было 266 чел., а в 1879 г. их насчитывалось уже 771 чел., из них 634 – мужчины и 137 – женщины. В «Тверских епархиальных ведомо-

стях» за 1901 г. читаем: «В Толмачах две школы. В обеих школах занимаются учительницы и ведут свое дело усердно, под наблюдением приходских священников, с ревностью и успехом занимающихся преподаванием Закона Божьего» (цит. по: [Иванова]). В этой школе преподавало немало учителей крестьянского происхождения, а также дочерей сельских священнослужителей, что в целом соответствовало сути земского движения по просвещению народа.

Среди таковых была и замечательная подвижница карельского языка Анастасия Толмачевская, родом из карельского села Никольское-Тучевское (ныне Никольское), создавшая и опубликовавшая в 1887 г. первый карельско-русский букварь «Родное карельское, со статьями для первоначального чтения и краткими карельско-русским и русско-карельским словарями». В предисловии она пишет: «я по опыту убедилась, что более легкое и успешное обучение русской грамоте карельских детей, а тем более научное и нравственное развитие их, весьма много зависит от знакомства с самым домашним бытом карел и от знания карельского языка учителями и учительницами» [Родное..., 1887. С. 1].

Далее Толмачевская подчеркивает, что, несмотря на усилия земства направлять в школы учителей, знающих карельский язык, отнюдь «не всегда контингент учителей и учительниц представляет к этому возможность». Современная тверская исследовательница Л. Г. Громова, специально, вслед за петрозаводскими лингвистами Г. Н. Макаровым [Макаров, 1963. С. 70–79] и В. Д. Ряговым [Рягов, 2003. С. 170–176], изучающая первые письменные памятники на языке тверских карелов, дает точную оценку словарю А. Толмачевской и расценивает его как первое учебное пособие, поспособствовавшее в определенной степени «аккультурации тверских карел» [Громова, 2006. С. 29–39].

Впоследствии в толмачевской школе учились одна из основоположниц карельской письменности на латинице Александра Алексеевна Милорадова (Антонова) и известный лингвист Александра Васильевна Пунжина, автор многих публикаций, в том числе «Словаря карельского языка: тверские говоры» [1994], книги «Слушаю карельский говор» [2001] и др.

В рукописи карельского краеведа, учителя А. И. Лебедева приведены сведения об 11 различного типа школах, открытых с 1841 по 1887 гг. в карельских селах Новоторжского и Вышневолоцкого у. Тверской губ. [ГАТО, ф. Р-1523, оп. 1, ед. хр. 5, л. 59]. К 1915 г. только в шести приходах Бежецкого у. действовало

23 церковно-приходских и 97 земских школ, в которых обучались 6 804 ученика-карела. На начало XX в. во всех карельских волостях Тверской губ., по подсчетам А. Н. Головкина, действовало 57 церковно-приходских школ, 183 земских и 7 государственных министерских школ, в которых обучались более 14 тыс. карельских детей [Головкин, 2003. С. 177].

Об уровне владения тверскими карелами русским языком говорят данные, собиравшиеся в ходе Первой переписи населения 1897 г.: 37,1 % мужчин и около 6,7 % женщин [ГАТО, ф. 1367, ед. хр. 25, л. 121].

Итак, из приведенных сведений очевидно, что к началу XX в. в Тверской Карелии было открыто уже немало начальных сельских школ, но местные учителя столкнулись с большими трудностями в обучении карельских детей: они либо плохо знали, либо вообще не знали русский язык.

В качестве переводчиков и посредников между детьми и учителем зачастую выступали старшеклассники, что было рекомендовано, как известно, Министерством просвещения для т. н. инородческих школ [Илюха, 2007]. В этом отчасти отразились рекомендации известного педагога Н. И. Ильминского об использовании «переводного» метода. Однако применялся и другой – т. н. «натуральный» или «естественный» метод, запрещающий использование родной речи в общении между учениками, а также учителями и учениками. Об этом сохранилось немало воспоминаний самих тверских карелов. А. А. Беляков повествует на страницах своей автобиографии, что даже за разговор во время перемен на карельском языке полагался штраф – копейка или яичко. При этом, что интересно, в его школьных воспоминаниях (он пошел в земскую школу в 1908 г.) отсутствует отрицательная коннотация этого факта, а напротив – находится логичное объяснение: «чтобы учащиеся скорее усвоили русский язык».

В перечне книг, помогавших в изучении русского языка и литературы, Беляков называет: «Баранов. Добрые семена III часть, Тихомиров. Вешние воды, Ушинский. Детский мир <...> На уроках истории учительница нам (показывала. – О. Ф.) картинки из русской истории. Это были копии с картин известных художников <...> По русскому языку много писали сочинений по картинкам и учили наизусть басни Крылова и стихотворения русских поэтов. В каждую неделю обязательно учили одно стихотворение». Приведенный Беляковым список школьной литературы свидетельствует о заметном сдвиге в сторону светского начального образования.

О. П. Илюха, глубоко изучившая эти процессы на примере школьного образования в Карелии, связывает их с непосредственным последствием революции 1905–1907 гг. [Илюха, 2010]. Процесс демократизации привел и к критике религиозных знаний, преподававшихся в сельских школах. Неслучайно в этой связи мнение А. А. Белякова: «в карельских селениях церковно-приходские школы не имели большого значения. В этих школах главным образом учили читать Псалтырь, Часослов и молитвы. Практическое значение их было в том, что старые девы, усвоившие читать, читали по покойникам псалтырь» [ГАТО, ф. 1367, ед. хр. 25, л. 150–153].

Есть свидетельства того, что закончившие земские школы подростки достаточно успешно овладевали русским языком в устной и письменной формах и, продолжая использовать в повседневной практике (в семье, со сверстниками и односельчанами) карельский язык, тем не менее становились двуязычными, что определяло их новые социально-культурные роли в родной среде, расширяло возможности общения вне ее. Личный уровень билингвизма был, безусловно, различен. Активное же использование русского языка со временем могло привести и приводило к смешанному/двойному языковому, а впоследствии и этническому сознанию.

Но многие не могли посещать школу регулярно из-за постоянного участия в хозяйственной жизни семьи, а иные и не хотели, т. к. тех, кому русский давался с трудом, унижали их русские одноклассники.

Рождение карельской письменности

После революции 1917 г., в самом конце 1920-х гг. начался краткий, но весьма важный в деле заявленной советской властью политики «коренизации» период национально-языкового строительства. Целями коренизации были «подготовка, выдвижение и использование в национальных образованиях национальных кадров для работы в государственных и общественных органах, в хозяйственных и культурных учреждениях <...> развитие национальных языков, внедрение их в сферу деятельности государственного аппарата» [Кожемякина и др., 2006. С. 98].

Среди участников этого процесса в Тверской губ. с 1928 г. – уже известные А. А. Беляков, А. А. Милорадова и ряд других образованных карелов, которые при активной поддержке и содействии известных лингвистов, в первую очередь Д. В. Бубриха [Бубрих, 1931, 1932], приступили к созданию карельского литературного языка на основании толмачевского го-

вора. Нельзя не сказать, что в ходе этого процесса разыгрался т. н. языковой конфликт [Кожемякина и др., 2006. С. 39] между сторонниками латинской (А. А. Милорадова) и кириллической (А. А. Беляков) графической основы.

1 марта 1930 г. состоялось совещание по созданию карельской письменности, инициированное Комитетом по делам национальностей Наркомата просвещения СССР. Среди принятых постановлений отмечу следующие: « всю работу среди карел в Московской области поставить на карельском языке, <...> организовать разработку карельской письменности на латинской основе и приступить к обеспечению учебными пособиями на карельском языке школ 1 ступени и ликпунктов» [Головкин, 2003. С. 88–96; 2005. С. 32]. За короткий период было издано около сотни необходимых учебных пособий, организовано издание периодической печати, проведены курсы карельского литературного языка для учителей. Подготовка педагогов началась в стенах специально созданного в Лихославле педучилища.

В 1935/36 учебном году карельский язык преподавался в 181 школе на территории 12 районов Калининской обл. В них обучалось 13 914 учеников-карелов.

Самая серьезная проблема заключалась в том, что после обучения в первых двух классах на карельском языке с третьего класса оно осуществлялось уже на русском, и «на уроках карельские дети говорили на смешанном языке, в русскую речь то и дело вставляли карельские слова». Одна из информантов, Серафима Дмитриевна К., русская, 1921 г. р., вышедшая замуж за карела, помнила, что в 1935–1937 гг. в деревне Затулки (совр. Новоторжский р-н) была карельская школа, в которой учительствовал Гуглин и его дочь Аракчеева. С ее слов, Ефрем Ефремович Гуглин получил образование в Лихославле, был репрессирован – сослан в Читу. Серафима Дмитриевна впоследствии работала уже в русской школе этой деревни и рассказывала, что «карельские дети приходили, не зная русского языка, с ними работали через переводчиков – родителей. Они отличались большей дисциплинированностью по сравнению с русскими детьми» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 7].

Письменный карельский язык на латинице просуществовал на территории Калининской области чуть более 6 лет: с февраля 1931 по сентябрь 1937 г. [Головкин, 2008. С. 117]. За это время сложились реальные условия для обучения в школах на родном языке и его дальнейшего развития как литературного и публицистического. Елизавета Александровна Н., 1918 г. р. (совр. Новоторжский р-н, с. Баранов-

ка), в 1993 г. рассказывала, что в ее семье говорили по-русски, т. к. отец был русским, а мать карелкой. Она «научилась говорить на карельском языке в школе; учитель был “заядлый карел” Александров, известный в те времена переводчик на карельский язык учебной и художественной литературы» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 26].

Лихославльское педучилище за три года подготовило около 200 учителей, в Калининском пединституте была создана кафедра кареловедения. Постановление Президиума ВЦИК СССР о переводе письменности на русский алфавит означало окончание политики коренизации, а на практике привело к ликвидации письменного карельского языка.

Парадоксально, но факт: это постановление было принято спустя всего лишь два месяца после другого – об организации в составе Калининской области Карельского национального округа, которому была уготована короткая, 19-месячная (с 9 июля 1937 г. по 25 февраля 1939 г.), и трагическая история. По сфабрикованному т. н. «Карельскому делу» было арестовано 139 карелов: учителей, редакторов карельских изданий, авторов учебной литературы, глав райисполкомов, сотрудников окружных отделов народного образования. В их числе А. А. Беляков, А. А. Милорадова, Е. Е. Гуглин, редактор карельского сектора Учпедгиза Е. И. Дудкина и многие другие [Карельское «дело»..., 1991. С. 13–16].

Представителей карельской интеллигенции обвиняли в том, что они «насаждали вражду между карельским и русским населением, создавали пропасть между карелами и русскими, тормозили развитие национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, навязывали карелам финский язык, тормозили развитие русской культуры, изучение русского языка в карельских школах» [Возвращение..., 1995. С. 65].

А. А. Беляков в большой работе «Верхневолжские карелы: этнографический очерк» (1981 г.) с горечью констатирует, что после ликвидации в 1939 г. Национального округа «все карельские учебники и др. литература были признаны антисоветскими и ликвидированы. Ликвидировали и карельские хоры. Отменено обучение на карельском языке в младших классах. Создавалось такое мнение, будто карелы являются контрреволюционерами. Газеты перестали писать о карелах. В районных центрах ответственные работники были заменены русскими. Такой результат культ личности в отношении карельского населения» [ГАТО, ф. Р-1367, ед. хр. 29, л. 32].

При всей чрезвычайно кратковременной истории существования карельского литературного/письменного языка и Карельского национального округа весьма впечатляют итоги, свидетельствующие о значительном интеллектуальном потенциале молодой карельской интеллигенции, осознанном служении своей малой родине и определенной готовности сельского населения к восприятию нового. Властный, эпизодический заказ на коренизацию во многом поспособствовал укреплению этнического самосознания тверских карелов.

Современное состояние карельско-русского повседневного билингвизма

Вплоть до 1960-х, а у отдельных групп тверских карелов и до конца 1980-х годов родной язык – *kar'ialan'e kiel'i* продолжал выполнять разделительную функцию в понятии «свой-чужой», осуществлял также внутреннюю регулятивную и коммуникативную роль. В 2012 г. учительница школы в с. Чамерово поделилась своими воспоминаниями 1962 г. о работе в небольшой соседней деревне: «такое впечатление, будто я попала в другую страну. В магазине по-карельски, в школе дети на перемене по-карельски, вся школа по-карельски говорит» [Аудиозаписи..., 2012].

Отчасти и сегодня карельский язык сохраняет свои позиции как язык семейно-бытового общения, некоторые в старости предпочитают говорить только на родном языке, так как, освоив русский во взрослом состоянии, забывают его в старческом возрасте. В определенных случаях карельский язык, отдельные слова и выражения используются как некий условный «тайный» язык, когда, находясь среди «чужих» – русских, карелы не хотят быть понятыми. Об иной ситуации поведала информант, мать которой, карелка, вышла замуж за русского и говорила по-карельски со своими снохами только наедине [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 26].

Но в целом в настоящее время все тверские карелы не просто билингвы, преобладающая их часть пользуется в повседневной практике исключительно русским языком. Степень владения им различна в отдельных социо- и половозрастных, а также локальных группах, что постепенно приводит к состоянию т. н. пульсирующей этнической самоидентификации или же биэтнической (в зависимости от конкретных обстоятельств, мотивов и целей общения) [Кожемякина и др., 2006. С. 30. http://www.ilingran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf].

Примером тому является картина реальной речевой коммуникации у весьегонских, вышневолоцких, а также козловских и рамешковских карелов в зоне пограничья с русскими. Так, в 1982 г., со слов пожилой, 1894 г. р., карелки из деревни Бухолово Вышневолоцкого р-на, все ее трое взрослых детей – «русские, а мы с дедкой (мужем) когда по-карельски, когда по-русски. Уж и я теперь по-карельски не знаю, старшие помершие» [ПМА, 1982 г. Тет. 2, л. 27 об.].

В качестве иллюстрации причин происходивших процессов остановлюсь более подробно на истории весьегонских карелов, языковая = этническая ассимиляция которых, скорее всего, находится на завершающей стадии.

По данным переписи 1926 г., их численность составляла «по народности» 22 243 чел.; по родному языку – 21 227 чел., что соответствовало 14 % от всего населения Весьегонского уезда. Наряду с чисто карельскими деревнями были смешанные русско-карельские и исключительно русские деревни.

Этническая карта Весьегонского края претерпела серьезные изменения в связи со строительством Рыбинского водохранилища. С 1935 г. из зоны затопления было переселено на новые места 130 000 чел. – жителей 663 русских селений и города Мологи; значительная их часть поселилась в Весьегонском крае. На 1989 г. в Весьегонском р-не было учтено всего 240 карелов. Согласно полевой информации 1984 г., родным языком владело еще все старшее поколение, но спустя 27 лет, в 2011–2012 годах – единицы. Преобладающими являются смешанные браки.

Приведу отрывки из беседы 2011 г. с Зинаидой Ивановной М., 1949 г. р.: «Я по паспорту карелка. Отец чистокровный карел, а мать была русская <...> Он из Костиндора. Родители его жили там, мои бабушка с дедушкой. Вот они тоже были карелы чистокровные, они вот с отцом разговаривали (по-карельски. – О. Ф.) <...> Мама с Суково <...> и она в паспорте, в метриках, как в свидетельстве моем о рождении <...> мама писалась карелкой. Я говорю: мама, почему ты написалась карелкой? Она: папа записался карел, так и я карелка. <...> у нас в семье разговаривали на русском языке» [Аудиозаписи, 2011].

Рассказывает Рада Николаевна Н., 1951 г. р., до выхода на пенсию преподаватель русского языка Горьковского университета. «Я родилась здесь, в Медведково (ныне опустевшая карельская деревня вблизи села Чамерово. – О. Ф.), и жила здесь до школы. Родители уехали, наверное, в 1953 или 1954 году.<...> Вы понимаете, как ... бабушка говорила практически

только по-карельски. Она с мамой говорила по-карельски, со всеми детьми только по-карельски. Мы, внучата, когда они разговаривали, понимали, о чем они говорят, но разговаривать мы уже не разговаривали. Вот эта культура карельская, она уже не прививалась и язык тоже. А взрослые разговаривали все только по-карельски, постоянно и вся деревня. И даже замоложские (русские переселенцы из зоны затопления Мологи. – О. Ф.), которые приехали, они и то со временем понимали карельский язык, но разговаривать не разговаривали» [Аудиозаписи, 2011]. Отмечу, что встречалась и несколько иная информация о русских переселенцах, хорошо владевших разговорным карельским языком.

Свидетельства Рады Николаевны Н. можно расценивать как подтверждение того, что с 1960-х годов у весьегонских карелов наблюдается возрастная дифференциация говорящих на родном языке, у многих детей это уже пассивное владение карельским.

Восприятие своего языка носителями

Еще в конце XX в. у карелов существовала поговорка: «С карельским языком можно дойти только до Осташкова» (так называлась ж/д станция Лихославль. – О. Ф.).

Фактически все опрошенные за многие годы информанты утверждали: «Карельский говор легче русского». Этот тезис прозвучал и в беседе с 95-летней Надеждой Васильевной Л., прекрасно владеющей русским разговорным, фольклорным и конфессиональным языками: «Легко, хорошо по-карельски. Тот язык гораздо легче», а на мое предположение «Потому что родной?» последовал ответ: «Меньше в нем слов, гораздо меньше» [Аудиозаписи, 2011].

Пожилые карелки объясняли свой переход на русский бытовой язык отсутствием карельской коммуникативной среды. Своя социального свойства логика присутствовала и при попытке разобраться в том, почему так просто и на первый взгляд безболезненно произошел отказ от родного языка. В колхозные годы «жили за палочку/за трудодни» – тяжелая повседневность, обыденный прагматизм не оставляли времени для пространных рассуждений, исключали необходимость этнической рефлексии. Именно так в 2011 г. описала происходившее в сознании своих родных и односельчан образованная и думающая Рада Николаевна Н.: «А потом, они уже были втянуты вот в эти во все вот проблемы, эти палочки, налоги: яйца носили, молоко носили, мясо носили. Им как-то не до этого было. Им надо было вот

это все сдать государству. <...> Да еще и себе оставить, чтобы прокормить всех. Этими разговорами вот, заботами жила вся деревня» [Аудиозаписи, 2011].

Жизнеспособность карельского языка, как языка с неполным набором общественных функций, была обречена на двуязычие. Важным при этом фактором являлось неограниченное употребление русских заимствований, характерное для собственно карельского языка тверских карелов (как и тихвинских карелов), сложившееся в ходе длительных ассимиляционных процессов [Рягоев, 1977. С. 222].

В итоге к концу XX в. преобладающим у весьегонских карелов стало двойное или смешанное языковое и этническое русско-карельское самосознание, которое, по наблюдениям социолингвистов, наиболее благоприятно для этнического меньшинства в иноэтническом сообществе.

Формулировка биэтнической идентичности была обнаружена в ходе беседы с мужчиной 1934 г. р. Первоначально информант утверждал, что является русским, хотя по паспортным данным – карел; после уточняющих вопросов о родителях, семейном языке общения согласился с тем, что он «кореляк», но «русский кореляк» [Аудиозаписи, 2011].

Из всех известных типов этнолингвистической идентичности у весьегонских карелов сохраняются индивидуальная, возрастная, отчасти культурная (в категориях памяти), а преобладающими формами группового самосознания стали локальная – жители Весьегонского края и монолингвистическая – русская.

В заключение обозначу перспективы изучения феномена карельского полилингвизма, своеобразия которого заключается, как было отмечено во вступительной части статьи, в сочетании карельско-русского/русско-карельского повседневного и фольклорного билингвизма с конфессиональным церковно-славянским и карельским двуязычием.

Церковно-славянские слова и понятия органично вошли в карельский язык (как, собственно, и в языки других православных финно-угорских народов севера европейской России) ввиду наличия так называемых лакун – отсутствия в собственном языке аналогичной по культурному смыслу лексики. Особенность конфессионального двуязычия заключается в том, что для большинства верующих знание молитв, богослужебных текстов, норм произношения при чтении и пении накладывалось на незнание или непонимание/недопонимание богослужебного языка, неумение читать: «Многие знали молитвы наизусть, с детства».

Одним из способов овладения «славянским» языком наряду с богослужебной практикой стало усвоение русских духовных стихов. Они активно бытовали в устной и письменной формах еще в 1980-е годы, но и ныне исполняются при домашнем отпевании усопших. Рукописные сборники с духовными стихами позднего происхождения бережно хранятся у некоторых пожилых карелок в составе их личных библиотек наряду с Псалтырями, Канонами, Акафистами и другой богослужебной, четьей и житийной литературой.

Источники и литература

Аудиозаписи 2011 г. Тверская обл., Весьегонский р-н.

Аудиозаписи 2012 г. Тверская обл., Весьегонский р-н.

Бартминьский Е. Чем занимается этнолингвистика? // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 22–32.

Бартминьский Е. Некоторые спорные проблемы этнолингвистики // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 33–38.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 390 с.

Беляков А. А. Очерки истории верхневолжских карел // Гос. архив Тверской обл. Ф. Р-1367. Ед. хр. 25. Л. 150–153 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. Верхневолжские карелы: этнографический очерк. (1981 г.) // ГАТО. Ф. Р-1367. Ед. хр. 29. Л. 14–22, 32 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. Фольклор верхневолжских карел. Заговоры верхневолжских карел. Тверь. 1982 // ГАТО. Ф. Р-1367. Ед. хр. 30. Л. 124 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. Эпизоды жизни. Воспоминания // ГАТО. Ф. Р-1367. Ед. хр. 76. Л. 3 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. История и быт карельского населения // Тверская деревня: Энциклопедия. Т. 1. Лихославльский район. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 39–79.

Большой толковый социологический словарь / Дэвид Джерри, Джулия Джерри. Т. 1. М.: Вече АСТ, 1999. 544 с. (в тексте – БТСС).

Бубрих Д. В. Какой язык – тверским карелам? Л.: ЛОИКФУН, 1931. 8 с.

Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М.: Изд-во Мособлисполкома, 1932. 32 с.

Василевич А. П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихоллингвистика / Под. ред. Ю. А. Сорокина. М.: Наука, 1988. 192 с.

Возвращение к правде (Из истории политических репрессий в Тверском крае в 20–40-е и начале 50-х годов): Док. и материалы / Отв. сост. В. А. Смирнов, В. В. Феоктистов. Тверь: Твер. обл. кн.-журнал. изд-во, 1995. 120 с.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1995. 278 с.

Головкин А. Н. Карелы: от язычества к православию. Тверь, Студия-С, 2003. 176 с.

Головкин А. Н. В краю двух культур. Ржев: Филиал ГУПТО «ТОТ» Ржев. тип., 2005. 240 с.

Головкин А. Н. Деревенские легенды. Русский язык в карельской деревне // Мы отсюда родом. Тверь: Студия-С, 2007. 176 с.

Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь: Студия-С, 2008. 432 с.

Громова Л. Г. Тверские печатные памятники карельской письменности 19 столетия // Folia Uralica. Debreceniensia 13. Debrecen. 2006. С. 29–39. URL: <http://sm.znaimo.com.ua/docs/893/index-519898-4.html> (дата обращения: 05.01.2014).

Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1960. 332 с.

Иванова О. П. История МОУ «Толмачевская средняя общеобразовательная школа» // URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from> (дата обращения: 19.01.2014)

Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–XX века. СПб.: Дм. Буланин. 2007. 304 с.

Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–XX вв.: модернизация и этнокультурная традиция: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2010. 46 с.

Карельское «дело»: Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации» / Авт.-сост. В. Виноградов. Тверь: Твер. гос. объединение Ист.-архитектур. и лит. музеев. 1991. 39 с.

Кожемякина В. А., Колесник Н. Г., Крючкова Т. Б. и др. Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Инст. языкознания РАН, 2006. 312 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 477 с.

Лебедев А. И. Тверская Карелия. Рукопись. 1980–1984 // ГАТО. Ф. Р-1523. Ед. хр. 5. Л. 59.

Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х годов прошлого века // Труды Карел. филиала АН СССР. Вып. XXXIX. Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы грамматики и лексикологии. М.; Л., 1963. С. 70–79.

Материалы Бежецкого научного общества по изучению местного края; справки по краеведению; тезисы научных сообщений; переписка. 1920–28 гг. // ГАТО. Ф. Р-625. Ед. хр. 60. Л. 44 (в тексте – ГАТО).

Материалы Бежецкого научного общества по изучению местного края; справки по краеведению; тезисы научных сообщений; переписка. 1920–28 гг. // ГАТО. Ф. Р-625. Ед. хр. 76. Л. 3 (в тексте – ГАТО).

Полевые записи 1993 г. Тверская обл., Новоторжский р-н // Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Ед. хр. 62. Л. 7, 7 об., 10, 26 (в тексте – АРЭМ).

Полевые материалы автора, Калининская обл., Вышневолоцкий р-н. 1982 г. Тет. 2. Л. 27 об. (в тексте – ПМА).

Родное карельское, со статьями для первоначального чтения и краткими карельско-русским и русско-карельским словарями / Сост. учительница Анастасия Толмачевская. М.: Тверское губ. земство. 1887. 66 с.

Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 357 с.

Рягоев В. Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. стат., посвящ. 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 170–176.

Сепир Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1960, С. 21–34.

Сепир Э. Язык и культура // Избр. труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Том. 1. А–Г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1995. 488 с.

Словарь карельского языка: тверские говоры / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Слушаю карельский говор. Образцы речи держанских и валдайских карел / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.

Толстая С. М. Московская школа этнолингвистики // Opera Slavica. Slavistické rozhledy [Brno], 2002. Roč. XII. Číslo 2. S. 1–9.

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н. И. Язык и народная культура М.: Индрик, 1995. С. 27–40.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1960. 496 с. С. 255–285.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: Учеб. пособие / Под ред. В. Д. Бондалетова. М.: Флинта, Наука, 2005. 181 с.

Юдин А. В. Этнолингвистика // Культурология. XX век. Энцикл. в 2 т. / Гл. ред., сост. и автор проекта С. Я. Левит. СПб.: Ун-т. кн., 1998. С. 408–411.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Фишман Ольга Михайловна

д. и. н., зав. отделом этнографии
Северо-Запада и Прибалтики
Российский этнографический музей
ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, Россия, 191186
эл. почта: olga_fishman@mail.ru
тел.: (812) 5705807

Fishman, Olga

Russian Ethnography Museum
4/1 Inzhenernaya St., 191186 St. Petersburg, Russia
e-mail: olga_fishman@mail.ru
tel.: (812) 5705807

УДК 81(=511.1)

СОЗДАВАТЬ ЛИ ЕДИНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ ДЛЯ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ?

М. В. Мосин

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Рассматриваются мнения нескольких финно-угроведов (лингвистов и историков) о необходимости и возможности создания единых литературных языков у отдельных уральских народов России. Предлагаются пути и способы объединения современных мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков в единый мордовский литературный язык.

К л ю ч е в ы е с л о в а: единый литературный язык, эрзянский язык, мокшанский язык, двуязычие, лексика, морфология, диалект.

M. V. Mosin. IS IT POSSIBLE AND NECESSARY TO CREATE SINGLE LITERARY LANGUAGES FOR INDIVIDUAL URALIC NATIONS?

The opinions of several Finno-Ugric linguists and historians about the necessity and feasibility of creating single literary languages for individual Uralic nations of Russia are studied. Ways and means of blending modern Mordvin (Moksha and Erzya) literary languages into a common Mordvin literary language are suggested.

K e y w o r d s: single literary language, the Erzyan language, the Mokshan language, bilingualism, vocabulary, morphology, dialect.

Возникновение, развитие и современное состояние литературных языков финно-угорских народов России похожи как близнецы. Это связано с тем, что языки находились и находятся в одинаковых условиях так называемого российского интерната. Например, и мордовский исследователь А. П. Феоктистов [1976. С. 6–9], и марийский языковед И. Г. Иванов [1975. С. 7] в становлении и развитии соответственно мордовских и марийских языков выделяют по три во многом хронологически совпадающих этапа. Так, на основе мордовских диалектов в процессе языкового строительства в 1930-е годы, на наш взгляд, опрометчиво были сформированы две литературные нормы: мокшанская и эрзянская; несмотря на то что «близость эрзя- и мокша-мордовского», как отмечают Г. Зайц и другие

специалисты, составляет 80 или даже 85 %. Марийцы же, как нам представляется, поступили еще опрометчивее. Вместо уже определенной научной сессией 1953 года и успешно функционирующей единой литературной нормы на основе лугового наречия в перестроечное время, в начале 1990-х годов вопреки позиции большинства марийских специалистов отдельными языковедами и властными структурами была, по существу, навязана вторая литературная норма – на основе горного наречия.

Краткие сведения о положении коми литературных языков нами получены из выступления исследователя коми языка Е. А. Цыпанова на заседании Международного круглого стола 14 мая 2009 года, где он говорил, что: «...вопрос о едином коми литературном языке все-

рьез встал в 20-е годы прошлого века, когда пермяки и зыряне попытались создать единое национально-автономное образование. Однако поставленная цель не была достигнута. После этого о едином литературном языке речь уже не шла. Ныне коми-зыряне и коми-пермяки проживают в разных субъектах Российской Федерации, которые, мягко говоря, не дружат друг с другом, не имеют никаких соглашений о культурном сотрудничестве. Тем не менее два коми литературных языка очень близки, коми-пермяки и коми-зыряне свободно понимают разговор, читают письменные тексты друг друга» [Материалы..., 2009. С. 14].

Почти 20 лет назад организатор круглого стола по вопросу о литературных языках на 8-м Международном конгрессе финно-угроведов в г. Ювяскюля (Финляндия) венгерский языковед Габор Зайц неслучайно выразил озабоченность следующими словами: «Уважаемые коллеги, не забывайте, по существу, об этих вопросах сейчас, на финно-угорском конгрессе 1995 года, мы, возможно, говорим в последний раз» [Зайц, 1995. С. 8]. Учитывая почти единодушную уверенность участников названного мероприятия в необходимости создания единых литературных языков у отдельных уральских народов, была высказана идея объединения мокшанского и эрзянского литературных языков в единый мордовский литературный язык. Как известно, инициаторами такого языка выступили венгерские ученые Габор Зайц и Ласло Керестеш, а также итальянский исследователь мордовских языков Данило Гено. В своих выступлениях они довольно аргументированно обосновали не только причины и необходимость, но и пути и способы создания на основе современных мокшанского и эрзянского литературных языков их единой нормы. С этими аргументами можно ознакомиться, они опубликованы в книге «Zur Frage der Uralischen Schriftsprachen» – «Вопросы уральских литературных языков» в Будапеште в 1995 году.

Позднее идея объединения языков стала активно обсуждаться и в мордовской общественной среде. В 2000-х годах автором данной статьи была подготовлена серия публикаций по названной проблематике: «Мордовские (мокшанский и эрзянский) литературные языки: состояние, проблемы и перспективы развития» [Мосин, 2002. С. 11–19] – в материалах II Всероссийской научной конференции финно-угроведов; «Современные мордовские литературные языки: нормы, проблемы и перспективы развития – в международном журнале «Финно-угорский мир» [Мосин, 2008]; «Единый мордовский литературный язык. За и против» –

в материалах Всероссийской научно-практической конференции, посвященной юбилею известного финно-угроведа А. П. Феокистова (Саранск, 21 ноября 2008 г.). В них были поддержаны предложения зарубежных исследователей о создании единой нормы мордовского литературного языка [см. также: Мосин, 2008. С. 34–39; 2009. С. 10–18].

На наш взгляд, создание единого литературного языка – это один из важнейших и лучших путей вывода обоих мордовских литературных языков из их состояния функционирования на четверть. Почти каждый народ мира, говоря на многих диалектах родного языка, в течение ряда лет создал или создает свой единый литературный язык, так как это – высший уровень и символ его единства. Если быть народу, то он обязательно должен иметь вершину своей культуры, имя которой – литературный язык.

В результате минимальной функциональности на протяжении более 70 лет мокшанский и эрзянский языки стали почти неиспользуемыми; в мордовских селах общаются на своих говорах, в городах мокшане и эрзяне говорят между собой на русском. Создание единого литературного языка ровно в два раза облегчит возможности перехода от одностороннего мордовско-русского двуязычия к двустороннему двуязычию: мордовско-русскому и русско-мордовскому. Только в этих условиях престиж единого мордовского литературного языка поднимется на должный уровень. Тогда русскоязычному человеку не придется гадать на кофейной гуще, какой из мордовских языков ему изучать – мокшанский или эрзянский.

Противники идеи единого литературного языка видят «уникальность» в сложившихся двух литературных нормах, ссылаясь на то, что при создании единой литературной нормы мордва потеряет оба своих языка, в результате чего исчезнет и сама. Такая обеспокоенность имеет свою основу. Начиная со второй половины 1930-х годов после профессоров А. П. Рябова и Ф. И. Петербургского мордовское языкознание, по сути, не занималось строительством создавшихся языков, а просто держалось за них, опасаясь, «как бы чего не вышло». Но есть элементарные аргументы, легко опровергающие панические суждения. В качестве примера хочется упомянуть уникальный шокшанский диалект, который при двух литературных нормах до сих пор существует в нескольких селах. В этих селах дети в школе изучают мокшанский литературный язык и без особого напряжения овладевают им, а разговорным языком остается шокшанский диалект, основой которого является эрзянский язык. Приведен-

ный факт однозначно опровергает доводы тех, кто опасается потери мокшанского и эрзянского разговорных языков.

Языковеды знают: еще ни один литературный язык мира не уничтожил ни одного своего диалекта или говора. Даже тот диалект, на базе которого созданы литературные нормы, сохраняет и развивает свои уникальные особенности, а единая литературная норма никак не может посягать ни на один этнос. Эрзяне с. Кеченьбие (Жабино) Ардатовского района из-за единого литературного языка не отвергнут свой говор и не превратятся в мокшан или инопланетян; так же и мокшане с. Мордовское Паево Ковылкинского района не станут эрзянами или инопланетянами. Естественно, единую литературную норму никто не собирается создать в одночасье. Это работа многих десятков лет, требующая организации специальной авторитетной комиссии, а также целого коллектива специалистов, постоянно работающих над кодификацией нормы языка.

Например, в фонетике нельзя считать препятствием различие между мокшанским и эрзянскими языками в системе ударения, когда в мокшанском языке оно, как правило, падает на первый слог, а в эрзянском – на любой слог одного и того же слова, не неся смысловозначительной функции. Кроме того, в письменной речи ударение остается неиспользованным в обоих языках. Что касается различий в составе гласных (в эрзянском – 5, в мокшанском – 7) и в системе согласных (в мокшанском существуют дополнительно особые звуки p^x , l^x , y^x) фонем, то в процессе работы над созданием единого литературного языка можно применить два пути разрешения проблемы. Первый – это параллельное использование фонетических норм, т. е. их варьирование, что широко практикуется и в других языках. Второй – отказ от введения в единую литературную норму из мокшанского труднопроизносимых согласных p^x , l^x , y^x . По поводу таких инициатив могут возникнуть возражения демагогического характера у тех, кто захочет увидеть в этом намерение ликвидировать особенности того или иного языка. Но разве в современные мокшанский или эрзянский литературные языки введены все без исключения особенности их диалектов? Отнюдь нет, о чем прекрасно осведомлены все, кто начинает изучать литературный язык в школе или даже в детском саду. Например, в эрзянских говорах сел Кочкуровского района Республики Мордовия также наличествуют согласные p^x , l^x , y^x , а в говорах шугуровского диалекта эрзя-мордовского языка – фонема $\ddot{a}$ и редуцированный $\ddot{a}$. Однако эти фонетические особенности в эрзянском литератур-

ном языке отсутствуют. Ни в один из литературных языков мира не введены все особенности их говоров или диалектов.

На наш взгляд, в мордовском языкознании создано мнение, что литературная норма – это раз и навсегда установленная аксиома. Но в общем языкознании при определении понятия литературной нормы признается явление вариантности или вариативности. Так, в энциклопедическом словаре по лингвистике указывается: «...литературная норма – это не только стабильный и унифицированный, но и значительно дифференцированный комплекс языковых средств, предполагающий сохранение целого ряда вариантов».

Разумеется, создание норм единого языка, как и овладение ими, первоначально потребует определенного напряжения и усердия. И разве без непосредственного изучения, например, мокшанка из Пензенской области сможет овладеть нормами современного мокшанского литературного языка или эрзянин из Бугурусланского района Оренбургской области будет знать систему и нормы современного эрзянского языка? Без сомнения, нормы надо изучать даже тому мокшанину или эрзянину, на базе чьих говоров созданы литературные языки.

По нашему мнению, основная трудность заключается не в создании единого мордовского литературного языка, не в поисках соответствующих способов и методов, а в том, что мы, мокшане и эрзяне, мало пользуемся родным языком в процессе своей жизнедеятельности. Отсюда мы плохо знаем лексическое богатство даже одного из этих языков: мокшане – мокшанского, а эрзяне – эрзянского. Такое отношение мокшан и эрзян к своим родным языкам весьма точно определила лектор из Финляндии Туула Невала, читавшая курс финского языка на филологическом факультете Мордовского государственного университета. Выступая на III съезде мордовского народа, она сказала: «Плохо, что вы, мокшане и эрзяне, мало говорите на родных языках, но еще невежественнее, вы не слушаете друг друга, когда из вас кто-то говорит на родном языке. Я изучала и знаю только эрзянский язык, но вполне понимаю, когда со мной говорит мокшанин на родном языке».

Создание единого мордовского литературного языка обеспечило бы:

– раскрытие и объединение в обоих языках богатства лексических и грамматических средств познания литературных и духовных ценностей, созданных человечеством в процессе его исторического развития;

– рост и укрепление национального самосознания и на этой основе укрепление единства обоих этносов (мокшан и эрзян) как единой мордовской нации, предпосылки и возможности перехода от сложившегося одностороннего мордовско-русского двуязычия к двустороннему – мордовско-русскому и русско-мордовскому двуязычию, что существенно сможет поднять престиж мордовского литературного языка;

– создание реальных путей и способов расширения коммуникативных функций мордовского литературного языка в таких сферах общества, как: 1) повседневная жизнь; 2) социально-политическая жизнь; 3) официальные каналы общения; 4) обучение в дошкольных учреждениях, школах и высших учебных заведениях; 5) наука; 6) литература; 7) средства массовой информации; 8) межэтническое общение; 9) международная коммуникация.

Пути и способы разработки единого литературного языка

1. Учитывая признание в финно-угорском и общем языкознании лексики и морфологической структуры мокшанского и эрзянского языков тождественными на 80 %, представляется приемлемой возможность в обоих языках *внедрения морфологического принципа правописания*. Согласно материалам лингвистических конференций, посвященных языковому строительству, орфография эрзянского литературного языка на 95 % уже построена на морфологическом принципе. Этот же принцип, согласно рекомендациям ноябрьской конференции 2008 года, признан преобладающим и в мокшанской орфографии. Это один из путей сближения мокшанского и эрзянского языков и создания единого мордовского литературного языка. На наш взгляд, ничто не мешает писать по единому морфологическому принципу: *руз* 'русский (нац.)' (> мн. ч. мокш. и эрз. *рузт* 'русские (нац.)'), а не мокш. *руст* 'русские (нац.)', эрз. *рузт* 'русские (нац.)'.

2. Проблему сближения, а впоследствии и единения мокшанского и эрзянского языков на уровне лексики можно без колебаний решить на основе расширения синонимических рядов прежде всего исконной лексики и определенного числа тождественных заимствований. На основе восстановления исконной лексики существенно расширится и обогатится лексическая система предлагаемого единого литературного языка. В данном отношении необходимо максимально использовать также диалектные данные обоих языков. С этой целью следует безотлагательно приступить к составлению

разного типа словарей (мокшанско-эрзянского, эрзянского-мокшанского, русско-мордовского, этимологического, терминологических словарей; мокшанско-эрзянского, эрзянского-мокшанского, русско-мордовских разговорников), учебно-методической литературы по лексикологии экспериментального характера, с приемами толкования имеющихся различий.

3. В области морфологии для разработки системы сближения мокшанского и эрзянского языков потребуется более длительный период, так как сложившиеся различия медленнее, чем лексика, подвергаются усвоению в процессе их употребления носителями языков. Однако, учитывая общепризнанное в языкознании явление вариантности или вариативности при формировании единых литературных норм, современные морфологические варианты мокшанского и эрзянского литературных языков могут использоваться параллельно до тех пор, пока носители разрабатываемого языка не отдадут предпочтение одному из используемых вариантов. Привлечение морфологической вариантности в экспериментальных учебных пособиях для разного возрастного уровня, начиная от дошкольных учреждений до высших учебных заведений, позволит наглядно представить богатую морфологическую структуру обоих современных мордовских языков и тем самым расширит знания изучающих и пользующихся ими в процессе своей деятельности.

В г. Саранске 14 мая 2009 года при Межрегиональном научном центре финно-угроведения был проведен Международный круглый стол на тему: «Пути и возможности создания единого мордовского литературного языка». При его разработке были определены следующие главные условия: 1) наличие стабильного унифицированного и дифференцированного комплекса языковых средств, предполагающего сохранение ряда вариантов и синонимических способов выражения; 2) применение языковых средств обоих современных мордовских языков, что обеспечит внедрение имеющегося их богатства в создаваемый единый язык; 3) учет определенных расхождений между литературной нормой и реальным употреблением языка; 4) признание литературного языка в качестве основной наддиалектной формы существования языка, характеризующейся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации [ЛЭС, 1990. С. 270].

В разрабатываемой программе по созданию и внедрению единого языка решались следующие задачи:

1) создание системы норм и правил единого мордовского литературного языка (проекты «Лексика», «Морфология», «Орфография», «Синтаксис»);

2) разработка и реализация информационного комплекса (проекты «База данных», «Портал»);

3) разработка и издание комплекса учебно-методической литературы: программ обучения, учебных пособий, словарей, разговорников (печатных и электронных);

4) создание центра мониторинга, характеризующего издания разрабатываемого языка;

5) принятие комплекса нормативно-правовых актов, регулирующих использование единого языка на территории Республики Мордовия;

6) проведение мероприятий по популяризации единого мордовского литературного языка в средствах массовой информации;

7) проведение мероприятий по обмену опытом и научной информацией, в том числе конференций, семинаров, симпозиумов, круглых столов и др., посвященных единому мордовскому литературному языку.

Заказчиком программы является Правительство РМ, а ее разработчиком – ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева».

Над реализацией программы в соответствии с поставленной задачей в рамках своей компетенции будут работать: Государственный комитет по национальной политике, Министерство образования, Министерство печати и информации, ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева»,

ГОУВПО «МГПИ им. М. Е. Евсевьева», НИИГН при Правительстве РМ, ГТРК «Мордовия», Ассоциация финно-угорских народов РФ, Межрегиональный научный центр финно-угроведения, Поволжский центр культур финно-угорских народов.

Контролирующим органом является Республиканская комиссия по координации развития мордовских языков, созданная в конце 2008 г. указом Главы Республики Мордовия.

В соответствии с поставленными задачами программа разбивается на три основных этапа: нормативный, подготовительный и этап внедрения.

Следует отметить, что большинством участников круглого стола, как и на 8-м Международном конгрессе финно-угроведов, идея мордовского литературного языка была поддержана. Ее высказывали языковеды Янош Пустаи, Тыну Сейлентхаль, О. Е. Поляков, В. П. Цыпкайкина, В. И. Щанкина, а также специалисты других наук – Н. П. Маркин, Н. Ф. Мокшин, В. К. Абрамов, А. С. Лузгин, Ю. А. Мишанин, В. Ф. Кирдяшов и другие.

Прозвучали следующие мнения отдельных участников:

Янош Пустаи: «Позиция “одна нация – один язык” поддерживается зарубежными, а в последнее время частично и мордовскими специалистами – несмотря на диалектные различия в данных языках» [Материалы..., 2009. С. 8].

Тыну Сейлентхаль: «Уверен, что создание единого мордовского литературного языка надо начинать с общей терминологии» [Материалы..., 2009. С. 9].

Проект программы создания и внедрения единого мордовского литературного языка

Название и сроки реализации этапа	Содержание этапа	Разработчики и реализаторы
Нормативный этап (2009–2011)	Разработка программы; построение теоретической модели языка; построение модели взаимодействия мокшанского и эрзянского языков с единым мордовским языком; построение модели автоматизированного информационного комплекса; построение модели мониторинга изменений языков; построение нормативно-правовой модели использования языков; построение модели внедрения единого мордовского литературного языка	Госкомнац, Минобр, МГУ, НИИГН, МГПИ
Подготовительный этап (2012–2015)	Издательская деятельность; учебно-методическая деятельность; нормативно-правовое обеспечение; предварительная популяризация	Госкомнац, Минобр, Минпечати, МГУ, НИИГН, МГПИ, ГТРК «Мордовия»
Этап внедрения (с 2016)	Преподавание языка на всех уровнях; осуществление мероприятий по популяризации, распространению и поддержке единого мордовского литературного языка на территории РМ; осуществление мероприятий по популяризации, распространению и поддержке единого мордовского литературного языка в местах компактного проживания представителей мордовского этноса за пределами территории РМ; осуществление мероприятий по признанию единого мордовского литературного языка международными общественными и культурными организациями	Госкомнац, Минобр, Минпечати, МГУ, НИИГН, МГПИ, ГТРК «Мордовия», Союз писателей РМ, МОД мордовского (мокшанского и эрзянского) народа

Н. Ф. Мокшин: «Я полагаю, что идея формирования единого мордовского литературного языка точнее намечает стратегию этнонациональной политики по прогнозированию и регулированию этноязыковых процессов у мордвы, полно отражает выстраданную веками идею приоритета мордовского этнического самосознания над эрзянским и мокшанским субэтническим самосознанием» [Материалы..., 2009. С. 10].

В. К. Абрамов: «Однако создание единого литературного языка, на мой взгляд, – веление времени. Решение в 1930-е годы языковой проблемы путем билингвизма породило множество проблем во всех остальных сферах общественной жизни. И если мордовский народ хочет остаться единым народом, о чем однозначно говорят решения всех его съездов, то рано или поздно ему придется вырабатывать единый государственный язык. Это необходимо не только с культурной, но и с политической точки зрения» [Материалы..., 2009. С. 10].

Наряду с вышеизложенным, некоторыми участниками были высказаны сомнения в возможности и необходимости создания единой литературной нормы, которые сводились к следующему:

Е. А. Цыпанов: «Исходя из сказанного, рекомендую в качестве первого и самого необходимого условия принять этап сближения и взаимовлияния, взаимообогащения двух мордовских литературных языков, а в качестве второго – проведение ряда лингвистических экспериментов относительно восприятия текстов «новомордовского» литературного языка лицами разных поколений эрзян и мокшан» [Материалы..., 2009. С. 15].

А. М. Доронин (председатель правления Союза писателей Республики Мордовия): «Как мы будем соединять два самостоятельных языка, между которыми разница как в плане семантики, так и фонетики? Ведь мокшане и эрзяне двумя-тремя словами могут выразить то, что при переводе на другой язык потребует нескольких предложений» [Материалы..., 2009. С. 16].

Тем не менее по завершении дискуссии участниками круглого стола были приняты следующие рекомендации:

1. Одобрить основные положения концепции по разработке единого мордовского литературного языка.

2. Ходатайствовать перед Правительством Республики Мордовия о принятии программы создания единого мордовского литературного языка.

3. Организовать постоянно действующий семинар по обсуждению аспектов процесса разработки единого мордовского литературного языка.

4. Поддерживать образование республиканской комиссии по координации развития мордовских языков, рассмотреть на его заседаниях актуальные вопросы, перспективы языкового строительства, условия и этапы формирования единого мордовского литературного языка.

5. Создать при секторе филологии и журналистики Межрегионального научного центра финно-угроведения ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» рабочую группу по подготовке материалов для формирования единого мордовского литературного языка по всем его уровням и просить Правительство РМ оказать финансовую поддержку деятельности группы по выработке рекомендаций для создания единого мордовского литературного языка.

Полная и весьма объективная картина дискуссии, возникшей в связи с намерениями создания единого мордовского литературного языка на основе современных мокшанского и эрзянского литературных языков, дана финским языковедом Йормой Луутоненом в статье «Дискуссия об эрзянском и мокшанском языках с точки зрения дискурса-анализа (на материале интернет-текстов конца прошлого – начала текущего столетия)». В ней автор выделяет восемь дискурсов, отражающих многообразие мнений, «принимавших участие в обсуждении данного вопроса» [Луутонен, 2011. С. 237–245].

В конце своей статьи Й. Луутонен весьма тонко замечает: «Разнообразие форм выступлений в дебатах, связанных с мордовскими языками, также является отражением того, что участники дискуссий по-разному воспринимают реальность: то, что очевидно и важно для одного, с точки зрения другого является нереальным и тривиальным. Более полное и многостороннее понимание действительности может быть достигнуто только через коммуникативные процессы, в которых разные голоса, разные индивидуальные или групповые реальности отражаются один в другом» [Луутонен, 2011. С. 243].

Материалы статей и дискуссий за круглыми столами, посвященными в течение последних 20 лет проблемам создания единых литературных языков для отдельных уральских народов, показывают неоднозначную картину. Зарубежные (западные) финно-угроведы, имея глубокую историю исследования уральских языков и колоссальный опыт развития своих литературных языков (венгры, финны, эстонцы и др.), все как один предлагают создание единых литературных норм для отдельных уральских народов (ка-

релов, мордвы, марийцев, коми), российские же финно-угроведы весьма настороженно воспринимают эту идею (некоторые остерегаются, а отдельные – отвергают ее).

После всего вышесказанного напрашивается вопрос: а что сегодня и в дальнейшем будет с проблемой создания единого литературного языка как у мордвы, так и у других уральских народов? Вопрос вовсе не праздный и не случайный. Трудно судить, нужно или не имеет смысла приступать к разработке единых литературных норм в карельском, коми и марийском языках. Специалисты отмечают, что коми-пермяцкий и коми-зырянский литературные языки, а также луговое и горное наречия марийского языка, на которых в последнее время созданы литературные нормы, гораздо ближе друг другу, чем мокшанский и эрзянский литературные языки. Вместе с тем попыток создания единых литературных норм в этих языках пока не наблюдается, хотя они весьма напрашиваются. На наш взгляд, нельзя не согласиться с мнением многих финно-угроведов о том, что единые литературные языки для карелов, марийцев, мордвы и коми – гарантия дальнейшего развития их языков и фактического превращения в государственные, т. е. в языки образования, науки и культуры.

Единые литературные языки – основной фактор укрепления единства этих народов, один из рычагов для повышения их национального самосознания. Не без основания данная тема включена оргкомитетом в программу V Всероссийской конференции финно-угроведов в г. Петрозаводске (2014 г.), за что следует высказать благодарность ее организаторам.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мосин Михаил Васильевич

зав. кафедрой финно-угорского и сравнительного языкознания, д. фил. н., проф.
ул. Большевистская, д. 68, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия, 430005
эл. почта: finugor@rambler.ru
тел.: (8342) 290845

Литература

Зайц Г. Сколько языков нужно эрзе и мокше? // Zur Frage der uralischen Schriftsprechen – Вопросы уральских литературных языков. Budapest: Az MTA Nyelvtudo mányi Intézete, 1995. С. 8.

Иванов И. Г. Возникновение и развитие марийского литературного языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тарту, 1975. 45 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энциклопедия, 1990. 270 с. (в тексте – ЛЭС).

Луутонен Й. Дискуссия об эрзянском и мокшанском языках с точки зрения дискурс-анализа (на материале интернет-текстов конца прошлого и начала текущего столетия) // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития: материалы VIII Междунар. симпоз. «Языковые контакты Поволжья» (Йошкар-Ола, 18–20 августа 2011 г.). Йошкар-Ола, 2011. С. 237–245.

Материалы Международного круглого стола «Пути и возможности создания единого мордовского литературного языка» 14 мая 2009 г. // Финно-угорский мир. 2009. № 2. С. 4–22.

Мосин М. В. Единый мордовский литературный язык. За и против // Финно-угорский мир. 2008. № 1. С. 34–39.

Мосин М. В. Мордовские (мокшанский и эрзянский) литературные языки: состояние, проблемы и перспективы развития // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Саранск, 2–5 февраля 2002 г.). Саранск, 2002. С. 11–19.

Мосин М. В. Современные мордовские литературные языки: нормы, проблемы, перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 21 ноября 2008 г.). Саранск, 2009. С. 10–18.

Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию. Саранск, 2008. 63 с.

Феоктистов А. П. Очерки из истории формирования мордовских литературных языков (Ранний период). М.: Наука, 1976. 9 с.

Mosin, Mikhail

State University of Mordovia
68 Bolshevistskaya St., 430005 Saransk,
Republic of Mordovia, Russia
e-mail: finugor@rambler.ru
tel.: (8342) 290845

УДК 811.511

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАФИННО-УГОРСКОГО СУФФИКСА *-ŋ* В МОРДОВСКИХ, ХАНТЫЙСКОМ И МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Д. В. Цыганкин

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Рассматриваются потенциальные возможности финно-угорского (уральского) словообразовательного суффикса *-ŋ* в мордовских, хантыйском и мансийском языках. Доказывается его генетическое родство в названных языках, анализируются основные семантические функции. Прослеживаются фонетические изменения, которым суффикс подвергся в мокшанском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: словообразовательный суффикс, потенци суффикса, хантыйский язык, мансийский язык, мордовские языки.

D. V. Tsygankin. THE WORD BUILDING POTENTIAL OF THE PROTOFINNO-URGIC SUFFIX *-ŋ* IN MORDVIN, THE KHANTY, AND THE MANSI LANGUAGES

The paper considers the potential the Finno-Ugric (Uralic) word-building suffix *-ŋ* has in Mordvin, the Khanty and the Mansi languages. Its genetic affinity in the named languages is proved, and the main semantic functions are analyzed. The phonetic modifications the suffix has undergone in the Moksha language are traced.

K e y w o r d s: word-building suffix, suffix potential, the Khanty language, the Mansi language, Mordvin languages.

Сравнительное изучение финно-угорских языков исходит из той предпосылки, что общность происхождения не предполагает структурного сходства на всех уровнях родственных языков. При сравнительно-типологическом изучении в первую очередь возникают вопросы о соотношении генетического и структурного.

Условия формирования языков финно-угорских народов и конкретные процессы развития каждого языка затенили многие черты первоначальной генетической общности, но сохранили знаковые особенности, реализующиеся в системах современных финно-угорских языков.

Сравнительное изучение, например, мордовских, хантыйского и мансийского языков позволяет обнаружить в их словообразовательных системах ряд структурно-генетических, а в некоторых случаях и типологических совпадений. Сходство словообразовательных построений проявляется, например, при анализе производных прилагательных, образованных посредством суффикса *-ŋ*.

В данной статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ производных с суффиксом *-ŋ* с целью выявления его словообразовательных потенциалов, что даст возможность найти то общее, что генетически роднит эти языки.

Репрезентация согласного *ʃ в отдельных финно-угорских языках

э. д.	мр.	уд. д.	см.	х.	мн.
čoj «пена»	šoj «пена»	šajga «галка»	iŋŋ «лед»	čəŋk ¹ «жара»	jaŋk «лед»
koŋ «луна»	čaŋa «галка»	ruŋ «конец»	rāŋŋ'k «уздечка»	jəŋk «вода»	ruŋk «зуб»
ki'eŋ «береза»	oj «грудь»	diŋ «комель»	raŋŋ'k «тело»	kuŋəŋ «подмышка»	lātəŋ «слово; весть»
riŋ «зуб»	čəŋgaš «клевать»	čaŋ «набат»	ŋiŋŋk «ветер»	čaŋkta «расти»	raŋx «мухомор»
eŋ «лед»	mōŋgeš «обратно»	s'iŋkaš «бровь»	jūŋŋk «нога»	jōŋk «лед»	s'iŋ «угол (острый)»

Словообразовательный суффикс *-ŋ* восходит к финно-угорской лингвистической общности [Основы..., 1974. С. 37–38]. Из современных финно-угорских языков он сохранился в словообразовательных системах мордовских (эрзянского), хантыйского и мансийского языков.

При этом следует отметить и то, что в финно-угорском языке-основе был особый согласный *ŋ*, который сохранился в структуре непроизводного слова в эрзянских говорах [Марков, 1961], саамском (К), кукморском диалекте удмуртского языка [Кельмаков, 2003], марийском, хантыйском и мансийском языках. Из остальных финно-угорских языков он исчез, оставив после себя другие согласные [Лыткин, 1957; Кельмаков, 2003]. В таблице приведены примеры слов, в структуре которых (за исключением начального слога) сохранился *ŋ*.

Вернемся, однако, к словообразовательно-му суффиксу *-ŋ*, который, используя потенциальные возможности в каждом из сравниваемых языков, образует прилагательные и существительные:

1. Прилагательные от существительных со значениями «изобилующий чем-либо», «обладающий чем-либо»:

ф.-у. * **were** > э. *ver'*, м. *ver* «кровь» → э. д. **ver'əŋ**, э. л. *ver'ev*, м. *veri*² «кровавый; кровянистый; окровавленный» – х. *vəŋ* «кровь» → **wəŋəŋ** «кровянистый; окровавленный»

ф.-у. * **puna-** > э., м. *pona* «волос; шерсть» → э. д. **ponaŋ**, э. м. *ponav* «волосатый; мохнатый» – х. *puŋ* «волос; шерсть; перо» → **puŋəŋ** «мохнатый; покрытый шерстью, волосами, пером» – мн. *rip* «перо (птицы); пух; мех; шерсть» → **puŋiŋ** «пушистый; косматый»

¹ э – переднерядный, неогубленный редуцированный гласный, акустически напоминающий звук, промежуточный между гласными (э) и (ы).

² i – заднерядный неогубленный согласный (ы).

ф.-у. * **woje** > э. *voj*, м. *vaj* «масло» → э. д. **ojeŋ**, э. л. *oev*, м. *oju* «масляный; маслянистый» – х. *woj* ~ *wōj* «жир, сало (нутряное)» → **wojaŋ** ~ **wōəŋ** «жирный» – мн. *woj* «жир; сало; масло» **wojiŋ** «жирный»

ф.-у. * **kiwe** > э., м. *kev* «камень» э. д. **keveŋ**, э. л. *kevev*, м. *kevi* «каменистый» – х. *kōj*³ ~ *kāw* «камень» → **kōkkəŋ** ~ **kawəŋ** «каменистый; комковый»

ф.-у. * **wete** > э., м. *ved'* «вода» → э. д. **ved'eŋ**, э. л. *ved'ev*, м. *ved'u* «водянистый» – мн. *wit* ~ *wit'* «вода» → **witiŋ** ~ **witəŋ** «водянистый; мокрый; сочный»

ф.-у. * **sawe** > э. *s'ovon'*, м. *s'ovən'* «глина» → э. д. **s'ovon'eŋ**, м. *s'ov n'u* «глинистый» – мн. *sul'i* «глина» → **sul'iŋ** ~ **sul'əŋ** «глиняный»

ф.-у. * **luwe** > э., м. *lov-* (> э. *lovaža* «кость», м. *lovaža* «труп») → э. д. **lovažaŋ**, э. л. *lovažav* «костистый; костлявый» – х. *löŋ* ~ *töŋ* «кость; скелет» → **lökkəŋ** ~ **tökkəŋ** «костистый; костлявый» – мн. *luw* «кость» → **luwiŋ** «костлявый; костяной»

ф.-у. * **kala** > э., м. *kal* «рыба» → э. д. **kaləŋ**, э. л. *kalov*, м. *kalu* «богатый рыбой» – х. *kul* ~ *kūt* «рыба» → **kuləŋ** ~ **kūtəŋ** «рыбный; обильный рыбой» – мн. *xul* ~ *xūl* «рыба» → **xūliŋ** «многорыбная река» [Ромбандеева, 1973, С. 87].

ф.-у. * **sōme** > э., м. *s'av* «ость (тонкий, длинный усик на колосковой чешуе многих злаков); кость (рыбья)» → э. д. **s'avoŋ**, э. л. *s'avov*, м. *s'avu* «остистый» – х. *sam* ~ *som* «чешуя» → **saməŋ** ~ **soməŋ** «чешуйчатый» – мн. *sam* ~ *sām* «чешуя (рыбы)» **samiŋ** «чешуйчатый»

³ γ – звонкий заднеязычно-уволарный щелевой согласный.

- ф.-у. * *noppe* > э., м. *nup-* (> э. *nupon'*, м. *nupən'* «мох») → э. д. *nupon'eŋ*, э. л. *nupon'ev*, м. *nupon'u* «обильный мхом» – х. *n'or* «топь; тряси́на; грязь» → *n'opəŋ* «топкий с тряси́нами (например, о болоте)»
2. Прилагательные от существительных с общим значением «наделенные тем, что названо производящей основой»:
- ф.-у. * *wūke* > э., м. *vij* «сила; могущество» → э. д. *vijeŋ*, э. л. *vijev*, м. *viji (viju)* «сильный; могущественный» – х. *wöŋ* «сила» → *wökkəŋ* «сильный» – мн. *wag* «сила» → *wagiŋ* «сильный; мощный»
- ф.-у. * *piŋe* > э., м. *rej* «зуб» → э. д. *pejeŋ*, э. л. *pejev*, м. *peju* «зубастый» – х. *pəŋk* «зуб; зубец» → *pəŋkəŋ* «зубастый» – мн. *puŋk ~ päŋk* «зуб» → *puŋkiŋ* «зубастый»
- ф.-у. * *sōla* > э., м. *sal* «соль» → э. д. *saləŋ*, э. л. *salov*, м. *salu* «соленый» – х. *sälna ~ sälna ~ sätt* «соль» → *sälnaŋ ~ söttəŋ* «соленый» – мн. *solwal* «соль» → *solwaliŋ* «соленый»
- ф.-у. * *sarnε* > э. *šir'n'e* «золото» → э. д. *šir'n'eŋ*, э. л. *šir'n'ev* «золотой; золотистый» – х. *särn'a ~ sörn'e* «золото» → *särn'a ~ sorn'eŋ* «золотой» – мн. *sorn'i* «золото» → *sorn'iŋ ~ surn'aŋ* «золотой»
- ф.-у. * *omte* > э. *undo*, м. *unda* «дупло» → э. д. *undoŋ*, э. л. *undov*, м. *undu* «дуплистый» – х. *ompi* «дупло дерева, где гнездятся утки» → *ontəŋ ~ ompəŋ* «дуплистый» – мн. *umpi* «дупло» → *umpiŋ* «дуплистый»
- ф.-у. * *sūje* > э. *šij* «гной» → э. д. *šijeŋ*, э. л. *šjev* «гнойный» – мн. *saj ~ säj* «гной» → *sajiŋ* «гнойный»
- ф.-у. * *jūŋe* > э., м. *ej* «лед» → э. д. *ejeŋ*, э. л. *jev*, м. *ēju* «ледянистый» – х. *jöŋk* «лед» → *jöŋkəŋ* «льди́стый; со льдом» – мн. *jaŋk ~ jājŋk* «лед» → *jaŋkiŋ ~ jājŋkəŋ* «ледяной»
- ф.-у. * *tulka* > э., м. *tolga* «перо (птицы)» → э. д. *tolgəŋ*, э., м. *tolgav* «перистый» – х. *töŋəl ~ töŋət* «крупное перо с крыла или хвоста» → *töŋləŋ ~ töŋtəŋ* «крылатый» – мн. *towil* «крыло» → *towiliŋ* «крылатый»
- ф.-у. * *pilwe ~ pilŋe* > э. *pel'* «туча; облако» → э. д. *pel'eŋ*, э. л. *pel'ev*, м. *pel'i* «облачный» – х. *peləŋ ~ petəŋ* «облако; туча» → *peləŋəŋ ~ petəŋəŋ* «облачный; пасмурный (о погоде)» – мн. *tul* «облако» → *tuliŋ* «облачный; пасмурный»
- ф.-у. * *künče* > э., м. *kenže* «ноготь» → э. д. *kenžeŋ*, э. л. *kenžev*, м. *kenži* «когтистый» – х. *künč' ~ künš* «ноготь; коготь» → *künčəŋ ~ künšəŋ* «когтистый» – мн. *kons ~ käns* «ноготь; коготь» → ∅²
- ф.-у. * *kompə* > э. *kumba* «волна» → э. д. *kumbaŋ*, э. л. *kumbav* «волнистый» – х. *ḱump ~ ḱomp* «волна; вал (на воде)» → *ḱumpəŋ ~ ḱompəŋ* «волнистый» – мн. *xump* «волна» → *xumpiŋ* «волнистый»
- ф.-у. * *kūse* > э., м. *kuz* «ель» → э. д. *kuzəŋ*, *kuzov*, м. *kuzu* «еловый» → х. *ḱot* «ель» → *ḱotəŋ* «еловый», мн. *xowt* «ель» → *xowtiŋ* «еловый»
- ф.-у. * > *teške* э. *t'ikše*, м. *t'iše* «трава» → э. д. *t'ikšeŋ*, э. л. *t'ikšev*, м. л. *t'iši* «травянистый; покрытый травой» – х. *tus* «борода; усы» → *tusəŋ* «бородатый; усатый», мн. *tus* «борода» → *tusiŋ* «бородатый»

В эту же группу можно отнести хантыйские и мансийские производные прилагательные с суффиксом *-ŋ*, не имеющие прямых производных соответствий в мордовских языках, хотя производящая основа в ряде случаев известна в качестве самостоятельного слова или в виде основы в глагольных образованиях:

- х. *ḱol* «щель» → *ḱoləŋ* «щелеватый, щелевой, щелистый»; э., м. *kol-* (> *kol'gems* «течь, протекать»)

- х. *wer* «дело; работа» → *werəŋ* «деловой; дельный»; э. *ver-* (> *ver'ged'ems* «зажечь; высечь огонь»)

¹ ŷ – огубленный краткий гласный (у).

² ∅ обозначает отсутствие производного.

• х. *tas* «богатство; имущество; добро» → **tasəj** «богатый», мн. *sol* «богатство» → **solij** «богатый» – э. *taš-* (> *taštams* «копить, накопить; сберечь; экономить»)

• х. *pj̄n* «бородавка; родимое пятно» → **pj̄nəj** «бородавчатый»; э. *pin'-* (> *pin'en'č'eč'ej* «ячмень на глазу»)

• х. *ķin'* ~ *ķen* «заразная болезнь» → **ķin'əj** ~ **ķenəj** «больной; хворый»; э. *kin'-* (> *kin'et'ems* «чесаться»)

• х. *wat* «ветер» → **watəj** ~ **wotəj** «ветренный» – мн. *wot* ~ *wōt* «ветер» → **wotij** ~ **wotəj** «ветренный» – э., м. *varma* «ветер» → э. д. **varmaj**, э. м. *varmav* «ветренный»

• х. *ḱotl* ~ *ḱat* «день; солнце» → **ḱatləj** «солнечный», мн. *xotal* «солнце; день» → **xotalij** ~ **xotal'əj** «солнечный» (э. *čī*, м. *šī* «солнце; день» < *keše)

3. Существительные от существительных со значением предназначения. В мордовских языках в некоторых соответствиях обнаруживается лишь первый член словообразовательной пары, второй – отсутствует:

• х. *kōt* ~ *kāt* «рука» → **kōtəj** «повитуха, повивальная бабка», мн. *kat* «рука» – Ø, – э. *ked'*, м. *kād'* «рука» → Ø

• х. *n'al* ~ *n'at* «стрела; дробь; пуля» → **n'aləj juj** «шомпол», мн. *n'al* «стрела» → Ø, – э., м. *nal* «стрела» → Ø

• х. *pāl* ~ *pāt* «ухо; слух» → **pāləj** ~ **pātəj** «наушник; ручка (кастрюли, чайника)», мн. *pal'* ~ *päl'* «ухо» → **päl'əj** ~ **pal'ij** «чуткий; ушастый» – э., м. *pile* «ухо» → Ø

• х. *paŋ* ~ *pāj* «палец» → **paŋəj** ~ **pājəj** «перчатка» – мн. *tul'owjil* «палец» → **tul'owjilij** «перчатка»

• х. *ilt* «вязь между копыльями саней» → **iltəj: iltəj juj** «спинка у розвальней, скрепленная вязью»

• х. *ḱōn* «живот, брюхо» → **ḱōnəj** «беременная» → э. *kun-* (> *kunst* «навзничь»)

• мн. *mos* «болезнь; хворь» → **mosij** «хилый; больной» – х. *moš* ~ *moš* «болезнь; боль; недуг» → **mošəj** «хворый; больной; страдающий недугом»

• х. *juṃp* «дуновение, порыв ветра» → **juṃpəj** «завихрение» – э. *juv-* (> *juvodems* «веять; провеять»)

В эту же группу следует отнести угорские образования-номинанты, первым компонентом которых является производное прилагательное с суффиксом *-ŋ*, а вторым – существительное:

• мн. *ęt* «ночь» → **ętaŋ hotal** «сутки»

• мн. *jurt* «друг; товарищ» → **jurtij n'awramij** «близнецы»

• х. *jiməj* «святой; священный» → **jiməj ḱotl** «праздник»

4. Прилагательные от существительных, обозначающие признак (позитивный или негативный) по наличию в данном предмете:

• х. *jōr* «гордость; спесь; надменность» → **jōrəj** «гордый; горделивый; спесивый; надменный» – мн. *jur* «гордость» → **jurij** ~ **jurəj** «гордый»

• х. *jäyäl* «вид орнамента» → **jäyäləj** «пестрый» ~ **jayləj** «со звездочкой на лбу (о животных)»

• мн. *sim* «сердце» → **simij** ~ **saməj** «сердечный» – х. *səm* «сердце» → **səməj** «смелый», **səməj čop** «грудная часть корпуса человека или животного» – э. *s'ed'ej*, м. *s'ed'i* «сердце»

• х. *jurəḱ* «толк; смысл; разумение» → **jurḱəj** «толковый; смысленный; сообразительный» – э. *jurok* «умение; способность; навык; сноровка; опыт» → э. д. **jurokoj**, э. л. *jurokov* «умелый; способный; опытный»

• мн. *peṃ* «ложь; обман; притворство» → **peṃij** «лживый»

• мн. Ø → **n'alij** ~ **n'oləj** «жадный; алчный» – э., м. *n'il-* (> *n'ilems* / *n'ilams* «проглотить»)

• мн. *sap* ~ *säp* «труха» → **sapij** ~ **säpəj** «трухлявый»

• х. *kač* ~ *kaš* «желание, хотение, настроение» → **kašəj** «веселый; жизнерадостный; увлекательный» – мн. *kas* ~ *käs* «желание; веселье; согласие» → **kasij** ~ **käsəj** «веселый» – э. *kes-* (> *kes'ams* «радоваться; веселиться»)

• мн. *kak* «парша; короста» → **kakij** «паршивый» – х. *kak* «парша; короста» → **kakəj** «паршивый; шелудивый»

• мн. *kant* «зло» → **kantij** «сердитый; злой»

5. Прилагательные от глагольных основ со значениями «испытывающий действие, названное производящей основой» или «исполняющий действие, названное производящей основой». В мордовских языках в таких соответствиях производящая основа сохраняется в других образованиях:

• х. *kačäj* ~ *kašəj* ~ *kašäj* «больной, нездоровый» ← *kačäjätätä* ~ *kašatta* «ушибить, повредить; ушибиться»; э. *keš-*, м. *kš-* (> э. *kešn'ams-*, м. *kšn'ams-* «чихать»)

• мн. **wol'kij** ~ **wol'kəj** «скользящий» ← *wol'kujkwē* «скользить» – э. *val-* (> *valan'a* «гладкий»)

• х. **n'irəj** «злой; упрямый; непоседливый» ← *n'irta* «корить; укорять; упрекать», мн. **kantij** «злой» ← *kant* «злость»

• х. **köllej** «пристань (место стоянки лодок на берегу реки)» ← *köləytä* ~ *köləyta* «заехать; пристать к берегу; подняться на берег» – э. *kel-* (> *kelems* «идти вброд»)

• х. *kürmeŋ* ~ *kürmäŋ* «быстрый на шаг; способный идти быстрым шагом» ← *kürnäytätä* «шагать; шагнуть»

• х. *küäŋ* «хмельной; крепкий (о напитке)» ← *kütt'ata* «опьянеть»

• х. *jisäŋ* «плаксивый» ← *jistä* «выть; плакать»

• х. *jasäŋ* ~ *jüsäŋ* «сказание» ← *jastata* «сказать; сообщить; говорить; рассказывать»

• х. *jasŋäŋ* «словоохотливый» ← *jasŋita* «поносить; хулить за глаза; оговорить; оклеветать»

6. В ряде эрзянских говоров прилагательное с *-ŋ*-овым суффиксом реконструируется в отглагольных образованиях:

• э. д. *kel'eŋems*, э. л. *kel'emems*, м. *kel'emäms* «расшириться» (< *keleŋ «широкий»)

• э. д. *načkoŋoms*, э. л. *načkomoms*, м. *načkatäms* «намокнуть» (< *načkoŋ «мокрый; влажный»)

• э. д. *vid'eŋems*, э. л. *vid'emems*, м. *vid'ätäms* «выпрямиться; стать прямым» (< **vid'eŋ* «прямой»)

• э. д. *potoŋoms*, э. л. *potomoms*, м. *potätäms* «утихнуть; успокоиться» (< *potoŋ «спокойный»)

• э. д. *vieŋems*, э. л. *viemems* «усилиться» (< *vieŋ «сильный») и др.

7. В эрзянском языке (в некоторых говорах) суффикс *-ŋ* использован при образовании делительных числительных, в хантыйском и мансийском языках в этих случаях выступает *-ŋə* (х.), *-ŋ*, *ŋ* (мн.). Например:

• э. д. *n'il'eŋ* «на четыре (части)» ← *n'il'e* «четыре», э. л. *n'il'ev*, м. *n'il'ev* – мн. *n'ilaŋ*¹ «на четыре (части)» ← *n'ila* «четыре» – х. *naləŋə*² «на четыре (части)» ← *nalə* «четыре»

• э. д. *kolmoŋ* «на три (части)» ← э. *kolmo*, м. *kolma* «три», э., м. *kolmov* – мн. *xurəmiŋ* «на три (части)» ← *xurə* «три»

• э. д. *kavtoŋ* «надвое; пополам» ← *kavto* «два», э. л. *kavtov*, м. *kaftəv* – х. *kityə* «надвое; пополам» ← *kit* «два» – мн. *kitiŋiŋ* «надвое; пополам» ← *kitiŋ* ~ *kit* «два»

• э. д. *kotoŋ* «на шесть (частей)» ← э. *koto*, м. *kota* «шесть», э. *kotov*, м. *kotəv* – х. *kuŋə* «на шесть (частей)» ← *kuŋ* «шесть» – мн. *xōtiŋ* «на шесть (частей)» ← *xōt* ~ *xot* «шесть» и др.

¹ Делительные числительные в мансийском языке образуются от количественных с помощью суффиксов *-ŋ* для основы на гласный, *-ŋ* – для основы на согласный [Ромбандеева, 1973. С. 95].

² В хантыйском языке при образовании этих же числительных используется суффикс *-ŋə* (для гласных и согласных основ) [Терешкин, 1981].

8. В мансийском языке *-ŋ*-овый суффикс обнаруживается как один из компонентов инфинитивного суффикса. Например:

• *lovin'taŋkwe* «читать» (э. *lovoms*, м. *luvoms* «читать; сосчитать»)

• *piluŋkwe* ~ *peŋ'ex* «бояться; трусить», х. *palta* «бояться; опасаться» (э. *pelems* «бояться»)

• *toluŋkwe* «таять» (э., м. *solams* «таять»)

• *puruŋkwe* «кусать» (э. *porəms*, *porəms* «грызть; есть»)

• *ponuŋkwe* «сучить (нити из жил)», х. *pōntta* ~ *pōnalta* «сучить; вить; свивать» (э., м. *ponams* «вить; сучить»)

В приведенных выше соответствиях (особенно в пунктах 1, 2) в мокшанском языке рефлекс общего словообразовательного суффикса *-ŋ* реализуются в целом иначе, чем в эрзянском языке. Сходным образом развитие протекало лишь когда перед суффиксом *-ŋ* оказывался гласный *a* – в этих случаях как в эрзянском, так и в мокшанском вместо *-ŋ* выступает суффикс *-v*. Ср.: э. *tolgav*, м. *tolgav* «в перьях, оперившийся». Во всех других случаях в мокшанском языке вместо словообразовательного суффикса *-ŋ* выступают суффиксы *-u* или *-i*.

Что является причиной замены прамордовского суффикса *-ŋ* суффиксами *-u* или *-i*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к эрзянским говорам, сохранившим особенности мокшанского языка. В этих говорах произношение гласного *u* вместо *i* характерно для определенной группы слов. Обратим внимание на такие случаи, как *t'ikšuv* (м. *t'išu*) «травянистый», *vir'uv* (м. *vir'u*) «лесистый», где мокшанскому *u* или *i* соответствуют также эти звуки. Ср.: м. *vir'u* (< **vir'uv* «лесистый»), *ved'u* (< *ved'uv* «водянистый»). Переход *i в *u* в мокшанском языке есть результат замены общемордовского *ŋ* другими согласными. Дело обстоит так, что этот носовой согласный в конце слова заменился двумя звуками:

а) если в соседстве были гласные переднего ряда, то *ŋ* под влиянием предыдущего гласного терял нозальность и переходил в *i*: **vir'iŋ* > **vir'ij* > *vir'i* «в лес»;

б) если этому звуку предшествовал лабиализованный гласный, то *ŋ* под влиянием предшествующего гласного стал произноситься в виде звука *v*: *lovŋ > *lovuv > *lovu* «снежный». Однако такая позиционная замена *ŋ* впоследствии в мокшанском языке стала нарушаться. Произошло обобщение, обязанное действию аналогии, в пользу *v* за счет *j*. Так, под воздействием форм *kuduv (< *kuduŋ «в дом»), *lovuv (< *lovuŋ «снежный») появляются формы типа **vir'iv* (< **vir'iŋ*

«лесистый»), *vel'iv (< *vel'ij «в село»). Примечательно, что такие сдвиги отмечаются в мокшанском языке лишь в словах со значением «обладающий чем-либо», тогда как в лативных формах «по направлению к чему, куда» обобщение в пользу *v* не происходит. Сравните:

а) *vir'ij > *vir'ij > *vir'iv > vir'iu «лесистый» (современная форма)

*ver'ij > *ver'ij > *ver'iv > ver'u «кровавый, кровянистый» (современная форма)

*t'isij > *t'isij > *t'isiv > t'isu «травянистый» (современная форма)

б) *vir'ij > *vir'ij > *vir'iv > vir'i «в лес» (современная форма)

*vel'ij > *vil'ij > *vil'iv > vil'i «в село» (современная форма)

*pir'ij > *pir'ij > *pir'iv > pir'i «в огород» (современная форма)

Словоформы в группе «б» (со значением направления) не подверглись обобщению, очевидно, по семантическим причинам. Если бы сдвиг захватил словоформы группы «б», то в мокшанском языке образовывалось бы значительное количество морфологических омонимов, препятствующих точному пониманию смысла словоформы.

Появление суффикса -*v* вместо ожидаемого -*j* в прилагательных, имеющих значение «обладающий чем-либо», вызвало такое фонетическое явление, когда гласная переднего образования *i* под влиянием последующего вновь возникшего губного согласного переходит в *u* – гласную фонему заднего ряда. Это передвижение обусловлено тем, что артикуляция гласного *i* стала полностью сливаться с артикуляцией последующего согласного *v*, являющегося словообразовательным суффиксом; произошла регрессивная губная ассимиляция. Передвижку гласного *i* в *u* можно представить в такой последовательности: *ij > *ij > *iv > *uv > *uu > u (*kevij > *kevij > *keviv > *kevuv > *kevu > *kevu «каменистый»).

Как видно из примеров, передвижка гласного *i* в *u* в свою очередь явилась причиной и условием изменения словообразовательного суффикса -*v*. Последний, находясь после лабиализованного гласного, оказывается неслоговым гласным рядом со слоговым. В результате в рассматриваемых примерах возникали два близких по образованию звука, и один из них (конечный *u*) уподобляется предшествующему гласному полного образования. Поэтому вместо ожидаемых словоформ *ved'uv*, *ver'uv* в мокшанском языке стали возможными формы слов *ved'u*, *ver'u* и т. д. Такова причина появления гласного *u*, выполняющего роль словообразовательного суффикса -*v* в приведенных словоформах.

Обращение к эрзянским говорам, сохранившим особенности мокшанского языка, убеждает в том, что гласный *u* (< *i) в качестве суффикса в словах типа *ver'uv*, *pir'uv* и т. п. представляет собой не что иное, как наследие мокшанского языка, который, несмотря на более чем трехсотлетнее существование в эрзянском окружении, хорошо сохранился, оказав упорное сопротивление влиянию других говоров. При этом передвижение гласного *i* в *u* захватывает и лативные формы. Например:

а) *vir'ij > *vir'ij > *vir'iv > vir'uv «лесистый; в лес», м. *vir'u* «лесистый», *vir'i* «в лес»;

б) *ver'ij > *ver'ij > *ver'iv > ver'uv «кровавый; кровянистый», м. *ver'u* «кровавый»;

в) *kuduj > kuduv «в дом; домой», м. *kudu* «в дом; домой», э. л. *kuduv*, э. д. *kuduj* «в дом; домой».

Итак, словообразовательный суффикс с уральскими истоками проявляет свою значительную продуктивность в обско-угорских языках. Убедительны его словообразовательные возможности и в волжских языках.

Список сокращений:

- м. – мокшанский
- мн. – мансийский
- мр. – марийский
- см. (К) – саамский (кильдинский диалект)
- уд. д. – удмуртский диалектный
- ф.-у. – финно-угорский
- х. – хантыйский
- э. – эрзянский
- э. д. – эрзянский диалектный
- э. л. – эрзянский литературный

Литература

- Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 2003. 184 с.
- Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Л.: Наука, 1971. 349 с.
- Краткий грамматический очерк вепсского языка // Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. С. 731.
- Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. С. 109–110.
- Марийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 863 с.
- Марков Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1961. С. 7–99.
- Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 37–38.
- Ромбандеева Е. И. Мансийский (Вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 203 с.
- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 540 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цыганкин Дмитрий Васильевич

профессор кафедры эрзянского языка, д. фил. н.
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева
ул. Большевистская, д. 68, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия, 430005
эл. почта: cygankin@yandex.ru

Tsygankin, Dmitry

State University of Mordovia
68 Bolshevistskaya St., 430005 Saransk,
Republic of Mordovia, Russia
e-mail: cygankin@yandex.ru

УДК 811.311

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ КОМИ ЯЗЫКА*

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН

Предпринимается попытка этимологического анализа лексики коми языка, которая трактовалась ранее как прибалтийско-финская по происхождению. Особый акцент в работе делается на широкий охват материала, включая данные русских народных говоров. Отмечается, что простое выявление данных прибалтийско-финского происхождения в коми языковом континууме не всегда может свидетельствовать о прямых пермско-финских контактах. Крайне важен учет возможного иноязычного взаимодействия, даже если та или иная единица является автохтонной и исконной в каком-либо языковом континууме.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этимология, пермские языки, прибалтийско-финский, севернорусские говоры.

S. A. Myznikov. SOME ASPECTS OF THE ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE KOMI LANGUAGE LEXIS

The paper is an attempt at an etymological analysis of the Komi language lexis, which had previously been treated as Balto-Finnic by origin. Special emphasis in the work is placed on broad coverage of the material, including data of Russian national dialects. It is noted that simple detection of data of Balto-Finnic origin in the Komi language continuum does not always testify to direct Permian-Finnic contacts. Of utmost importance is consideration of possible foreign-language interaction, even if a unit is autochthonic and native to the language continuum.

Key words: etymology, Permian languages, Balto-Finnic, North Russian dialects.

* Статья является продолжением разработки автором данной проблемы: Финноугро-самодийские межъязыковые контакты и их отражение в лексической сфере на севернорусском фоне // Вопросы уралоистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 120–130; О коми влиянии на лексику севернорусских говоров // Лыткин: грани наследия: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 115-летию со дня рожд. выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина (Сыктывкар, 25–26 нояб. 2010 г.). Сыктывкар, 2010. С. 197–200; О лексике коми происхождения в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 297–302; О некоторых аспектах прибалтийско-финского и пермского языкового взаимодействия // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (19–21 окт. 2011 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. С. 125–129; Прибалтийско-финская и пермская контактные субстратные зоны проблемы выявления и разграничения // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сент. 2012). В 2-х ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. 1. С. 203–205; О некоторых данных пермского и прибалтийско-финского происхождения на автохтонной территории и в русских говорах позднего образования // Язык – духовное наследие народа: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 27–28 нояб. 2012 г.). Красноярск, 2013. С. 183–190; Полевые исследования для ЛАРНГ и некоторые проблемы пермско-русского взаимодействия на территории Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 412–424.

Коми язык в ходе своей истории вступал в контакты с иранскими, тюркскими, прибалтийско-финскими языками [Uotila, 1936. С. 199–207; Лыткин, 1956. С. 173–189], саамским языком [Туркин, 1985. С. 54–67], а взаимодействие с русским (древнерусским) языковым континуумом насчитывает многие сотни лет.

Следует отметить, что хотя коми язык представлен как совокупность трех наречий: коми-зырянского, коми-пермяцкого и коми-язьвинского¹, а также говоров переселенческих групп: ижемцев, кольских коми, алтайских коми, зауральских коми, при наличии этноконтактной межэтнической группы колвинцев (результата ассимиляции ижемцами оседлого ненецкого населения), этноязыковой ландшафт вряд ли имел такую же дифференциацию в прошлом, тем более если речь идет о контактах с немногочисленным прибалтийско-финским континуумом. Хотя, например, в отношении заимствованных коми таких данных в русских старожильческих говорах Северного и Среднего Урала, исходя из формы, семантики и ареала для ряда слов, А. К. Матвееву удается определить коми-язьвинский и коми-пермяцкий тип этимонов [Матвеев, 1964. С. 310].

Имеются различные мнения в отношении источников прибалтийско-финских данных в коми языке. Даже для лексики удорского диалекта, где более всего представлен исследуемый заимствованный пласт апеллятивной лексики, указываются различные источники [Hausenberg, 1985]. При этом данные топонимии свидетельствуют о несомненном присутствии прибалтийских финнов в бассейнах Лузы, Вычегды, Выми и Мезени, причем больше всего прибалтийско-финских топонимов обнаружено в низовьях Вычегды и в бассейне Лузы [Туркин, 1985. С. 17].

При этимологическом анализе любого языкового материала нередко основными становятся следующие аспекты общего плана:

А) Выявление разновременных лексических пластов.

Б) Дифференциации исконных и заимствованных единиц.

В) Учет возможностей гетерогенных сходений.

Г) Кроме того, вряд ли можно исследовать, например, результаты контактов прибалтийских финнов с пермским языковым континуумом без учета целостной этноязыковой карти-

¹ Традиционно коми-язьвинцев, наряду с иньвенскими, косинско-камскими коми-пермяками и зюэдинцами, относят к коми-пермяцкой группе [Цыпанов, 1992. С. 8; Народы Поволжья и Приуралья, С. 31].

ны зоны взаимодействия. Также для нас крайне важным фактором выступает методическая база анализа материала, основанная на ареальном аспекте, совмещенном с вниманием к тематическим группировкам лексики.

Этимологические исследования исконной и заимствованной лексики, на наш взгляд, имеют кардинальные различия. Для исконных данных будут первоочередными следующие параметры анализа: а) включение слова в корневое гнездо; б) нахождение мотивации; в) словообразование; г) включение найденного гнезда в контекст родственных языков.

Хотя уже отмечалось, что «наиболее последовательно изучена контактная лексика поздних коми-карело-вепсских связей, однако прибалтийско-финские и пермские контакты не исчерпываются этими взаимоотношениями. Данные археологии и топонимики, свидетельствующие о сложных процессах этно- и лингвогенеза финно-угров на северных территориях, позволяют предполагать более древние и существенные результаты языкового взаимодействия, нежели простые заимствования, поддающиеся этимологизации средствами современных языков» [Федюнева, 2008. С. 172].

Однако простое выявление данных прибалтийско-финского происхождения в коми языковом континууме не всегда может свидетельствовать о прямых пермско-финских контактах.

Остановимся на анализе некоторых данных, которые ранее уже рассматривались как прибалтийско-финские заимствования в коми языке. Значительная их часть является на прибалтийско-финской почве неисконными единицами, причем сходная лексика функционирует в смежных русских говорах. Из 23 этимологических гнезд прибалтийско-финского происхождения в коми языке только некоторые не имеют диалектных русских соответствий. Так, например, коми ниж.-вычегод., удор. *сабри* 'стог сена' [Лыткин, 1956. С. 186] имеет сходные данные на прибалтийско-финской почве, ср.: кар. *heinäsuupra*, *hein'äšaabra*, *hein'äšoabra*, *heinäšuabra* 'стог сена' [ССКГК, 88], фин. *saura* 'кладка сена с двумя или более стожарами', люд. *suabr*, *soabr*, 'стог сена, стожар' [SKES, 983], вепс. *sabr* 'зарод, стог' [СВЯ, 492]. Но даже для этих коми данных в SKES отмечается, что «возможно, через русское посредство, хотя в русских говорах это слово неизвестно; прибалтийско-финское слово распространилось до диалектов коми языка: *sabri* 'стог сена', а оттуда далее до мансийского языка: манс. *säpri* 'то же'» [SKES, 983].

Действительно, в коми языке отмечается лексика, соответствия для которой бытуют преимущественно на прибалтийско-финской почве, например: коми *агас* 'борона', при люд. *ägez*, вепс. *ägez*, водск. *äez'*, эст. *äke*, при их балтийской основе, литов. *ekečios*, 'борона', др.-прусс. *aketes* 'борона' [SKES, 1867].

Коми *акка* 'диал. крестная мать' [Безносилова и др., 2000. С. 22], при кар. *акка* 'старая женщина, жена', вепс. *ак* 'жена, женщина' [Лыткин, Гуляев, 1999 (далее – КЭСКЯ). С. 31–32].

Коми удар. *бель* 'косяк' [ССКЗД, 173], *bel'* 'дверной или оконный косяк' [SWS, 1], является неисконным, представляя собой древнее вепсское заимствование [КЭСКЯ, 38], ср. вепс. совр. *peí* 'притолока, косяк (дверной, оконный)' [СВЯ, 407]. Причем в литературном коми языке функционирует в этом же значении лексема русского происхождения: коми *куруч* 'косяк', *ödzös курич* 'дверной косяк' [КРК, 318], ср. русск. *курчина* 'воронец' [КЭСКЯ, 147]. См. также: МСФУСЗ, 1, 34. У. Wichmann, сопоставляя фин. *pieli* с саам. норв. *bællij*, морд. мокш. *päl* 'клещи' и с данными удорского диалекта коми языка, рассматривает эту единицу как технический термин [Wichmann, 1903. С. 99]. Обширные русские диалектные данные следует рассматривать как результат уже коми воздействия: *бель* 'оконный, дверной косяк': – *В черных избах белей не вставляют, окошки прямо к стенам прибивают.* Пинеж. (Нюхча, Веркола, Сульца, Кеврола) [Словарная картотека...]. Арх. Арх., 1920 [СРНГ, 2, 236]. *Бель* 'одна из боковых подушек оконного или дверного проема, косяк' Лешук., Пинеж. Мез. [АОС, 1, 15]. *Бе'лье* 'то же' Мезен. [АОС, 1, 15]. *Бель* 'косяк, боковина оконного или дверного проема' Лешукон. (Кеслома, Палуга), Пинеж. [СГРС].

Кроме того, особняком в коми языке стоит удорский диалект, в котором представлено больше, чем в других диалектах, лексики, для которой имеется возможность сопоставления с прибалтийско-финскими источниками. Приведем некоторые примеры:

Коми удар. *маръя тусь* 'поленика', при кар. *marja* 'ягода' [КЭСКЯ, 170].

Коми лет. *касьмар* 'костяника' (дословно – кошачья ягода). В вепсском языке имеется семантически сходное наименование, но для другой ягоды, вепс. *kažibol* 'волчьи ягоды' (дословно – кошачья ягода) [СВЯ, 186], при коми литературном. *вотӧс* 'ягоды', с другой мотивацией – *вотны* 'собирать, собрать, набрать; рвать' [Безносилова и др., 2000. С. 112].

Коми удар. *кас'* 'кошка', при вепс. *kaži* 'кошка' [СВЯ, 186].

Коми удар. *вӧй* 'шнур, нить', при вепс. *vö* 'пояс, кушак, ремень' [СВЯ, 648], хотя в данном случае имеется возможность рассматривать коми единицу как фонетический вариант к коми *вӧнь* 'пояс, поясок' [Безносилова и др., 2000. С. 117].

Коми удар. *вирб* 'дратва', при вепс. *birb*, *virb* 'то же' [КЭСКЯ, 57].

Коми удар. *карандыс* 'ушат', при вепс. *kerandez* 'ушат' [СВЯ, 194; КЭСКЯ, 117].

Коми удар. *катша* 'сорока', при вепс. *kačatada* 'стрекотать (о сороке)' [СВЯ, 164]. Хотя ср. удм. *кочо* 'сорока', которое рассматривается в общепермском контексте [КЭСКЯ, 118].

Коми удар. *гымай* 'гром, гроза' рассматривается как звукоподражательное слово [КЭСКЯ, 84], ср., однако, вепс. *g'umau*, *g'umou* 'бог; гром, гроза' [ПЛГО], причем имеется регулярное соответствие коми «ы» прибалтийско-финскому «u».

Коми удар. *джийан* 'синица', при кар. *t'ijan*, *t'ian'e*, *t'ijän'e* 'синица' [ССКГК, 621].

Анализ коми данных с привлечением материалов прибалтийско-финских языков и севернорусских говоров показывает весьма сложную картину взаимодействия различных языковых континуумов: пермского, прибалтийско-финского и русского, причем имеется возможность различных подходов к выдвиганию этимологических версий.

Когда лексическая единица коми языка фиксируется в каком-либо одном диалекте, не всегда продуктивно рассматривать ее только на финно-угорском фоне. Крайне важен учет возможного иноязычного взаимодействия, даже если та или иная единица является автохтонной и исконной в каком-либо языковом континууме.

Например, коми-зыр. *ляпа* 'подлещик' [ССКЗД, 213], которое авторами КЭСКЯ сопоставляется с удм. *ляпа* 'сом', далее общеперм. * *l'ara* 'вид какой-то рыбы' [КЭСКЯ, 166], ср. также *ляпа* 'лещ-молодь (не включая мальков)', 'подлещик' [Безносилова и др., 2000. С. 375], рассматривается в контексте других финно-угорских данных: И. Шебештьен сравнивает с мар. *ловал*, *лавал* 'лещ', эст. *labakas*, саам. норв. *laerpadak* [Sebestyén, 1943. S. 54]. Причем имеется вепс. *lipak* 'подлещик' [СВЯ, 292], которое фонетически и семантически весьма близко к коми данным. Однако известны сходные данные на русской почве, которые не рассматривались ранее в финно-угорском контексте. О. В. Востриков, отмечая варианты *ляпо'к*, *лепа'к* в Белозерье, утверждает, что в Костромской области эти слова знают только галичские рыболовы (по нашим более поздним данным – гораздо шире), и связывает их с коми-зырян-

ским влиянием [Востриков, 1981. С. 30]. Кроме того, отмечаются обширные русские диалектные данные. *Ля'па* 'мелкая рыба, обитающая в небольших водоемах' Ильин., Карагайск. Перм. [Кривошекова-Гантман, 1981. С. 52]. *Ляпо'к* 'мелкий лещ, подлещик' Белоз., Вашк., Кирилл. [СРГК, 3, 181]. *Ляпо'к* 'рыба *Abramis brama* L., лещ' Белозер. Волог., 1970 [СРНГ, 17, 280]. 'Рыба *Blicca bjoerkna*; густера' Белозер. Новг., 1970 [СРНГ, 17, 280]. *Ляпа'шка* 'мелкая рыба, сходная с лещом, подлещик' Пудож. [СРГК, 3, 180]. *Лепак* 'небольшой лещ' Галич. Костром. Коми данные, рассматриваемые в данном контексте, явно связаны с русскими диалектными материалами. Этимология этого гнезда на финно-угорской почве требует уточнения и дальнейшего исследования, но вполне вероятно, что данный материал также связан с русскими источниками: *кляпу'шка* 'мелкий лещ' Волх. (Вороново) [ПЛГО]; *кляпу'ха* 'рыба лещ' Р. Волхов, 'мелкий лещ (до 800 граммов)' Волхов и Ильмень; *кляпу'хи* 'лещи' Новг. [СРНГ, 13, 333]; *кляпу'шина* 'мелкая рыбешка, мелкий лещ' Волхов и Ильмень [СРНГ, 13, 333]; *клепу'шко* 'мелкий лещ' Волх. (Вороново) [ПЛГО]. Ср. также др.-русск. *кляпец* 'рыба семейства лещей' Кн. прих.-расх. Тихв. м., 1592 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 190]; *кляпуха* 'рыба семейства лещей' Там. кн. Тихв. м., 1626 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 190]; *кляпушка* 'то же' Там. кн. Тихв. м., 1635 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 190]. Ср. также др.-русск. *клевц* 'рыба' 1672 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 169], при русск. *лещ* 'рыба'.

Еще один пример русского посредства: коми ижем. *сӧпеч* 'руль, кормило (у лодки)' [ССКЗД, 345], при эст. *saps*, род. п. *sapsu* 'то же', ливск. *sapps* 'то же', фин. *sapsa*, *sapso* 'нос судна' [Kalima, 1915. С. 219], не является прямым заимствованием из прибалтийско-финских источников, а вошло через русское посредство, причем слово вошло в русский язык еще в XVI веке, с несколькими фиксациями в XVII в.: *сопеч* 'руль на небольшом судне, кормило' – XVI в., 1620 г., 1621 г., 1645 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 26, 156]. Ср. также диалектные данные: *сопе'ц* 'навесной руль на корме лодки' (в простонародье [Бурнашев], стар. [Слов. Акад. 1847]). Пск., 1902–1914. Эст. ССР, Волог., Печор., Арх., Енис., Краснояр., Сиб. 'Рукоятка руля (у лодки, судна)' Пск. Пск., 1850. 'Подводная часть руля (у лодки, судна)' Пск. Пск., 1850 [СРНГ, 39, 331, 332]. *Сопе'ц* 'руль на судне' Мезен. [Подвысоцкий, 1885. С. 161], Сиб. [Даль], *сопе'ц* 'руль лодки, плота' Печор. [СРНП, 2, 293]. Причем и саамская единица рассматривается как заимствование, опосредованное русским воздействием: саам. кильд. *suopts* 'кормовое весло' – из русского [Itkonen, 1932. С. 64].

Аналогично коми удар. *люська* 'ложка', ранее рассматриваемое как вепское заимствование [КЭСКЯ, 415], имеет значительные сходные русские диалектные данные: *лу'зка* 'ложка' Пошех.-Волог., Яросл., 1929 [СРНГ, 17, 185]. *Лу'зик* 'ложка' Волх. *Лузиком у нас суп хлебают*. Тихв. [СРГК, 3, 156]. *Ло'зик* 'ложка': – *Лозиками вепсы ели*. Лодейноп. [СРГК, 3, 156]. *Лу'зик* 'ложка' Тихв. Новг., 1852. Новг., Волог., Яросл., Моск., Калуж. (с примеч. «В условном языке портных»), Самар., Второе Доп. (с примеч. «у переселенцев из Пермской губ.»), 1905–1921. 'Большая ложка' Ростов., Яросл., 1902. [СРНГ, 17, 185]. «Большая ложка с толстым черенком; поварешка» Брейтов., Рыб., Ростов. [ЯОС]. *Лузи'к* 'ложка' Кашин. Твер. (с примеч. «язык мелочных торговцев») [КСРНГ]. Причем на прибалтийско-финской почве является обратным русским заимствованием, ср. вепс. *luzik*, кар. *lužikka*, ливв. *luzikku*, люд. *lužik*, эст. *lusik* 'ложка' из др.-русск. лъжка [SKES, 314].

Еще одна единица коми языка, коми нут: *нута нут* 'полный невод, невод с рыбой' (по реке Мезени), рассматривается как вепско-карельское заимствование [Лыткин, 1956. С. 185]. Имеются также сходные севернорусские данные: *Нот* «горизонтально располагаемая сеть для лова сельдей и сайды, сажень до 17 длиной с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузиками, – так, что образует собой мешок. Сеть эту дубят два или три раза в лето для того, чтобы по своему темному цвету была менее заметна в воде» Онеж., Кем., Кольск. [Подвысоцкий, 1885. С. 126]. 'Большая сеть для ловли сельди и сайды в виде квадратного сетяного мешка с грузилами' Беломор., Север. [СРНГ, 21, 295]. *Но'та* 'невод' Лодейноп. [КСРГК]. *Нот* «сеть для ловли сельди и сайды, располагаемая горизонтально, метров до 35 длины, с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузилами, так что она образует собою мешок. Сеть эта бывает окрашенной в темно-коричневый цвет для того, чтобы она менее была заметна в воде» [Дуров, 2011. С. 255]. А. Подвысоцкий к слову «нот» дает помету – норвежское [Подвысоцкий, 1885. С. 126]. Однако из скандинавских языков слово вошло в прибалтийско-финские, ср. фин. *nuotta*, ливв. *nuottu*, люд. *nuot*, *nuotta*, вепс. *not*, водск. *nõtta*, *not*, эст. *noot* 'невод', при саам. норв. *nuotte*, саам. инар. *nyetti*, кильд. *nūht*, саам. терск. *nihte* 'невод' [SKES, 402]. На германской почве, норв. *not* 'большая сеть, невод', швед. *not*, др.-норв. *nôt* связано с англ. *net*, голланд. *net*, швед. *nät*, норв. *net* 'сеть' [EONDS, 555, 549]. В. И. Лыткин предполагал, что вепс. *not* было заимствовано в др.-удар. *nôt > совр. удар.

нут [Лыткин, 1956. С. 185]. Однако при наличии севернорусских сходных данных такого рода изменения могли происходить и на базе русского заимствования.

Коми удар. *кава* 'колышек, тычок, забитый в землю; кол или бревно для привязи лодки, плота', при вепс. *kavi, kava* 'кол; колышек для вешанья одежды' [СВЯ, 189]. Однако в данном случае наличие обширных русских материалов предполагает их первичность как источника для единицы коми языка. *Ка'ва* 'кол, колышек' Кондоп. (Таржеполь), Онеж., Подпорож. (Шеменичи) [ПЛГО]. Новг. [Даль], Волхов и Ильмень, Олон. [СРНГ, 12, 288]; 'Кол, короткое бревно, вбитое в землю на берегу реки или озера для причаливания лодок, судов, плотов' Новг., 1877. Пск., Север, Ленингр., Олон., Онеж. КАССР, Волог., на Мариинской системе, Костром., Волж., Яросл. Яросл. [СРНГ, 12, 288]; 'Кол, жердь или бревно, вбитые в землю' Подпорож., Онеж. [СРГК, 2, 308]; 'Кол, служащий границей участка' Подпорож., Кирилл. [СРГК, 2, 308]; 'Детская игра' Вытегор. [СРГК, 2, 308]. 'Кол, вбиваемый в землю на берегу реки для причаливания лодок, плотов' Тутаяв. Яросл. [ЯОС]; 'Шест для рыболовной снасти' Лодейноп. (Печеницы), Подпорож. (Важины) [ПЛГО]; 'Подпорка для изгороди' Подпорож. (Согиницы) [КСРГК]; 'Свая' Кирил. Новг., 1903 [СРНГ, 12, 288]; 'Столб для привязывания лошадей' Олон. [Куликовский, 1898]. Онеж. КАССР [СРНГ, 12, 288]; 'Колышек, знак межи' Кирил. [КСРГК]; 'Кол, служивший отметкой подушных участков поля или луга' Онеж. Арх., 1911. Онеж. КАССР [СРНГ, 12, 288]; 'Столбик на тротуаре' Новг. [СРНГ, 12, 288]; 'Прозвище' Черепов. Новг. [Герасимов, 1910]. *Ка'ва* 'столбик в реке, предназначенный для настила досок' Новг., Парфин. [НОС, 4, 3]; 'Столб для укрепления берега реки' Новг., Маловиш. [НОС, 4, 3]; 'Врытые в землю 3–4 столбика на берегу реки для причаливания лодок, плотов' Новг. [НОС, 4, 4]; 'Бревно, забитое в дно реки (при лесосплаве)' Чудов. [НОС, 4, 4]; 'Деревянная подставка со стержнем, на которую наматывается что-л.' Полав. [НОС, 4, 4].

Коми удар. *с'ийма* 'леса, леска', под вопросом возводилось к прибалтийско-финским источникам, фин. *siima* 'леса, леска' [КЭСЯ, 255]. Ср., однако, русские диалектные данные: *си'ма* 'тонкая веревочка, тетива в рыболовной снасти' Сольвыч. (Качем) Волог., 1912. «Тонкая веревочка, леска, с помощью которой горло мережи привязывается к обручу» Беломор. (Шижня) [КСРНГ]. «Шнур донного перемета» Заонежье [Логинов, 1993. С. 47]. 'Центральная леска, веревка перемета' Вытегор. [КСРГК]. «Тонкая ве-

ревка, употребляемая в рыболовных снарядах» Р. Кама [Бурнашев]. 'Рыболовная снасть' Вытегор. [КСРГК], Олон. [Опыт..., 1852]. «Длинная бечевка, веревка, привязываемая к колоколу» Повен. [Куликовский, 1898]. Погодин и Калима рассматривают русские данные как заимствование из кар. *šiiima*, ливв. *siima*, при фин. *siima* 'бечевка, силот' [Погодин, 1904. С. 59; Kalima, 1915. С. 218]. Прибалтийско-финские данные восходят к скандинавским материалам, ср. др.-сканд. *sími* 'веревка' [Фасмер, 3, 622]. Авторы SSAP также исходят из прибалтийско-финской природы русских лексем [SSAP, 3, 176]. Таким образом, более вероятно не прямое заимствование прибалтийско-финских данных, а через русское посредство.

Коми удар. *варда* 'рама, решетка бороны', коми диал. 'решетка бороны (в которую заклинены зубья)' можно сопоставить с вепс. *varz'* 'рукоятка, черенок' [СВЯ, 615]. Но и в данном случае имеется весьма обширный сопоставимый русский диалектный материал. Ср.: *ва'рда* «дранка, прут, вица, используемые при плетении чего-либо (корзин, ловушек на рыбу и др.)» отмечается в Верхнетоемском, Лешуконском, Мезенском, Пинежском районах [МСФУСЗ, 58]. По мнению авторов МСФУСЗ, восходит к прибалтийско-финским источникам, ср. фин. *varras* 'жердь, колышек, палочка' [SKES, 1658]. Причем в смежном ареале в печорских говорах фиксируется лексема *ва'рды* 'постельник на санях': – *У ежжалых санок по четыре копыла, снизу полосья, а сверху варды, груз кладут в варды.* Печор. [СРГНП, 1, 54]. Эту единицу можно уже возвести к коми *варда* 'решетка бороны (в которую заклинены зубья)' [ССКЗД, 38].

Еще один пример опосредованного русского воздействия. Данные коми языка, ср. коми летск. *шалка* 'ранец, сумка из бересты; берестяная котомка', имеют соответствия на прибалтийско-финской почве: кар. твер. *šalku, šalkun'e* 'мешок, котомка' [СКЯП, 263], ливв. *šalgu* 'котомка, сума, мешок' [СКЯМ, 360], вепс. *šauguin'e* 'котомка, мешок' [СВЯ, 543], люд. *šalg, šalgu, šaug* 'полотняный заплечный мешок', 'мошонка' [SKES, 955]. Авторы SYRW предполагают карельский источник для коми слова, кар. *šalka* 'сумка с продовольствием' [Wichman, Uotila, 1942. P. 256]. Слово из прибалтийско-финского континуума вошло в русские говоры и получило в них широкое распространение вплоть до Тамбова. В русских говорах представлено значительное число дериватов, что свидетельствует о давнем заимствовании: *шалгу'н* 'мешок' Демян. Окулов. [НОС], 'небольшой заплечный мешок' Солец., Валд., Волот., Крестец., Любыт., Маловишер., Новг.,

Полав., Опечен., Пестов., Старорусск., Тихв., Уторг., Холм., Чудов. [НОС]. 'Неполный мешок' Опечен., Парфин., Волот., Маловишер., Солец., Старорусск. [НОС]. 'Котомка, узел' Подпорож. [КСРГК]; *шалгуни'шко* 'небольшой мешочек' Солец. [НОС]; *шалгуно'к* 'небольшой мешок' Крестец., Маловишер., Демян., Марев., Новг., Пестов., Поддор., Тихв., Хвойнин. [НОС]; *шалгу'ха* 'неполный мешок' Опечен. [НОС]; *шалгу'шечка* 'мешочек для крупы и т. п.' Демян. [НОС]; *шалгу'шка* 'небольшой мешок' Демян., Окулов. [НОС]; *шалгушо'к* 'мешочек' Молвот. [НОС]; *шалга'ч* 'мешок' Пудож. (Песчаное) [ПЛГО]; *шалга'ч* 'мешок для дорожной поклажи' Мезен. Арх. [Опыт..., 1852]; *шалгун* 'то же' Арх., Тихв. Новг., Великолукск. Пск. [Там же]; *шалгуно'к* 'то же' Тамб. [Там же]; *шалга'ч* 'заплечный мешок' Пинеж. (Марьино гора, Валдокурье) [Словарная картотека...]. *Шалга'ч*, *шалгун* 'две соединенные парю помочей и перекидываемые через плечо суконные или холщовые сумки, в которых лесовщики, отправляясь на промысел, держат съестные припасы' Пинеж. (Мезен.) [Подвысоцкий, 1885, С. 84]. *Шалга'ч* 'небольшой мешок с ляжками для ношения за плечами' Тотем., Устюж. Волог., 1911 [Тр. МДК, 11]. *Шолга'ч* 'заплечный мешок' Пинеж. (Оксовица, Кушкопала, Кучкас, Кузомень, Карпогоры) [Словарная картотека...]. 'Узел, мешок' Медвежьегор. (Курченицы), Онеж. (Хачела) [КСРНГ]. *Шолгун* 'мешок' Черепов. (Воскресенское) [ПЛГО]. На русской почве, вероятно, можно говорить о доминировании варианта с суффиксом [-ун], что соответствует типу основы на [-и]. Вероятно, эта же единица отмечается в украинском языке: *шолга* – в Малороссии так называют мешок с разными припасами» [Бурнашев]; ср. также укр. *шолгун* 'сапожный инструмент' [Гринченко, IV, 161]; причем авторы ЭСУМ трактуют его как слово неясного происхождения [ЭСУМ, 6, 452]. В SKES, при анализе фин. *salkku*, отмечается, что для коми лет. *šalka* 'берестяной короб' возможен и русский источник [SKES, 955]. Таким образом, весьма затруднительно однозначно говорить о заимствовании коми *шалка* 'сумка из бересты' из карельско-вепсских источников при широком распространении сходных данных на восточнославянской почве.

В ряде случаев коми данные подвергаются контаминационному воздействию как прибалтийско-финских, так и русских диалектных источников. Ср. коми, коми-перм. *бака* 'трутовый гриб', коми среднесысол. *бакула*, верхневычегод. *бака* 'трутовик, березовая губка' [ССКЗД, 272], при наличии коми *пакула* 'то же' можно сопоставить с прибалтийско-финскими источ-

никами, ср. кар., фин. *pakkula*, при саам. норв. *bak'ke* 'бугор, нарост, вырост' [Itkonen, 1958]. Хотя ср. коми *бакатшак* в этом же значении [ССКЗД, 16]. Авторы SKES справедливо полагают, что коми *пакула* – результат посредства русского языка, тогда как в КЭСЯ предполагается, что «коми *пакула*, встречающееся только в северо-западных диалектах, могло попасть в коми язык непосредственно из карельского языка еще тогда, когда карелы были соседями народа коми» [КЭСЯ, 38].

В ряде случаев можно предложить некоторые новые примеры этимологического прочтения коми лексики. При этом такого рода данные еще требуют углубленного изучения при более расширенном репертуаре рассматриваемых единиц.

Например, коми *нарт* 'безжалостный, доводящий до изнурения', 'упрямый, своенравный, непослушный' и производные: *нартитны* 'изнурять тяжелой работой', *нартитом* 'угнетение', сопоставляется с фин. *närkäs* 'нетерпеливый, вспыльчивый' [КЭСЯ, 186]. Однако имеются сходные русские диалектные данные, ср.: *нарт* 'о дерзком, упрямом, нахальном человеке' Смол. *На'ртиться* 'упрямиться' Смол. *На'ртом* 'нахально' Смол. [СРНГ, 20, 134], *на'ртный* 'упрямый' Вязьм. Смол. [ПЛГО]. Эти материалы связаны с белорусским *нарт* 'человек, который хочет все делать по-своему' [ЭСБМ, 7, 245]. Причем восточнославянские данные рассматриваются как результат балтийского воздействия: литов. *nartūs* 'норовистый' [Лаучюте, 1982. С. 56]. Вряд ли в данном случае можно вести речь о случайном совпадении формы и семантики. Однако каким образом слово из западной диалектной зоны мигрировало в восточном направлении, не вполне ясно.

Имеются случаи распространения лексических данных как в коми, так и еще в ряде языков, что весьма затрудняет выявление конечного источника слова. Так, например, коми *кельчи* 'плотва, сорога' [ССКЗД, 152] А. С. Герд сопоставляет с обширными данными, ср.: коми *кельты* 'сибирская плотва', *кельчи* 'то же', хант. *кельчи* 'сибирская плотва'. По его мнению, сюда же относятся русск. белозер. *келш*, *кельш*, *кельш* 'берш *Lucioperca volgensis*', исторически отражающие название рыбы, широко распространенное в северо-европейских дославянских диалектах [Герд, 1970, 113]. Авторы КЭСЯ полагают, что хантыйские данные имеют коми происхождение, ср. хант. *kōlan'z'ī* 'вид рыбы'; причем непонятно место мар. *кыльчак* 'чехонь', татар. тобол. *kälčäk* 'то же' [КЭСЯ, 121]. На наш взгляд, сюда относится наименование вида сига – *киле'ц* 'сиг со вздернутой передней частью

головы', распространенном на Онежском озере, что дает возможность сопоставления с вепс. *kil'čpēna* 'курносый' [СВЯ, 263].

Авторы КЭСЯ, анализируя слова коми ижем. *авлык* 'морянка (полярная утка)', коми удор. *аклы, аклык*, утверждают, что «фонетическое тождество и семантическая близость слов свидетельствуют о заимствовании этого коми слова, встречающегося только в северо-западных диалектах, из прибалтийско-финских языков» [КЭСЯ, 28]. Для последних высказывалась также гипотеза о шведском происхождении, ср. швед. *alla, alle* [Wichmann, 1920. С. 401; Lidén, 1911. С. 31]. Утка-морянка имеет сходное наименование на всем Севере Евразии, ср., например: русск. диал. *алле'йка, але'йка* 'местное название породы уток *Anas rutila*': «Устраивает себе гнездо, несет яйца (по словам местных жителей, четыре раза в лето) и высидывает их в дуплах прибрежных деревьев, откуда переносит их в клюве на озеро или реку. Крестьяне пользуются способностью аллейки часто нестись: развешивают в длинных шестах по деревьям ящики или корзины, в которых недогадливая птица устраивает гнезда, и в продолжении лета выбирают оттуда яйца» Кольск., Кем. [Подвысоцкий, 1885. С. 1]. Я. Калима возводит данный материал к карельским диалектам, кар. *alli*, ливв. *al'i*, люд. *al'i* 'утка-морянка' [Kalima, 1915. С. 78]. KKS фиксирует слово *al'i* 'птица *Harelda hiemalis*' у беломорских карелов и ливвиков: – *All'in tuntee äänestä, sillä se huutelee omaa nimeään* (алли-утку узнают по крику, голосу, она выкрикивает свое имя) [KKS, 1, 43]. Как видно из иллюстрации, слово принадлежит к оноματοпоэтической лексике, ср. также коми удор. *alli* 'водо-плавающая птица из сем. нырков, кричит: а-а-алли' [Wichman, Uotila, 1942. P. 3], что затрудняет уточнение конечного источника. Я. Калима также указывает на возможность сопоставления с *аулык, ауляк* 'птица *Anas himalis* сем. утиных; савка, морянка' Камч. [Даль; СРНГ, 1, 293] (ср. коряк. *aalyk*, SKES) и с саам. кольск. *allokaj* 'утка-морянка' [Kalima, 1915. С. 78]. Итконен допускает вероятность саамского источника саам. йокан. *алл'оке* [Itkonen, 1932. С. 62]. Авторы SKES отмечают сходство восприятия криков птицы в разных языках: фин. *ala-ala-allala-ala*, швед. *a-a-l*, при сходном наименовании в хант. *äläi* 'вид утки', т. е. остается вероятность автохтонного образования данных единиц вследствие универсальности звукового восприятия. В SSAP отмечается, что на оноματοпоэтической основе возможно существование подобных наименований птиц, ср. эскимос. *agleck* [SSAP, 1, 70].

В настоящее время выход в свет различных словарей финно-угорских, славянских, тюркских языков позволяет проводить детальный этимологический анализ уже известного репертуара лексики. Так и коми данные в ряде случаев могут наполняться сопоставлениями на финно-угорской, славянской и т. п. основах. Причем полный анализ имеющихся в распоряжении лексических данных, при учете результатов языковых контактов, позволит более корректно выдвигать этимологические версии и их верифицировать.

Источники и литература

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.

Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоой. Вып. 1–14. М., 1980–2012 (в тексте – АОС).

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М., 1982.

Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 814 с.

Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.

Беляева О. П. Словарь Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.

Герасимов М. К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87. № 3. С. 1–111.

Герд А. С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1970. С. 108–117.

Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев // Коми филология. Труды института языка, литературы и истории, № 18. Сыктывкар, 1975. С. 3–37.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.

Дубровина З. М., Лудыкова В. М. Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 2. М., 1990.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 453 с.

Жижева В. Е. Освоение прибалтийско-финских заимствований коми языком. История изучения вопроса // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 218–233.

- Игушев Е. А.* К вопросу о карело-вепсском элементе в коми языке // Вопросы финно-угроведения. 1. Языкознание. (Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов). Сыктывкар, 1979. С. 115.
- Игушев Е. А.* Вепсский элемент в коми языке // Congr. Quintus Intern. Fenno-Ugristarum, Turku 20–27 aug. 1980. Turku, 1981. Pt. 7. P. 192–197.
- Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»* (в тексте – КСРГК).
- Картотека «Словаря русских народных говоров»* (в тексте – КСРНГ).
- Жожеватова О. А.* Пути образования общего регионального лексического фонда на Европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 3–12.
- Комягина Л. П.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 235 с.
- Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.
- Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечко-го наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982. 211 с.
- Логинов К. М.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. 150 с.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 (в тексте – КЭСКЯ).
- Лыткин В. И.* Историческая морфология коми языка. Пермь; Сыктывкар, 1995.
- Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Лыткин В. И.* Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Сб. академику В. В. Виноградову. М., 1956. С. 173–189.
- Матвеев А. К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14, F. 3–4. P. 285–315.
- Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера.* Вып. 1 (А–И) / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2004. 142 с. (в тексте – МСФУСЗ).
- Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.
- Народы Поволжья и Приуралья.* Коми-зыряне, Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 579 с.
- Новгородский областной словарь* / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995 (в тексте – НОС).
- Опыт областного великорусского словаря,* изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с. (в тексте – Опыт).
- Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.
- Полевое лингвогеографическое обследование* автора (в тексте – ПЛГО).
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 199 с.
- Словарная картотека* пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН).
- Словарь вепсского языка.* / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972 (в тексте – СВЯ).
- Словарь говоров Русского Севера* / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2011. Т. 1–5 (в тексте – СГРС).
- Словарь карельского языка* (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с. (в тексте – СКЯМ).
- Словарь карельского языка* (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с. (в тексте – СКЯП).
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6 (в тексте – СРГК).
- Словарь русских говоров Низовой Печоры* / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005. Т. 1–2 (в тексте – СРГНП).
- Словарь русских говоров Среднего Урала* / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988. Т. 1–7 (в тексте – СРГСУ).
- Словарь русских народных говоров.* Т. 1–46. М., Л., СПб., 1965–2013 (в тексте – СРНГ).
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–29. М., 1975–2011 (в тексте – СЛРЯ. XI–XVII вв.).
- Словарь собственно-карельских говоров Карелии* / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск, 2009. 350 с. (в тексте – ССКГК).
- Словарь церковнославянского и русского языка,* сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. I–IV (в тексте – Слов. Акад. 1847).
- Сорвачева В. А.* Некоторые фонетические и морфологические особенности верхневашского говора удорского диалекта // Лингвист. сб. Вып. 2. Сыктывкар, 1952.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990.
- Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев: Наукова Думка, 1985. 207 с.
- Труды Московской диалектологической комиссии.* Вып. 1–6. М., 1908–1917 (в тексте – Тр. МДК).
- Туркин А. И.* Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики: Препринт ИЯЛ АН Эстонской ССР. Вып. 31. Таллин, 1985.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Федюнева Г. В.* О прибалтийско-финском компоненте в коми языке // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55. С. 172–180.
- Хаузенберг А.-Р.* Рец. на кн.: Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. Helsinki, 2000. 376 s. // Linguistica Uralica. 38, № 4. Tallinn, 2002.
- Хаузенберг А.-Р.* К проблеме ареальных инноваций в коми языке // Пермистика - 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001.

Хаузенберг А.-Р. Некоторые вопросы истории коми языка в свете теории контактов // В. И. Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1999.

Хаузенберг А.-Р. О некоторых явлениях конвергентного развития и взаимовлияния языков // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.

Цыпанов Е. А. Коми кыв. Самоучитель коми языка. Сыктывкар, 1992. 288 с.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002. 230 с.

Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991 (в тексте – ЯОС).

Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Киев, 1907–1909. Т. I–IV.

Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6 (в тексте – ЭСУМ).

Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13 (в тексте – ЭСБМ).

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys // Memoires de la Société Finno-ougrienne. 238. Helsinki, 2000.

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955.

Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo, 1999. 1089 s. (в тексте – EOND).

Hausenberg A.-R. Die ostseefinnisch-permischen Kontaktwörter in Zeit und Raum // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI-30. Tallinn, 1985.

Hausenberg A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä // Congr. Octavus Internat Fenno-Ugristarum VIII. Jyväskylä, 1995. P. 4.

Hausenberg A.-R. Probleme der ostseefinnisch-permischen Sprachkontakte // Eesti NSV Teaduste akademia: Preprint KKI-23. Tallinn, 1983.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // STT. B. XXVII, Helsinki, 1932. S. 45–65.

Itkonen T. I. Koltan ja kuolanlapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU, XVI, 1–5. Helsinki, 1968–1997 (в тексте – KKS).

Lidén E. Germanische Lehnwörter im Finnischen und Lappischen // FUF. B. 1911. H. 1-2. S. 123–138.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. B.I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Bd. 2. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest, 1988.

Sebestyén I. Fák és fás helyek régi nevel az uráli nyelvverkbén // Finnugor értekezések, 7. Budapest, 1943.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981 (в тексте – SKES).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000 (в тексте – SSAP).

Uotila T. E. Huomautuksia syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista // Virittäjä. 1936. S. 199–207.

Uotila T. E. Syrjänische Chrestomatie mit grammatischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFO, 21. Helsingfors, 1903.

Wichmann Y. Syrjäänit ja karjalaiset // Valvoja. 1920. 40. S. 4–9.

Wichman Y., Uotila T. E. Syrjänischer Wortschatz // SFU. VII. Helsinki, 1942. 487 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мызников Сергей Алексеевич

зав. словарным отделом, д. фил. н.
Институт лингвистических исследований РАН
Тучков пер., д. 9, Санкт-Петербург, Россия, 199053
эл. почта: myznikovs@rambler.ru
тел.: (812) 3281611

Myznikov, Sergey

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov St., 199053 St. Petersburg, Russia
e-mail: myznikovs@rambler.ru
tel.: (812) 3281611

УДК 811.511.1.(092)(09) (470.13) "19":

ДОКУМЕНТЫ Д. В. БУБРИХА В НАУЧНОМ АРХИВЕ КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН*

Л. П. Рощевская, Н. Г. Лисевич

Отдел «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ УрО РАН

Представлена характеристика документов, относящихся к научной деятельности доктора филологических наук, профессора Д. В. Бубриха в период его пребывания в эвакуации в г. Сыктывкаре Коми АССР (1941–1944 гг.), где он заведовал кафедрой языка и литературы Коми пединститута и кафедрой финно-угорских языков Карело-Финского университета, а также был ученым секретарем Научно-исследовательского института языка, письменности и истории Коми народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Д. В. Бубрих, документы, финноугроведение, научные учреждения, коми языкознание, Великая Отечественная война.

L. P. Roshchevskaya, N. G. Lisevich. D. V. BUBRIKH'S DOCUMENTS IN THE SCIENTIFIC ARCHIVES OF THE KOMI SCIENCE CENTRE OF THE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article presents a description of the documents concerning the research activities of Doctor of Philology, Professor D. V. Bubrikh during the evacuation in Syktyvkar, Komi ASSR (1941–1944), where he was Chair of Language and Literature at the Komi Pedagogical Institute and Chair of Finno-Ugric Languages at the Karelian-Finnish University, as well as the Scientific Secretary of the Research Institute of Language, Script and History of the Komi People.

К е y w o r d s: D. V. Bubrikh, documents, Finno-Ugric studies, research institutions, Komi linguistics, Great Patriotic War.

Среди финно-угроведов достойное место занимает Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) – лингвист, доктор филологических наук (1937), член-корреспондент АН СССР (1946). С 1934 г. руководил финно-угорской группой в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде и имел прочные научные контакты с Карелией. В 1937 г. он составил программу по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка. В результате появился большой материал по ка-

рельскому языку. В 1940 г. написал две статьи и составил часть нового вопросника по изучению диалектов карельского языка. К январю 1941 г. относится характеристика Д. В. Бубриха, составленная в Институте языка и мышления, в которой говорится: «За последнее время много работал по мордовскому и карельскому языкам, оказывает большую теоретическую помощь работникам научно-исследовательских институтов культуры Карело-Финской, Марийской, Мордовской, Удмуртской и Коми

* Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 12-П-6-1003.

АССР». Далее указано, что Д. В. Бубрих «принимал и принимает участие в работе научно-исследовательского института культуры Карело-Финской АССР» [Научный архив... Л. 76].

С началом Великой Отечественной войны многих сотрудников академического учреждения удалось отправить в эвакуацию в те районы СССР, которые наиболее подходили по их специальности. Д. В. Бубриха уволили 8 октября 1941 г., и он выехал в Сыктывкар [АЦ, 2005. С. 46].

В столице Коми АССР г. Сыктывкаре, куда приехал ученый, в 1939 г. проживало 31 117 чел. Преобладало коми население (21 145 чел.), русских было 7 682 чел. К августу 1944 г. население сократилось до 27 186 чел. Крупные промышленные предприятия отсутствовали [Лахтионова, 2001; Рощевская, 2001].

К этому времени в Сыктывкар эвакуировали Кольскую базу АН СССР из г. Кировска Мурманской обл., Северную базу АН СССР из Архангельска и Карело-Финский университет. Научные учреждения объединили и создали Базу АН СССР по изучению Севера им. С. М. Кирова. В годы войны здесь трудились профессор А. Л. Курсанов, д. г.-м. н. А. А. Чернов, лауреат Сталинской премии М. А. Грехнев, кандидаты наук А. А. Дедов, В. В. Ламакин, М. А. Плотников, О. А. Польшева, В. А. Рыбалкина, Н. Д. Соболев, М. П. Таранец и др.

Карело-Финский университет и Коми пединститут постановлением бюро Коми обкома ВКП(б) 27 октября 1941 г. объединены под руководством ректора К. Д. Митропольского [КП, 2005. С. 34]. На кафедрах пединститута читали лекции доценты В. Г. Базанов, А. А. Райкерус, А. Н. Малявкин, М. Я. Марвин; профессора-геологи П. В. Виттенбург, И. А. Преображенский и др.

Как вспоминала дочь геолога Виттенбурга, «педагогический состав университета был очень сильным, по-видимому, благодаря доверенной близости Петрозаводска к Ленинграду. Достаточно сказать, что среди профессоров были Д. В. Бубрих (языкознание), В. Г. Базанов (русский фольклор и литература), Я. А. Балагуров (история СССР и марксизм-ленинизм). Античную литературу прекрасно читал В. Э. Дембовецкий, латинский и старославянский вел С. А. Шамахов» [Виттенбург, 2003. С. 297].

Появление эвакуированных преподавателей и научных сотрудников принципиально изменило интеллектуальную атмосферу города. Д. В. Бубрих являлся также сотрудником Научно-исследовательского института языка, письменности и истории Коми народа (НИИ), который в 1944 г. был влит в состав Базы АН СССР в Коми АССР на правах отдела.

Литература о научной деятельности ученого Д. В. Бубриха довольно обширна. Показателем изученности его творчества являются научно-справочные издания, прежде всего энциклопедии [БСЭ, 1971. С. 84; СЭС, 1983. С. 174; РК, 1997. С. 277 и др.]. Серьезным вкладом в информационное поле материалов об ученом явился библиографический указатель [Российские исследователи..., 2007. С. 48–53]. Изучением творчества Д. В. Бубриха в Коми АССР постоянно занимаются научные сотрудники Коми НЦ УрО РАН. Одна из работ принадлежит историку Т. А. Малковой, которая охарактеризовала его научно-организационную деятельность в Сыктывкаре [Малкова, 2005]. Повседневную сторону жизни эвакуированных ученых на примере Д. В. Бубриха осветили авторы данной публикации [Рощевская, Лисевич, 2013]. Чаще всего принято ссылаться на несколько работ исследователя, опубликованных во второй половине 1940-х годов. Между тем Д. В. Бубрих еще в 1929 г. опубликовал в журнале «Коми му» письма по проблемам финно-угорских языков, а в 1931 г. в Литературной энциклопедии – статью «Коми язык» [Бубрих, 1929а, б, 1931].

Документы Д. В. Бубриха хранятся в его личных фондах архивов Карельского научного центра, в Петербургском филиале Архива РАН, а также в Карельском национальном архиве. Однако находящиеся в архивах академических учреждений еще не стали предметом специального изучения.

Документы, касающиеся научной и научно-организационной деятельности Д. В. Бубриха во время эвакуации, имеются и в нескольких архивах Республики Коми. Большая часть хранится в фонде «Президиум Коми научного центра Уральского отделения РАН и его подразделения» Научного архива Коми НЦ УрО РАН [НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1 (далее – НА)]. В основном это рукописи научных сочинений, отчеты и планы, отзывы, а также служебные официальные документы: приказы по личному составу и протоколы заседаний за 1941–1951 гг.

Почти все документы написаны на плохой, преимущественно курительной, бумаге, часто на оборотной стороне листов. Записи сделаны карандашом или очень жидкими чернилами, занимают практически всю площадь листа (поля почти отсутствуют). Тексты неоднократно подвергались переработке, уточнению, обогащались примечаниями и ссылками. Многие машинописные документы подписаны и датированы автором. Ныне пожелтевшие от времени страницы отражают и колорит, и нищенские условия труда выдающихся деятелей науки в военное время.

В годы войны в городе действовали пединститут (193 студента) и несколько средних профессиональных учебных заведений с общим количеством учащихся 1 260 чел. Работали три библиотеки. Книжный фонд самой большой, республиканской, насчитывал 66 600 книг. Библиотека НИИ была гуманитарного направления, но она неоднократно подвергалась чисткам. Библиотеки эвакуированных учреждений почти не содержали лингвистической литературы, Карело-Финский университет не имел самого необходимого. Значительным достижением стали каталожные карточки для университетской библиотеки, напечатанные в феврале-марте 1942 г. [Роцевская, 2005. С. 10]. Но научной литературы катастрофически не доставало. Неслучайно в рукописях Д. В. Бубриха неоднократно встречаются пометы типа: «настоящая статья пишется в условиях почти полного отсутствия книг по языкознанию» [НА, оп. 11, д. 45, л. 9].

Служебное положение профессора Д. В. Бубриха в Сыктывкаре до последнего времени недостаточно четко отражено в литературе. Книги приказов Научного архива Коми НЦ УрО РАН позволили конкретизировать эту ситуацию. Народный комиссариат просвещения РСФСР направил профессора Д. В. Бубриха в Коми пединститут заведующим кафедрой языка и литературы, которой он руководил по 29 июля 1944 г. Одновременно читал лекции на историко-филологическом факультете Карело-Финского университета, а в 1943/44 учебном году возглавлял кафедру финно-угорских языков. Кроме того, приказом Наркома просвещения Коми АССР от 23 октября 1941 за № 403 доктор филологических наук Д. В. Бубрих назначен ученым секретарем НИИ (с 23 марта 1942 г. по совместительству) [НА, оп. 18, д. 8 (2), л. 14, 20]. Таким образом, трудовая деятельность Д. В. Бубриха в годы войны связана с тремя учреждениями, а после 1944 г. он работал в Базе АН СССР в Коми АССР по совместительству.

В вузах профессор читал основные курсы по введению в языкознание, общему языкознанию, теории коми языка и, как тогда писали, угрофинноведению. Студенты с восторгом воспринимали прекрасные лекции [КП, 2005. С. 53, 68, 93, 95].

Научную работу Бубрих вел главным образом как сотрудник НИИ. Основными темами стали научная разработка грамматики коми языка и коми терминологии, составление коми-русского словаря.

Ко времени приезда в Коми АССР ученый уже обладал признанным авторитетом. В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН имеется стено-

грамма совещания по изучению финно-угорских языков в Ленинграде в Институте языка и мышления в марте 1941 г., где Д. В. Бубрих сделал доклад «Ступени развития финно-угорских языков», а выступившие отмечали большое значение доклада [НА, оп. 11, д. 42, 47 л.].

В эвакуации он быстро освоил не только разговорный, но и литературный коми язык, занялся историей языка, что объективно выводило на использование приемов сравнительного языкознания и теоретические размышления.

Поражает продуктивность научной деятельности Дмитрия Владимировича, когда, по его словам, «по военным обстоятельствам пришлось оказаться в г. Сыктывкаре».

Ученый приехал в Сыктывкар в весьма изможденном состоянии в октябре 1941 г., а 1 декабря закончил статью, содержащую значительные наблюдения и выводы по истории коми спряжения. Тему автор освещал, анализируя глагол «идти» – мун-ны (коми и коми-перм.) и мын-ны (удм.) в коми-пермяцком, удмуртском и коми литературном языках, а также формы, применявшиеся Стефаном Пермским. Для анализа вариантов составлена большая сравнительная таблица. Первый вывод звучит следующим образом: «Мы пока не чувствуем за собою права выбрать между представляющимися возможностями. Для нас несомненно только одно: употребление *д*-ового и *н*-ового признаков 2 л. во всех пермских языках первоначально было какое-то одинаковое и удмуртский язык в этом отношении отличался от коми и коми-пермяцкого».

Анализируя тексты С. Пермского, которые, кстати сказать, вряд ли можно было тогда найти в Сыктывкаре, автор увидел своеобразные явления в коми спряжении: и относительно древние черты в полном виде, и диалектные черты, которые не относятся к коми языку того времени. В диалектах Пермского выделены формы множественного числа, особенности спряжения и отрицания. Бубрих пришел к заключению, что Стефан обучался коми языку в Устюге, где бтовал только диалект окрестного населения, первые переводы Пермский «сделал еще до отбытия в глубины заселенных коми мест, пользуясь диалектом, которому научился в Устюге. Первые переводы должны были создать у Стефана определенное представление о литературных первых языках, и этих форм Стефан держался и в дальнейшем, хотя в Усть-Выми, где Стефан впоследствии преимущественно проживал, говорили, надо думать, не совсем так, как в окрестностях Котласа». В целом диалект, на котором писал Пермский, «не имеет прямого потомства» [НА, оп. 11, д. 39, л. 19].

С первых дней началась работа по исследованию коми фонетики и грамматики. Над монографией «Фонетика современного литературного коми языка» ученый, видимо, работал долго, т. к. имеется два текста за 1942 г. План работы следующий: состав фонем (§ 1–7), слог, ударение (§ 8–9), фонетическое строение слова (§ 10–14), ассимиляция фонем (§ 15–24), чередование фонем, не сводимое к явлениям ассимиляторного порядка (§ 25–28), отпадение и выпадение фонем (§ 29–31).

Самая крупная научно-организационная работа заключалась в пересоставлении коми-русского словаря. Первое издание появилось еще в 1939 г. как пособие для школы, и тираж быстро разошелся [Коми..., 1939]. В 1941 г. в НИИ начали трудиться над новым изданием. По словам директора Коми НИИ Д. С. Оверина, в отделе составлено 10 тыс. карточек [НА, оп. 1, д. 66, л. 28]. Бубрих подготовил инструкцию по формированию нового текста словаря.

3 июня 1941 г. Народный комиссариат просвещения Коми АССР образовал при НИИ предметные комиссии по языкам и литературе. Комиссии должны были рассматривать учебники, хрестоматии и сборники упражнений, словари, а также их терминологию. Вскоре в институте начали проводить совместные рабочие заседания, на которые приглашали преподавателей университета, пединститута и учителей. Основная задача таких совещаний несколько изменилась: главной темой стала разработка наиболее важных проблем коми языкознания. Так, в 1942 г. разрабатывали вопросы «частей речи в русском и коми языках для составления орфографического словаря». Столь поучительная работа включала в орбиту научной деятельности коми интеллигенцию, особенно учителей, писателей и журналистов.

Обсуждение текста словаря значительно продвинулось после октября 1941 г. В архиве сохранилось несколько дел с подготовительными списками слов, а также рецензиями разных авторов на рукопись словаря. Словарь готовили сотрудники Коми НИИ доктора филологических наук Д. В. Бубрих, С. А. Налимов, Д. С. Оверин, П. П. Попов, Ф. Ф. Попов, М. А. Сахарова, Г. И. Терентьев. Переиздание орфографического словаря в 1942 г. стало событием в культурной жизни республики. О том, какое значение придавали книге, говорит ее тираж в 5 тыс. экз. [Коми..., 1942].

Предваряет словарь раздел «Орфографические правила», написанный Дмитрием Владимировичем. Позже он так оценил его: появились «весьма простые правила, отраженные в школьной грамматике, начиная с издания

1941 г. и в орфографическом словаре начиная с издания 1942 г.» [НА, оп. 11, д. 47, л. 2].

Уникальный экземпляр словаря сохранился в библиотеке Коми научного центра УрО РАН, куда книга попала из личной коллекции писателя П. Г. Доронина. На титульном листе имеются штампы: «Сигнальный экземпляр», «соответствие визированному Главлитом экземпляру подтверждаю. Директор типографии Вежев. 27.IV.1942 г.», а также владельческие надписи Г. Терентьева и П. Доронина. Для удобства пользования один из них на обороте обложки составил таблицу коми алфавита с указанием страниц текста.

Почти сразу после выхода издания стало очевидно, что многое необходимо расширить и уточнить. К тому же в рабочей картотеке осталось немало слов, которые могли быть включены в словарь. Продолжились командировки в районы и рабочие совещания, протоколы которых сохранились в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. 5 мая 1943 г. появился приказ директора НИИ: «...всему коллективу научных сотрудников под руководством ученого секретаря проф. доктора Д. В. Бубриха еженедельно уделять 8–10 часов на разработку коми-русского словаря с тем, чтобы подготовить к изданию в установленный планом срок» [АЦ, 2005. С. 35]. Следовательно, была развернута постоянная, непрерывно продолжающаяся, интенсивная работа над новой редакцией словаря.

Как видно из документов, Дмитрию Владимировичу принадлежала также вступительная статья, которая, однако, вызывала у специалистов неоднозначную реакцию. Одни отмечали, что она «мало доступна для широких масс», что в тексте встречаются разночтения со школьными учебниками. Другие вообще ставили под сомнение необходимость такого предисловия. Один из рецензентов, просмотревший по поручению отдела пропаганды и агитации Коми обкома ВКП(б) часть рукописи, вынес заключение: «с политической стороны также никаких извращений не обнаружил» [НА, оп. 1, д. 112, л. 4–8, 51].

С 29 июня 1944 г. состоялось несколько совещаний научных работников НИИ с представителями общественных организаций. Обсуждали каждое слово [НА, оп. 1, д. 112, л. 63]. Выступали сотрудники отдела, редактор газеты «Вөрлэдзысь», работник и директор издательства, сотрудник отдела агитации и пропаганды Коми обкома ВКП(б), преподаватели пединститута и аспирант. Несмотря на обилие замечаний, собравшиеся пришли к выводу, что задерживать издание нецелесообразно, т. к. работа будет продолжена и после выхода словаря [НА, оп. 1, д. 112, л. 145].

Текст новой редакции нормативного «Коми-русского словаря» объемом 25 п. л. сдали в печать в 1945 г., но опубликовать его удалось только в 1949 г. [Коми-русский словарь..., 1949].

Параллельно с работой над словарем Д. В. Бубрих трудился над составлением научной грамматики коми языка. В архиве имеется исправленный автором машинописный вариант учебника по грамматике, предназначенного для студентов и преподавателей. Автор не ставил цели нормативирования коми языка, но предполагал, что читатель на ее основе построит «суждения нормализующего порядка». «Без них, – писал Бубрих, – каждый строил свои умозаключения на основе собственного родного диалекта, а составители школьных учебников и словарей были беспомощны», т. к. правила противоречили одно другому. Понадобилась сложная и значительная работа с историческим уклоном» [НА, оп. 11, д. 47, л. 2]. Для сопоставления использованы диалектные слова центральных районов республики и исторические памятники коми языка. По мнению составителя, памятники XIX в. не отличаются от современного литературного языка. Как и в других работах, Бубрих постоянно делал сравнения с удмуртским языком и подчеркивал, что эти языки составляют единую группу.

В предисловии к научной грамматике коми языка дается небольшой историографический обзор. В 1920–1930-х годах в СССР собран огромный материал по коми грамматике, но он еще не опубликован. «Система литературного коми письма, – писал автор, – существовавшая в первые годы революции, хотя и была фонетически точнее (она была построена на принципах фонетической транскрипции), но была мало приспособлена к поднятию грамотности в коми среде. К тому же она прибегала к слишком сложным буквенным знакам. Не было в ней и настоящей последовательности. Создав особые буквы для обозначения каждой из старых мягких согласных в отдельности, она оказалась беспомощной перед задачей обозначения новых, полученных из русского языка, мягких согласных (мягкого *p* и мягких губных). Пришлось изменить принятому принципу и обозначать мягкость этих согласных значком» [НА, оп. 11, д. 47, л. 23].

В числе важнейшей литературы по проблеме профессор назвал несколько учебных книг кандидата филологических наук, доцента кафедры финно-угорской филологии Ленинградского университета, старшего научного сотрудника Института языка и письменности народов СССР И. И. Майшева, включая расширенную грамматику коми языка, которая «нахо-

дится в рукописи в Ленинграде и нам недоступна»; еще не опубликованную, «но нам доступную» работу А. С. Сидорова о строе коми предложений. Упомянул Бубрих и собственный труд «Краткая научная грамматика коми слова» («рукопись выйдет при коми-русском словаре, издаваемом Коми научно-исследовательским институтом»). Несколько раз сказано, что вопрос не разработан в литературе полностью или не подвергался анализу по существу.

Первая глава монографии по грамматике посвящена фонетическому строению коми слова (фонетическое расчленение слов, слоги, ударяемые и неударяемые слоги, фонемы, слоговые и неслоговые фонемы). Вторая глава характеризует состав фонем (слоговые фонемы, неслоговые бесшумные, общая характеристика состава фонем, обозначение фонем в литературном письме). В третьей главе говорится об употреблении фонем в слове.

Очень важным представляется следующее размышление автора: «Действующая система литературного коми языка, стремясь использовать наличную в коми народе русскую грамотность, а в дальнейшем – извлечь из русской грамотности пользу для коми грамотности и, наоборот, тем самым всячески поднимать грамотность в коми среде, сознательно стоит на точке зрения единства с системой литературного русского письма» [НА, оп. 11, д. 47, л. 23].

С научной точки зрения монография оформлена безукоризненно: приведены фонетические транскрипции, принятые в данной книге, подчеркнута, что хотя автор использует коми алфавит, опирающийся на русский, но применяет не все действующие буквы. «Проводимая в настоящей книге транскрипция разработана нами в соответствии с составом наборных касс Коми АССР» [НА, оп. 11, д. 47, л. 5]. Специально оговаривается, что некоторые термины, например, «тупошумные», «острошумные», принадлежат автору [НА, оп. 11, д. 47, л. 13]. Для иллюстрации ударений используются тексты коми поэтов И. М. Вавилина, В. И. Елькина, М. Н. Лебедева, А. П. Размыслова, Я. М. Рочева и Н. А. Фролова.

Фактически в примечаниях ученый сформулировал те проблемы коми языка, которые мало или совсем не изучены, или для этого не собран словарный запас. Примечания можно расценивать как своеобразные рекомендации молодым исследователям. К тому же в них помещены рукописные вставки такого типа: «указанные явления отмечали давно» или «указанное явление впервые выявлено нами». Монография написана позже коми-русского словаря и производит очень сильное впечатление.

В 1944 г. Д. В. Бубрих подготовил монографию по грамматике коми слова к изданию. В научном архиве сохранились замечания Председателя Президиума Верховного Совета Коми АССР Г. В. Ветошкина, который отмечал, что «следовало бы издать работу Бубриха на коми языке», и предлагал убрать из названия слово «научная» [НА, оп. 11, д. 70, л. 1].

В 1942 г. Дмитрий Владимирович написал статью «Фонетика современного литературного коми языка» [НА, оп. 11, д. 50, 28 л.] и тезисы «К вопросу об употреблении некоторых звуков в коми языке». В тезисах подчеркнуто, что употребление тех или иных звуков имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо «в литературном языке до сих пор не установилось окончательно употребление этих звуков» [НА, оп. 11, д. 46, л. 1].

Зимой 1942–1943 гг. ученый усиленно искал закономерности в переходе разных частей речи в разряд существительных и прилагательных [НА, оп. 11, д. 71, л. 39] и подготовил первую часть работы «Научная грамматика коми слова».

В условиях военного времени, когда в стране значительно усилили антигитлеровскую пропаганду, а в учреждениях уделяли большое внимание деятельности политических кружков и методологических семинаров, Д. В. Бубриха, как беспартийного, не могли привлекать для выступлений на таких занятиях. Свообразие творческого подхода ученого выразилось в углубленном научном обосновании лживости теории мирового господства, пропагандируемой фашистской Германией. Такими побудительными причинами, на наш взгляд, можно объяснить появление статей профессора «К вопросу об “арийской чистоте” германцев» и «Еще к вопросу об “арийской чистоте” германцев». Первый вариант подготовлен в 1942 г., второй имеет собственноручную подпись и дату: «Сыктывкар 1 марта 1943 г.». В целом тексты идентичны, имеют рукописные вставки на разных языках.

Статьи начинаются с утверждения: «Научная спекуляция по вопросам индоевропейского или, если угодно, арийского “начала в мире”, если она выходит за рамки непосредственно данных языковых фактов, дело более чем сомнительное». Дмитрий Владимирович увидел поразительные отклонения германской фонетики от индоевропейских традиций, а между тем сторонники арийского «начала в мире» кричат об исключительно большом участии в этом процессе индоевропейского этнического элемента. Далее Бубрих подчеркнул сходство между германскими и финно-угорскими языками. В доказательство приводил сравнения из фонетики и этимологии. Не имея возможности

предоставить «целый поток сплошь неоспоримых этимологий», Бубрих обосновывал свои позиции тем, что все же «чувствовал под ногами твердую почву» [НА, оп. 11, д. 45, л. 8].

В 1944 г. основной научной темой оставалась разработка коми грамматики. По словам Д. В. Бубриха, были окончены: «Книга для вузов и ученичества», «Научная грамматика коми слова» объемом 20 п. л. и «Краткая научная грамматика коми слова» объемом 8 п. л. [НА, оп. 1, д. 69, л. 68].

Немало времени и усилий потрачено исследователем на разработку философских проблем. Как сотрудник Ленинградского института языка и мышления, Д. В. Бубрих размышлял над проблемой происхождения языка и мышления. До войны в институте опубликовали десять научно-лингвистических сборников «Язык и мышление». Бубрих готовил статью «Происхождение речи и мышления» для следующего сборника. Но издание прервала война. В архиве сохранилось два варианта статьи, имеющих незначительные разночтения [НА, оп. 11, д. 48, 45 л.; д. 49, 44 л.]. Оба текста являются вторым или третьим экземпляром, имеют несколько чернильных исправлений или вставок не рукой Бубриха. Дела датированы 1942 годом, но относятся, судя по последнему замечанию, к середине 1944 г., т. е. к тому времени, когда Бубрих уже точно знал, что уезжает из Сыктывкара. В заключительной части работы он упомянул об обсуждении текста в Коми пединституте: «Настоящая статья в первоначальной редакции была предметом обсуждения на заседании Ученого Совета Коми пединститута 6.III.1944 г. В результате обсуждения выяснилась необходимость переделок в гл. 1 и слияния двух глав, ныне слитых в гл. III. Важнейшими замечаниями я обязан доценту института кандидату филологических наук К. Г. Федину (К. Г. Федин – канд. филос. наук, доцент кафедры марксизма-ленинизма Коми пединститута. – Авт.). Ему же я обязан консультацией в связи с переделками гл. 1. Приношу благодарность дирекции института за организацию обсуждения настоящей статьи в первоначальной ее редакции, а также участникам заседания и особенно К. Г. Федину за товарищескую помощь» [НА, оп. 11, д. 48, л. 44].

В работе пять глав. В первой освещены взгляды Ф. Энгельса на речь и мышление и их взаимоотношение. Вторая глава называется «Уклады речи и мышления». В ней имеются следующие разделы: сигнализационная речь, наглядно-ситуационное мышление, изобразительная речь, наглядно-образное мышление, высшая речь, высшее мышление, связь между укладами речи

и мышления. Третья глава «Возникновение и развитие речи и мышления» содержит несколько разделов: допалеолитическое время и нижний палеолит, речь и мышление в допалеолитическое время и в нижнем палеолите, средний палеолит, речь и мышление в среднем палеолите, верхний палеолит, речь и мышление в верхнем палеолите, общий ход развития речи и мышления. В четвертой главе «Развитие речи и мышления и перворелигия» говорится о первых мировоззренческих институтах, первых искусствах, перворелигии и чем речь и мышление обязаны перворелигии.

Наиболее интересна пятая глава «Из истории вопроса». Фактически ее можно рассматривать как историографическую часть. Бубрих объяснял в ней свою зависимость от акад. Н. Я. Марра и расхождения с академиком. По мнению Д. В. Бубриха, Марр не предполагал исследование укладов речи и мышления, не выходил за границы высших речи и мышления, не смог найти выхода из древнейшей эры, его деление на эры вызывает много вопросов. Заканчивается текст утверждением: «Настоящая статья представляет собой первый шаг в новом направлении [...]». Дело не только в том, чтобы проиллюстрировать выдвинутые нами положения о сигнализационной и изобразительной речи [...]. Дело в том, чтобы развернуть разработку проблемы» [НА, оп. 11, д. 48, л. 43–44].

Еще до отъезда из Сыктывкара в начале 1944 г. ученый участвовал в большой терминологической работе по переводу на коми язык Гимна Советского Союза вместе с сотрудниками отдела языка НИИ под руководством А. И. Подоровой [НА, оп. 1, д. 70, л. 83–84]. Текст был утвержден на комиссии при Коми обкоме ВКП(б).

Интересным документом, характеризующим творческие возможности ученого, является письмо в Сыктывкар от 17 декабря 1944 г. заведующего сектором Института истории АН СССР С. В. Бахрушина, который предлагал привлечь Д. В. Бубриха для руководства составлением «Очерков по истории народа коми» по разделу лингвистика [НА, оп. 1, д. 75, л. 1].

О масштабе научно-организационной деятельности Дмитрия Владимировича можно судить по отчетному докладу Д. С. Оверина на заседании Ученого совета НИИ 9 марта 1942 г. История учреждения, по словам директора, делилась на два периода. До октября 1941 г. исследования находились на низком теоретическом уровне и слабой научной подготовленности, теоретической и научной разработке коми языка уделялось мало внимания, что объяснялось отсутствием научно подготовленных кадров.

«Но с октября месяца состав работников сильно изменился [...], пришли новые, научно подготовленные люди: доктор филологических наук проф. Бубрих Д. В., окончивший аспирантуру Оверин Д. С. и Подоров В. М. [...]». Недочеты были исправлены. Большое внимание уделили перспективному планированию.

Предложения ученого по планированию оказались особенно ценными. Как отмечали на заседании объединенной сессии Ученых советов Коми филиала АН СССР и Коми пединститута в январе 1951 г., основной многолетний план сектора языка, письменности и истории Коми филиала АН СССР был заложен еще в 1941 г. при активном участии в работе проф. Д. В. Бубриха. Главной проблемой плана по предложению Д. В. Бубриха стал современный коми язык. По словам А. С. Сидорова, Д. В. Бубрих «беззаветно служил интересам советской науки [...]». Он принес огромную пользу развитию науки в Коми АССР. Помимо научно-организационной работы в Сыктывкаре в годы войны он написал три большие работы по научной грамматике коми языка [...]. Последняя предсмертная его работа «Грамматика литературного коми языка» является большим достижением, т. к. является первой научной грамматикой языка коми на современном этапе» [НА, оп. 1, д. 230 (1), л. 13].

Еще одной стороной творчества Д. В. Бубриха в Сыктывкаре была педагогическая деятельность. В НИИ стали обсуждать научные доклады, в ходе которых происходило накопление и систематизация финно-угорского материала, приобретались навыки работы по изучению языков. Одним из докладчиков постоянно выступал проф. Д. В. Бубрих.

При участии Д. В. Бубриха начали планомерно изучать коми диалекты. В 1942 г., очевидно, используя довоенные разработки по карельскому языку, он создал вопросник по изучению коми диалектов, и при его помощи составлена «Диалектологическая карта Коми АССР» для Республиканского музея.

В годы войны в Карело-Финском университете и Коми пединституте, приложив максимум усилий, сумели организовать студенческую диалектологическую и фольклорную практику. Выездная практика потребовала большой предварительной работы по выбору районов, разработке программы, организации трудных переездов, распределению по деревням, а также поиска финансов. Документы показывают, что Бубрих стал одним из организаторов и вдохновителей научных командировок сотрудников и студентов в районы, заселенных коми населением. Судя по частоте и количеству этих экспедиций, они были объединены одной целью и

принципами сбора материалов. Эту организационную и теоретическую работу ученый вел совместно с А. С. Сидоровым. Для осуществления таких экспедиций 26 мая 1942 г. состоялось расширенное заседание в НИИ. Присутствовали доцент университета В. Г. Базанов, нарком просвещения Коми АССР А. М. Подорова, директор института Д. С. Оверин, композитор П. А. Анисимов, художник В. В. Поляков, сотрудник краеведческого музея Линеvский, писатель В. В. Юхнин и др. Доцент В. Г. Базанов рассказал об опыте Карело-Финской республики по изучению диалектов и сообщил, что университет посылает экспедицию в Усть-Цильму, так как район является одним из центров сохранения уникального русского фольклора [Базанов, 1962. С. 8]. Руководили экспедицией В. Г. Базанов и И. А. Василенко. Коми языковеды тут же назвали более десяти имен сказителей, преимущественно коми, в разных деревнях по Печоре и Ижме [НА, оп. 1, д. 66, л. 34].

К концу 1942 г. в НИИ завершили научный отчет по материалам экспедиции, организованной Коми пединститутом совместно с Наркомпросом и Коми НИИ «Характеристика отдельных говоров коми языка (Материалы экспедиции, организованной Коми пединститутом совместно с Наркомпросом Коми АССР и НИИ)» [НА, оп. 11, д. 55, 99 л.; д. 56, 27 л.]. В план работы на 1943–1944 гг. включили составление «Краткого диалектологического атласа коми языка» и начали с обработки материалов экспедиций 1939 г.

Когда в 1943/44 уч. г. Дмитрий Владимирович возглавлял кафедру финно-угорских языков Карело-Финского университета, значительно изменились формы работы кафедры. Это выражалось в постоянном сотрудничестве с отделом языка Коми НИИ, в совместных заседаниях отдела, кафедры, краеведческого музея и других учреждений просвещения и культуры. Заседания проходили каждые две недели с обязательным присутствием студентов. Почти на каждом таком заседании с докладами выступал заведующий кафедрой. Протоколы заседаний сохранили тексты этих выступлений в виде тезисов.

Немало сделал Д. В. Бубрих для подготовки научных кадров института. Воспоминания бывших студентов сохранили восторженные отзывы о его лекциях. Когда 23 октября 1945 г. составили список ленинградских сотрудников Института языка и мышления, представляемых к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», про Д. В. Бубриха там сказано: «Много сделал в подготовке национальных кадров за время своей эвакуации (1942–1944 гг.)» [Анфертьева, 2005. С. 51].

В 1944 г. Д. В. Бубрих вместе с Карело-Финским университетом уехал в Петрозаводск, где стал заведовать кафедрой финно-угорской филологии. В Коми Базе АН он был оформлен в 1945 г. на должность консультанта. Ученый являлся руководителем нескольких тем, в том числе «Частицы в коми языке», «Наречия в коми языке» и др. 29 марта 1946 г. вышел приказ по Базе АН СССР в Коми АССР о зачислении в аспирантуру А. Н. Федоровой, В. А. Сорвачевой и Т. И. Фроловой по специальности «коми язык» с 1 марта сроком на три года, научным руководителем которых утвержден докт. филол. наук Д. В. Бубрих [Подготовка..., 2004. С. 14]. В штатных расписаниях Базы АН СССР в Коми АССР за 1945–1949 гг. в секторе языка, письменности и истории он значился консультантом на полставки, руководил аспирантами Т. И. Фроловой и В. А. Сорвачевой [НА, оп. 1, д. 119, л. 17].

В 1949 г. тематический план работы сектора отправили на отзыв Д. В. Бубриху, который в целом оценил его как перспективный [НА, оп. 1, д. 131, л. 14], а на заседании сектора языка, литературы и истории Коми филиала признали, что Д. В. Бубрих «безусловно, видный советский языковед» [НА, оп. 1, д. 186, л. 110].

Вклад Дмитрия Владимировича Бубриха в развитие науки Коми республики сложно переоценить. Он принимал непосредственное участие в подготовке учебников по коми языку для школ республики; описал методы сбора и обработки полевых и экспедиционных материалов по коми языку; предложил и разработал перспективные планы работы по финно-угорской тематике для Базы АН СССР в Коми АССР; поставил на новый уровень изучение финно-угорских языков и диалектов, заложил основы научного изучения коми языка, которые актуальны и сегодня, воспитал поколение лингвистов, которые позже работали в Коми филиале АН СССР.

Источники и литература

Анфертьева А. Н. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: материалы Всерос. конф. СПб., 2005. 331 с.

Академический центр в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: ученый и война (1941–1945 гг.) / Сост. Л. П. Роцевская, А. А. Бровина, Э. Г. Чупрова, А. В. Самарин. Сыктывкар, 2005. 102 с. (в тексте – АЦ).

Базанов В. Г. Причитания Русского Севера в записях 1942–1945 годов // Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 597 с.

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1971. Т. 4 (в тексте – БСЭ).

Бубрих Д. В. Коми язык // Литературная энциклопедия. М., 1931. Т. 5. С. 434–437.

Бубрих Д. В. Письмо в редакцию [об отсутствии лингвистической разницы между пермяками и зырянами] // Коми му. Усть-Сысольск, 1929а. № 20. С. 48.

Бубрих Д. В. Возможности реформы удмуртского письма // Коми му. Усть-Сысольск, 1929б. № 23. С. 37–38.

Виттенбург Е. П. Павел Виттенбург: геолог, полярик, узник ГУЛАГа. Воспоминания дочери. СПб.: Ин-т истории РАН, 2003. 431 с.

Коми орфографической словарь [Коми орфографический словарь]. Для начальной, неполной средней и средней школы. Изд. 2-е, испр. и доп. Сыктывкар: КомиНИИ, 1942. 147 с. (коми яз.).

Коми орфографической словарь. Начальной, неполной средней да средней школах [Коми орфографический словарь для начальной, неполной средней и средней школы] / Разраб. А. А. Жеребцов. Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1939. 180 с. (коми яз.).

Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Сб. докум., материалов, воспоминаний. Сыктывкар, 2005. 225 с. (в тексте – КП).

Коми-русский словарь. Серия лингвистич. Вып. I. Под ред. А. И. Подоровой / Сост.: чл.-корр. АН СССР проф., д. филол. н. Д. В. Бубрих, д. филол. н. А. С. Сидоров, науч. сотр. Н. А. Колегова и М. А. Сахарова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1949. 296 с.

Лахтионова Т. И. Условия жизни населения города Сыктывкара в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Коми) // Защита Отечества: история и со-

временность: материалы. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2001. С. 36–43.

Малкова Т. А. Научная деятельность Д. В. Бубриха в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Сыктывкар, 2005. 252 с.

Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (в тексте – НА).

Подготовка научных кадров в Коми научном центре УрО РАН (1945–2001 гг.). Сб. докум. и материалов / Сост.: Л. П. Рощевская, А. А. Бровина, А. В. Самарин, Э. Г. Чупрова. Сыктывкар, 2004. 114 с.

Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1 (в тексте – РК).

Российские исследователи коми языка. Библиограф. указ. / Сост. Л. В. Давыдова, В. Н. Казаринова, Л. И. Латкина. Сыктывкар, 2007. 521 с.

Рощевская Л. П. Академические учреждения в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях: материалы науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2001. С. 173–182.

Рощевская Л. П. Коми книга военного времени (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2005. 100 с.

Рощевская Л. П., Лисевич Н. Г. Финно-угровед Д. В. Бубрих: «...во время моего трехлетнего пребывания в Коми АССР» // Финноугорский мир. 2013. № 4. С. 40–46.

Советский энциклопедический словарь. М., 1983 (в тексте – СЭС).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Рощевская Лариса Павловна

главный научный сотрудник, д. и. н., проф.
Коми научный центр Уральского отделения РАН
ул. Коммунистическая, д. 24, г. Сыктывкар, ГСП-2,
Республика Коми, Россия, 167982
эл. почта: lp@presidium.komisc.ru
тел.: (8212) 216945

Лисевич Нина Григорьевна

главный архивист
Коми научный центр Уральского отделения РАН
ул. Коммунистическая, д. 24, г. Сыктывкар, ГСП-2,
Республика Коми, Россия, 167982
эл. почта: lisevich@presidium.komisc.ru
тел.: (8212) 245014

Roschevskaya, Larisa

Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences
24 Kommunisticheskaya St., 167982 Syktyvkar, GSP-2,
Komi Republic, Russia
e-mail: lp@presidium.komisc.ru
tel.: (8212) 216945

Lisevich, Nina

Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences
24 Kommunisticheskaya St., 167982 Syktyvkar, GSP-2,
Komi Republic, Russia
e-mail: lisevich@presidium.komisc.ru
tel.: (8212) 245014

УДК 821. 161.1. + 398.5

КАЛЕВАЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА «ПЕСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА»*

Е. И. Маркова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Дается сопоставительный анализ «Песни Солнценосца» Н. Ключева с карельскими эпическими творениями («Калевалой» и циклом фольклорных текстов на сюжет «о большом дубе»). Несмотря на отсутствие в произведении Н. Ключева прямых отсылок к названным текстам, на связь с последними указывают идея сотворения мира, доминантный образ дуба, образ певца-демиурга и др. И генетически, и типологически это родственные эпические жанры (фольклорные, литературно-фольклорные, литературные).

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэма, руна, сюжет «о большом дубе», сотворение мира, образ солнца, пуп земли, вещий певец.

E. I. Markova. KALEVALA THEMES IN NIKOLAI KLYUEV'S NARRATIVE POEM "THE SONG OF THE SUN BEARER"

The paper gives a comparative analysis of N. Klyuev's "The Song of the Sun Bearer" and Karelian epic literature ("Kalevala" and folklore texts with the "big oak" plot). Although there are no direct references to the named texts in the Klyuev's poem, the idea of The Creation, the dominant image of the oak, the figure of the demiurge singer, etc. hint at a connection to the former. Both genetically and typologically, they represent related epic genres (folklore, literary-folklore, literary).

К e y w o r d s: narrative poem, runo song, the "big oak" plot, The Creation, image of the sun, Hub of the Universe, oracular singer.

В 1918 г. в альманахе «Скифы» № 2, издаваемом одноименной группой литераторов, придерживавшихся «почвеннических» воззрений на революцию, были опубликованы стихи Н. Ключева, С. Есенина и еще мало кому известного А. Ганина. Если поэты с искренним восторгом встретили Октябрьскую революцию, то знаменитый прозаик А. Ремизов отреагировал на нее иначе, о чем говорит само название его сочинения – «Слово о гибели Русской Земли». В том же номере были поме-

щены две аналитические статьи, посвященные названным произведениям: «Поэты и революция» видного публициста и литературного критика Иванова-Разумника (Р. В. Иванова), главы объединения «Скифов», и «Песнь Солнценосца» известного поэта Андрея Белого. Оба автора видели в Николае Ключеве воистину народного поэта, познавшего не только революцию политическую и социальную, но предчувствующего «революцию национальную... революцию духовную» [Иванов-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-14-10001 «Эпические жанры в творчестве Н. А. Ключева».

Разумник, 1918. С. 1], соединяющего «пастушескую правду с магической мудростью, Запад с Востоком» [Белый, 1918. С. 10]. Под пастухами А. Белый разумел новозаветных вестников, которым открылась христианская истина: «Мир земле и человекам благоволение». Ключеву же ведомо новое знание: на смену богочеловеку Христу идут «народы-Христы».

«Песнь Солнценосца» Ключева не раз публиковалась в России, в 1920 году издана в Берлине на русском языке [Ключев, 1920], позднее была переведена на немецкий язык с пояснениями переводчиков, рассматривающих поэму сквозь призму античной мифологии (миф об Аргонавтах) [Субботин, 2013. С. 152–162].

Однако сегодня произведение, вызвавшее столь сильную ответную реакцию у современников, не является популярным ни в читательской, ни в исследовательской среде. Дело не только в переоценке результатов Октябрьской революции, но и в сложности самого текста. То, что понятно Иванову-Разумнику и А. Белому, блестяще образованным представителям «петербургской» культуры Серебряного века, далеко не всегда ясно нашему современнику.

На евангельский контекст произведения указал, правда, не входя в подробности, А. Белый; наша задача – выявить «калевальский».

Напомним, что за два года до революции, в 1915 г., вышло второе издание «Калевалы» в переводе Л. Бельского, которое не могло не отозваться в художественном сознании Серебряного века, грезившем о создании «всемирного мифа», синтезирующего великие мировые идеи и образы, в том числе и коммунистическую утопию, воплощенную еще в 1623 г. в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы.

Н. Ключев (и не он один) призывал увидеть в свершившейся революции сбывшуюся надежду человечества, потому-то в его поэме люди Земли являют собой «рать солнценосцев», ведомую поэтами: глашатаем новых истин («alter ego» Ключева) и певцом извечной правды (Садко).

Поскольку прямых параллелей с «Калевалой» в «Песни...» нет, как нет в ней ни явных, ни скрытых цитат из эпической поэмы Эл. Лённрота, объясним методику анализа текста. В наших предыдущих исследованиях было доказано, что Ключев чем дальше, тем больше осмыслил совокупность своих текстов как единую Столикую Книгу – эпос XX века, жанровым ориентиром которой стала «Калевала». В произведениях, помеченных знаками финно-угорской культуры, ее влияние особенно ощутимо, что позволило нам в едином ключевском тексте вычленив «Калевальский извод» [Маркова,

1997. С. 192–207] и доказать почти полное его тождество с великим образцом: начинаются обе книги с образа родящей девы; центральным событием является сватовство и состоявшийся или несостоявшийся брак, в финале произведений сообщается о рождении божественного младенца. В обеих книгах чрезвычайно значим образ вещего певца и его слова [Маркова, 2010. С. 100–108].

В контексте «Калевальского извода» неощутимые на первый взгляд реминисценции с поэмой Эл. Лённрота (ибо работают на уровне жанрового архетипа) становятся очевидными.

Да, в этом ключевском тексте всего один финно-угорский знак (топоним Белая Меря), но суть не в количестве, а в идее – в воспевании заново рождающегося мира, а «Калевала», как известно, начинается с сотворения мира. Этот мотив характерен для Столикой Книги Ключева в целом, для «Песни Солнценосца» – в частности. Работая над своим творением, Эл. Лённрот суммировал бытующие в карельских эпических песнях сюжеты о мироздании: «о возникновении Вселенной из яйца»; «состязании певцов»; «о большом дубе» [Кундозерова, 2013. С. 8].

Все три сюжета нашли отражение в творчестве Н. Ключева. Если о первом упоминается в работах исследователей вскользь [Полякова, 1986. С. 217], то второй – воплощен в полемике Николая Ключева и Сергея Есенина [Маркова, 2008].

К калевальскому образу «большого дуба», как формообразующему мирозданию, отсылает аналогичный образ в «Песни Солнценосца». Сразу поясним, что образ дуба в обоих произведениях означает не дерево из рода буковых, а Мировое древо – один из обязательных образов-символов в мифологической картине мира почти всех народов.

Каждое отдельное звено сюжета, попадая в художественную систему Н. Ключева, может соотноситься с аналогичным звеном, входящим в эпос русского или другого народа, но, повторяем, в своей сумме, самом сочетании элементов этот ключевский сюжет соотносим с калевальским и с народными песнями калевальской метрики (карельскими эпическими песнями-рунами), ставшими благодаря исследовательским и поэтическим усилиям Элиаса Лённрота фундаментом великого эпоса финнов и карелов.

Хотя современниками Ключева «Калевала» воспринималась как национальное достояние финнов (в подзаголовке значилось: «финские народные песни»), он, уроженец Олонецкой губернии, безусловно, знал, в каких землях работал Эл. Лённрот. Слышал ли сам он руны или пола-

гался на свое «ретроспективное» (В. Г. Базанов) мышление? Как знаток фольклора, он не мог их не слышать, как и не мог не доверять своим интуитивным художественным прозрениям.

Возвращаясь к его «Песни...», укажем, что в ней, как и в «Калевале», дуб обязан своим рождением огню. Как говорится в руне второй, он, невзирая на старания сеятеля деревьев Сампсы Пеллервойнена, не мог взойти, пока на помощь не пришел богатырь из волн морских Турсас.

Запалил огнем он сено,
Ярко сено запылало,
Все осыпалось золою,
Потянулось тучей дыма.
Вот зола застыла кучей,
Пепел лег сухой горою;
В пепел нежный лист кладет он,
Вместе с ним дубовый желудь.
Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной
Дуб развесистый, огромный...

[Калевала. С. 44]

Клюев, естественно, не ступает след в след за предшественником, а трансформирует образ и сюжет. В его тексте опускается процесс рождения дерева, констатируется только его огненная природа.

Три огненных дуба на пупе земном.
От них мы три желудя-солнца возьмем...
[Клюев, 1999. С. 363]

В клюевском тексте само дерево порождает солнце – огонь. В «Калевале» же образ дуба только соотносен с солнцем. Поскольку это Мировое древо (мировая вертикаль), то корни своими оно уходит в земную толщу, а верхушка его достигает небес.

До небес вершину поднял,
Высоко он вскинул ветви:
Облакам бежать мешает.
Не дает проходу тучам,
Закрывает в небе солнце,
Заслоняет месяц ясный
[Калевала. С. 44]

В «Песни...» дуб не только не заслоняет солнце, а, напротив, дарует его миру, что позволяет осветить все небесное, земное и водное пространство.

Лазоревым – облачный хворост спалим,
Павлиньим – грядущего даль озарим,

А красное солнце – миллионами рук
Подымем над миром печали и мук.

Пылающий кит взбороздит океан.
Звонарь преисподней ударил в Монблан...
[Песнь. С. 363].

Здесь стихия огня символизирует как пожар революции, так и очистительный огонь Апокалипсиса, о чем свидетельствует сама цветовая гамма: красный цвет – цвет революции, павлиний – проецируется на образы павлинов, характерных для византийской иконы, где они символизировали жизнь вечную [Барская, 1993. С. 53]. Лазоревый – воскрешает образ чудесного цветка русской сказки, что таится в подтексте произведения, подвигая автора на самые причудливые контаминации элементов.

У Клюева, согласно фольклорному закону троичности, дуб и солнце утраиваются, что в принципе для данного сюжета избыточно, ибо обе субстанции и так обладают мощным потенциалом. Но утроение вполне соответствует евангельскому уровню произведения, отсылая читателей к «Троице» А. Рублева, где под сенью древа предстала воплотившаяся Троица с нимбами-солнцами вокруг голов и тремя небесными храмами (духовными солнцами) над ними.

Мотив трех солнц Клюев уже обыгрывал где-то в 1914–1916 гг. (дата точно не установлена) в стихотворении «Ель мне подала лапу, береза – серьгу», где он воссоздал картину небесного рая.

Там, под Дубом Покоя, накрыты столы.
Пиво Жизни в сулеях, и гости светлы –
Три пришельца, три солнца...
[Клюев, 1999. С. 253].

В «Песни...» люди уподоблены творцу, они даруют миру новое небо, новую землю, ибо огонь революции, согласно убеждениям поэта тех лет, стал очистительным пламенем, порождающим новую жизнь.

Произрастающие на деревьях желуды-солнца соотносятся с небесными светилами в «Калевале», расположившимися благодаря магическому песнопению вещего певца Вяйнямёйнена на «золотой елке» (руна десятая).

Он поет и заклиняет,
И восходит светлый месяц
На золотой верхушке ели
И Медведица на ветках
[Калевала. С. 93]

Но власть Вяйнямёйнена над обитателями небес временная, мнимая, у возрожденного человечества она постоянна. Его храмом становится сама природа.

На каменный зык отзовутся миры,
И демоны выйдут из адской норы,

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.

О демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы!
[Песнь. С. 363–364]

Идея христианской любви, которая должна стать основой нового мира, освещает это символическое причастие людей и враждебных им сил – демонов. Мир должен быть един и, как три дуба, стоять на следующих основах:

Из пупа Вселенной три дуба растут:
Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...
[С. 364]

Идея любви, принцип троичности также отсылают нас к творению карельского народа, но не к его литературно-фольклорному памятнику, а к фольклорным песням на этот сюжет, к тем вариантам, где большой дуб посадили девушки-невесты, положив вместе с желудем в пепел не просто «нежный листик», а «любовный листик», «листок любви дубовый» [Карело-финский народный эпос, 1994. С. 67, 72].

Было здесь четыре девы,
Было целых три невесты,
Что нашли любовный листик,
Отнесли его на поле,
На возвышенность поляны
[Эпос, 12. II, 67]

Здесь число «три» связано с количеством невест. Возвращенный ими «дуб красивый» также заслонял небо, «Солнцу не давал светить он» [Эпос, 12. IX, 72], что отнюдь не волнует девиц.

И рассеялись все тучки.
Капли длинные в тех тучках,
В каплях тех блестят озера,
Красные плывут там лодки,
В лодках – молодые парни,
Неженатые те парни,
Тянут красную веревку,
Трос железный укрепляют,
Чтобы обуздилось море
У залива Кандалакши,
Чтобы умирилось море,
Кандалакша красовалась,
В Виэно девушек увозят –
Продавать домашних куриц.
[Эпос, 12. II, 67]

Сюжет о «большом дубе» здесь сопряжен со свадебным: небесные женихи-охотники «продают» – берут замуж невест-курочек. Обращает на себя внимание соотношенный с образами парней красный цвет. В фольклоре эпитет «красный» стоит в одном ряду с эпитетом «золотой» (ср.: «красно солнышко», «злато солнышко»). Говоря на языке Клюева, женихи – это солнценосцы. Только в древних рунах речь идет о создании солнценосцами новой семьи, а у Клюева – о создании семьи народов:

Мы – рать солнценосцев на пупе земном –
Воздвигнем столбашенный, пламенный дом...
[Песнь. С. 364]

Но это не значит, что образа жениха в «Песни...» нет – в роли символического жениха здесь выступает гусяр Садко. Его песня открывает вторую часть произведения, в финальных строках которой герой идентифицирует себя так:

Я – песноводный жених,
Русский яровчатый стих
[С. 366]

Во второй руне «Калевалы», с которой сопоставляется клюевская «Песнь...», свадебный мотив отсутствует, но есть намек на него. Когда «малютка-великан» срубил дуб (освободил солнце из заточения), то его части разобрали люди и использовали их в качестве чудесных предметов:

Если кто там поднял ветку,
Тот нашел навеки счастье;
Кто принес к себе верхушку,
Стал навеки чародеем;
Кто себе там срезал листьев,
Взял для сердца он отраду.
[Калевала. С. 45]

Попутно заметим, что свадебный сюжет – один из важнейших в «Калевале», и ранее упоминаемая «злая елка» с небесными светилами необходима Вайнямёйнену для того, чтобы заманить Илмаринена в качестве своего свата.

Возвращаясь к первой строке «Песни...», укажем на локус, где стоят огненные дубы: «...на пупе земном». Значимость этого места подчеркнута повторами: «на пупе земном»; «Из пупа Вселенной».

В мифологической картине мира пуп земли есть центр Вселенной, поэтому выбор места в клюевском тексте понятен. Хотя «Калевала» не дает столь точной конкретизации расположения своего Мирового древа, оно, судя по отдельным вариантам народных рун, произрастает именно там: на пупе земном или вырастает из пупа морского (что симметричен первому) [Кундозерова, 2013. С. 20].

Известны ли были Клюеву эти варианты или в его памяти вспыхнули образы из других песен, сказать трудно. В стихе о «Голубиной книге» и в русских заговорах, которые, безусловно, он знал, пупом земли является камень алатырь (латырь) – «всем камням отец». Расположен он в центре мира, посреди океана, на острове Буяне. Понятно, что в сакральной точке Вселенной стоит Мировое древо [Мифологический словарь..., 1991. С. 28]. Подобная локализация характерна и для «Калевалы», и для «Песни...» В первом произведении в функции камня выступает остров, океана – море; во втором – эту пару символизируют «Пылающий кит» и океан. Священный камень здесь также присутствует, выполняя функции колокола во всемирном хра-

ме. Это Монблан – самая высокая вершина в Западной Европе. Конечно, Альпы не омываются ни Атлантическим и никаким другим океаном, но у героя Клюева своя география – мифопоэтическая.

Китай и Европа, и Север и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг.

Чтоб Бездну с Zenитом в одно сочетать.
Им Бог – восприемник, Россия же – мать.
[Песнь. С. 364]

Тот же принцип фольклорного стяжения пространства повторяется и в песне Садко:

Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Белая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябная ширь.
[С. 365]

Меря или белая меря – это этноним, данный финно-угорскому племени, возникшему в первом тысячелетии н. э. в Волго-Окском междуречье и слившемуся на рубеже I–II тысячелетия с восточнославянскими племенами. Как видим, Клюев смело превращает этноним в топоним, хранящий память о древнем финно-угорском племени, и наделяет означенное место статусом западного рубежа России. (Останавливаем на этом факте внимание, потому что, напомним, это – единственная прямая отсылка к финно-угорскому подтексту поэмы.)

Роднит клюевскую поэму с «Калевалой» образ вещего певца, культурного героя-демиурга. И словом, и делом своим Вяйнямйнен созидает мир. В руне второй это показано благодаря контаминации фольклорных сюжетов: «о большом дубе» и «о подсеке Калевы». Чтобы засеять землю, было необходимо вырубить часть леса. После чего вещий певец обращается к Матери-Земле:

О ты, старлица земная,
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста,
Дай покров из перегноя!
.....
Ты вставай, земля, проснися,
Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!
[Калевала. С. 46].

По слову вековечного старца расцветает, плодоносит земля. У Клюева певец пытается напитать всеми дарами природы и рукотворной культуры свой стих:

О молот-ведун, чудотворец-верстак,
Вам ладан стиха, в сердце сорванный мак.

В ваш яростный ум, в многострунный язык
Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник.
[Песнь. С. 364]

Как в пространстве нового мира происходит стяжение географических центров, так происходит и взаимопроникновение культур:

Верстак – Назарет, наковальня – Немврод,
Их слил в песнозвучье родимый народ.
[С. 364]

Если Назарет связан с именем Христа, то Немврод – имя ветхозаветного богатыря-идолопоклонника, которому человечество обязано строительством Вавилона и его столпотворением. Однако Ветхий и Новый Завет образуют единую книгу – Библию. В новом мире нельзя без новых песен, нельзя и без старых, пуповиной своей связанных с крестьянской культурой:

«Вставай, подымайся» и «Зелен мой сад» –
В кровавом окопе и в поле звучат...
[С. 364]

В «Калевале» звучит не только слово вещего певца. Он сознательно не срубил в поле одну березу, чтобы на ней куковала кукушка:

Пой, с песочной грудью птица,
Пой, с серебряною грудью,
Пой ты, с грудью оловянной!
Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!
[Калевала. С. 46]

Образ поющего поля есть и в «Песни...» Клюева.

Три желудя-солнца достались нам –
Засевный подарок взалкавшим полям:
Свобода и Равенство, Братства венец –
Живительный выгон для ярых сердец.
[Песнь. С. 364–365]

Здесь и «Прозрения телицы», и «кони стихов», и «струнные луга», здесь появляется поэт-первопредок гуслиар Садко. Его задача – подарить новорожденному миру и его новому певцу древнюю песнь России.

Пустите Бояна – рублевскую Русь,
Я тайной умоюсь, а песней утрусь...
[С. 365]

То, что выбор падает на Садко, понятно: он позиционирован в былинах прежде всего как певец-гуслиар. В «калевальском» контексте произведения значима его «водная» характеристика, сближающая гуслиара с Вяйнямйненом. Вещий певец не только зачат в море и в нем родился, но и по рождении «Пролежал пять лет он в море, В нем пять лет и шесть качался, И еще семь лет и восемь» [Калевала. С. 41].

Садко тоже называет себя «песноводным женихом». В поэме не уточняется, но читатель помнит, что в былинах он стал жертвой кораблекрушения и оказался в плену морского царя.

Думали – злой водяник
Выщербил песенный лик?

Я же – в избе и в хлеву,
Ткал золотую молву,
Сириин мне вести носил
С плах и бескрестных могил
[Песнь. С. 365]

Для Клюева подводное пространство – это не только царство водяного, но и потаенный на дне озера Светлояра православный град Китеж, поэтому во многих его произведениях появляются вестники из моря-океана.

Садко у него не только русский, а общероссийский певец: «Чмок городов и племен В лике моем воплощен» [Песнь. С. 366]. В фольклорно-мифологических текстах герой либо изначально стар, как мудрый Вяйнямёйнен, либо вечно молод, как красавец Садко. Ему и уготована роль жениха, готового сочетаться с новорожденной Вселенной, на лике которой – «чмок» мировых культур, в том числе и творений карелов и финнов.

Программное стихотворение Клюева первых революционных дней о жизни народов, исполненной мудрости, любви и труда, сегодняшней читатель отнесет к числу утопических проектов. Но не будь таких утопий – мир бы давно погряз во зле. Светлые порывы нет-нет и прорастают в добрых сердцах и глубоких умах.

Несмотря на отсутствие прямых цитат и конкретных образов из «Калевалы», мы доказали генетическую и типологическую связь клюевского творения с памятником финского и карельского народов.

Если вести речь о месте «Песни Солнценоца» в творчестве Н. Клюева, то как «Товарищ» (опубликован в том же номере альманаха «Скифы») С. Есенина открывает цикл его «маленьких» библейских поэм, так и «Песнь Солнценоца» (по концентрации содержания, субстанциональному единству коллектива и индивида произведение относится именно к этому жанру) возглавляет цикл его «маленьких» поэм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Маркова Елена Ивановна

зав. сектором литературы и фольклора, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: illh@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Литература

Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.: Просвещение, 1993. 224 с.

Белый А. Песнь Солнценоца // Скифы: Альманах. 1918. Вып. II. С. 8–10.

Иванов-Разумник. Поэты и революция // Скифы: Альманах. 1918. Вып. II. С. 1–7.

Калевала. Карело-финский народный эпос / Собр. и обраб. Э. Лённрот; пер. А. П. Бельского. Петрозаводск: Карелия, 1985. 381 с.

Карело-финский народный эпос. М.: Восточная литература, 1994. Кн. 2. 511 с. (в тексте – Эпос, № руны, № страницы).

Клюев Н. Песнь Солнценоца. Земля и железо. Берлин: Скифы, 1920. N. Klüjeff. Der Getsang des sonnenträgers erd und eisen Berlin: Verlag «Skythen». 20 с. 1920.

Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова, сост., подгот. текста и коммент. В. П. Гарнина. СПб: РХГИ, 1999. 1072 с. (в тексте – Песнь, цит. по этому изданию).

Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 22 с.

Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1997. 315 с.

Маркова Е. И. Polemika Николая Клюева и Сергея Есенина в свете калевальского сюжета о состязании певцов // Есенин и мировая культура. М.; Константиново; Рязань, 2008. С. 245–253.

Маркова Е. И. «Калевала» как жанр-ориентир в творчестве Николая Клюева // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 100–108.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.

Полякова С. В. О внешнем и внутреннем портрете Н. Клюева (К вопросу об архетипичности поэтического языка) / Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сб. 7. Тарту 1986. С. 150–161.

Субботин С. И. «Песнь Солнценоца» Николая Клюева в переводах на немецкий язык (1920-е годы) // Есенинск. вестн. Рязань: изд-во Гос. музея-заповедника С. А. Есенина. 2013. Вып. 3 (8). С. 152–162.

Markova, Elena

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: illh@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 781886

УДК 821.511.926

МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ, МИФОМ И ВЫМЫСЛОМ: ОБРАЗ ИЖЕВСКА В УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ 1990-Х ГОДОВ

А. А. Арзамазов

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Статья посвящена образу г. Ижевска в удмуртской поэзии 1990-х, представленной художественными картинами мира М. Федотова, В. Шибанова, П. Захарова. Выявляются сквозные урбанистические мотивы, образы, их смысловые грани, осуществляется попытка прочтения «психологического текста» города. Очевидно, что город в удмуртской поэзии на рубеже столетий становится ключевым литературным символом, в творческом восприятии синтезирующим «пласты» реальности девяностых, удмуртские мифологические представления и авторские неомифологические вымыслы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная удмуртская поэзия, образ города, урбанистический хронотоп, психология восприятия, девяностые.

A. A. Arzamazov. BETWEEN REALITY, MYTH AND FICTION: THE IMAGE OF IZHEVSK IN UDMURT POETRY OF THE 1990s

The article is devoted to the image of Izhevsk in Udmurt poetry of the 1990s, represented through artistic pictures of the world of M. Fedotov, V. Shibanov, P. Zakharov. Cross-cutting urban motifs, images, their semantic faces were identified, an attempt was made to read the “psychological texts” of the city. In Udmurt literature at the turn of the century Izhevsk has obviously become a key literary symbol in the artistic perception, which synthesized Udmurt mythological ideas, authors’ imagination, and the reality of urban life in the 1990s.

К e y w o r d s: modern Udmurt poetry, image of the city, urban chronotope, psychology of perception, the nineties.

К числу наиболее интересных и культурологически знаковых конфигураций визуальности в современной удмуртской поэзии (и литературе в целом) относится образ города. Будучи одним из примечательных символов в мировой гуманитаристике, этот образ располагается одновременно в нескольких пространственных зонах культуры: в «тексте» реальности, являя собой средоточие физических объектов мира природы или искусственной среды, в зоне художественной визуализации – как ключевой

изобразительный знак, участвующий в семиозисе эпохи, как элемент вербального текста, имеющий свою этимологию и включенный в идиоматику языка. Образ города в литературе может рассматриваться с разных позиций, как правило, это осуществляется на пересечении различных гуманитарных дисциплин. Наиболее существенные результаты в исследовании «урбанистического континуума» литературы обычно связывают с именами В. Н. Топорова [1980, 2003], Ю. М. Лотмана [1984], В. В. Абашева

[2000, 2009], В. В. Иванова [2007], В. Брио [2008]. В работах перечисленных ученых выработана универсальная концепция «городского текста», применимая к любым городам, урбанистическим системам. Следует заметить, что география городов, отраженных в словесном творчестве, постоянно расширяется (речь идет о России). Официальная и культурная столицы – Москва и Санкт-Петербург – в силу централизованности страны, художественной традиции остаются главными *genius loci* русской литературы и литературоведения, однако интенсивно формируются региональные городские измерения. Екатеринбург, Воронеж, Калининград, Пермь, Казань, другие города «обрастают» текстами, авторскими восприятиями, участвуют в создании своеобразной урбанистической интертекстуальности, где перекликаются «свое» и «чужое», «общее» и «особенное». Вместе с тем российский город может являться сложным этнокультурным образованием, аккумулировать этнопсихологические конфликты, становиться пространством борьбы, противостояния традиционной культуры, этнической картины мира и современной индустриальной реальности.

Главный город удмуртской литературы – Ижевск. История его поэтического восприятия начинается с первой четверти XX столетия. С одной стороны, Ижевск в зеркале национальной поэзии в эпоху революционных потрясений осознается как город больших социальных возможностей, карьерных перспектив. С другой, русскоязычный город для удмурта абсолютно чуждое измерение: здесь не «работают» привычные для села, деревни ментально-поведенческие установки, иной темпоритм коммуникации и репрезентации, преобладает «не свой» язык. В удмуртской соцреалистической литературе градус художественного изображения образа города существенно меняется: Ижевск превращается в своеобразный урбанистический рай, в город-сказку, город-мечту. На его проспектах-площадях «геройствует» советская молодежь, город улыбается лицами ликующих пионеров/комсомольцев, живет социалистическими праздниками. Именно в данный период развития удмуртской поэзии наряду с Ижевском актуализируется образ Москвы, сытой, торжественно-радостной столицы великого государства. В литературе 1990–2000-х годов хронотоп города занимает ключевое место. Ижевск демонизируется, подчеркивается его угнетающая индустриальность, абсолютизируются его неэтничность, «антиудмуртскость». Поэты, художники мистифицируют городское пространство: им часто легче спрятаться, затаиться в вымышленном, мистиче-

ском мире, чем жить по «реалистичным» обычаям этого города, отвергающего этническую картину мира, попытки творческой самореализации.

Яркие примеры удмуртской поэтической урбанистики явлены в творчестве Михаила Федотова. Изначально город в восприятии лирического индивидуума окружен амбивалентными мотивами (1980-е). В девяностые положительный, романтический вектор ощущения города сходит на нет, уступает место решительному неприятию, желанию как можно скорее убежать, уехать, вырваться из лабиринта кирпично-панельных джунглей. Стоит заметить, что реальность поэзии vs Ижевск разошлась с реальностью жизни М. Федотова. Профессионально реализованный, востребованный литератор и редактор, получил квартиру, формально мог считаться ижевчанином, однако в художественном измерении регулярно проявлялась душевная, «ментальная» отягощенность новообретенным городским статусом, образом жизни. Ижевск не был и не становился своим, забирал близких, родных людей. Природа малой родины казалась поэту «подобьем выхода» (К. Кавафис), она ассоциировалась со счастливыми воспоминаниями детства, юности. В книге «Вось» («Боль») акцентирована противопоставленность города и деревни, эмоциональное наполнение урбанистических и природных текстов диаметрально противоположное. Ижевск в стихах М. Федотова часто изображается сквозь непогоду, над городом кружатся ветры, его заливают дождем, засыпает снегом, он погружен в слякоть, грязь. Таким образом нередко передаются эмоционально-смысловые доминанты авторской картины мира. Так, в стихотворении «Советской улычатĭ калге кезыт ыр тол» («По улице Советской блуждает холодный ветер») [Федотов, 1991. С. 31] ветер, вьюга, дождь, обрушившиеся на Ижевск, содержательно связаны с самоощущением и самопредставлением «Я», высвечивают минорность, драматичность поэтического мировосприятия Федотова, подчеркивается некая оторванность субъекта от земли, обыденно-нормальной человеческой жизни. Атмосферные образы-состояния природы символизируют душу, сердце, их неземную боль. Концептуальным мотивом урбанистических стихов М. Федотова можно считать мотив исхода, бегства из города. Эта сентенция зафиксирована в названии одного из разделов книги – «Мон городысь кошко уйшор уин» («Я из города уйду в полночь»). В одноименном центральном тексте [Федотов, 1991. С. 66] лирический герой объявляет о том, что однажды он покинет

город, вернется на скошенные луга, подчинится зову удмуртской крови. Жизнь в городской среде видится ненастоящей, унижительной, сотканной из обманчивых огней-миражей, лишенной подлинной свободы и полноты человеческого счастья. В стихотворении «Усиз ке, усёз ни лымы...» («Если выпал уже, будет снова падать снег...») [Федотов, 1991. С. 79] «Я» настолько стремится разорвать паутину ижевского бытия, быта, что готов к прыжку с высокого этажа, лишь бы приостановить собственные урбанистические страдания. Усугубляет этот порыв падающий снег. Выпав в снег, соединившись с природой, покинув город, герой надеется разойтись со смертью, обрести постоянное состояние творческого полета. Город и снег взаимодействуют с лирическим субъектом в тексте «Лымыен шобырске съёд асфальт» («Снегом покрывается черный асфальт») [Федотов, 1991. С. 78]. Город на мгновение становится чистым, ясным, он перестает казаться герою адом, очищается от индустриального пепла. В сиюминутной очарованности белым пейзажем растворяются тяжелые ожидания и болезненные воспоминания. «Я» начинает ощущать свою инаковость, целостность, «белизну» своего внутреннего мира. Затерянный в снегах Ижевск не имеет границ темпоральности – есть только Здесь и Сейчас. Город для воспринимающего сознания освобождается от культурной и индивидуальной информации, обычно предопределяющих качество, степень взаимоотношений человека и хронотопа. Несколько контрастирует с содержательным «целым» текста последняя строка. Снежное преобразование, временная чистота, отсутствие привычного темпорального давления в целом не меняют зловещую сущность города. Над ним ветрами разносится кровь народа. В этом трагическом обертоне, по-видимому, слышится эхо ранних смертей коллег и друзей М. Федотова, известных удмуртских писателей.

Город в книге «Вось» является сквозным автобиографическим концептом. Поэт в конструировании своих городских сюжетов обращается к собственному опыту урбанистических переживаний, который является и опытом коллективным, «поколенческим». Характерологические черты Ижевска у М. Федотова достаточно устойчивы – ночь, дождь, снег, грязь, холод, неизвестность, усталость, обиды, предчувствие смерти. Они говорят сами за себя, концептуализируют реалии и мифы бытия и быта удмуртского интеллигента на рубеже эпох. На этом образно-мотивном языке об Ижевске будут писать В. Шибанов, С. Матвеев, П. Захаров, В. Ар-Серги. В сборнике «Вось» немало

городских текстов, в которых «Я»-персонаж не является доминирующим, единственным субъектом сюжета. Колоритным урбанистическим локусом, согласно М. Федотову, является базар, своеобразный «бермудский треугольник», без разбора поглощающий людей. И вновь перед читателем предстают картины из ижевской реальности конца 1980-х – начала 1990-х. Акцентуация базарного топоса в стихотворении «Калык визыл базар пала ваське» («Поток народа спускается к базару») [Федотов, 1991. С. 65], его важность, популярность среди ижевчан, пусть отдаленно, наводят на мысль об их восточно-азиатском укладе жизни, ориентальном сознании, векторе поведения. «Я» в данном случае грамматически не активировано, лирическим действием в широком смысле управляют городские образы. Авторское сознание, отвлеченное от персоналистического мышления, переключается на лица, характеры посторонних людей. Пример – стихотворение «Трамвайын» («В трамвае») [Федотов, 1991. С. 77]: в трамвае едет старик с балалайкой, вокруг этого персонажа выстраивается лирическая концепция произведения. Чудаковатый дедушка, погруженный в себя, в прожитые годы, вызывает недоумение, непонимание у горожан-пассажиров. В очередной раз подчеркивается, пусть и на периферии стихотворного дискурса, что Ижевск не расположен к человеку с добрым, светлым началом. Одно из наиболее сильных, знаковых произведений сборника «Вось» стихотворение «Пушкин урам тырмемын калыкен» («Пушкинская улица наполнена народом») [Федотов, 1991. С. 67] также коррелирует с темой города. В урбанистическом зеркале отражается закат советской эпохи – пустые полки магазинов, красные знамена демонстраций, толпы людей, из последних сил и надежд выходящих на улицы и площади. М. Федотов документально, убедительно запечатлевает переживаемое время, не боится продемонстрировать свою антисоветскую позицию. Плач страны «перевешивает» уличный гам, лишает поэта надежды на долгожданную тишину и покой.

В аспекте исследования удмуртской поэтической урбанистики нельзя оставить без внимания творчество Виктора Шибанова. Его книга «Öс» («Дверь», 2003) – пожалуй, одно из наиболее интересных, художественно симптоматичных явлений в удмуртской литературе рубежа столетий. Тексты, включенные в сборник, датированы 1991–1995 годами: поэт возвращается к девяностым, их энергетике, визуальности. Образ Ижевска в этой книге является сквозным – он оживает, становится активным действующим лицом, наблюдающим, а еще чаще –

вмешивающимся в жизнь авторского субъекта. Человек чувствует и поэтически описывает, как город покушается на его внутреннее спокойствие, забирает и обесценивает время, лишает мотивации, манипулирует поведением. Восприятие Ижевска в стихах Виктора Шибанова имеет существенное автобиографическое начало. Обращаясь к текстам, невозможно оставить без внимания модель экзистенции самого поэта в первой половине 1990-х: дом-общежитие, серо-унылые улицы, ведущие в alma mater, вросшие в грунт и грязь хрущевки, автобусно-троллейбусные встречи с ментально чуждыми людьми. Столица Удмуртии в сборнике «Ос» представлена как вполне реалистичными пейзажно-панорамными деталями, так и серией метафор, мифологем. В одном из открывающих книгу текстов Ижевск огромной серой стеной изолирует, замуровывает героя, не оставляя шансов выбраться из бетонной паутины [Шибанов, 2003. С. 4]. Его любовные отношения запутаны, сложны, любовь как будто страшится городской действительности, прячется в сновидениях, обрастает вымыслами в полусонных мечтаниях мужского «Я». В дне сегодняшнем, в осязаемом мире, представленном в стихотворении «Ульчаосын сино ни черодъёс...» («На улице все меньше очередей...») [Шибанов, 2003. С. 5], – непонимание, обиды, сломанные судьбы и жутковатое устройство города, подавляющее, вовлекающее в зависимость, подчиняющее своим ритмам. «Рисунок» Ижевска снова выдержан в мрачно-сумеречных тонах повседневности. Люди, живущие здесь, словно не видят настоящего света, они превращаются в серые тени – одноликие, грустные, потерянные. Одним из художественно-изобразительных штрихов ижевских хронотопов в творчестве В. Шибанова являются разрушенность, визуально фиксируемая ущербность, деформированность. В тексте «Фрейдъя» («По Фрейду») [Шибанов, 2003. С. 17–18] разбитое стекло киоска становится неким образным синонимом внутренней разбитости лирического субъекта, разделяющего с полночью злобу невзаимной любви. В городских условиях не теряет свою остроту мифологическая чувствительность/впечатлительность «Я», детерминированная подсознательной включенностью в удмуртскую традиционную культуру. Страшилки, рассказываемые во время святок (*вожодыр*), накладываются на мистическую природу Ижевска, «рифмуются» со зловещей сущностью города.

Примечательным с точки зрения художественной репрезентации жизни удмуртского поэта, филолога в Ижевске 1990-х представляется

цикл «Пож ву» («Грязная вода») [Шибанов, 2003. С. 21–24]. Восемь небольших текстов фрагментируют мысли, чувства героя. Его угнетают собственное материальное положение, нерешенность жилищного вопроса, осознание своей социальной беспомощности, бесперспективности. Впрочем, авторский субъект привычно воспринимает внешнюю городскую реальность, «бытовизмы» общежитского заключения, тотальное безденежье как некий сюрреалистический пейзаж/натюрморт/ситуацию, как объект для творческого описания. Так, визуальный образ густой, грязно-красной воды, стекающей по подоконнику и имеющей банально-естественное происхождение (тает мясо), вдруг оказывается важным «постмодернистским» знаком, побудительным сигналом к действию («Одно ик гоштыны кутско роман» – «Непременно писать начну роман»). Творческо-поэтическое самосознание, умение уходить в измерения науки и искусства в случае с лирическим «Я» выступает как экзистенциальный стержень, позволяющий несколько свысока смотреть на объективные обстоятельства эпохи, сопоставлять сценарий своей судьбы с судьбами великих людей, оказавшихся в сложной ситуации. Упоминание Иосифа Бродского, которому пришлось пережить суды, психбольницы, эмиграцию, неслучайно: драматическая значительность биографии русского поэта сталкивается с бытовым негодованием «Я», и тем самым, по-видимому, происходит некая психологическая разрядка, переключающая (правда, не сразу) авторское повествование на более жизнеутверждающую тональность. Колоритный образ города представлен в произведении «Мар-о луиз?» («Что случилось?») [Шибанов, 2003. С. 29–30]. Герой уже с утра ощущает на себе неприязнь урбанистической реальности – телефонные автоматы сломаны, когда срочно нужно позвонить, троллейбус срывается с места, не дожидаясь «Я»-пассажира. Кульминация стихотворного сюжета – диалог лирического субъекта с тридцатизэтажным Тенью-Туманом, который объявляет себя его защитником, покровителем, вдохновителем, подчеркивая особую взаимосвязь персонажа с городским хронотопом. Стихотворение не обходится без образно-оценочных характеристик Ижевска: город снова закрыт, «отрезан» дымом-сумерками, трубы заводов беспощадно отравляют небо, тусклые огоньки ижевских окон заменяют людям солнечный свет. Важное стихотворение в плане художественной логики изображения Ижевска В. Шибановым – «Уртьёс» («Души умерших») [Шибанов, 2003. С. 38–39]. Лирический субъект, возвращаясь в столи-

цу, сталкивается с ее иномиром, погруженным в «мистериальные» дым и туман, оттенки которых резонируют с полумраком сумерек, с предсонным настроением, мистифицируют жизнь города. Герой едет в пустом автобусе, за окнами мелькают огни нефтяных вышек, выкачивающих недра удмуртской земли. «Я» в сумеречной синеве ощущает присутствие на свободных сиденьях душ умерших, спешащих в Ижевск по своим делам. Подчеркивается, что они там востребованы. Ижевск поэтически сравнивается с водоворотом, который «проглатывает» жизненные силы, оставляя взамен пустоту и равнодушие. Автор полагает, что в этом городе процветает дьявольский род (*шайтан выжы*), а чувствительный человек обрекает себя на мучительное внутреннее замерзание, здесь его ждет вязкое одиночество. Неизменным сегментом образной манифестации Ижевска Виктора Шибанова являются заводские трубы. Примечательно, что Ижевск в поэтическом творчестве В. Шибанова как первичный образ обозначился в начале 1990-х. В эти годы поэзия была его главным интересом (позже на первый план выходит литературоведение, теоретизация этнофутуризма), а жизнь в общегититии, думается, обостряла восприятие ижевских реалий, делала поэта ближе к городу. Кроме того, урбанистический код усилил свое влияние в национальной литературе и в связи с постсоветскими поисками новых художественных центров, новых изобразительных доминант, героев и антигероев времени.

Казалось бы, что Ижевск непременно должен заявить о себе в поэтических мирах Петра Захарова – художника, сформировавшегося в 1980–1990-е, когда урбанистические образы и переживания интенсифицировали развитие национальной литературы и несли в себе значительную биографическую достоверность. Однако в стихотворных сборниках упомянутого поэта столица Удмуртии остается где-то в стороне, на границе видимости и слепоты, между авторскими воспоминаниями и читательской визуализацией сюжета. Редкие художественные «обрывки» города приходится собирать по крупичкам, хотя урбанистический контекст жизни лирического субъекта явственно ощутим. Обратимся к отдельным мотивам и сюжетам поэзии П. Захарова, в которых отражение города улавливается читающим глазом. Несколько урбанистических пассажей, которые в нашей статье нельзя умолчать, имеют место в сборнике «Вож выж» («Зеленый мост»). Город возникает тогда, когда художественно актуализируется социопсихологическая проблематика (жизнь удмурта в постсоветской городской среде).

В пятом стихотворении цикла «Пу-пу» [Захаров, 2001. С. 56] Ижевск объявляется городом пустоты, обмана, над ним кружатся, кричат вороны. В тексте в качестве характерологического компонента привлекается звуковой код (р/ш = агрессия, злость). «Мы» (*асьмеос*), местоимение любви, уже изначально вводится в контекст нереализуемой совместности, безысходности, «обманности». Ижевск фигурирует в четвертом тексте еще одного раздела «Сайканъёс» («Пробуждения») [Захаров, 2001. С. 69] и в целом передает гамму лирических ощущений, общих для удмуртских поэтов 1990-х. Субъект чувствует себя здесь чужим, потерянным, подавленным своей беспризорностью, беспомощностью, ему холодно. Ижевская панорама вновь состоит из дыма, человек на улицах города становится похожим на бездомного пса. Еще один важный текст Петра Захарова, не рассматриваемый ранее и спорный с этической точки зрения, – «Кочышпиез но мон ой быгаты...» («И котенка я не смог...») [Захаров, 2010. С. 52–53] был опубликован в книге «Карас». Текст этот является одиннадцатым в цепочке стихов, составляющих цикл «Удмурт тунолэн кырзанъёсыз» («Песни удмуртского туно»). П. Захаров, в отличие от большинства современных удмуртских поэтов, не имеет четко выраженных запретов, табу – в этом сила и слабость его творческой позиции. В центре сюжета – больница, где, согласно авторскому наблюдению, ежедневно делают десятки аборт. Дети подглядывают за ужасами этих операций, слышат женские крики, плач. Все это преподносится на фоне циничного, равнодушного города, «разрешающего» убивать. Как известно, в любом тексте «есть свои апории и парадоксы, опоры для смягчения» [Херльт, 2012. С. 19]. Петр Захаров в данном случае, по-видимому, бросает вызов интеллектуальным играм этнофутуризма, якобы оторванного от ижевской, удмуртской реальности, выражает свое резко негативное отношение к советской системе, «зацикленной» на стереотипах, не принимающей детей без отцов, матерей-одиночек. На границах текста менее всего эпатажа, в стихотворении, думается, обостряется сущностное несогласие поэта с *modus'ом vivendi* социалистического общества, проявляется раздражение по поводу эстетических стратегий отдельных «утонченных» этнофутуристов.

В заключение, резюмируя рассмотренные и нерассмотренные поэтические сюжеты, творческие сентенции, реакции, необходимо заметить: Ижевск – относительно молодой город, чуть старше удмуртской литературы, и он достаточно поздно, однако стремитель-

но, попадает в орбиту ее художественных интересов, конфликтов, со временем превращаясь в один из ключевых образных символов. С уверенностью можно заключить, что в удмуртской литературе, поэзии 1990–2000-х начинает складываться самостоятельный жанр «городского текста», «обладающий устойчивой топикой, характерным синтаксисом, определенным набором оценочных суждений и стабильной семантикой» [Lachman, 2004. С. 401]. Ижевск не отличается большой концентрацией архитектурных памятников, наличием культовых исторических мест, выдающихся эстетических артефактов. Его литературно-художественные отражения не несут в себе глубинно кодифицированных культурных посылов, они в первую очередь являются экстраполяцией творческого воображения современных удмуртских поэтов, сочетая в себе мифологический и реалистический подтексты. Психологические пласты значительно преобладают над культурно-историческими. В целом Ижевск в ощущениях удмуртских писателей – город-завод, город-тюрьма, город-общежитие, здесь не хватает воздуха, природы, солнца, спокойствия, человеческого тепла, понимания. Это город обманов, миражей, иллюзий, разочарований, внутренних распадов, пустот, предотвратить, заполнить которые, кажется, невозможно. По всей вероятности, художественная рецепция Ижевска постепенно будет меняться. Есть основание полагать, что рано или поздно сложится комплекс осторожных положительных творческих дискурсов, а столица Удмуртии перестанет быть синонимом одиночества и боли удмуртской гуманитарной интеллигенции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Арзамазов Алексей Андреевич

научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртия, Россия, 426004
эл. почта: arzami@rambler.ru
тел.: 89120130223

Рассмотрение образа Ижевска в современной удмуртской поэзии вписывается в исследовательские стратегии, посвященные городам российской провинции.

Литература

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.

Абашев В. В. Город Пермь: смысловые структуры и культурные практики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. 199 с.

Брио В. Поэзия и поэтика города Wilno – Vilnius. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 264 с.

Захаров П. М. Вож выж: стихи, поэмы, переводы. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2001. 272 с.

Захаров П. М. Карас: песни удмуртского шамана. Ижевск: Инвожо, 2010. 144 с.

Иванов В. В. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 165–179.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. 18. Тарту, 1984. С. 30–45.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избр. тр. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.

Топоров В. Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этнолингвистические контакты. М.: Наука, 1980. С. 3–71.

Федотов М. Вось: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144 с.

Херльт Й. В ожидании варваров: Бродский и границы эстетики // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: Сб. науч. трудов и материалов. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 18–33.

Шибанов В. Л. Ос. Ижевск: Инвожо, 2003. 56 с.

Lachmann R. Город-фантазм. Образы Петербурга и Рима в творчестве Гоголя // STUDIA RUSSICA XXI, Budapest: ELTE, 2004. О. 397–435.

Arzamazov, Aleksey

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4 Lomonosova St., 426004 Izhevsk, Udmurtia, Russia
e-mail: arzami@rambler.ru
tel.: 89120130223

УДК 821.511.152-21

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА КОМЕДИИ В МОРДОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ*

Ю. Г. Антонов

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

В статье выявляются фольклорные истоки мордовского комедийного искусства, подвергается анализу процесс становления жанра комедии, тесно связанный с происходящими в 1920-е годы изменениями во всех сферах жизни, прослеживается дальнейшее развитие комедийных жанров, их национально-художественное своеобразие. Определяется место комедии в современной мордовской литературе, выявляется ее жанровая специфика, природа конфликта, особенности характера комедийных персонажей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мордовская литература, драматургия, комедия, фольклор, народный театр, лирическая комедия, сатирическая комедия.

Yu. G. Antonov. THE ORIGINS AND EVOLUTION OF COMEDY IN MORDOVIAN DRAMA

The article describes the folklore origins of Mordovian comedy, analyzes the evolution of comedy in connection with the changes taking place in all spheres of life in the 1920s, and traces the development of comedic genres, their national and artistic specifics. The author describes the position of comedy in contemporary Mordovian literature, its genre peculiarities, the nature of conflict, and special features of comic characters.

K e y w o r d s: Mordovia literature, dramaturgy, comedy, folklore, folk theater, lyrical comedy, satirical comedy.

Зарождение и развитие комических жанров мордовской литературы своими корнями уходит в устное народное творчество. Становление национальной драматургии в целом и комедии в частности во многом определили традиции народного театра, бытование которого наблюдается в дохристианских обрядовых действиях и обрядовом фольклоре.

Мордовским дохристианским молениям свойственна театрализация, которая включает также карнавальные и смеховые элементы. Сочетание серьезного и смешного было

обусловлено самой жизнью, ибо «на ранних этапах, в условиях доклассового, догосударственного строя серьезный и смеховой аспекты божества, мира и человека были одинаково священными» [Бахтин, 1990. С. 11]. Появление смеха в более позднем его понимании в качестве элемента изобразительного ряда действия ведет к явному переосмыслению содержания ритуала. Он начинает терять свое практическое, магическое значение и переходит в область эстетическую, развлекательную.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-14-13005).

Эта тенденция впоследствии проявляется в обрядовом фольклоре. В дни «Роштувань кудо» («Рождественский дом»), одного из самых популярных календарно-обрядовых праздников, в котором ведущую роль играют ряженые и маски, действия «Роштува бабы», самой эффектной и значительной маски праздника, и ее «свиты», на первый взгляд имевшие развлекательный, шуточный характер, выполняли функцию оценки трудовой деятельности. В каждом доме с помощью ряженых разыгрывались эпизоды из жизни и взаимоотношений членов данной семьи. Маски изображали хозяев такими, какими их представляли односельчане. Несмотря на утрирование и шаржирование, допускаемые при воплощении характера, маски относились к показываемым персонажам с уважением, и поэтому члены семьи, подвергшиеся осмеянию, часто сатирическому, не были в обиде на «актеров».

В весенних обрядовых действиях кроме карнавального шествия устраивались привлекавшие большое количество зрителей самодеятельные представления. Они, как и русская устная народная драма, «построены на индивидуальных исполнителях-лицедеях. Имеют ярко выраженный бытовой реалистический, обычно комедийный характер» [Всеволодский-Гернгросс, 1959. С. 30]. Основная тема таких импровизированных представлений была связана с повседневной трудовой деятельностью крестьянина. Разыгрывались представления и с шуточным содержанием. В них центральное место занимал персонаж коня, который символизировал живительные истоки природы и надежды крестьянина на ее милость.

Наиболее популярным был сюжет, в котором изображались торги на рынке. Крестьянин покупал лошадь. Чтобы не ошибиться в животном, необходимо проверить его качества. Покупатель долго крутился около лошади. Он проверял ее копыта на крепость, заглядывал под живот, между ногами, под хвост. Только не догадался проверить самое главное для рабочей лошади – зубы. Купив лошадь, радостный крестьянин привоził ее домой. Здесь тут же обнаруживалась его ошибка. Лошадь не могла жевать. Она отказывалась и от сена, и от овса. Причина, как выяснялось, – стертые ее зубы. Ситуация становилась комической и вызывала добродушный смех зрителей в тот момент, когда горе-хозяин «угощал» лошадь блинами или поил киселем из ложки.

Анализ дохристианских действий и обрядового фольклора позволяет говорить, что народные комические традиции, формировавшиеся в течение продолжительного времени, в дальнейшем стали эстетической основой зарождающейся национальной драматургии.

В 1920–30-е годы мордовский литературный процесс складывался в условиях утверждения идеологии новой общественной системы. Главная линия дальнейшего развития мордовской литературы была связана с художественным отражением общественных преобразований, сопровождавшихся острым противоборством сторонников и противников новой власти в годы Гражданской войны и коллективизации сельского хозяйства. Молодая национальная литература осваивала многие жанровые формы поэзии, прозы и драматургии. Одной из самых активных была одноактная агитационная пьеса, положившая начало развитию различных жанровых форм национальной драматургии.

Агитационная драматургия активно осваивала комедийный жанр, имеющий целью сатирически обличать старые жизненные устои и всесторонне поддерживать идеологию нового строя. Такая комедия стремилась отразить новые социальные и политические реалии, рождение нового мира. Сюжет и конфликт комедий подчинены одной цели – показать преимущества нового, только зарождавшегося общественного строя. Такие произведения были первым опытом национальной драматургии в освоении комедийного жанра и послужили основой для развития комедии в дальнейшем.

В 1930-е годы комедия опирается в основном на бытовой материал, выносит на суд различные типы, имеющие общественную и социальную направленность, отвечающие актуальным требованиям времени. Например, бытовые взаимоотношения, столкновения внутри одной семьи становятся фоном, на котором освещаются жизненные противоречия, имеющие актуальное общественное значение.

Комедия «Ордакш» («Капризная») М. Безбородова поднимает проблему превращения коллективного труда в жизненную потребность. С помощью юмора и сатиры драматург затрагивает проблемы становления новых отношений в деревне, изменения взаимоотношений между людьми. Автор в комедии сосредоточивается на раскрытии ярких характеров, являющихся типичными представителями мордовской деревни периода коллективизации.

С комедией «Чопода вий» («Темная сила») выступила К. Петрова, создавшая ряд драм историко-революционного и семейно-бытового содержания. В основе конфликта социальные и религиозные противоречия в мордовской деревне рубежа 1920–1930-х годов. Борьба со старыми устоями и привычками вырисовывается в комедийном ключе. Такая трактовка

проблемы не является новой. Она имела место в агитационных сатирических комедиях, однако в пьесе К. Петровой комедийные характеры получают более полную разработку, конфликт имеет усложненную социальную структуру, направленную на выявление не столько религиозных предрассудков, сколько социальных противоречий, которые носили острый и принципиальный характер.

Социальные противоречия, являясь движущей силой конфликта, вспыхивают с новой силой. Драматург юмористически изображает борьбу духовенства с новой атеистической идеологией. Комичность ситуации заключается в том, что представители церкви, понимая потерю своего влияния в народной среде, пытаются различными нелепыми способами воздействовать на людей.

Несмотря на ряд недостатков, комедия К. Петровой «Темная сила» продолжила творческие поиски мордовской драматургии в этом жанре и явилась необходимым звеном в поисках героя, ставшего впоследствии выразителем прогрессивных жизненных изменений.

Черты характера в дальнейшем трансформирующегося в положительного комедийного персонажа мы наблюдаем и в комедии В. Коломасова «Прокопыч», созданной и поставленной на сцене театра в конце 1930-х годов. В ней средствами сатиры и юмора выдвигались для решения проблемы сознательного отношения к труду, новых взаимоотношений между людьми, между личностью и коллективом. Семидесятилетний Прокопыч, всю жизнь гнувший спину на эксплуататоров и познавший радость коллективного труда, оскорблен назначением его сторожем. Он просит более трудную работу задавальщика молотилки, объясняя председателю колхоза и бригадиру, что у него достаточно еще сил и энергии, чтобы принести больше пользы.

Автор обнаружил хорошие способности создавать комические ситуации. Все произведение окрашено национальным орнаментом, который характеризуется афористичностью, пословицами, поговорками, прибаутками; народностью позиции в осмеянии недостатков. Кроме того, звучат лирические и шуточные народные песни, встречающиеся в повседневном быту. Все вышеназванные фольклорные элементы, введенные драматургом в произведение, свидетельствуют о значении устного народного творчества, являются важным способом раскрытия идейного содержания пьесы. Они служат средством показа действительности, способом раскрытия поведения героев.

Тяга к комедийному жанру не ослабевает у В. Коломасова и в годы Великой Отечественной войны. Свидетельством этого является комедия «Норов ава» («Мать урожая»). В пьесе драматург обращается к теме подвига тружеников тыла. Его интересуют глубинные процессы, совершающиеся в душах людей в суровые военные годы. В. Коломасов средствами драматургии стремится отобразить тяжелый героический труд жителей села. Пафос комедии сводится к легкому, развлекательному юмору. Как отмечает В. И. Демин, исследователь комических жанров мордовской литературы, в пьесе «комический эффект создается за счет неожиданных противопоставлений героев, игры слов и веселой путаницы» [Демин, 1998. С. 83]. В пьесе много смешных ситуаций, которые решаются в комическом ключе. С юмором драматург вырисовывает и сцены, раскрывающие личные отношения персонажей.

Соединение в пьесе легкого комизма и трагического времени придает ей особую пронзительность и душевность. Автор стремится подчеркнуть то, что и в тяжелые времена человеку не чужд смех, сила которого способна на многое. Пьеса имела успех и была поставлена на сцене.

Обращение к жанру комедии в послевоенной мордовской драматургии продиктовано рядом причин, среди которых – поиск наиболее приемлемых способов отображения противоречивой действительности, с одной стороны, а с другой – расширение жанровой палитры национальной драматургии и поиски новых художественных форм в решении актуальных проблем, стоящих перед ней. Комедийный жанр позволял драматургам выявлять противоречия современности и обходить существующие идеологические установки. Через легкий юмор и незлобивый смех авторы обращали внимание на существующие проблемы, пытались вынести их на всеобщее обсуждение. Казалось бы, такой легкий жанр драматургии, как комедия, должен был иметь большой успех, но и здесь существовал ряд объективных причин, тормозивших развитие данного жанра. Одной из главных стала поверхностность в решении комедийного конфликта и некий схематизм в его построении.

Пьесы И. Антонова «Паро ки» («В добрый путь») и А. Щеглова «Палакс латко» («Крапивный овраг») комедийными средствами пытаются анализировать колхозную действительность, выявлять негативные стороны общественных и личных отношений. В обеих пьесах конфликт традиционен – столкновение новых методов руководства хозяйством со старыми, отжившими.

Драматурги стремились осваивать и другие актуальные проблемы действительности, но это были единичные случаи. Например, С. Платонов в пьесе «Гараевень честезэ» («Честь Гараева») ставит проблему потребительского отношения к жизни. С насмешкой показывает неправильные отношения в семье, когда родители вместо воспитания таких положительных качеств, как уважение к труду, порядочность, честность, ищут легкие пути беззаботной жизни для своих детей.

Стремясь к созданию произведений, соответствующих требованиям современности, мордовские драматурги продолжают вести свои поиски в различных направлениях комедийного жанра. Все отчетливее становится необходимость более глубокого, вдумчивого осмысления противоречий и конфликтов быстро идущей жизни. Она требует от писателей серьезного размышления над тем, что же происходит вокруг, что подлежит гневному осмеянию, а над чем можно только пошутить и что можно поддерживать. «Что бы ни говорили, – пишет Н. Федь, – комическая пьеса призвана нести в себе важные приметы времени, подлинность человеческого духа. Со временем она меняется и обновляется, как меняется и обновляется сама жизнь; она показывает, как вследствие этих изменений находят свое воплощение в действительности идеалы писателя, с высоты которых он осмеивает недостатки. Поэтому комедия призвана быть не только веселой и занимательной, легкой и изящной, но и выражать в специфической форме богатство идейно-эстетического идеала времени» [Федь, 1989. С. 151]. В мордовской драматургии появляются комедии, в которых выводятся на суд читателя и зрителя различные негативные явления действительности.

С точки зрения постановки этических проблем весьма интересна и своеобразна бытовая комедия «Пряурма» («Доука») И. Девина и И. Кишнякова. В соответствии с требованием жанра авторы используют преимущественно смеховые краски. Для них характерно подмечать смешное во всем. С помощью юмора и легкой иронии драматурги раскрывают в персонажах потаенные стороны души и характера, различные проявления человеческой природы.

Мордовские драматурги активно разрабатывают жанр так называемой «серьезной» комедии. К таковым следует отнести пьесу «Эсетэ эйстэ а туеват» («От себя не уйдешь») К. Абрамова. Сочетая в себе элементы лирической и сатирической комедии, она явилась результатом искреннего желания автора внести свой вклад в решение сложных проблем действительности. Драматург использует различные оттенки смеха, от доброжелательного

до беспощадного. Употребляет приемы сценической карикатуры и комического заострения не только драматических коллизий, но и характеров действующих лиц, при этом не забывает о многокрасочной душе героя. В комедии «От себя не уйдешь» К. Абрамов сделал серьезные сдвиги в сторону аналитической мысли и философского осмысления действительности. Ситуативный смех уступает место внутреннему комизму.

Психологизм в произведении становится все более проникновенным, направленным на выявление всех граней душевных переживаний персонажей. Сам же конфликт решается в сатирико-юмористическом направлении. Драматург умело раскрывает комедийность характеров, ситуаций. Реалистическую конкретность изображения недостатков он органически сочетает с высоким пафосом и светлыми тонами всего произведения, обличительную сатиру – с мягким юмором.

Вторая половина 1980-х годов, когда в общественно-политической и культурной жизни стали происходить коренные изменения, требовала новых подходов к художественному отображению действительности. «Устремленность современной художественной мысли к углубленному анализу процесса формирования личности, постижению нового в духовной жизни человека определяет проблематику и систему характеров, типологию конфликтов и разнообразные направления жанрово-тематических исканий драматургии» [Антонов, 2010. С. 281]. Комедия играет заметную роль в жанровом составе драматургии. Теперь на первые позиции выходит комедия сатирическая, потому что, «оперативно реагируя на специфику времени, сатирическая комедия, как правило, “живописала несообразность жизни” (В. Г. Белинский) в период социальных катаклизмов, переломных моментов, когда обострялись противоречия, сталкивались силы прогресса и реакции, нового и старого» [Гончарова-Грабовская, 2008. С. 82–83]. В жанре сатирической комедии успешно работает К. Абрамов. Его пьесы «Кавалонь пизэ» («Гнездо коршунов») и «Багировонь самозо» («Возвращение Багирова») во второй половине 1980-х и на рубеже 1990-х годов явились показателем интереса к жанру сатирической комедии в мордовской драматургии. В своих комедиях, отображающих реалии жизни общества на рубеже коренных переломов, драматург, продолжая традиции отечественной драматургии, объектом осмеяния выбирает традиционно устойчивые комедийные персонажи: карьеристов, приспособленцев, номенклатурщиков, авантюристов. Только они ставятся в новые условия.

Характер персонажей раскрывается не только в столкновениях между собой, но и в столкновениях с теми жизненными обстоятельствами, в которых они оказались и которые наиболее ярко высвечивают их негативные качества. Драматург намеренно ставит своих персонажей в трудные ситуации, способствующие раскрытию черт, которые те тщательно скрывали от окружающих. Конфликт заключается в их столкновении с реальностью, которая меняется с калейдоскопической быстротой и очень трудно к ней приспособиться. К. Абрамов в своих пьесах стремится выявить те негативные явления, которые мешают прогрессу.

В жанре комедии пробует свои силы А. Пудин, чье драматургическое творчество отличается жанровой и тематической широтой. За последнее время автор создал несколько пьес этого жанра, среди которых можно выделить комедию абсурда «Назад – к победам».

Пьеса построена на таком художественном приеме, как неузнавание. Заболевшего руководителя идущей ко дну агрофирмы Ампира Лопаткина заменяет его брат-близнец Помпей, московский ученый и по совместительству дворник. С этого момента в агрофирме начинаются чудесные метаморфозы. Все персонажи так увлечены «новшествами», что даже никто и не подумал, в чем причина происходящего. Дело в том, что каждый из героев ищет лишь личную выгоду. Драматург хорошо пользуется приемами комедийного жанра, и пьеса весьма актуальна.

Мордовская комедия, развиваясь в общем русле литературного процесса, претерпела в основном те же трудности и изменения, что

и другие жанры драматургии. Движение от развлекательных и «малых» жанровых форм комедии к широким полотнам остросоциального звучания с достаточно убедительным художественно-эстетическим оформлением, новыми жанрово-стилевыми открытиями, связанными с обостренным вниманием к философскому осмыслению действительности, усилением психологического и лирико-драматического начала пьес, позволяет говорить о мордовском комедийном искусстве как о вполне состоявшемся. Сегодняшняя жизнь открывает новые перспективы для дальнейшего развития жанра. Это тем более необходимо, что за комедией остается несомненное преимущество – изобличать зло, средствами смеха утверждать высокие нормы правды и добра.

Литература

Антонов Ю. Г. Жанрово-тематические особенности мордовской драмы 1960–1970-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Тамбов, 2010. Вып. 3 (83). С. 281–286.

Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русская устная народная драма. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 135 с.

Гончарова-Грабовская С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.

Демин В. И. Многоцветие смеха. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 144 с.

Федь Н. М. Жанры в меняющемся мире. М.: Мысль, 1989. 542 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Антонов Юрий Григорьевич

зав. кафедрой финно-угорских литератур, д. фил. н.
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
ул. Большевикская, д. 68, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия, 430005,
эл. почта: antonov-ug69@yandex.ru
тел.: 89061639520

Antonov, Yury

State University of Mordovia
68 Bolshevistskaya Str., 430005 Saransk,
Republic of Mordovia, Russia
e-mail: antonov-ug69@yandex.ru
tel.: 89061639520

УДК 94(47).084.8

«КАРЕЛЬСКИЕ КОСМОПОЛИТЫ»: ФИНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В 1946–1953 ГОДАХ*

И. А. Никитина, И. Р. Такала

Петрозаводский государственный университет

На основании материалов Национального архива РК на примере Финского драматического театра рассматривается ход общесоюзной борьбы с космополитизмом и ее последствия для творческой интеллигенции советской Карелии. Выявляется республиканская специфика кампании и анализируется восприятие политических мероприятий деятелями культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: борьба с космополитизмом, Карелия, Финский драматический театр, финский язык, национальная интеллигенция, сталинизм, культурная политика.

I. A. Nikitina, I. R. Takala. "KARELIAN COSMOPOLITANS": FINNISH DRAMA THEATRE IN 1946–1953

Relying on documents from the National Archives of the Republic of Karelia, we consider the process of the all-Union anti-cosmopolitan campaign and its consequences for the artistic intelligentsia of Soviet Karelia through the example of the Finnish Drama Theatre. Regionally-specific features of the campaign are revealed, and the perception of political actions by people of culture is analyzed.

К e y w o r d s: anti-cosmopolitan campaign, Karelia, Finnish Drama Theatre, Finnish language, national intelligentsia, Stalinism, cultural policy.

«Враги трудящихся нередко пытаются оспаривать патриотизм сторонников коммунизма и социализма при помощи ссылки на их позицию международной солидарности трудящихся. Эта позиция изображается нашими противниками как космополитизм – безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству. Это уже явная клевета. Коммунизм ничего общего с космополитизмом не имеет. Борясь под знаменем международной солидарности трудящихся, коммунистическое движение каждой страны, как передовое движение трудящихся масс, крепко стоит на отечественной почве.

Коммунизм не противопоставляет, а сочетает подлинный патриотизм и пролетарский интернационализм».

О. В. Куусинен, 1945 г.¹

В современной западной и отечественной историографии сталинская эпоха является одним из самых изучаемых периодов истории

---

¹ Статья О. В. Куусинена «О патриотизме» была опубликована в журнале «Новое время» под псевдонимом Н. Балтийский [Балтийский, 1945. С. 5]. Это было одно из первых разоблачений космополитизма в советской послевоенной риторике.

* Статья подготовлена в рамках проекта FENNICA Программы стратегического развития ПетрГУ.

СССР. Впечатляет разнообразие школ, методик, подходов и рассматриваемых аспектов. Вместе с тем приходится констатировать, что культурная политика послевоенного сталинизма, особенно на местах, изучена еще недостаточно, хотя, как отмечал один из исследователей этого вопроса Е. Добренко, именно послевоенное десятилетие стало «эпохой торжества беспрецедентной в русской истории ксенофобии» [Добренко, 2010].

Для советского общества это был апогей политизированной атаки на представителей интеллигенции различных творческих и научных профессий, обрушившейся на них рядом партийных постановлений, раздуванием громких дел и получившей название кампании «по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом». В условиях быстро меняющейся международной обстановки решение проблемы о месте СССР и стран Восточного блока в послевоенном мире требовало и внутривнутриполитических перемен, прежде всего изменения настроений и приоритетов в обществе. На фоне разворачивающегося мирового идеологического противостояния – холодной войны – и нарастающей политики изоляционизма СССР в стране снова начинаются поиски «внутренних врагов», теперь уже под лозунгами укрепления патриотизма и ценностей новой государственно-политической общности – советского народа. Целью кампании, проводившейся под руководством Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), было усиление идеологического контроля в обществе, которое для успешного противостояния империалистическому окружению должно было избавиться от возникших после войны, особенно в интеллигентской среде, прозападных симпатий. При этом власть, превратив интеллигенцию в козла отпущения, привычно и активно использовала ее же интеллектуальный потенциал для насаждения в обществе ксенофобии и ненависти к инакомыслию. Руководством к действию по очищению культуры от «тлетворного влияния Запада» стали Постановления ЦК ВКП(б) 1946–1948 годов («О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме «Большая жизнь» и «Об опере «Великая дружба»»), а также редакционная статья в «Правде» 1949 года «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», придавшая кампании уже откровенно антисемитскую направленность. И хотя «перегибы» в этой политике были отчасти осуждены уже в начале 1949 г. [Вдовин, 2007. С. 180], свернута она была только после смерти И. В. Сталина.

Проблемы взаимоотношений власти и творческой интеллигенции Москвы и Ленинграда во время идеологической кампании 1946–1953 гг. постоянно привлекают внимание исследователей, и многие из них подчеркивают прежде всего ее антисемитский характер [Фатеев, 1999; Вдовин, 2007; Добренко, 2010; Костырченко, 2010; Дмитриевский, 2013]. Нам представляется, что для полной картины происходившего в стране явно недостает материалов с мест [из немногих исключений – Гижов, 2004; Генина, 2009], которые помогли бы ответить на следующие вопросы. Что происходило в культурной политике послевоенной советской провинции? Была ли у борьбы с космополитизмом местная, региональная специфика? Как эта кампания проводилась в национальных, особенно приграничных, регионах?

Развитию культуры Карелии в послевоенный период посвящены лишь несколько работ [Вавулинская, 2005; Адамович, 2005], которые пока видятся только первым шагом к глубокому осмыслению темы. В исследованиях общего характера [Нуuttiä, 1999; История..., 2001] особенности культурной и национальной политики в Карело-Финской ССР также, на наш взгляд, проанализированы недостаточно.

В данной статье на примере Финского драматического театра¹ нам хотелось бы рассмотреть ход и местные особенности борьбы с космополитизмом в Карелии, что, с одной стороны, может расширить наши представления об эпохе позднего сталинизма, а с другой, должно помочь в дальнейшем осмыслении послевоенной специфики национальной и культурной политики в республике, имевшей тогда статус союзной.

Карело-Финская ССР, образованная после окончания Зимней войны по политическим соображениям, представляла собой феномен, заслуживающий отдельного внимания. Ее создание в марте 1940 г. из Карельской АССР, а затем изменение ее границ в 1944 г. после подписания мирного договора с Финляндией проводились с известными нарушениями как Конституций СССР, РСФСР, так и Конституции самой КФСР [Пашков, 1995]. Несмотря на название, доля национального населения республики (финны, карелы, вепсы) была очень небольшой: в 1953 г. она составляла 21,5 % от всего населения [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6226, л. 8]. Как отмечалось в документах Карельского обкома в 1959 году, этот показатель был самым низким по сравнению с любой другой нацио-

¹ Официальное наименование – Государственный Финский драматический театр, с октября 1932 по 1950 г.; с 1950 по 1956 г. – Государственный Карело-Финский драматический театр.

нальной республикой [НАРК, ф. П-3, оп. 12, д. 95, л. 6]. Тем не менее по Конституции КФССР финский язык оставался вторым официальным языком, наряду с русским, в национальных районах продолжали функционировать т. н. карело-финские школы, шла подготовка финноязычных кадров в высшей школе, издавались газеты, велись радиопередачи. Впрочем, национальная политика в области финского языка и культуры на протяжении рассматриваемого периода оставалась крайне противоречивой, а среди населения, даже национального, финский язык был непопулярен [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6226, д. 3739 и др.]. Это обуславливалось не только сильными различиями между используемыми в быту карельскими диалектами и литературным финским языком, но и последствиями войны и оккупации Карелии – для большинства населения послевоенной республики финский язык ассоциировался с языком врага [Такала, 2010. С. 26].

Неудивительно, что объектом идеологической кампании 1946–1953 гг. в Карело-Финской ССР стали прежде всего национальные творческие коллективы, работавшие на финском языке, а борьба с космополитизмом приобрела здесь не столько антисемитский, сколько антифинский характер. Финский драматический театр республики оказался одной из главных жертв этой кампании.

Финский драматический театр был создан в Петрозаводске в 1932 г. из выпускников Карельского отделения ленинградской Художественной студии (Рагнар Нюстрем, Дарья Карпова, Матвей Любовин, Тойво Ланкинен, Суло Туорила, Ирья Ремшуева, Нелли Бекман, Аниса Гардинина, Эмма Хиппелайнен, Санни Ларионова и др.) и труппы актеров-любителей, эмигрантов из США и Канады (Кууно Севандер, Калле Севандер, Ирья Вийтанен, Аларик Санделин, Олави Сиикки, Йоуко Роутту, Юрье Хумппи, Орво Бьорнинен и др.) [Никитин, 1967. С. 515; Sevander, 1993. Р. 71–90]. Театр сразу завоевал популярность у зрителя и начал быстро развиваться. Борьба с «финским буржуазным национализмом», развернувшаяся в республике с 1935 года, и Большой террор прервали это развитие: в 1937 г. театр был закрыт, репрессиям подверглась значительная часть труппы (режиссер Рагнар Нюстрем, актеры Яло Метсола, Юлиус Каллио, Тойво Ромппайнен, Суло Туорила, Кууно и Калле Севандеры, Ирья Вийтайнен, Олави Сиикки, Виено Левянен, Аларик Санделин и др.) [Sevander, 1993. Р. 104; Takala, 2011. Р. 155–156]. Необходимость в театре, работавшем на финском языке, вновь возникла в 1940 году, после образования КФССР, и его восстановили; труппу сформировали из прежних актеров, уцелевших в годы репрессий.

Во время войны коллектив продолжал работать в эвакуации, а после войны был переведен не в разоренный Петрозаводск, а в Олонец. Особенностью олонечского периода существования театра (1946–1949), помимо обычных послевоенных трудностей [см.: НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 1604], можно назвать культурную изоляцию, в которой он оказался, лишившись столичной площадки и широкого зрителя. Крайне негативно на работе труппы сказывалось и отсутствие возможности общения с творческой интеллигенцией Петрозаводска. Суло Туорила, режиссер театра, отмечал, что в этот период коллективу приходилось «вариться в собственном соку» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 39].

Пятилетний план развития карельского искусства (1946–1950 гг.) тем не менее предусматривал весьма амбициозные и трудновыполнимые в условиях восстановления послевоенного хозяйства цели: к концу пятилетки Финский драматический театр должен был переехать в Петрозаводск и стать музыкально-драматическим, со своим хором, балетом и солистами [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 6]. Не менее серьезными были и планы по повышению «идейно-содержательного и воспитательного качества спектаклей» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 10], которые театру пришлось реализовывать в атмосфере постоянного усиления идеологического диктата.

Как известно, советские руководители всегда подчеркивали огромную роль литературы и искусства в области пропаганды. По мнению Сталина, театр, наряду с кино, был мощнейшим идеологическим инструментом по степени воздействия на массы. «Нам надо создать такую форму художественного и идейного воздействия на человека, – говорил он в 1932 г. на встрече с писателями-коммунистами, – которая позволила бы охватить многие миллионы людей. Такой формой является пьеса, театр» [Максименков, 2003]. Неудивительно, что кампания по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом, инициированная сразу же после речи У. Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.) и интервью Сталина газете «Правда» (14 марта), начинается именно с Постановлений ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.) и «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.) [Из постановления..., 1953. С. 1028–1037]. В текстах этих постановлений был определен алгоритм, в соответствии с которым затем и выстраивалась кампания на всех уровнях партийной и советской власти: раскритиковать-напугать-направить. «Грубыми политическими ошибками» были объ-

явлены культивация несвойственного советским людям «духа низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада», публикация в журналах и постановка на сцене «низкопробных» произведений, излишнее внимание театров к пьесам западных авторов в ущерб советским. Перед литературой и искусством была поставлена задача по созданию ярких произведений о жизни советского общества, о советском человеке, способном преодолевать любые трудности и верить в победу дела социализма. Комитету по делам искусств при Совете министров СССР предписывалось совместно с Правлением Союза писателей организовать в 1946–1947 гг. Всесоюзный конкурс на лучшие современные советские пьесы [Постановление..., 1953. С. 1033, 1035, 1037]. Конкурс так и не был проведен, но на призыв откликнулись многие писатели – К. Симонов и Б. Лавренев, Н. Погодин и А. Арбузов, Б. Ромашов и А. Штейн, С. Михалков и Н. Вирта [Гудкова, 2009].

На местах кампания разворачивалась медленно. В Карелии она осуществлялась под контролем Управления по делам искусств при Совете Министров КФССР, которое возглавлял С. В. Колосенок. Августовские постановления готовились задолго до их опубликования и имели посылы снизу [Власть..., 2000; Государственный антисемитизм..., 2005; Сталин..., 2005]. Это подтверждают и карельские документы. В «Пятилетнем плане восстановления и развития искусств КФССР на 1946–1950 гг.», обсуждавшемся на собрании республиканского актива работников культуры в июне 1946 г., государственный заказ предвосхищался весьма близкой риторикой. Театры, в частности, должны были обновить репертуар, ориентируясь на показ спектаклей «высокого идейного и художественного уровня, отражающих исторические победы нашей родины над германским фашизмом и японским империализмом, героизм Красной Армии и тыла, мобилизацию советского народа на восстановление народного хозяйства и дальнейший расцвет социалистической родины». Особое внимание следовало уделить созданию постановок на карело-финские темы [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 10]. Финский драматический театр, поставивший в 1946 г. пьесы К. Симонова «Так и будет», Т. Паккала «На сплавной реке» и «Помолвку» А. Киви, вполне вписывался в означенную линию.

Началом же активной кампании борьбы с космополитизмом в Карелии можно считать 1947 год. 1 февраля республиканская финноязычная газета «Totuus» опубликовала статью А. Старогина о национальном театре, в которой автор «в свете решений ЦК ВКП(б) и доклада

тов. Жданова» подверг критике некоторые послевоенные постановки («Гроза» А. Островского, «Так и будет» К. Симонова) и работу новых художественных руководителей коллектива (С. А. Туорила и В. Э. Суни), «плохо знающих русский быт». При этом автор высказал мысль, что национальный театр в национальной республике должен находиться даже в лучшем, более привилегированном положении, чем обычный русский театр, ибо его миссия – «возглавлять драматическое искусство в союзных республиках». Сравнивая прозябавший в Олонце Финский драматический театр с театрами других союзных республик, критик пришел к выводу, что карельский коллектив таких высот пока не достиг [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 2612, л. 13–17]. Судя по реакции театра – труппа была возмущена публикацией, назвав в ответном письме в редакцию критику «клеветнической», искажающей действительность [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 2612, л. 8–11], – в республике многие еще не понимали всей серьезности происходящего. В апреле 1947 г. на совещании работников литературы и искусства в Петрозаводске театр снова был обвинен в неуместном пристрастии к русской и зарубежной классике: лишь две из шести идущих на его сцене пьес принадлежали перу советских драматургов [НАРК, ф. 2150, оп. 1, д. 76, л. 17].

Необходимость изменений в репертуарной политике сначала вызвала протесты со стороны режиссеров Русского и Финского драматических театров, не сразу согласившихся ставить некоторые из навязываемых Управлением по делам искусств пьес (например, Н. Вирты «Хлеб наш насущный» и «Заговор обреченных», А. Софронова «Московский характер», А. Сурова «Зеленая улица»). Требовалась определенная смелость, чтобы отвергать произведения, удостоенные Сталинских премий, но «нежелательные настроения среди режиссеров» вскоре были подавлены, и театры меняют репертуар [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 37]. Финскому драматическому театру было сложнее, чем Русскому, – перевод на финский язык новой отечественной драматургии требовал времени и сил. В 1947 г. на сцене Финского драматического театра были поставлены пьесы «За тех, кто в море» Б. Лавренева, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «За Камой-рекой» В. Тихонова и «День отдыха» В. Катаева (две последние – на русском языке) [Nikitin, 1989. S. 46].

Усиление «советизации» репертуара должно было достигаться и за счет включения в него пьес на местную тематику. Для союзных и автономных республик это означало и расширение тематики национальной. Карельскими властями

был объявлен конкурс на написание пьес из жизни карело-финского народа – «лесорубов, бумажников, других промышленников и патриотов своей республики» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 4]. Создание национальных пьес оказалось для местных драматургов очень сложной задачей: большинство произведений Управление по делам искусств забраковало из-за их малохудожественности, примитивного сюжета, неправдоподобности и оторванности от жизни. Писателям ставились в упрек плохое знание условий жизни людей в Карелии и местной специфики [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 25]. В результате в 1947–1953 годах на сцене Финского драматического театра была поставлена только одна пьеса на карельскую тематику – «Огни Марикоски» Яакко Ругоева (1947 г.), рассказывавшая о восстановлении послевоенной деревни [Tuorila, 1976. S. 71–72].

В 1948 г. Финский драматический театр продолжает ставить современные пьесы на темы великого будущего великой страны, в которых уже появляется и антиамериканская проблематика («Могучая сила» Б. Ромашова). При этом, сохраняя традиционную ориентацию на финскую классику, предлагает зрителю две другие премьеры: «Семеро братьев» А. Киви и «Молодого мельника» М. Лассила. Советская драматургия занимала уже 70 % репертуара, что полностью соответствовало требованиям Управления [см.: НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 5, л. 21], но теперь театр начинают критиковать за преобладание на сцене «низкопробных, малохудожественных, фальшивых пьес, искажающих образ советского человека» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 20]. Собственно, это и предсказывали сопротивлявшиеся новой репертуарной политике карельские режиссеры: шаблонность, примитивность сюжетов многих современных отечественных пьес вели к падению интереса и оттоку зрителей. Снижение популярности театрального искусства, не отвечавшего более ценностным и художественным запросам людей, стало в этот период общей тенденцией для страны [Дмитриевский, 2013. С. 298].

Сложной задачей для театров оказалось и требование сочетать в репертуаре патриотизм и интернационализм. «Интернационализм в искусстве, – говорил А. Жданов в 1948 г. на совещании деятелей советской музыки, – рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину – означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом» [Жданов, 1951. С. 72]. Эта своеобразная формула – интернациона-

лизм как высшее проявление патриотизма – многим была непонятна, но ею нужно было руководствоваться. Для творческой интеллигенции пограничной Карелии проблема заключалась и в том, что борьбу с «тлетворным влиянием Запада» необходимо было вести с учетом внешнеполитической риторики властей о дружбе с соседней Финляндией (Договор 1948 г.). Вписаться в эту «линию сочетания патриотизма с международным сотрудничеством», к чему призывал руководитель республики О. В. Куусинен [Балтийский, 1945. С. 6], было непросто.

Тема отношений с Финляндией всегда присутствовала на сцене Финского драматического театра, теперь она должна была высвечиваться сквозь призму национального и жизнеутверждающего «карело-финского» искусства. С созданием произведений о достижениях республики, как уже отмечалось, дело двигалось с трудом, критиковать соседнюю страну в новых условиях можно было лишь с большой долей осторожности, поэтому оставалось пропагандировать дух Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи СССР с Финляндией. В 1948 г. на сцене Финского театра был поставлен спектакль «Ветер с юга» по одноименной повести Эльмара Грина (Сталинская премия 1947 г.). Прозрение финского батрака Эйнари Питкяниеми, всю жизнь гнувшего спину перед хозяином, олицетворяло собой пробуждение всех угнетенных народов капиталистического Запада, вдохновленных примером народов СССР. В акте приемки этого спектакля отмечалось, что «Россия – друг финского народа, и только она поможет ему в осуществлении его чаяний и надежд на переустройство социальных отношений в послевоенной Финляндии» [НАРК, ф. 3065, оп. 1, д. 2/30, л. 10]. Постановка имела большой общественный резонанс, посмотреть спектакль в Олонец приезжал народный артист СССР Николай Черкасов, высоко оценивший эту работу театра. Переводчик и режиссер-постановщик пьесы Вальтер Суни, актеры Елизавета Томберг и Тойво Ланкинен были удостоены Сталинской премии третьей степени (1950 г.), Тойво Ромппайнен, исполнивший роль Эйнари Питкяниеми, получил звание народного артиста республики [Nikitin, 1989. S. 45]. Тема борьбы за мир и советско-финляндской дружбы раскрывалась и в пьесе Ульяса Викстрема «Новые друзья» (1950 г.).

Проблема поиска национальной пьесы еще острее встала перед театром на рубеже 1940–50-х годов, после возвращения в Петрозаводск, где условия для работы оказались даже хуже, чем в Олонце. Произведения финляндских писателей были важной составляющей репертуара с момента основания театра, однако такая постановочная

политика (в 1949 г. был поставлен «Куллерво» А. Киви, в 1951-м – «Воскресший из мертвых» М. Лассила) становилась все более опасной. Считается, что апогеем кампании по борьбе с космополитизмом стала передовица «Об одной антипатриотической группе театральные критиков», опубликованная в газете «Правда» 28 января 1949 г., после чего она пошла на спад, трансформировавшись в антисемитскую кампанию [Вдовин, 2007. С. 180]. В Карелии же борьба с «низкопоклонством и космополитизмом» в это время лишь начинала нарастать и достигла своей кульминации в 1952 г. По мере развития она все отчетливее обретала антифинскую окраску.

30–31 марта 1949 г. в Петрозаводске состоялось собрание работников литературы и искусства, на котором с докладом о «вредоносной деятельности антипатриотической группы космополитов» выступил секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР И. И. Цветков [Вытравить следы..., 1949. С. 86]. Проявления космополитизма были выявлены уже во многих творческих и научных организациях республики. Руководство Финского театра было раскритиковано за увлечение произведениями финских писателей, чье творчество «чуждо советскому зрителю по своему идейному содержанию» [История..., 2001. С. 747]. Интересно, что критиковался при этом спектакль «Нора», поставленный в 1944 году по пьесе «Кукольный дом» норвежского драматурга Генрика Ибсена.

В начале 1950-х нападки на театр в прессе и контроль со стороны партийных и советских органов все больше ужесточаются. Вместе с тем анализ текстов того времени (от постановлений ЦК до протоколов партийных собраний театра) производит странное впечатление. С одной стороны, в Карелии исправно выполнялись установки партии и правительства по критике космополитизма. С другой, вся риторика этих текстов была какой-то вялой, шаблонной, настойчивой в своих повторах, но не агрессивной, скорее формальной. Никаких особых оргвыводов по отношению к критикуемым не делалось, сами они тоже не спешили заняться саморазоблачением. В 1951 г. успешно прошли гастроли Финского театра в Москве, где столичному зрителю наряду с русской и советской классикой («Васса Железнова» М. Горького, «Беспокойная старость» Л. Рахманова) были показаны «Ветер с юга» Э. Грина, «Новые друзья» У. Викстрема, «Семеро братьев» А. Киви и «На сплавной реке» Т. Паккала. Каждый из спектаклей по произведениям финских авторов шел по четыре раза, что составило половину всех гастрольных показов [Nikitin, 1989. S. 47; Hyytiä, 1999. S. 157].

Однако гастроли стали тем поворотным моментом, который резко активизировал политику властей в отношении театра. В статье «Правды», подводившей итоги гастролей (22.08.1951), было раскритиковано отсутствие в программе постановок, рассказывающих о жизни самой Карелии. Статья имела симптоматичное название «Ближе к жизни своей республики», автор скрылся за псевдонимом Кирьянен. Карельские власти не могли на это не реагировать, к критике подключились газета «Totuus» [Hyytiä, 1999. S. 157] и журнал «На рубеже» [Херсонский, 1951].

В 1952 г. последовал уже целый ряд специальных постановлений высших партийных органов республики, которые носили вполне «погромный» характер. В феврале вопрос о репертуаре драматических театров рассматривался на бюро ЦК партии КФССР [Вавулинская, 2005. С. 153]. Секретарь ЦК И. М. Петров недвусмысленно предостерег творческих работников от повторного «сползания на позиции буржуазного национализма» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 67]. В апреле в передовице «Правды» «Преодолеть отставание драматургии» Карело-Финский театр Петрозаводска обвиняется в пристрастии к низкопробной финляндской литературе. В мае на совещании работников культуры Карелии зав. отделом литературы и искусства ЦК В. А. Новицкий громит постановку «Куллерво» [Hyytiä, 1999. S. 149]. Летом 1952 г. кампания вступает в фазу кадровых чисток: в июле ЦК КП(б) КФССР принимает по этому поводу специальное постановление [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 84]. Обвинения в адрес театра и финской классической драматургии высказывались порой самые нелепые, например, что такие пьесы, как «Куллерво», фактически «пропагандируют мистику самоубийства и идеи человеконенавистничества», а герои романа «Семеро братьев» были «родоначальниками шюцкоровского движения» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 17]. Однако смена риторики была налицо – в адрес финноязычной творческой интеллигенции вновь зазвучали упреки в «финском буржуазном национализме».

Этот поворот не остался незамеченным и вызвал смятение среди финнов республики – в нем они увидели аналогии с событиями 1930-х годов. Тем не менее некоторые еще пытались сопротивляться нарастающему давлению. Известные в республике писатели Антти Тимонен и Ульяс Викстрем подготовили письмо в редакцию газеты «Правда», назвав его «Против вульгаризации наследия прошлого» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 10–25]. В нем авторы указывали, что, создавая образы «Куллерво» и «Семе-

рых братьев», Алексис Киви был вдохновлен сюжетами карело-финского эпоса «Калевала», в которых герои выступали против рабства и угнетения, и в его пьесах воспеты труд, народ и светлые идеалы. Партийные органы республики, по их мнению, извратили содержание классической финской драматургии, вырвав отдельные куски произведений из контекста для превратного их анализа и толкования. Тимонен и Викстрем назвали это «левацким насаском» на народное творчество и высказали недоумение по поводу того, что классическую литературу какой-либо страны можно именовать «так называемой» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 17, 20]. Письмо обсуждалось на заседании бюро ЦК компартии республики в сентябре 1952 года. Авторы обвинили в некритическом отношении к культуре буржуазного государства и попытках сделать эту чужую культуру основой для развития национального карело-финского искусства [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 66–67; Вавулинская, 2005. С. 154]. В решении бюро, подготовленном О. В. Куусиненом, говорилось, что Тимонен и Викстрем «не вполне понимают ленинско-сталинское учение о социалистической культуре и поэтому сами скатываются на позиции буржуазного национализма» [Hyttiä, 1999. S. 149]. Писателям были вынесены строгие выговоры по партийной линии, Антти Тимонен смещен с поста председателя Союза писателей Карелии.

До судов чести [см.: Есаков, Левина, 2005] дело в республике не дошло, но практика самоосуждений и покаяний конца 1930-х годов на какое-то время возвращается. В ноябре 1952 г. на собрании парторганизации Финского драматического театра собственные репертуарные ошибки и «политическая близорукость» были осуждены, а февральские решения ЦК партии республики одобрены как «правильные и своевременные». Было принято решение охватить весь творческий состав системой политической учебы и серьезно подумать о воспитательной работе в труппе, «особенно среди членов коллектива, родившихся за границей» [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 9, л. 63]. По мере разворачивания кампании в труппе действительно нарастали антисоветские и эмиграционные настроения [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 3, л. 11]. Поводов для этого было достаточно: помимо обычных бытовых трудностей (актеры называли свой коллектив в те годы «цыганским табором» [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 7, л. 30]) финны все чаще сталкивались с прямой дискриминацией по национальному признаку, такой, например, как проблемы с пропиской во время командировок или гас-

ролей. Людям приходилось скрывать знание финского языка, который, по словам актрисы Дарьи Карповой, хоть и не был запрещен, но снова оказался «на положении репрессированного» [Крохина, 1992. С. 2].

Управление по делам искусств пристально следило за коллективом, почти на сто процентов состоявшим из финнов и карелов (в 1953 г. из 38 человек творческого персонала только двое были русскими [НАРК, ф. Р-2994, оп. 1, д. 5/29, л. 49]). На волне нараставшей антиамериканской кампании наличие в труппе эмигрантов из США вызывало еще большие подозрения. В марте 1951 года после спектакля «Новые друзья» прямо в театре был арестован Эйно Прюкя, приехавший в Карелию с родителями из США в 1931 году. Во время войны молодого актера, знавшего несколько языков (русский, финский, английский, шведский), использовали для выполнения разведывательных заданий в Финляндии, где он попал в плен. После заключения перемирия в 1944 г. Прюкя провел два года в фильтрационном лагере для военнопленных, затем вернулся в Финский театр. Коллеги-артисты вспоминали его как очень талантливого и яркого актера, сыгравшего несколько главных ролей. Эйно Прюкя был обвинен в шпионаже («переход на сторону врага») и погиб в Воркутлаге во время восстания заключенных 1953 года [НАРК, ф. Р-2150, оп. 4, д. 302, л. 1–4; Rislakki, 2013. S. 13–42]. Это была не только политическая, но и устрашающая акция, призванная запугать недовольных. Страх в коллективе действительно нарастал, и основной стратегией выживания большинства актеров, особенно старшего поколения, хорошо помнившего ужасы 1930-х годов, стало в то время не сопротивление, а демонстрация, хотя и весьма сдержанная, лояльности режиму.

Кульминацией кампании стал целый ряд мер руководства республики по изъятию из широкого обращения финской классической литературы, признанной враждебной и буржуазной: эти произведения исключили из программ всех учебных заведений, запретили упоминать в печати и радио [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 5867, л. 51; д. 6215, л. 85]. Репертуар Финского драматического театра был окончательно «очищен от идейно чуждых пьес финляндской драматургии» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 89], оборудование текущих спектаклей демонтировали [НАРК, ф. Р-2150, оп. 2, д. 269, л. 201]. Произведения финляндских писателей, которые, по словам Суло Туорила, теперь приходилось «прятать за пазухой и читать под одеялом» [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 12, л. 45], вернулись в театр лишь в 1956 г.

Одновременно претворялись в жизнь июльские решения ЦК по работе с кадрами. На руководящую работу в финских творческих коллективах выдвигаются «проверенные, выращенные в республике молодые национальные кадры, оправдавшие себя на практической работе» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 86]. Руководителем Финского театра был назначен Эско Кивиниemi, десять лет до этого проработавший в министерстве госбезопасности республики [Hyytiä, 1999. S. 158]. Правда, в кадровой политике 1952 г. были и некоторые позитивные моменты. Для подготовки актеров при Ленинградском государственном театральном институте была создана карело-финская драматическая студия, и к занятиям приступили 14 юношей и девушек из Карелии, в числе которых были Тойво Хайми, Паули Ринне, Вилльям Халл [Hyytiä, 1999. S. 158].

Постепенно кампания была тихо свернута, последним ее отголоском стала статья в газете «Totuus» от 26 мая 1953 г., вновь напомнившая читателям о «грубых политических ошибках» Тимонена и Викстрема. Никаких политических последствий статья не имела, однако страх в среде финноязычной интеллигенции сохранялся еще долго [Mašin, 2008. S. 55–58].

Таким образом, говоря о карельской специфике кампании по борьбе с космополитизмом, следует прежде всего отметить ее антифинскую направленность. Она проводилась в основном в отношении творческой гуманитарной финноязычной интеллигенции, занимавшейся проблемами литературы и фольклора Карелии. Кампания носила форму идеологической обработки, прямые репрессивные акты были редки, развивалась она медленно, с большим отставанием и была достаточно кратковременной. Сами термины «космополиты», «космополитизм» почти не встречаются в республиканских партийных документах, особенно низового уровня, зато активно использовались лексические шаблоны 1930-х годов. Слабо была выражена антиамериканская риторика, которую заменили на антифинскую. Многие из происшедшего в республике в эти годы весьма сходно с тем, что наблюдалось в других российских регионах [Гижов, 2004; Генина, 2009] – отставание кампании по времени, определенная поверхностность, формальность пропагандистских акций, незначительность кадровых чисток.

В современных отечественных исследованиях об идеологической кампании 1946–53 гг. пишут по-разному. Некоторые авторы разделяют ее на несколько частей (1946–1949 гг. – борьба с космополитизмом, 1949–1953 – политика антисемитизма), разнятся датировки пе-

риодов, объяснение их причин и целей. Нам представляется, что вполне правомерно говорить о единстве и целостности политики идеологического террора позднесталинского периода. Задачи и механизмы реализации этой политики, в какую бы сторону она ни была направлена – литература, искусство, наука, – были одинаковы и подчинены единой цели: производству нового человека, советского гражданина, обладающего истинными человеческими ценностями (патриотизм, самоотверженность, верность идеалам) и готового продолжать терпеть любые трудности ради светлого завтра. По окончании сталинской эпохи эта политика в области идеологии, культуры, науки никуда не исчезла и продолжала развиваться, обретая лишь более гуманные и гибкие формы.

Источники и литература

Адамович И. В. Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005. 258 с.

Балтийский Н. О патриотизме // Новое время. 1945. № 1. С. 3–10.

Вавулинская Л. И. Театр и цензура в Карелии в послевоенные годы // Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. Вып. 2. СПб., 2005. С. 150–157.

Вдовин А. «Низкопоклонники» и «космополиты» // Наш современник. 2007. № 1. С. 173–183.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 / Сост., вступ. ст., примеч. А. Н. Артизова, О. В. Наумова. М.: МФД, 2000. 524 с.

Вытравить следы влияния космополитизма // На рубеже. 1949. № 4. С. 84–90.

Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2009. URL: <http://www.disserscat.com/content/kampaniya-po-borbe-s-kosmopolitizmom-v-sibiri> (дата обращения: 4.02.2014).

Гижов В. А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 22 с.

Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Г. В. Костырченко. М.: МФД; Материк, 2005. 592 с.

Гудкова В. «Многих этим воздухом и просквозило...»: Антиамериканские мотивы в советской драматургии (1946–1954) // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/gu15.html> (дата обращения: 8.02.2014).

Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Советский театр 1917–1991. М.: Канон, 2013. 696 с.

Добренко Е. Сталинская культура: скромное обаяние антисемитизма // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/do4.html> (дата обращения: 10.01.2014).

Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: Дело КР. М.: Наука, 2005. 440 с.

Жданов А. А. За большевистскую идейность. Рига: Латгосиздат, 1951. 130 с.

Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. О журналах «Звезда» и «Ленинград» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1953. С. 1028–1031.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Костырченко Г. Сталин против «космополитов»: Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.

Крохина Е. Крона и корни: Национальному театру Карелии – 60 лет // Север. курьер. 1992. 22 окт.

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/4/maksim.html> (дата обращения: 8.02.2014).

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НАРК).

Никитин П. Карельский театр // История советского драматического театра. Т. 3. 1926–1932. М.: Наука, 1967. С. 512–515.

Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января.

Пашков Е. КАССР – Карело-Финская ССР – КАССР – РК. О государственно-правовом статусе нашей республики // Север. курьер. 1995. 24 окт.

Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1953. С. 1032–1037.

Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. 768 с.

Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 30 с.

Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. URL: <http://psyfactor.org/lib/fateev6.htm> (дата обращения: 4.02.2014)

Херсонский Х. Правда жизни – прежде всего (к гастролям Карело-Финского театра в Москве) // На рубеже. 1951. № 10. С. 62–68.

Hyttiä O. Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta, 1940–1956 – Kansallinen tasavalta? Helsinki: SHS, 1999. 210 s.

Mašin V. Katkeraa kautta // Carelia. 2008. N 8. S. 55–58. URL: <http://carelia.rkperiodika.ru/2008-03/55.html> (дата обращения: 4.02.2014).

Nikitin P. Vallankumouksen synnyttämä teatteri. Petroskoi: Karjala, 1989. 103 s.

Rislakki J. Vorkuta! Vankileirin kapina ja sen suomalainen johtohahmo. Helsinki: WSOY, 2013. 416 s.

Sevander M. Red Exodus: Finnish-American Emigration to Russia. Duluth: OSCAT, 1993. 232 p.

Takala I. The Great Purge // Victims and Survivors of Karelia. Special Double Issue of Journal of Finnish Studies. 2011. Vol. 15. Is. 1, 2. P. 152–166.

Tuorila S. Matkan varrelta. Muistelmia. Petroskoi: Karjalakustantamo, 1976. 142 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Никитина Ирина Алексеевна

соискатель кафедры истории стран Северной Европы, Петрозаводский государственный университет, исторический факультет пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910 эл. почта: irina-nikitina88@mail.ru тел.: 89114199717

Такала Ирина Рейевна

доцент кафедры истории стран Северной Европы, к. и. н. Петрозаводский государственный университет, исторический факультет пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910 эл. почта: irina.takala@onego.ru тел.: 89114065873

Nikitina, Irina

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: irina-nikitina88@mail.ru
tel.: 89114199717

Takala, Irina

Petrozavodsk State University
33, Lenin Av., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: irina.takala@onego.ru
tel.: 89114065873

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

УДК 903.24:[902.01+550.84]

ГОНЧАРСТВО ДРЕВНИХ КАРЕЛОВ: ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ*

И. М. Поташева

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Рассматриваются традиционные и новые подходы к исследованию археологической керамики на примере коллекции гончарных сосудов средневековых городищ Северо-Западного Приладожья. Для систематизации керамики используется метод сравнительной типологии; технико-технологический анализ материала осуществлен в рамках культурно-исторического подхода. Естественно-научные методы – электронно-зондовый (SEM) и масс-спектрометрический (ICP-MS) анализы применялись для качественного исследования технологии изготовления посуды, выявления привозной продукции и идентификации источников сырья.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Северо-Западное Приладожье, гончарная керамика, метод сравнительной типологии, масс-спектрометрия (ICP-MS), электронно-зондовая микроскопия (SEM).

I. M. Potasheva. POTTERY OF ANCIENT KARELIANS: THE TRADITIONAL AND THE INNOVATIVE IN THE STUDY METHODS

The paper concerns traditional and innovative approaches to the study of archeological ceramics using the example of wheel-thrown pottery from medieval Karelian hillforts. The pottery was systematized using the comparative typology method, and the technical and technological analysis of the ceramics was set within the framework of the cultural-historical approach. Methods of natural sciences (SEM and ICP-MS analyses) were employed to carry out the qualitative research of the pottery technology, identify imported vessels and determine clay sources.

К e y w o r d s: North-Western Priladozhje, wheel-thrown pottery, comparative typology method, mass-spectrometry (ICP-MS), scanning electron microscopy (SEM).

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Карелия, в рамках проекта проведения научных исследований («Гончарное производство и сырьевая база на территории Карелии (эпоха каменного века – Средневековье)», проект № 14-11-10002).

Раскопки средневековых городищ Северо-Западного Приладожья дали не только коллекции предметов богатой материальной культуры, свидетельствующих о существовании земледелия, животноводства, рыболовства и различных ремесел (ткачество, кузнечное, ювелирное дело) в хозяйственном укладе карелов, но также многочисленный керамический материал. Обломки бытовой посуды особенно устойчивы к разрушительному воздействию почв и составляют самую массовую категорию находок, тогда как срок службы глиняного сосуда нередко ограничивается одним-тремя годами [Arnold, 1985. P. 154]. Бой утвари обуславливает выпадение в культурный слой памятника фрагментов посуды, бытовавшей сравнительно недолгий период (в отличие, например, от предметов из металла). Принимая во внимание модификации, происходившие с посудой во времени (смена форм, традиций орнаментации изделий, изменения в технологии производства керамики), можно выявить тенденции развития гончарного дела в исследуемом регионе, проследить культурные контакты и торговые связи населения, определить функциональное назначение отдельных памятников и интенсивность их использования.

Информативность керамики как источника всецело зависит от поставленных исследователем целей и задач, выбора методики и, главным образом, способов исследования объекта. В статье излагаются результаты апробации отдельных методов гуманитарных и естественных наук по изучению гончарной посуды укрепленных поселений Северо-Западного Приладожья.

Анализ керамического комплекса любого памятника, как правило, начинается с систематизации материала и разработки классификации керамики. Для достижения данной цели традиционно используется сравнительно-типологический метод, основные принципы которого сформулированы еще в конце XIX века в зарубежной и в первой трети XX века в отечественной науке. Указанный подход основан на выделении общностей сосудов со сходными морфологическими и технологическими признаками, для которых вводится понятие керамического типа [Станкевич, 1951; Смирнова, 1956; Кирпичников, 1979; Коваль, 2001; Малыгин и др., 2001; Носов и др., 2005]. В дальнейшем выделенные типы посуды синхронизируются со стратифицированными колонками керамики памятников сопредельных территорий.

Подобным образом обработана коллекция гончарных сосудов древнекарельских городищ, насчитывающая 169 кухонных горшков, использовавшихся для приготовления пищи на

огне. Учитывались форма изделия, преимущественно профилировка и длина венчика, шейки и плечика сосуда. Технологический анализ керамики оценивался по следующим показателям: сорт глины; минеральный состав и размер (для неорганических включений) примеси в формовочной массе (песок, дресва, органика); степень и режим обжига; обработка поверхности и орнаментация изделий. Вышеуказанные параметры стали определяющими для деления посуды на группы, типы, варианты.

Переходя к рассмотрению типологии сосудов, отметим, что попытка разработки классификации для керамики с четырех городищ (Хямеенлахти-Линнавуори, Соскуа-Линнамяки, Терву-Линнасаари и Паасо) уже предпринималась, однако позже коллекция весомо пополнилась керамическим материалом из Тиверска, что обусловило необходимость пересмотра предложенных построений. В таблице представлены сводные данные по морфологии и хронологии бытования типов гончарных горшков. Так, в первую группу включены сосуды из ожелезненной глины, приобретающей после обжига различные оттенки красного, оранжевого или желтого цветов.

Тип I (условный). Ранее описанные ниже сосуды выделялись автором как самостоятельный тип I, однако впоследствии в процессе обсуждения результатов систематизации материала с ведущими специалистами по изучению круговой керамики северо-запада Руси было решено отказаться от такого обобщения и объединить горшки в отдельную группу. Так, группа сосудов типа I включает 7 горшков (Хямеенлахти – 5, Соскуа и Паасо – по одному), разнообразных по морфологии и технологии изготовления (сырье, орнаментация, обжиг) (рис. 1). Тем не менее указанные изделия бытовали в одном хронологическом периоде: во второй половине X – первой половине XI в. (табл.: *г.р.к.). По-видимому, они попали на территорию до возникновения укрепленных поселений. Аналоги таких горшков обнаруживаются в керамике Новгорода, частично Старой Ладogi, Пскова [Горюнова, 2005. С. 105, 284, 285, 306, 311; табл. 112: 2; табл. 113: 1, 2; табл. 134: 1, 2, 4; табл. 139: 7] и Новогрудка [Малевская-Малевич, 2005. С. 33].

Тип II объединяет 50 сосудов (Тиверск – 46, Паасо – 3, Хямеенлахти – 1) правильной S-видной профилировки с плавно отогнутым венчиком, имеющим внутренний валик. Горшки сходной формы наиболее характерны для памятников средневековой Руси. Близкие изделия встречены в Старой Ладoge, начиная с 930–960 гг. [варианты 8–9 типа III, Станкевич, 1951. С. 221; Рябинин, Черных, 1988. С. 98] и позднее, в XII–

Хронология типов гончарной керамики древнекарельских городищ

Типы	Вариант	Группа 1										Группа 2
		II	III		IV		V				VI	
	*г.р.к.		A	Б	A	Б	A	Б	В	Г		
XVI в.		■										■
XV в.		■	■	■	■			■	■	■		■
XIV в.		■	■	■	■	■	■	■	■	■		■
XIII в.		■	■	■	■	■						
XII в.		■	■	■								
XI в.		■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
X в.	■											

XIII вв. [Горюнова, 2005б. С. 307, табл. 135: 3]. В Корельском городке подобная керамика широко использовалась в XIV в. [тип 1 по А. Н. Кирпичникову, 1979. С. 72], в Орешке и Ивангороде – в XV–XVI вв. [Кирпичников, 1980. С. 48, рис. 16: 25; Петренко и др., 2012]. Сосуды типа II составляют немногим менее трети всей коллекции керамики городищ Северо-Западного При-

ладожья. Таким образом, появившись в XII–XIII вв., посуда типа II могла сохраняться в хозяйстве карелов до XV–XVI вв.

Тип III включает 13 сосудов (Тиверск – 7, Паасо – 3, Хямеенлахти – 2, Терву – 1) с выпуклым опущенным плечиком, устьем в форме раструба и часто удлиненным венчиком. По крутизне изгиба шейки выделяются варианты А и Б (четыре

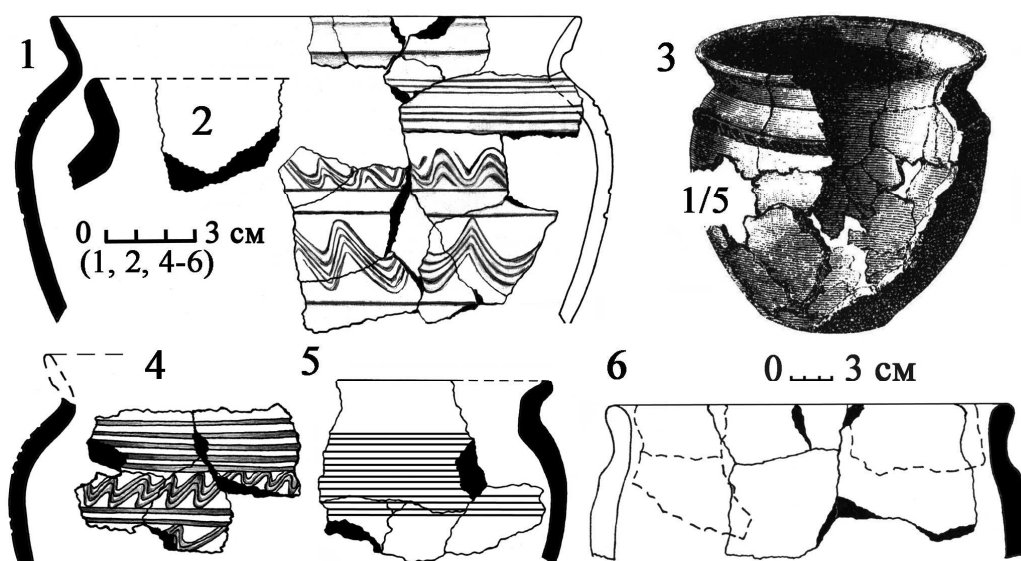

Рис. 1. Группа ранней керамики (*г.р.к.) из коллекции посуды памятников Северо-Западного Приладожья

и девять горшков соответственно). Технологической особенностью керамики является значительная ширина орнаментальной зоны. Аналогии сосудам вариантов типа III обнаруживаются в новгородских сосудах, бытующих с середины – конца XII в. до конца XIII – первой трети XIV в. [Типы VII-1, 2 с вариантом оформления венчика д', см. Малыгин и др., 2001. С. 92, 95, рис. 13]. Схожие горшки встречаются в керамическом наборе на Рюриковом городище в XII–XIV вв. и в Старой Ладогe в XII–XIII вв. [Горюнова 2005а. С. 210, 216; табл. 38: 5; табл. 44: 8, 14; 2005б. С. 307; табл. 135: 1]. В целом посуда типа III должна быть датирована XII–XIII – началом XIV в. В то же время, учитывая сохранность данной формы в горизонтах 1434–1435 гг. Орешка [Кирпичников, 1980. С. 47–49, рис. 16: 26], не исключено, что подобная архаичная посуда использовалась населением древнекарельских городищ XV в.

Тип IV объединяет 21 горшок (Паасо – 12, Тиверск – 7, по одному сосуду обнаружено на Терву и Хямеенлахти) с удлиненным гофрированным венчиком. К варианту IV-A отнесены шесть сосудов с длинным (3,5–5 см) венчиком, наклоненным к внутренней стороне сосуда. Вариант Б представлен 15 горшками с более округлыми очертаниями тулова, чем у сосудов варианта А, вместе с тем у некоторых горшков плечико обозначено ребром. Особенностью керамики типа IV является присутствие песка в формовочной массе почти половины изделий (10 горшков). Сосуды с гофрированным венчиком встречаются в XII–XIV вв. в Новгороде [Типы VII и XI, см. Малыгин и др., 2001. С. 87, 95], на Рюриковом городище [Горюнова 2005а: 213, 216; табл. 41: 12; табл. 44: 6], в Орешке середины XV в., являясь при этом характерной формой посуды в новгородское время [Кирпичников, 1980. С. 47, 48, рис. 16: 27]. В Твери аналогичные варианту А сосуды присутствуют в слоях 30–80 гг. XIV в., варианту Б – в нижних слоях до 1330 г. [частично тип IV, Лапшин, 2009. С. 128]. Таким образом, керамика типа IV могла употребляться в XIII – первой половине XV в.

К **типу V** отнесено 32 горшка (Тиверск – 16, Паасо – 8, Хямеенлахти – 6, по одному сосуду на Терву и Соскуа) с характерным для поздней посуды морфопризнаком – ребром на месте перехода венчика в плечико сосуда. Выделяется четыре варианта: А – 6 горшков со слабо выраженным ребристым очертанием плечика и вертикальным венчиком; Б – 7 горшков со слегка обозначенным ребром в профиле плечика, отогнутым наружу венчиком; В – 8 сосудов с выраженным ребром на плечике и высоким (до 3,7 см) почти

вертикальным венчиком; Г – 11 горшков с ребристым плечиком и плавно отогнутым венчиком. Посуда типа V демонстрирует значительную вариативность орнаментации. Технологической особенностью посуды указанного типа можно считать использование песка вместо дресвы в качестве отощителя для глины. Он фиксируется в тесте более чем половины изделий (68 %). Предполагается, что наиболее раннее возможное время возникновения керамического типа V на городищах может определяться рубежом XIII–XIV вв., учитывая, что в Новгороде посуда с ребристым очертанием плечика появляется в 1235–1290 гг. [Малыгин и др., 2001. С. 97]. Варианты Б, В и Г типа V сохраняются по крайней мере до середины XV в. – аналогичные формы встречены в Орешке [Кирпичников, 1980. С. 47, рис. 16: 28]. Эти же варианты представлены в наборе форм посуды из построек XIV в. на Рюриковом городище [Горюнова, 2005а. С. 215, 216, табл. 43: 5; табл. 44: 2, 4, 5, 7]. Верхняя хронологическая граница типа определяется серединой – возможно, концом XV в.

Тип VI. 7 крутобоких сосудов (Тиверск – 4, Паасо – 2, Лопотти – 1) с коротким венчиком. Характерная черта типа – скудная орнаментация и неполный обжиг в восстановительных условиях. Очевидно, горшки типа VI являются наиболее поздними образцами гончарного производства XV–XVI вв. Соответствия сосудам указанного типа обнаруживаются в керамике древнего Орешка [Кирпичников, 1980. С. 98, рис. 31], но, заметим, в новгородских слоях X–XV вв. подобная керамика отсутствует.

Во вторую группу вошли горшки из нежелезненной или слабожелезненной глины, приобретающей после обжига оттенки белого и бежевого цветов. Выделяется три типа сосудов.

Тип VII. 7 горшков (Тиверск – 6, Паасо – 1) с округлым плечиком, иногда в виде ребристого уступа, и венчиком с валиком на внутренней стороне. Профилировка сосудов типа VII схожа с формой посуды типа II группы 1 из железной глины.

Тип VIII. 11 сосудов (все из Тиверска) с высоким плечиком и вертикальным венчиком с оттяжками.

Тип IX. 10 горшков (Паасо – 6, по два сосуда из Тиверска и Терву) с четко профилированным плечиком и вертикальным венчиком. По оформлению края различаются два варианта: А – 4 сосуда с венчиком с оттяжками; Б – 6 сосудов с закругленным к внешней стороне венчиком.

Ближайшие аналогии сосудам типов VII и VIII обнаруживаются в Кореле [тип 4 и тип 5 соответственно, Кирпичников, 1979. С. 72, 73]. Керамика из беложгущейся глины составляет до 27 % керамического набора Корельского городка в нижнем горизонте 1310–1360 гг. и до 35 % в верхнем горизонте 1360–1380 гг. Сосуды типа VII также демонстрируют сходство с самым распространенным типом керамики Орешка, где изделия из беложгущейся глины появляются с XV в. и достигают доли 5 % от всей коллекции города в последующем столетии [Кирпичников, 1980. С. 111]. Аналогичную городищенским горшкам всех типов профилировку имеют сосуды, обнаруженные в ходе раскопок поселений Южного Заонежья (Кижский погост, Наволок, Васильево 2, Керкостров 1 и др.), объединенные А. М. Спиридоновым в типы 1 и 2, датирующиеся XIV–XVI вв. [Спиридонов и др., 2012. С. 75, 113, 135, 136, 162, рис. 9, 31, 32, 58: 2]. Вероятно, посуда, изготовленная из беложгущейся глины, появляется у карелов в XIV в. Верхняя хронологическая граница бытования керамических типов VII–IX размыта.

Итак, применение сравнительно-типологического метода позволило классифицировать керамический материал, выделить и, используя поиск аналогий среди типологических колонок посуды ближайших средневековых центров, датировать типы гончарных сосудов.

Важной составляющей изучения древних производств является технико-технологический анализ предметов материальной культуры. В современной археологии подобные исследования требуют привлечения широкого спектра методов как гуманитарных, так и естественно-научных дисциплин. Руководствуясь методикой исследования керамики, разработанной А. А. Бобринским [1978, 1999] и ныне активно развивающейся благодаря трудам Ю. Б. Цетлина [2001, 2012], определена техника формовки сосуда, рецептура теста, режим обжига изделий. Применение электронно-зондовой микроскопии (SEM) обеспечило качественный анализ химического и минералогического состава и структуры формовочной массы [см. Поташева и др., 2013]. По данным масс-спектрометрического исследования (ICP-MS) выделены привозные сосуды и определены источники сырья для местного производства посуды [см. Поташева, Светов, 2013].

Использование комплекса вышеуказанных методов позволило извлечь ценную информацию, необходимую для реконструкции всего цикла гончарного производства. Для изго-

товления большинства сосудов использовалась местная ожелезненная (глинистая основа – иллит и монтмориллонит), реже – слабо ожелезненная или неожелезненная (каолиновая¹) глина. Как правило, в глину добавлялся отощитель. В качестве минеральной примеси широко применялась гранито-гнейсовая дресва, с XIII–XIV вв. в керамическом тесте появляется песок кварц-полевошпатового состава. Изредка по оставшимся лакунам фиксируется органика, выгоревшая в процессе обжига. Микронзондовый анализ небольшой серии образцов показал наличие остатков углеродистого вещества, которое предположительно идентифицировано как древесный уголь. По этнографическим и археологическим данным известно, что в глину нередко вводилась древесная зола либо толченый древесный уголь в качестве отощителя [Бобринский, 1978. С. 99].

Сосуды изготавливались при помощи гончарного круга, однако они не вытягивались на круге из комка глины, а конструировались приемом скульптурной лепки из лент либо жгутов, что определяется как прощупыванием стенок посуды, так и по линиям ее разлома. В основном круг использовался для профилировки верхних частей сосуда, заглаживания поверхности изделия и нанесения орнамента. По методике А. А. Бобринского [1978. С. 33] установлено: на большинстве горшков фиксируются признаки стадии развития функций круга (РФК) не ниже третьей (РФК-3 – 104 сосуда, РФК-4 – 25 сосудов, РФК-5 – 1 сосуд)².

Орнаментация посуды была традиционной для гончарства карелов (декорировано 65 % керамики) и свойственной даже поздним типам керамики, бытовавшим в XV в. Абсолютно преобладают линейный и волнистый орнаменты (41 и 40 сосудов соответственно) в виде фриза по плечу. Ряд признаков позволяют предположить, что конечная стадия производственного цикла керамики – обжиг сосудов производился в устройствах полузакрытого или открытого типа с достаточным доступом кислорода. Чаще горшки подвергались неполному окислительному обжигу с кратковременным воздействием температур каления, в результате чего приобрели трехслойную структуру черепка в изломе с четкой границей прокаленных и непрокаленных зон.

¹ Вопрос о месте добычи каолиновой глины, ввиду ее отсутствия на территории Карелии за исключением проявления Проланваара (пос. Соанлахти Суоярвского р-на), остается нерешенным.

² С учетом сосудов, не вошедших в типологию гончарной керамики.

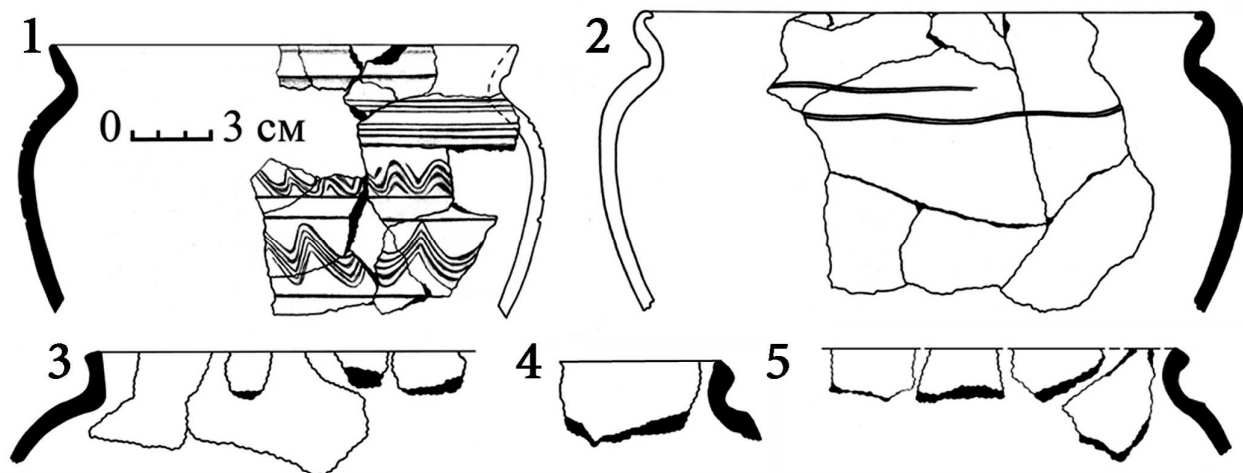

Рис. 2. Формы привозных горшков из раскопок городищ Тиверск, Хямеенлахти-Линнавуори, Паасо (1–3, 5) и сосуд из Олонца (4)

Применение новейшего из геохимических методов исследования керамики – масс-спектрометрического анализа (ICP-MS) – обусловило идентификацию привозных изделий в керамическом наборе древнекарельских городищ. По геохимическим маркерам выделились пять проб теста сосудов с резко отличным химическим составом формовочной массы (рис. 2: 1–3, 5). В данную группу также выпал образец теста гончарного сосуда из коллекции керамики древнего Олонца, включенный в серию проб для геохимического анализа (рис. 2: 4). Морфология горшков свидетельствует об их бытовании на протяжении второй половины X – первой половины XVI в. Определение места производства привозных сосудов – задача будущего. Сравнительный анализ форм горшков позволяет предположить их происхождение из Новгорода и Орешка.

Продукция гончарного ремесла, скорее всего, предназначалась для удовлетворения потребностей населения Северо-Западного Приладожья. Производство глиняной утвари, по-видимому, осуществлялось вблизи городищ Паасо и Тиверск. Привозная посуда, выявленная в ходе геохимического анализа, объединяет изделия различных морфотипов, что подразумевает заимствование карельскими мастерами новых технологических приемов «столичных» гончаров на протяжении всего рассматриваемого периода. Морфологические и технологические характеристики керамики древнекарельских городищ указывают на восприятие традиций древнерусского гончарства близлежащих центров – Новгорода, Корелы, Орешка. В целом период более или менее интенсивного развития гончарства древних карелов приходился на XII–XV вв.

с преобладанием керамических форм типов II и V, распространенных в XIII–XV вв. Упадок гончарного дела, вероятно, начинается в XV–XVI вв., когда в посуде карелов появляются немногочисленные сосуды типа VI.

Автор статьи выражает искреннюю благодарность д. г.-м. н. С. А. Светову и к. г.-м. н. С. Ю. Чаженгиной за содействие и помощь, оказанные в проведении геохимических исследований и интерпретации полученных результатов.

Источники и литература

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Горюнова В. М. Керамический материал из заполнения комплексов «больших построек» (раскопы 1985–1988 гг.) // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя // Труды ИИМК РАН. Т. XVIII. СПб., 2005а. С. 67–74.

Горюнова В. М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI в. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя // Труды ИИМК РАН. Т. XVIII. СПб., 2005б. С. 82–122.

Кильдюшевский В. И. Керамика Пскова XII–XVII века // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 5–33.

Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.: Наука, 1980. 128 с.

Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 52–74.

Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.

Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск; СПб.: Взлет, 2010.

Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Малевская-Малевич М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. // Труды ИИМК РАН. Т. XVII. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005.

Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. // Типология и хронология Новгородской керамики X–XV вв. // ННЗ. История и археология. 2001. Вып. 15. С. 82–97.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Труды ИИМК РАН. Т. XVIII. СПб., 2005. 404 с.

Петренко В. П., Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В. Ивангородская керамика конца XV–XVI вв. // Бюллетень ИИМК РАН. № 3. СПб. 2013. С. 253–268.

Поташева И. М., Светов С. А. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования», вып. 4. Петрозаводск, 2013. № 4. С. 136–142.

Поташева И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. Возможности применения микронзондового анализа образцов круговой керамики к изучению технологии древнего гончарства карелов в эпоху Средневековья // Уч. Зап. ПетрГУ. Серия «Естественные и технические науки». Петрозаводск, 2013. № 8 (137). С. 44–50.

Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.

Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. № 55. М., 1956. С. 228–248.

Спирidonov А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 165 с.

Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi // СА. Т. XV. Л., 1951. С. 219–246.

Цетлин Ю. Б. Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Arnold D. E. Ceramic theory and cultural process. L. N.-Y. 1985. 268 p.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ННЗ – Новгород и Новгородская земля

РА – Российская археология

СА – Советская археология

ТАС – Тверской археологический сборник

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Поташева Ирина Михайловна

младший научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН

ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия

Россия, 185910

эл. почта: irina.potasheva@mail.ru

Potasheva, Irina

Institute of Language, Literature and History

Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia

e-mail: irina.potasheva@mail.ru

УДК 94 (47)

ВЛИЯНИЕ КОНСПИРАТИВНОЙ ПОЕЗДКИ О. В. КУУСИНЕНА В ФИНЛЯндиЮ В 1919 г. НА ПОИСК НОВЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ФИНСКОЙ КОМПАрТИИ

А. О. Муравьев

Петрозаводский государственный университет

Рассматривается один из эпизодов истории Коммунистической партии Финляндии (КПФ). В 1919 году на подпольную работу с особой миссией были отправлены члены центрального комитета компартии О. В. Куусинен и Й. Лумивуокко. В их задачу входило налаживание работы нелегальной сети компартии в Финляндии. Новые внутриполитические обстоятельства вынудили коммунистов пересмотреть свои взгляды на политику КПФ и ее принципиальные моменты. О. В. Куусинен и его сторонники предложили применять комбинацию легальных и нелегальных методов при проведении политики компартии. Однако новые предложения не нашли отклика и даже натолкнулись на противодействие со стороны финских коммунистов, остававшихся в Москве. Изменение линии Коминтерна и позиция советского руководства способствовали пересмотру политической тактики финской компартии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Коммунистическая партия Финляндии, рабочее движение, О. В. Куусинен, подпольная деятельность.

A. O. Murav'yov. THE EFFECT OF O. W. KUUSINEN'S SECRET JOURNEY TO FINLAND IN 1919 ON THE PURSUIT OF NEW FORMS OF POLITICAL STRUGGLE BY THE FINNISH COMMUNIST PARTY

The article examines one of the episodes in the history of the Finnish Communist Party (FCP). In 1919, O. W. Kuusinen and J. Luomivuokko were sent to Finland to organize there an underground network of communists. They found that the circumstances of the political life had changed significantly since the time the Reds' leaders had left Finland. Therefore, O. W. Kuusinen and his colleges suggested a fundamentally new approach to the tactics of the Finnish Communist Party. A combination of legal and illegal methods was proposed as the main political line of FCP. Finnish communist colleagues in Moscow did not accept these ideas because they saw them as a comeback of the social-democratic tradition. The antagonisms between Finns in Moscow and Finnish communists who worked in Finland were very acute. A change in the political line of the Comintern and support from the government of Soviet Russia gave a new life to Kuusinen's concept.

K e y w o r d s: Finnish Communist Party, labor movement, O. W. Kuusinen, underground activity.

История знает немало примеров, когда одно малозаметное событие играло решающую роль в истории того или иного движения, орга-

низации или даже государства и определяло суть глобальных процессов на многие годы и десятилетия вперед. В истории финского ком-

мунистического движения таким событием можно считать поездку высокопоставленных представителей финской компартии (КПФ) на подпольную работу в Финляндию. В отечественной исторической науке деятельность КПФ остается малоисследованной. Финскими историками в этом направлении проделано больше, однако они не придают решающего значения событиям весны 1919 и первой половины 1920 года. Исходя из этих положений, целью данной статьи является освещение конспиративной поездки в Финляндию, начатой в мае 1919 года, и оценка ее результатов и изменений в политике КПФ, к которым она привела.

После поражения в гражданской войне в Финляндии Совет народных комиссаров бежал в Россию, где в августе 1918 года им была основана финская коммунистическая партия. Своей целью КПФ провозгласила распространение коммунизма и достижение победы рабочих посредством социалистической революции [SKP:n perustava..., 1935. S. 5]. Подобная политическая парадигма в самой Финляндии воспринималась как угроза существующему строю, поэтому отношение к новой политической партии было резко враждебным.

После учредительного съезда в сторону КПФ стали раздаваться упреки, главным из которых был ее отрыв от своей пролетарской основы – финского рабочего класса. Однако финская компартия начала организовывать подпольную сеть в Финляндии уже во второй половине 1918 года. При этом коммунисты столкнулись с профессиональной работой сыскной полиции, которая только в январе 1919 года в Выборге и Хельсинки арестовала до 30 человек по подозрению в нелегальной деятельности и сотрудничестве с компартией [SKP:n II puoluekokous..., 1935. S. 28–32]. В период зимы–весны 1919 года с территории России в Финляндию были посланы как минимум девять опытных агентов-организаторов, бывших секретарей профсоюзов и активистов общественных организаций [Saarela, 1996]. Тем не менее эти попытки создать подпольную сеть не увенчались успехом, так как условия, на которые рассчитывали в КПФ и согласно которым строилась вся политика партии, коренным образом отличались от фактических реалий.

В финской компартии осознавали острую необходимость решить проблему отрыва от финского пролетариата. Поэтому в мае 1919 г. на конспиративную работу в Финляндию впервые были отправлены члены центрального комитета КПФ О. В. Куусинен и Й. Лумивуокко. На эту миссию возлагались большие надежды, так как она была призвана решить две злободнев-

ные внутрипартийные задачи. Во-первых, соединить КПФ и авангард финляндского пролетариата, во-вторых, внести новое содержание в деятельность компартии, которая усугублялась спором за власть в центральном комитете [Hodgson, 1967; Paastela, 2003]. Таким образом, поездка высокопоставленных фигур финского леворадикального рабочего движения была скорее вынужденным шагом, последней попыткой улучшить положение КПФ по обе стороны границы.

Первые результаты работы группы О. В. Куусинена не заставили себя долго ждать, так как находились на поверхности, – с того момента, как красные покинули страну весной 1918 г., ситуация в рабочем движении кардинальным образом изменилась. В конце гражданской войны был издан антисоциалистический закон, согласно которому правительство получало широкие полномочия [Боровков, 1970]. Более того, в умах и настроениях финляндского пролетариата также произошли определенные метаморфозы. В рабочем движении Финляндии обозначилась четкая тенденция на недопустимость нового кровопролития, что сильно ограничивало перспективы новой революции [Laulajainen, 1979]. Тревожным обстоятельством для коммунистов был рост популярности финской социал-демократии (СДПФ), о котором свидетельствовала победа СДПФ на парламентских выборах в марте 1919 г. (38,1 % от общего числа избирателей поддержали социал-демократов) [Virallisen tilaston..., 1919, 1920. S. 24]. Эти особенности послевоенного рабочего движения теперь предстояло учитывать финским коммунистам при осуществлении своей политической программы.

В отношении финской социал-демократии, согласно выбранной тактике КПФ, предполагалось собрать оставшихся на свободе сторонников коммунистических идей и призвать к восстановлению членства в СДПФ, а затем с их помощью вывести партию из-под контроля В. Таннера и правых [РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 2, л. 10]. Положение для этого было самое подходящее, так как КПФ к тому времени уже существовала и имела определенный опыт, а Социал-демократическая партия Финляндии находилась в стадии внутреннего кризиса.

В условиях послевоенной Финляндии у руководства социал-демократии была четкая идеологическая доктрина – нивелировать последствия 1918 года. Осторожная политическая линия СДПФ в отношении буржуазного правительства и шюцкора вызывала недовольство у части рядовых членов [Suomen Sosialidemokraattisen..., 1920. S. 20]. В Социал-демократической партии Финляндии возникла оппозиционная группа,

объявившая о намерении создать независимую, истинно рабочую партию [Suomen Sosialidemokraattisen..., 1920. S. 225]. Важную роль в принятии данного решения сыграли делегаты С. Вуолийоко и Э. Пеккала, на тот момент члены финской компартии.

О. В. Куусинен призвал своих коллег, находившихся в это время в России, оказать поддержку леворадикальной оппозиции в СДПФ. Аргументом в пользу крайне левой публичной партии было выявление прямой связи между наличием в районе легальной рабочей организации и подпольной группы, именно в таком месте нелегальная тройка (тройка – составная часть подпольной организации финских коммунистов) была способна постоянно проводить работу [РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 419, л. 35].

В феврале 1920 г. О. В. Куусинен из соображений безопасности перебрался в Стокгольм, откуда продолжил разъяснять свое понимание ситуации в Финляндии и убеждать коллег в необходимости корректировки курса. Из Швеции он отправил в ЦК КПФ письмо, суть которого была следующей: «современная ситуация в Финляндии такова, что не стоит всецело отдаваться подпольным методам работы, по крайней мере, их необходимо сочетать с деятельностью в общественно-политических организациях, но преобладать должны первые» [Письмо О. В. Куусинена..., 2003б. С. 65–66]. Таким образом, О. В. Куусинен и коллеги, подписавшиеся под этим письмом, предлагали внедрять коммунистов в легальные организации, которые сочувствовали пролетарской революции. Предложения об изменении радикально-революционной линии компартии на комбинированный подход легальных и нелегальных методов политической борьбы Г. Лондон назвал политикой «интеллектуального баланса» [London, 1973]. Данное определение, по нашему мнению, дает емкое и лаконичное понимание всей сути новаторских принципов, предложенных О. В. Куусиненом.

Интеллектуальный баланс, по мнению его сторонников, давал определенного рода стабильность и устойчивость, поскольку только организации, созданные согласно существующим законам, могли сохранять и поддерживать связь продолжительное время, а также совместно с нелегальными тройками выполнять работу [Письмо О. В. Куусинена..., 2003б. С. 65–66]. Идея нашла отклик среди некоторых членов ЦК компартии, однако были и противники.

Сторонники изменения тактики компартии предложили перенести ЦК КПФ из России на территорию третьих стран, приверженцы тради-

ционной политики вступили в острые споры по этому вопросу. Авторы новаторского принципа хотели повысить уровень координации между подпольной системой и руководством партии, рассуждая так: «Наша со стороны России действующая коммунистическая партия не может более выполнять те многочисленные задания, для которых теперь в Финляндии коммунистическая партия нужна» [Письмо О. В. Куусинена..., 2003б. С. 71]. КПФ, по сути, являлась группой политических эмигрантов, а управление деятельностью из России очень затруднительно, медленно и вследствие этого малоэффективно. Основное отличие новой партии должно было заключаться в том, что на учредительном съезде были бы представлены делегаты от СРПФ, а также беспартийные. Местом постоянного дислоцирования партии представлялся Стокгольм, это позволило бы сконцентрироваться на политике, не затрачивая сил на проблемы логистики, перехода через границу и переправки материалов из России.

Аргументом за перенос политического центра компартии было и то, что роль КПФ, находившейся в России, заключалась в проведении военного обучения и организации прохождения финнами службы в Красной Армии [Paastela, 2003]. Находившиеся в Стокгольме финские коммунисты, предлагавшие радикальные изменения, выглядели в глазах своих коллег по КПФ как минимум раскольниками, что в определенной мере вынуждало их оправдываться. В одном из писем из Швеции в адрес центрального комитета говорилось: «Финляндия фактически лишена коммунистической партии, а КПФ в свою очередь лишена рабочего класса» [Письмо О. В. Куусинена..., 2003а. С. 74].

Тем временем, пока между О. В. Куусиненом и его оппонентами из числа представителей центрального комитета шли дискуссии, в Финляндии формировалась легальная партия. В начале мая 1920 г. состоялся учредительный съезд Социалистической рабочей партии Финляндии (Suomen sosialistinen työväen puolue). В нем приняли участие 79 представителей от 42 различных организаций рабочего движения [Työväenpuolueen ptk 1920–1923. Työväen Arkisto]. Исходя из политических реалий Финляндии начала 1920-х годов, программа Социалистической рабочей партии (СРПФ) была выдержана в строгих рамках политкорректности, так, чтобы не возникло поводов для обвинений СРПФ в пособничестве «красным преступникам» и в связях с коммунистами из-за границы. Определение «коммунистический», термины «революция» и «реванш» не упоминались авторами программы сознательно [Пись-

мо О. В. Куусинена..., 2003б. С. 69]. СРПФ, в отличие от компартии, сразу стала массовой партией, в ее уставе оговаривалось, что в состав могут входить рабочие объединения, профсоюзы, молодежные и женские организации [Suomen sosialistisen..., 1920. S. 4]. Таким образом, СРПФ была основана как партия, придерживающаяся легальных методов борьбы. Напомним, что финская компартия избрала совершенно другую платформу действий.

С одной стороны, финские коммунисты в России приветствовали создание СРПФ. С другой, были сильны опасения, что молодая партия подпадет под влияние правых и встанет на путь оппортунизма, соглашательской линии с буржуазией и социал-демократией [Postinen, 1988]. Принимая основание СРПФ как свершившийся факт, финские коммунисты тем не менее искали подкрепление в благонадежности новых коллег по левому рабочему движению. Выход из этого положения нашли в виде двойного членства представителей финского рабочего движения в СРПФ и в КПФ. В то время как в Москве коммунисты осмысливали предложения группы О. Куусинена, параллельно началось распространение его взглядов среди представителей Социалистической рабочей партии Финляндии. Летом 1920 г. в Стокгольме были организованы краткосрочные курсы по подготовке политических кадров в духе «интеллектуального баланса». Их посетили 20 человек, прибывших из Финляндии, впоследствии все слушатели этих курсов заняли руководящие посты в СРПФ, профсоюзных и молодежных организациях.

ЦК КПФ негативно отреагировал на проведение стокгольмских курсов, организация такого важного мероприятия без фактического участия компартии наводила тень на ее политическую состоятельность. В группе российских финнов, которую возглавлял Э. Рахья, полагали, что это первый сигнал перед расколом КПФ [Письмо Ю. Сирылы..., 2003. С. 56–61; Письмо И. Рахья..., 2003. С. 62–63]. Такого же мнения придерживались члены исполнительного комитета Коммунистического интернационала, который, чтобы не допустить раскола в финской компартии, вмешался в ее внутренние дела. Коминтерн, рассмотрев факты, в этом вопросе встал на сторону противников интеллектуального баланса, так как абсолютизировал опыт российских большевиков.

Развитие рабочего движения в мировом масштабе указывало на то, что революция переходит от стадии так называемого «штурма» к этапу «осады». Поэтому Второй и Третий кон-

грессы Коминтерна одобрили использование легальных организаций наравне с революционными методами борьбы, что фактически реанимировало идеи интеллектуального баланса. Более того, конгресс Коминтерна также отметил высокую роль участия левых в муниципальных и государственных выборах [Hakalehto, 1966]. Это фактически означало частичное возвращение к старым методам дореволюционной работы рабочего движения. Как следствие, через короткое время произошло примирение сторонников и противников интеллектуального баланса. Это произошло на 4-м съезде партии в 1921 году, на котором впервые большинство делегатов было представлено участниками финского рабочего движения [Tuominen, 1956. S. 292].

Начавшись как очередная попытка создать работоспособную подпольную организацию финской компартии, конспиративная поездка О. В. Куусинена привела к фундаментальным изменениям. Одним из ее итогов стало то, что к началу 1920 года часть высокопоставленных членов КПФ пересмотрели свои взгляды на методы политической деятельности. По мнению А. Аптона, именно О. В. Куусинен блестяще предвосхитил изменение всей линии Коминтерна, предложив концепцию совмещения методов парламентской и легальной общественной деятельности с подпольной работой [Upton, 1973]. Поэтому поездка О. В. Куусинена в Финляндию, начавшаяся в мае 1919 года, имела решающее значение для истории всего рабочего движения. Другим не менее важным итогом этого события стало выдвигание О. В. Куусинена на позиции ведущего теоретика коммунистического движения, обеспечившее ему блестящую карьеру в структурах коммунистического интернационала. Самым важным изменением для финского радикального рабочего движения стал фактический отход от программы КПФ, принятой в 1918 году. Деятельность агентов компартии способствовала установлению контактов с легальными рабочими организациями, что заложило основу для активного сотрудничества в последующие годы; также это позволило расширить идеологическую базу легального леворадикального рабочего движения.

Источники и литература

Боровков Г. А. Из истории рабочего движения Финляндии (1918–1924 гг.) // Сканд. сб. Вып. 15. Таллин: Ээсти раамат, 1970. С. 73–88.

Письмо И. Рахья Г. Е. Зиновьеву в связи с разногласиями в КПФ // Коминтерн и Финляндия 1919–1944. М.: Наука, 2003. С. 62–63.

Письмо О. В. Куусинена Г. Е. Зиновьеву о задачах КПФ и рабочего движения Финляндии // Коминтерн и Финляндия 1919–1944. М.: Наука, 2003а. С. 82–84.

Письмо О. В. Куусинена и И. Лумивуокко в ИККИ и ЦК КПФ о задачах коммунистического движения в Финляндии // Коминтерн и Финляндия 1919–1944. М.: Наука, 2003б. С. 65–75.

Письмо Ю. Сирылы Г. Е. Зиновьеву о расколе в ЦК КПФ // Коминтерн и Финляндия 1919–1944. М.: Наука, 2003. С. 56–61.

Российский государственный архив социально-политической истории (в тексте – РГАСПИ).

Hakalehto I. Suomen kommunistinen puolue ja sen vaikutus poliittiseen ja ammatilliseen työväenliikkeeseen 1918–1928. Porvo: WSOY, 1966. 324 s.

Hodgson J. H. Communism in Finland: a history and interpretation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967. 261 p.

Laulajainen P. Sosialidemokraatti vai kommunisti: vaaliekologinen tutkimus Suomen poliittisen työväenliikkeen jakautumisesta kansalaissodan jälkeen. Mikkeli: Itä-Suomen instituutin julkaisusarja, 1979. 191 s.

London G. Opposition of principle: The Finnish workers' Party in parliament, 1922–1930. University microfilms International, Ann Arbor, Michigan, USA, London, England, 1973. 211 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Муравьев Андрей Олегович

аспирант

Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910

эл. почта: muravyev.andrey@gmail.com

тел.: (8142) 530520

Paastela J. Finnish communism under Soviet Totalitarianism. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2003. 360 p.

Postinen P. Vasemmistoradikaalisen työväenliikkeen järjestö rakenne ja toimimuodot 1920–1930. Turku: Turun yliopiston kirjapaino, 1988. 351 s.

Saarela T. Suomalaisen kommunismin synty 1918–1923. Tampere: KSL, 1996. 525 s.

SKP:n II perustava kokous // Suomen kommunistinen puolue. Puolue kokousten, konferenssien ja Keskuskomitean plenumien päätöksiä. Ensimmäinen kokoelma. Leningrad: Valtion kustannusliike Kirja, 1935. 3–20 s.

SKP:n II puoluekokous // Suomen kommunistinen puolue. Puolue kokousten, konferenssien ja Keskuskomitean plenumien päätöksiä. Ensimmäinen kokoelma. Leningrad: Valtion kustannusliike Kirja, 1935. 28–32 s.

Suomen Sosialidemokraattisen puolueen Pöytäkirja. kokous pidetty Helsingissä, joulukuun 8–16 p:nä 1919. Helsinki.: Sosialidemokraattisen puoluetoimikunta kustannuksella, 1920. 280 s.

Tuominen A. Sirpin ja vasaran tie. Helsinki: Tammi, 1956. 315 s.

Upton A. F. Communist parties of Scandinavia and Finland. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973. 442 p.

Virallinentilasto XXIX. Eduskuntavaalit vuonna 1919. Helsinki: Valtioneuvoston kirjapaino, 1920. 92 s.

Murav'yov, Andrey

Petrozavodsk State University

33 Lenin Av., 185910, Petrozavodsk, Karelia, Russia

e-mail: muravyev.andrey@gmail.com

tel.: (8142) 530520

УДК 94 (470) "19/..."

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

К. А. Тарасов

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Статья посвящена вопросу о численности большевиков в Петроградском гарнизоне накануне Октябрьского переворота. Отправной точкой исследования является критика источника, получившего распространение в историографии. Автор приводит данные, которые позволяют скорректировать бытующее представление о влиянии большевиков среди солдат Петрограда.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военная организация РСДРП(б), Петроградский гарнизон, Октябрьский переворот, запасные воинские части.

K. A. Tarasov. SIZE OF THE BOLSHEVIK MILITARY ORGANIZATION ON THE EVE OF OCTOBER 1917 EVENTS

The paper focuses on the number of Bolsheviks in the Petrograd garrison before the October upheaval. The starting point for this research is criticism of the source that has been common in historiography. The author cites data that allow correcting the ideas about the influence of the Bolshevik party among soldiers in Petrograd.

К e y w o r d s: Bolshevik Military organization, Petrograd garrison, October upheaval, replacement troops.

Военная организация при Центральном и Петроградском комитетах РСДРП(б) была одной из важнейших партийных структур в 1917 г. Ее главной задачей являлась популяризация среди солдат большевистских лозунгов и привлечение их сторонников в ряды партии. В связи с этим определение численности «военки», как ее называли современники, является важным для понимания того, какими силами располагали большевики накануне Октябрьского переворота.

В историографии установилось мнение, что в Петрограде Военная организация насчитывала 5 800 членов. Это число получило такое распространение, что его зачастую приводили без ссылки на источник. Его мы можем найти в работах самых авторитетных исследователей ре-

волюции 1917 года [Ерыкалов, 1966. С. 262; Андреев, 1975. С. 58; Старцев, 1981. С. 165; Соболев, 1985. С. 212].

Однако обращение к первоисточнику дает право усомниться в столь безоговорочном признании достоверности данных. Документ хранится в фонде мандатной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов. Он представляет собой удостоверение на имя К. А. Мехоношина в том, что его «Военная организация при ЦК и ПК РСДРП, представляющая 5 800 членов, командует в качестве своего представителя» в Совет. Несмотря на это прямое указание, тот факт, что удостоверение выдано Советом 1-го городского района и подписано лично его председателем С. М. Нахимсоном, ставит под сомнение подлинность этих сведений [ЦГА

СПб., ф. 7384, оп. 1, д. 6, л. 70]. Поскольку С. М. Нахимсон сам являлся членом Военной организации большевиков, он мог фальсифицировать численность организации для возможности проведения в Совет ее представителя. В связи с этим проверка данных, указанных в источнике, представляет научную проблему.

Отчасти помогают решить этот вопрос сведения о численности районных военных организаций Петрограда. Их стали организовывать с начала сентября, после того как было вынесено постановление «организовываться по районам, в коих коллективы от частей иметь будут своих представителей». Подобная организация должна была дать «возможность обслуживать районы текущей литературой, сплоченность, единство действий» [Делегатское собрание..., 1917].

Известно, что 7 сентября состоялось общее собрание большевиков Литовского, Волынского, Преображенского, Павловского резервных, 9-го кавалерийского полков, 6-го саперного батальона и других частей, расположенных в 1-м городском районе [Объявление..., 1917]. В тот же день прошло общее собрание солдат Егерского, Семеновского, Измайловского, Петроградского, Кексгольмского резервных полков, 1-й автороты, 2-го пулеметного полка, Гвардейского и 2-го Балтийского флотских экипажей и других более мелких частей Московско-Нарвского района [Отчет..., 1917].

По-видимому, именно эти районные организации лидер «военки» Н. И. Подвойский имел в виду в отчете на III общегородской конференции большевиков 7 октября. Он объявил, что на текущий момент созданы две районные военные организации «по месту расквартирования полков» – в Московском и Песковском. Он указал также численность этих организаций – 419 и 600 членов соответственно [Вторая..., 1927. С. 114].

В источниках также можно найти информацию о существовании военной организации Петроградского района. В фонде Военной организации в РГАСПИ сохранился документ, датированный 11 октября. Он представляет собой перечисление воинских частей, находившихся на Петроградской стороне, с указанием количества солдат и вооружения, наличия и состава большевистских ячеек и сочувствующих. О некоторых воинских частях сказано, что «связей пока нет» [РГАСПИ, ф. 464, оп. 1, д. 30, л. 1–5]. Восполняет отсутствующие данные аналогичный документ, найденный в фонде Н. И. Подвойского в РГВА. Он датирован 16 октября и имеет то же название с подзаголовком «дополнительные сведения» [РГВА, ф. 33221, оп. 2, д. 1050, л. 1]. Оба

отчета подписаны членом «районного комитета военной организации Петроградской стороны» М. К. Тер-Арутюнянцем. Из приведенных сведений можно понять, что в общей сложности в партийных коллективах состояло 147 человек. К этому числу необходимо прибавить зыбкое дополнение – около 500 сочувствующих из мастерских бронедивизиона.

Итого в трех районах насчитывалось менее 1 200 членов РКП(б) из солдат десяти из двенадцати гвардейских полков, которые являлись самой многочисленной и боеспособной частью Петроградского гарнизона. В это же число входили военнослужащие таких крупных полков и батальонов, как 9-й кавалерийский полк, 6-й и Гвардейский саперные, моторно-понтонный и огне-химический батальоны, солдаты мастерских и гаража бронедивизиона.

Среди неучтенных крупных воинских частей оставался Финляндский резервный полк, располагавшийся на Васильевском острове. К сожалению, для того чтобы судить о представительстве большевиков в этой воинской части, мы не располагаем достаточными данными. Прочие воинские части Петрограда были малочисленны. Маловероятно, что некогда большие Московский резервный, 1-й и 180-й пехотные полки могли представить большое количество большевиков, поскольку после участия в демонстрациях 3–5 июля 1917 г. они подверглись «чистке» от «вредного элемента» и были в стадии полного расформирования. Оставались неохваченными также малочисленные воинские формирования, такие как пешие дружины и вспомогательные и инженерные части.

Как видно, говорить об окончательном установлении численности большевиков из числа солдат Петроградского гарнизона еще рано. Однако тот факт, что в Гренадерском резервном полку, который можно считать одной из «большевизированных» воинских частей Петрограда в тот период, числился лишь один член партии, говорит о том, что число в 5 800 человек является сильно завышенным. Этот факт позволяет поставить проблему влияния большевиков в армии, не зависящего от их количественного представительства в тех или иных воинских частях.

Литература

Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975.

Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года: протоколы и материалы. М.; Л., 1927.

Делегатское собрание 4 сентября // Солдат. 1917. 7 сент.

Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1966.

Объявление об организационном заседании военной организации 1 городского района // Солдат. 1917. 6 сент.

Отчет об организационном заседании Московско-Нарвского района // Солдат. 1917. 10 сент.

Российский государственный архив социально-политической истории (в тексте – РГАСПИ).

Российский государственный военный архив (в тексте – РГВА).

Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.

Старцев В. И. Большевизация солдатской секции Петроградского Совета // Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (в тексте – ЦГА СПб.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тарасов Константин Андреевич

аспирант

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ул. Петрозаводская, 7, Санкт-Петербург,

Россия, 197110

эл. почта: ktarasov@eu.spb.ru

тел.: 89627123381

Tarasov, Konstantin

St. Petersburg Institute of History,

Russian Academy of Sciences

7 Petrozavodskaya St., 197110 St. Petersburg, Russia

e-mail: ktarasov@eu.spb.ru

tel.: 89627123381

УДК 821.511.111 (470.22)

МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА» В РОМАНЕ А. ТИМОНЕНА «МЫ КАРЕЛЫ»

О. А. Колоколова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Анализируются особенности рецепции евангельского мотива «блудного сына» в романе А. Тимонена «Мы карелы». Мотив реализуется через христианские символы и образы произведения, образ блудного сына раскрыт через судьбу крестьянского сына Васселея.

К л ю ч е в ы е с л о в а: финноязычная литература Карелии XX века, мотив «блудного сына», христианские категории.

O. A. Kolokolova. THE “PRODIGAL SON” THEME IN A. TIMONEN’S NOVEL “WE ARE KARELIANS”

The paper analyses how the evangelic theme of the prodigal son is adopted into A. Timonen’s novel “We Are Karelians”. The theme is realized through Christian symbols and images of the story, the image of the prodigal son is embodied in the fate of Vasselei, a peasant’s son.

Key words: Finnish-language literature of the 20th century Karelia, the “prodigal son” theme, Christian categories.

Мотив «блудного сына» – один из наиболее распространенных в русской литературе евангельских сюжетов со времен древнерусского периода вплоть до XX века. Особенно часто встречается он в литературе прошлого столетия в период войн и революций, потери веры, жизненных ориентиров, поисков и сомнений. Проблема рецепции этого евангельского мотива достаточно полно освещена в критической и научной литературе на материале творчества как русских писателей, так и писавших на других языках России. Представляется важным исследовать этот мотив также в литературе Карелии, что ранее не рассматривалось в виде самостоятельной проблемы. Сложная судьба многих представителей карельского и финского народов в годы революции и гражданской войны связана с оставлением отчего дома, ро-

дины, чувством утраты смысла жизни, вины, невольного предательства. Это послужило материалом для создания ряда произведений карельскими писателями, в том числе романа «Мы карелы» (1969 – на фин. яз; 1971 – пер. Т. Сумманена) А. Тимоненом, известным писателем Карелии, карелом по национальности, писавшим на финском языке.

Не утверждая сознательного привлечения текста евангельской притчи к сюжету романа А. Тимонена, считаем возможным рассмотреть образ «блудного сына» на уровне важного мотива романа. Евангельские символы, являющиеся знаковыми в мировой культуре на протяжении многих столетий, по словам А. В. Чернова, «переходят на уровень архетипов, т. е. наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем,

бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве» [Чернов, 1994. С. 152].

Архетип «блудного сына» – один из основополагающих в человеческом сознании, как утверждает исследователь. Очевидно, причина универсальности материала кроется в особенностях самой евангельской притчи [Лк. 15:11-32]. Митрополит Антоний Сурожский указывал на ее глубокий смысл: «Она лежит в самой сердцевине христианской духовности и нашей жизни во Христе; в ней человек изображен в тот самый момент, когда он отворачивается от Бога и оставляет Его, чтобы следовать собственным путем в «землю чуждую», где надеется найти полноту, преизбыток жизни. <...> Прежде всего, это вовсе не притча об отдельном грехе. В ней раскрывается сама природа греха во всей его разрушительной силе» [Антоний Сурожский, 1976].

Таким образом, универсальный характер притчи наталкивает на размышления о жизненном пути человека и о духовном пути к Богу. Представляется важным провести анализ романа с точки зрения мотивов греха, потери отчего дома, странствия и духовного поиска. В своих воспоминаниях А. Тимонен пишет о том, что он хорошо знал тексты Священного Писания [Иванов, 1986. С. 42]. Напомним, что карельский народ является носителем христианской культуры, православие в Карелии было принято еще в XIII веке [Чистович, 1856]. Поэтому можно предположить, что в творчестве писателя библейская тема имеет особое значение: включение в художественное полотно романа христианских образов, символов, героев, живущих по законам христианской морали.

Но на каком бы языке ни творили советские писатели, они не могли не учитывать контекст русской литературы, выросшей на почве христианской культуры. Связи романа А. Тимонена «Мы карелы» с такими произведениями, как «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова, налицо. К сожалению, мы не можем ввиду малого объема статьи остановиться на особенностях трансформации библейского мотива «блудного сына» в этих произведениях и на «фадеевских» и «шолоховских» реминисценциях в романе А. Тимонена. Но отсылка к этим текстам позволяет утверждать, что в карельской литературе архетип «блудного сына» также функционирует на уровне мотива (образа, символа и сюжета).

В романе описывается эпоха Первой мировой войны, революции и Гражданской войны 1917 года. Главный герой произведения – Васселей, житель деревни Тахкониemi, многие се-

мьи которой живут и воспитывают детей в христианской вере. Религиозны мать и жена Васселея, творящие ежедневную молитву о заступничестве за их сына и мужа. Но вера Маланиэ, матери героя, – особая, близкая народным представлениям, характер ее «взаимоотношений» с Богом типичен для женщины, измученной нуждой, бытом. На иконах видит она изображение «домашнего бога», которым «командует точно так же, как своими невестками, ворчит на него, как на любого из членов семьи, если что-то не так, благодарит его, если в доме все хорошо...» [Тимонен, 1974. С. 176]. Трагедия не только этой женщины, но и всего народа, – в ощущении того, что «бог совсем не всемогущий, он скорее беспомощный» [Там же. С. 176]. Чувство богооставленности, потеря веры – трагедия всего XX века. «Люди, где бог?» – спрашивает отец, глядя на своего убитого предателем Мийтреем сына [Там же. С. 45].

Человеком этого времени овладевает состояние отчужденности, потери жизненных ориентиров. Неслучайно одним из главных мотивов в романе становится мотив пути и поиска. Именно он и открывает повествование: мать перевозит в лодке сына через озеро, где их внезапно настигает буря, предвестница беды, бесповоротно изменившей их жизнь. Озеро, которое покрывает «медленная зыбь, словно память о прошедших бурях или предвестие новых ненастий», ассоциируется с рекой жизни, образ которой возник еще в античной философии Гераклита и значим для мировой культуры в целом. Здесь же этот мотив зеркально отражен в судьбе Васселея. Самые тяжелые и горькие годы его жизни связаны со скитаниями вдали от отчего дома.

В евангельской притче, покидая отца, сын совершает грех не только предательства, но и нарушения заповеди «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20:12). Мытарства Васселея начинаются с совершенного им страшного греха – не отступничества от отца, но убийства невинного человека (отомстил за смерть брата, убил по ошибке не причастного к преступлению человека). С этого момента начнется одиссея героя – вечный путь возвращения: во время своих скитаний он постоянно стремится домой. Потеря отчего дома сопровождается и потерей веры. Но, в отличие от новозаветного героя, у Васселея изначально определены главные ценности: дом и семья.

Его судьба связана со странствиями, скитаниями. Мир насильно разделен на два лагеря: свои и чужие, и герой постоянно находится в си-

туации выбора. Однако Васселей делает выбор не в пользу партии или национальной принадлежности, для него важны другие ценности – родной дом, семья, крестьянский труд. Даже во время битвы у Васселея нет ненависти к врагам, он размышляет о том, что у тех, кто поневоле оказался его противником в бое, тоже есть мать, невеста, родной дом, где их ждут. Герой, испытывая христианское чувство сострадания, крестится над убитыми солдатами.

Размышляя о грехе убийства, о совершенных им на войне поступках, о подвиге и предательстве, Васселей предается воспоминаниям о прошлой мирной жизни, раскаивается и сожалеет о тех днях, когда обидел жену, был жесток к ней. Хотя, по мнению критиков [Карху, 1974; Иванов, 1986], характер Васселея не достигает необходимой глубины раскрытия, отметим, что в романе звучит необычайно важный мотив очищения души.

В христианстве существует категория памяти, имеющая довольно большое значение в изучении человеческого естества. В православии существуют понятия памяти смертной и памяти грехов. О памяти смерти писал Иоанн Лествичник: «Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий. Память смерти побуждает живущих в общежитии к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий. В живущих же в безмолвии память смерти производит отложение печений, непрестанную молитву и хранение ума. Впрочем сии же самые добродетели суть и матери и дочери смертной памяти» [Иоанн Лествичник, 2001. С. 82–86]. Память выполняет очищающую и исцеляющую функцию, она необходима для осознания своих грехов, покаяния, духовного трезвения.

Памятование своего жизненного пути помогает осознать грехи, проанализировать свои поступки, с духовной силой и трезвостью сердечной посмотреть на совершенные дела, свои мысли и чувства.

Таким образом, в романе представлена трагичность потока времени, скоротечность и изменчивость земной жизни человека, необратимая, разрушающая сила рока. Вряд ли можно говорить о преображении души героя, столь истерзанного и измученного, но несомненно, память, как свидетельство о прошлом, позволяет оценить ему свой жизненный путь и способствует его стремлению к покаянию и перемене.

Страстно желающий вернуться домой Васселей, как и другие герои (и предатель Мийтрей, и Кириля, и Сашка, и другие солдаты, и Кайса-Мария), мечтает о достатке, мирной жизни на

родной стороне. Описание пира, устроенного отцом по возвращении сына, который «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» [Лк. 15:31–32], имеющее особое значение в притче, по иному показано в произведении. «Чего только у них не будет, когда Васселей вернется домой, а Пекка станет большим! <...> А она, Анни, только и будет, что из избы в амбар бегать, своих мужиков кормить», – мечтает жена Васселея [Тимонен, 1974. С. 10]. Но произошло все далеко не так, как мечталось женщине. Напомним, что в честь возвращения блудного сына отец закалывает тельца. Этот эпизод особым образом представлен в романе.

В святоотеческой традиции заклание тельца трактуется как искупительная жертва Господа Иисуса Христа. «Кто есть упитанный «телец», закалаемый и едомый, это не трудно понять. Он есть, без сомнения, истинный Сын Божий. Поскольку Он Человек и принял на Себя плоть, по природе неразумную и скотоподобную, хотя и наполнил ее собственными совершенствами, поэтому назван Тельцом. Телец Сей не испытал ярма закона греховного, но есть Телец «откормленный», поскольку определен на сие Таинство прежде создания мира» [Феофилакт Болгарский]. «Этот Телец – Сам Господь, Который выходит из сокровенности Божества и от находящегося превыше всего престола, и как Человек, явившись на земле, как Телец закалается за нас грешных, и как насыщенный Хлеб предлагается нам в пищу. <...> Когда пришел (Господь), Он не пришел призвать праведников, но грешников к покаянию, и особенно ради них распинается Взывший на Себя грех мира; ибо благодать преизбыточествовала там, где умножился грех» [Григорий Палама, 1994. С. 39].

В романе мотив заколотого тельца также связан с невинной жертвой. Несколько раз встречается в романе описание коровы или теленка как символ надежды той или иной обедневшей семьи (первая часть главы III носит название «Как ветрами телку унесло...»). Но с убийства солдатами коровы Онтиппы и Малань начинаются горести и опустение родного дома: умирают родители, покидают Карелию их невестки с детьми. Этот же мотив появляется при описании дома Кирилы, товарища Васселея, жизнь которого также наполнена горестями и испытаниями. Предметом раздора хозяина с непрошенными гостями, солдатами, стал телок, единственная надежда на выживание и пропитание голодающей семьи. Кирилю, не позволившего заколоть и забрать теленка, солдаты уводят из дому, и он вынужден скитаться вдали от дома, чтобы сохранить свою

жизнь. За стенкой же умирает от голода безвинный младенец, вторая дочь Кирилы. Это стало последней каплей для Васселея. Измученный разлукой с домом и семьей, истерзанный чувством вины перед своим народом, отказавшись от оружия, он погибает от руки предателя Мийтрея. Но смерть настигает его на родной земле: «Васселей остановился. На мгновение замер, словно раздумывая, упасть ему или нет, потом медленно-медленно стал опускаться, словно выбирая место, куда удобней лечь.

– Примешь ли меня, земля карельская?

Облачком взметнулся сухой снег, неслышно осыпаясь на тело Васселея» [Тимонен, 1974. С. 457].

Таким образом, конфликт между Васселеем, для которого главные ценности – семья и дом, и сторонниками социальной, политической борьбы трагически разрешается смертью героя. Мотив «блудного сына» реализуется через христианские образы и символы в романе, сюжетные параллели с евангельской притчей, что позволяет судить о значимости мотива в произведении.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Колоколова Ольга Алексеевна
аспирантка
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: kolokolowa.olg@yandex.ru

Источники и литература

Антоний Сурожский. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> свободный. Яз. рус. (дата обращения: 09.04.2013).

Библия / Пер. Св. Синода 1876 г. М., 2007. 1337 с.

Григорий Палама. Беседы: в 3 т. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1994. Т. 1. 230 с.

Иванов Вс. Щедрость: Очерк жизни и творчества Антти Тимонена. Петрозаводск: Карелия, 1986. 71 с.

Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова, 2001. 352 с.

Карху Э. Г. В краю «Калевалы». М.: Современник, 1974. 223 с.

Тимонен А. Мы карелы. М.: Советский писатель, 1974. 504 с.

Феофилакт Болгарский. Толкование на Лк. 15 [Электронный ресурс]. URL: <http://feofilakt.ru/свободный>. Яз. рус. (дата обращения: 09.04.2013).

Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 151–158.

Чистович И. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1856. 154 с.

Kolokolova, Olga
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru

УДК 811.511.11

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФИНСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА*

А. А. Берн

Санкт-Петербургский государственный университет

Запрос информации является импозитивным речевым актом и предполагает использование определенных стратегий и средств защиты лица говорящего и слушающего. В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности выражения вопросов в финском административном дискурсе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вопрос, стратегии защиты лица, административный дискурс.

A. A. Bern. SOME FEATURES OF THE FINNISH ADMINISTRATIVE DISCOURSE

The article examines some particularities of questions in the Finnish administrative discourse. Requests for information are impositive speech acts: special attention must be paid to the usage of certain face-saving strategies and means.

Key words: question, face-saving strategies, administrative discourse.

Вопрос и следующая за ним реакция формируют одну из основ человеческого общения и взаимодействия [Forsberg, 1998. С. 66]. Рассмотрение способов выражения вопроса исключительно важно для понимания особенностей речевой культуры нации.

Вопросительные предложения достаточно подробно изучены на материале различных языков [Hakulinen, Karlsson, 1979; Matihaldi, 1979; Лайонз, 2003. С. 260–275; Падучева, 2004; Русская грамматика..., 2005 (1980). С. 386–401; и др.]. Под вопросом мы понимаем информационно-побудительную каузацию, направленную на получение определенных сведений. Вопросы, являющиеся конвенциональными косвенными побуждениями к действию,

например просьбами, предложениями или другими подобными речевыми актами, мы считаем неинформационно-побудительными каузациями и не рассматриваем в данной статье. К запросам информации мы относим высказывания вопросительные по содержанию, но не по форме, поэтому исключаем риторический тип.

На материале финского языка функция вопроса исследована достаточно подробно. Вопросительность в финском языке определяет взаимодействие грамматических и лексических показателей; синтаксический порядок слов, использование вопросительных местоимений, частиц *ko/kö, han/hän* [Penttilä, 1963. С. 554–555; Hakulinen, Karlsson, 1979. С. 281–

---

* Статья посвящена рассмотрению одной из небольших составляющих финского административного дискурса – дополнительных вопросов служащего. Это один из аспектов диссертационного сочинения автора «Модальность вежливости в финской речи».

288; Kangasniemi, 1992. С. 228–230]. Значение могут иметь интонация и ударение [Kangasniemi, 1992. С. 227–228]. В разговорном дискурсе анализ вопросов происходит в паре с ответами, то есть основным является дискурсивное значение вопросительного высказывания [Sorjonen, 2001; Raevaara, 2006. С. 86–117].

Мы обращаемся к рассмотрению особенностей речеупотребления в административном дискурсе финского языка, характеризующего взаимодействие представителей органов государственного института и граждан.

Рассматриваемый аутентичный материал институциональных административных диалогов предоставлен нам Центром изучения национальных языков Финляндии Kotus и представляет собой транскрипцию диалогов между служащими и посетителями Пенсионного фонда Финляндии. Примеры из административного дискурса Пенсионного фонда собраны нами в 2010–2012 гг., всего проанализировано 82 диалога. В нашем анализе мы опускаем знаки фонетической транскрипции, так как цель исследования заключается в описании семантико-структурных особенностей вопросов.

Клиент начинает свое посещение с изложения причины визита в институциональное заведение. Дальнейшее взаимодействие направлено на решение поставленной им задачи, восприятие которой зависит от профессиональной компетенции служащего. Проблема клиента может иметь типичный характер, а может требовать индивидуального подхода. Понимание значимости некоего положения вещей для посетителя определяет особенности речевого поведения служащего. Выгодополучателем является в любом случае клиент.

Все вопросы служащего мы называем дополнительными, так как они направлены на выяснение и уточнение фактов, связанных с решением основной проблемы, поставленной клиентом. Служащий не инициирует вопросы, начинающие новую тему разговора.

Дополнительные вопросы можно разделить на неимпозитивные, с помощью которых служащий уточняет детали, связанные с описанием причины визита, и более импозитивные, направленные на решение проблемы.

Неимпозитивность дополнительных вопросов, следующих за изложением причины визита, может быть связана с тем, что, по мнению служащего, выдача информации, содержащейся в ответе клиента, не может противоречить интересам последнего и дополняет описание причины визита: Ootko sä toimittanu ton ... työnantajan todistuksen työajasta ja palkasta ajalta

kolmas helmikuuta viiva kaheskymmeneskaheksas helmikuuta букв. 'Вы направили это ... свидетельство работодателя о (затраченном) рабочем времени и заработной плате за период с 3 февраля по 28 февраля'; ...oottekte käynty tuolla tota ... työvoimatoimistossa букв. '...а Вы были там эээ ... в Центре занятости населения' и т. д.

В подобном типе запросов мы можем видеть использование средств выражения позитивной вежливости, смягчающих излишнюю прямоту и категоричность вопроса, способствующих сближению со слушающим. Так, можно заметить, что включением в речь частицы -s 'а, ну' говорящий придает высказыванию оттенок непринужденности. Частица способствует созданию в институциональной ситуации отношений симметрии между говорящим и слушающим. По мнению Л. Раеваара [Raevaara, 2006. С. 117–143], использование частицы -s 'а, ну' характерно для институциональной речи в целом и является маркером совместной деятельности говорящего и слушающего: ...paljokes sulla tuli yhteen suuntaan ...tuolta букв. '...а сколько у Вас вышло в одном направлении оттуда...'; ...onks se päättyny букв. '...а он (курс) закончился?'; Mikäs se on tämän Raimon tuo henkilötunnus букв. 'А какой личный номер этого Раймо?' и т. д.

Повышение импозитивности характеризует вопросы, направленные на решение поставленной клиентом задачи и связанные с выводами и действиями служащего. Мы можем выделить несколько способов, позволяющих защитить лицо говорящего и слушающего.

Защита лица слушающего

В основе способов защиты лица слушающего – стратегия *деконкретизации*, благодаря которой вопрос начинает носить обобщенный характер. Средства защиты могут комбинироваться между собой, в одном высказывании может быть использовано несколько способов.

1. Семантический агент # синтаксический агент

Можно определить ряд средств снижения прямоты обращения путем перенесения акцента с семантического агента, непосредственно выполняющего какое-то действие, и выделения другого, синтаксического.

Во-первых, говорящий может прибегнуть к форме экзистенциального предложения (или конструкции обладания). Форма экзистенциального предложения позволяет защитить лицо как говорящего, так и слушающего. В данном

случае синтаксическим агентом становится семантический объект, который существует как бы без воли на то говорящего или слушающего: *Mitä suunnitelmiiä teillä on....?* букв. 'Каковы Ваши планы?' *Вместо:* 'Что Вы планируете?'; *Oliko tässä semmosta erittellyy?* букв. 'была ли тут такая спецификация?' *Вместо:* 'Вы брали такую спецификацию?' и т. д. Во всех перечисленных случаях клиент является агентом действия.

Отдельно следует указать на случаи предоставления документов. Служащий, как правило, не просит предъявить удостоверение личности напрямую. Вопрос направлен на выяснение того, имеются ли требуемые документы в наличии: *Onks sul jotai kelakorttii tai henkilöllisyystunnusta?* букв. 'А у Вас имеется какая-нибудь карточка Кела или личный номер?' *Onks sulla henkilöllisyyspapereita?* 'А у Вас есть документы, удостоверяющие личность?' и т. д. Данные вопросы следует рассматривать как косвенные просьбы. В редких случаях возможен запрос личного номера напрямую – в обычных ситуациях, не требующих длительного решения: *Annatko henkilötunnuksen?* букв. 'Дадите личный номер?' При использовании косвенного речевого акта служащий хочет проверить личность клиента, так как речь идет о предоставлении конфиденциальных данных.

Во-вторых, служащий может использовать пассивную форму, которая позволяет представить, что действие совершается неопределенной группой лиц, хотя действительным агентом является слушающий и это известно служащему: *Onko nää ...matkat tehty tänne hammaslääkäriin?* букв. 'А эти ...поездки (совершены) сюда к зубному врачу?'; *Mutta onks nää tuonne Kuopioon tehty nää matkat?* букв. 'А эти туда в Куопию были совершены эти поездки?'; *Milläs nää matkat on tehty?* букв. 'А каким видом транспорта эти поездки были совершены?' и т. д.

Благодаря использованию подобных типов высказываний ответственность за какую-либо деятельность, на которую направлен запрос информации, не может быть отнесена ни к слушающему, ни к говорящему. Ответ на такие вопросы характеризует объект запроса информации – спецификацию, планы и пр., но не характер и поведение слушающего-агента, который может забыть спецификации, не иметь планов и не желать становиться ответственным за что-то.

2. Замена специальных вопросов общими

Интересен принцип замены специальных по цели высказывания запросов, связанных с получением от слушающего определенной и конкрет-

ной информации, на общие по структуре высказывания. Общие вопросы менее импозитивны, нежели специальные – они оставляют большую свободу выбора ответа слушающему, который может отрицать наличие чего-то в принципе, если не хочет характеризовать объект запроса: *Onks ollut noita aekasemmin jottain maksuja niin jos se näkyis tiältä...?* букв. 'Были ли такие ранее какие-то платежи, если бы это было видно здесь...?' *Вместо:* 'Какие платежи Вы совершали ранее?'; *...että olkos sillon muita ostoja?* букв. '...а были ли тогда другие покупки?' *Вместо:* 'Какие покупки Вы делали ранее?' Конструкция подобных вопросов может противоречить нормативной грамматике финского языка: *onks teillä minkälais se se osote että... mihim me voidaan .. kuitenkip postittaa sitten?* букв. '...а у Вас есть какой этот этот адрес, чтобы ... куда мы можем все-таки отправить по почте тогда...?' *Вместо:* 'На какой адрес мы можем направить это...?' и т. д.

3. Использование констатирующе-вопросительной конструкции

Многие дополнительные вопросы служащего связаны с проверкой информации, предоставленной клиентом, поэтому они носят уточняющий характер. Для таких запросов характерна констатирующе-вопросительная форма: *Teillä ei niitä taksikuittija sitten oo* букв. 'У Вас же нет этих чеков на такси'. Служащий может попытаться подчеркнуть степень своей уверенности в некоем факте с помощью модальных наречий: *...tähähä ei varmaan lasketa aotoraikkoja..* букв. '...сюда же (в расчеты), наверное, не включаются места для (парковки) машин...'; *...ja sull on niissä kansioissa varmasti jotain...'* '...и у Вас в тех папках наверняка есть что-то...'; *...siihen ei ilmeisesti lasketa tuloja* '...здесь, очевидно, не учитываются доходы' и т. д. Несмотря на утвердительность формы, данные высказывания являются запросами и требуют реакции слушающего.

Характерной отличительной чертой институциональных диалогов является частотное использование союза *eli/elikkä* 'или, то есть, иначе говоря'. Высказывания могут быть утвердительными по форме, но требовать ответа от слушающего: *Elikkä tää on tuota Joensuuussa käyty* 'Иначе говоря, это о пребывании в Йоенсуу'; *Elikä tää on edestakanem matka* 'То есть это поездка туда и обратно'; *Elikkä sää Luopioisista, ja missä se sun työpaikka on* 'Иначе говоря, Вы из Луопиоинена, а где это Ваше место работы'; *Eli talokirjaote om ruuydetty* 'То есть просят выписку из домовой

книги»; *elikkä tää on ku kuuluu veteraanien hoittoon* *букв.* 'или это есть... относится к уходу за ветеранами' и т. д.

В вышеуказанных примерах представлено уточнение служащим информации, полученной от клиента. Зачастую обороты с данным союзом не содержат разъяснения, относящегося к высказанному ранее, это вывод служащего, который он представляет клиенту. Частица служит мостом, соединяющим предыдущую реплику с настоящей.

Указывая на характер вывода, служащий оставляет за клиентом возможность высказать иное мнение. Вводный оборот снимает рестриktivность вопроса.

4. Снижение определенности предмета речи

Минимизация объекта действия и представление его неопределенным дает большую свободу слушающему при ответе на вопрос. Это возможно благодаря использованию партитивной формы объекта, минимизаторов: *Onks sul henkilölistystunnusta 'A у Вас имеется личный номер?'; ...onkos teillä sitä Kela-korttia? '...а есть ли у Вас эта, карточка КЕЛА?'; ...muistatko yhtää koska sen palautit? 'Вы помните хоть примерно, когда Вы его вернули?'; ...onks siitä vuokran määrästä yhttää tietto? '...а есть ли хоть какие-то сведения о размере арендной платы?'; onkos mittää varallisuutta 'а есть ли какие-то средства?'*.

Защита лица говорящего

Защита лица служащего осуществляется за счет средств снижения его уверенности. Форма условно-желательного наклонения свидетельствует о снижении уверенности говорящего в правомерности вопроса, правильности понимания им ситуации, об осторожности. Форма условно-желательного наклонения подчеркивает гипотетичность некоторой пропозиции, ее необязательность: *Minkälaista sä tohon haluaisit? букв.* 'А какой ты туда хочешь (тариф)?'; *Millekkäs tilille voit maksaa tää? букв.* 'А на какой же счет можно было бы заплатить это?'; *Mihinkäs sairrauteen se tällänel lääke sitten oesi? букв.* 'А для какого заболевания подобное лекарство было бы?'; *...eli se ois niinku yheksästoist kolmatta букв.* 'то есть это было бы 19.3' и т. д.

Служащий может подчеркнуть свою неуверенность в правильном понимании некоторой ситуации напрямую: *Ymmärränks mä oikeen että se tuli niinku yön aikana? 'а понимаю ли я правильно, что случилось это... как бы... ночью?'; Ymmärränkö oikein että sun työnantaja*

on... 'Понимаю ли я правильно, что Вашим работодателем является...' и т. д.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели основные средства защиты лица говорящего и слушающего, которые использует служащий в административном дискурсе. Использование частицы *s* относится к выражению позитивной вежливости и направлено на повышение диалогичности высказывания. К способам защиты лица слушающего можно отнести вывод из дискурса говорящего и слушающего, замену специальных вопросов общими, использование констатирующе-вопросительных конструкций, средств минимизации предмета речи. Стратегия деконкретизации дает слушающему возможность подтвердить или отрицать некий факт, определить самостоятельно объем предоставляемой информации. К способам защиты лица говорящего можно отнести снижение уверенности в некотором факте.

Можно сделать вывод, что для служащего институционального заведения очень важна защита личного пространства собеседника, скромность, точность и самокритичность – он обязательно маркирует степень своей уверенности в некотором факте. Проявляя уважение к слушающему, говорящий защищает также и свое собственное лицо.

Литература

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 260–275.

Падучева Е. В. Вопросительное предложение и семантика вопроса // Высказывание и его соотношение с действительностью. М.: Наука, 2004 (1985). С. 232–246.

Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 2005 (1980). С. 386–401.

Forsberg H. Suomen murteiden potentiaali. Muoto ja merkitys. Helsinki: SKS. 1998. 434 с.

Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia. SKS. Jyväskylä, 1979. С. 281–288.

Kangasniemi H. Modal expressions in Finnish. Helsinki: SKS. 418 с.

Matihaldi H.-L. Nykysuomen modukset: Mood in present-day Finnish. Oulun yliopisto, 1979. 241 с.

Penttilä A. Suomen kielioppi. Helsinki, 1963. 728 с.

Raevaara L. Kysymykset virkailijan työkaluna // Arjen asiointia. Keskusteluja Klan tiskin äärellä / Eds. M. L. Sorjonen, L. Raevaara. Helsinki, 2006. С. 86–143.

Sorjonen M.-L. Kelasta R-kioskiin. Maallikko ja ammattilainen asiointitilanteissa. Lääkäriin ohjeet // Marja-Leena Sorjonen, Anssi Peräkylä ja Kari Eskola. Keskustelu lääkäriin vastaanotolla. Tampere: Vastapaino, 2001. 212 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Берн Анна Андреевна

старший преподаватель кафедры
финно-угорской филологии
филологического факультета СПбГУ
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург,
Россия, 199034
эл. почта: aanbern@gmail.com
тел.: (812) 3282000

Bern, Anna

Saint Petersburg State University
7-9 University St., 199034 St. Petersburg, Russia
e-mail: aanbern@gmail.com
tel.: (812) 3282000

ЮБИЛЕИ И ДАТЫ

А. П. КОСМЕНКО – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ РОССИИ

Косменко (Хокконен) Анна Павловна родилась 31 августа 1944 г. в д. Старо-Сиверская Гатчинского района Ленинградской области четвертым ребенком в учительской семье ингерманландских финнов Хокканен. В довоенных документах фамилия писалась через «а», но во время Великой Отечественной войны и послевоенных пертурбаций возникло и закрепилось новое написание фамилии – Хокконен. Отец, Павел Павлович, был директором школы и вел математику, а мама, с непривычным для русского слуха именем Дагмара, преподавала русский язык и литературу. Во время Великой Отечественной войны семье будущего этнографа пришлось пережить все испытания, выпавшие на долю боль-

шинства ингерманландских финнов СССР: сначала они оказались на оккупированной немцами территории, затем были угнаны в Финляндию, а из Финляндии репатриированы в Ярославскую область. После войны, в связи с тем, что Карелия испытывала большой недостаток в учительских кадрах, ее мать направили на работу в республику, где власти, между прочим, и разрешили осесть значительной части ингерманландской диаспоры. Для начала предоставили работу и жилье в одном из отдаленных селений Савиновского сельсовета Пряжинского района Карельской АССР. После того как селение признали «неперспективным», направили на работу в школу пос. Маньга того же района. В те годы младшая дочь Анна училась в школе № 24 г. Петрозаводска. Но в конце 1950-х в школах Карелии стали вводить 11-летнее образование, и в семье было принято решение перевести девочку в село Пряжа (районный центр Карельской АССР), где еще была школа с до-реформенным 10-летним обучением. Это дало возможность Анне (тем более ее мать была уже в пенсионном возрасте) окончить школу на год раньше, в 1961 г.

Летом того же года Анна, выиграв среди выпускников школ конкурс 11 человек на одно место (в те годы в высшие учебные заведения в первую очередь принимали абитуриентов, имевших стаж работы по меньшей мере два года), поступила на историческое отделение историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета, после окончания которого в 1966 г. была направлена по распределению на работу в г. Пудож. Там Анна проработала один год учителем истории и обществоведения в средней школе рабочей молодежи. 1 сентября

1967 г. ее приняли на работу в качестве научного сотрудника в Карельский государственный краеведческий музей. Здесь она показала себя с наилучшей стороны, участвуя в разработке тематико-экспозиционного плана по музею «Бесовы следки», в создании экспозиции по разделу дореволюционной истории Поморья в Беломорском филиале музея. Умную, старательную девушку уже в период ее работы в музее заметили Роза Федоровна Никольская и Владимир Владимирович Пименов, основатели нынешней «петрозаводской этнографической школы» [Логинов, 2004; Винокурова, Логинов, 2010]. Они посоветовали Анне учиться дальше и специализироваться на изучении народного орнамента прибалтийско-финских народов СССР.

Осенью 1968 г. Анна Павловна поступила в целевую аспирантуру Института ЯЛИ по специальности «этнография» и была прикомандирована на весь срок обучения (с 01.11.1968 по 01.11.1971 гг.) к Институту этнографии АН СССР в г. Москве. Здесь она попала в среду высококвалифицированных специалистов-этнографов, где ее определили в сектор народов Прибалтики и Поволжья. В качестве диссертационной работы на первых порах ей предложили заняться изучением традиционного орнамента карелов Карелии. Научным руководителем аспирантки назначили доктора исторических наук Гали Семеновну Маслову, самого крупного исследователя традиционного орнамента и одежды народов СССР. От нее наш нынешний юбиляр получила бесценный опыт по части как теоретических изысканий, так и музейной и «полевой» работы. Неоценимую консультативную помощь оказывали ей и другие специалисты из секторов народов Прибалтики и Поволжья, а также восточнославянских народов Института этнографии. Среди них – широко известные в научной среде Н. В. Шлыгина, Т. В. Лукьянченко, С. Б. Рождественская. Большую помощь в методике исторического изучения традиционного орнамента ей также оказал теоретик-этнолог и «полевик», доктор исторических наук Владимир Владимирович Пименов. Он знакомил Анну Павловну со своими экспедиционными материалами, собранными им еще в период работы в Карелии. В ходе бесед с аспиранткой он неоднократно подчеркивал, что при изучении современного народного орнамента – явления достаточно консервативного – надо держать в поле зрения и археологические материалы того региона, где изучаются художественные материалы недавнего прошлого. Продуктивность этого, тогда новаторского, подхода позже подтверди-

лась исследованиями многих отечественных этнографов; этот же метод исторического анализа орнаментальных материалов используется и в зарубежных исследованиях.

После утверждения на Ученом совете Института этнографии диссертационной темы «Этнокультурные связи карел по данным народного изобразительного искусства» был разработан, совместно Г. С. Масловой, вопросник по сбору данных о художественных изделиях XIX – начала XX века карелов Карелии. Тем более в Институте полагали, что для разработки этой темы основа уже есть, в частности, в финляндской литературе. Но, как выяснилось позже, в этих публикациях изделия рассматривались избирательно (только текстильные), да и то лишь в некоторых микроареалах южной части Карелии. Обзорных статей о крестьянском искусстве карелов в целом просто не существовало. Небольшой задел, созданный художником О. П. Бородкиным [Полякова, 2007], принятым в 1937 г. на работу в Институт (тогда он именовался Карельским научно-исследовательским институтом) для изучения вышивки и ткачества народов Карелии [НАКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 230, л. 9], тоже оказался совершенно недостаточным. Так, работу диссертантке пришлось начинать практически с нуля. Без оглядки Анна Павловна принялась изучать музейные коллекции и собирать собственный полевой материал на огромной территории расселения карелов Карелии. В полевой сезон она трудилась в экспедициях и командировках, передвигаясь на рейсовых и попутных машинах от деревни к деревне, а зачастую и «на своих двоих»; зимой обрабатывала экспедиционные записи и фотографии, сдавая между делом кандидатские экзамены. Р. Ф. Никольская в бытность свою заведующей сектором фольклора и этнографии Института ЯЛИ в Петрозаводске неоднократно вспоминала, что Гали Семеновна Маслова особо выделяла Анну среди многих своих подопечных и относила ее к числу тех аспирантов, успехами которых довольна. В ходе подготовки диссертационной работы стали обнаруживаться «подводные камни» формулировки названия «Этнокультурные связи...», ибо даже в плане освещенности в литературе орнаментальные традиции смежных с карелами народов (русских Европейского Севера, вепсов, кольских саамов, ижоры и др.) оставались в литературе, в сущности, «белыми пятнами». Тем не менее, как следует из аспирантских бумаг тех лет, диссертационное исследование было в «основном завершено» [НАКНЦ, ф. 2, оп. 35, д. 4034, л. 24], и Анна Павловна вернулась в Петрозаводск.

2 ноября 1971 г. она была принята на работу в сектор фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Будучи от природы человеком целеустремленным, Анна Павловна продолжала пропадать каждое лето в экспедиционных поездках по Карелии и сопредельным территориям, собирая материалы, которые позволили бы сделать выводы ее диссертационной работы совершенными, фундаментальными. Как она сама вспоминала, к концу сезона, после двух-трех месяцев работы в поле, когда каждый день надо было «разговорить» по 5–6 информантов, силы ее полностью оставляли. Трудно было даже заставить себя общаться с домашними на бытовые темы. Впрочем, в те годы в ее жизни была не только работа. В сентябре 1973 г. она вышла замуж за археолога Марка Георгиевича Косменко [Ученые..., 2012. С. 370–371], с которым познакомилась еще в аспирантуре в Москве, и гуманитарная наука Карелии приобрела сразу двух высококвалифицированных исследователей, ставших впоследствии гордостью этой науки.

Процесс, в результате которого в СССР любящая научная рукопись доходила до стадии публикации, занимал в среднем от полутора до двух лет. Поэтому первые публикации Анны Павловны увидели свет уже после окончания аспирантуры. В 1974 г. их вышло сразу пять! Кроме того, в тот год в рукописном варианте ею были подготовлены тексты трех научных статей, автореферат кандидатской диссертации и научно-популярная работа объемом 13,5 авторских листа [НАКНЦ, ф. 2, оп. 35, д. 4034, л. 31–33]. В послевоенном СССР к защите диссертации допускались люди, имеющие всего три публикации. Но правилом «хорошего тона» все-таки считалось, чтобы в центральном академическом журнале вышла полноценная научная статья диссертанта. Именно по этому пути Анна Павловна и пошла, опубликовав важную статью в «Советской этнографии» [Косменко, 1975]. Диссертацию «Народное изобразительное искусство карел Карельской АССР XIX – начала XX вв. (в свете историко-культурных связей)» она успешно защитила 10 июля 1975 года в здании Института этнографии им. Миклухо-Маклая в Москве. В ученой степени кандидата исторических наук Анна Павловна была утверждена 7 января 1976 г.

Свою деятельность после защиты кандидатской диссертации одни ученые называют «роскошью научного труда», другие – «научной рутинной». У Анны Павловны Косменко этот путь складывался так: с 02.11.1971 она работала

младшим научным сотрудником, утверждена в этом научном звании 18.03.1975; с 01.04.1986 – научный сотрудник, утверждена в этом звании 01.07.1986; с 4.10.1988 работала в должности старшего научного сотрудника, утверждена в этом звании 10.03.1994. В результате структурных изменений внутри Института ЯЛИ с 01.11.1983 Анна Павловна работала уже не в секторе фольклора и этнографии, а в секторе этнографии и этнологии, с 01.02.1991 и до выхода на пенсию – в секторе этнологии [Ученые..., 2012. С. 369–370].

Восхождение к вершинам Науки ученые совершают по одним и тем же ступеням, но судьба каждого исследователя в ней всегда индивидуальна. К примеру, первая большая работа Анны Павловны «Карельское народное искусство» [Косменко, 1977а] в научной «табели о рангах» причисляется к разряду научно-популярных работ. Однако данная публикация сразу выделила ее из научной среды и принесла известность не только в Карелии, но и за пределами России. Учитывая эту работу, а также уже имеющиеся публикации, дирекция Института ЯЛИ не посчитала нужным поручать Анне Павловне задание написать специальную монографию по народному искусству и орнаменту карелов Карельской АССР. Тем более что сама Анна Павловна помнила советы В. В. Пименова, который еще в аспирантуре рекомендовал ей общее направление будущих исследований, а именно – вопросы общности и специфики, а также генетических пластов в традиционном искусстве народов Северо-Запада СССР. Поэтому с 1977 г. она занялась систематическим и углубленным (с точки зрения исторической ретроспективы) изучением народного искусства вепсов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей.

Автору этих строк в 1977 г. довелось поработать под началом Анны Павловны в комплексной экспедиции у вепсов Прионежья [Косменко, 1977б]. Лишь изредка наш руководитель находила время, чтобы поудить рыбку на вечерней заре. Большею частью мы работали и работали: мой студенческий рукописный отчет по той экспедиции составил 242 страницы [НАКНЦ, Ф. 1, оп. 50, д. 115–120]. Однако в нем было немного сведений, которые бы не довелось записать Анне Павловне от ее стариков-информантов. Работу по вепсской проблематике А. П. Косменко завершила изданием в 1984 г. монографии «Народное изобразительное искусство вепсов» [Косменко, 1984]. Помимо чисто исследовательской работы А. П. Косменко вела педагогическую и общественную деятельность, в частности, руководила

работой по изучению традиционного орнамента русского населения Северо-Запада России студентки В. В. Новиковой (ныне Сурво), на которую возлагала большие надежды. В эти же годы она параллельно читала курсы лекций «Основы общей этнографии» в Петрозаводском университете и выступала с лекциями по народному искусству Карелии в Карельском государственном историко-краеведческом музее. Она же консультировала по традиционному искусству и одежде народов Карелии преподавателей консерватории, работников театров г. Петрозаводска, а также сотрудников Музея изобразительных искусств, самодеятельных прикладников, выступала в средствах массовой информации Карелии.

К концу 1970-х – началу 1980-х годов усилиями Р. Ф. Никольской [1965], Ю. Ю. Сурхаско [1977] и А. П. Косменко общее описание традиционной культуры карелов Карелии уже было выполнено. Актуальной стала задача исследования отдельно взятой локальной группы карелов, что и было сделано усилиями этнографов и фольклористов ИЯЛИ: в 1981 г. Р. Ф. Никольская и А. П. Косменко подготовили коллективную публикацию «Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел» [Никольская, Косменко, 1981]. В середине и второй половине 1980-х гг. А. П. Косменко активно работала в экспедициях, собирая и анализируя сведения о русских, вепсах и карелах Карелии, а с 1983 по 1985 гг. и полевые материалы среди ижоры и води [НАКНЦ, ф. 1, оп. 50, д. 962; 963]. В принципе, в те годы она подошла к тому, чтобы написать полноценную научную работу по вышивке и декоративно-прикладному искусству коренных народов Карелии. Об этом говорит выход в свет подарочного издания «Северные узоры. Народная вышивка Карелии» [Косменко, 1989]. Ею она подготовила по просьбе сотрудников Музея изобразительных искусств г. Петрозаводска, где были охарактеризованы материалы только данного музея. Имея при себе эту «карманного формата» работу, так легко рассказывать студентам об особенностях традиционной вышивки русских Пудожья, Заонежья или Поморья, а не только карелов (ливвиков, людиков, собственно карелов) Карелии или вепсов! В конце 1980-х гг. Институт поручил Анне Павловне исследовать тему «Народное искусство саамов Кольского полуострова», с тем чтобы получить представление (насколько это сегодня возможно) о дореволюционном искусстве и этого во многом загадочного народа Крайнего Севера. Собрав необходимый материал в экспедициях и музеях, она успешно справилась с зада-

чей и издала в начале 1990-х монографию «Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова XIX–XX вв.» [Косменко, 1993]. Эта небольшая по объему книга с одобрением была встречена специалистами Института антропологии и этнологии РАН России, в том числе и этнографами Финляндии. В частности, Илдико Лехтинен, один из ведущих специалистов по финно-угорским культурам, в письме автору от 11 ноября 1994 г. [Личный архив А. П. Косменко] отметила, что для них книга «оказалась ... своевременная», поскольку она послужила основой «в организации выставки по культуре саамов в Париже». Таким образом, раздельное исследование традиционного народно-изобразительного искусства прибалтийско-финских народов России и саамов Кольского п-ова было завершено. Пришел наконец-то черед широкого сравнительного исследования. В 1999 году А. П. Косменко завершила работу над темой «Историко-культурные компоненты в современном изобразительном искусстве прибалтийско-финских народов» и сразу получила поддержку исследовательского, а затем и издательского гранта РГНФ. Тема была завершена изданием в 2002 г. монографии «Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России» [Косменко, 2002]. Это было готовое исследование на уровне докторской диссертации. Но Анна Павловна, которая, как и многие другие подвижники науки, так и не научилась отдыхать, во время отпусков дорабатывала государственные темы, дописывала статьи и книги, атрибутировала горы материалов, собранных в многочисленных экспедициях, а также в отечественных и зарубежных музеях. При этом дирекция Института, как ей и положено, требовала своевременного выполнения очередной исследовательской темы 2000–2003 гг. – электронного каталога «Традиционное изобразительное искусство карелов» объемом 10–12 авторских листов. Поэтому Анна Павловна решила перейти на индивидуальную работу, и с 1 декабря 2004 г., объяснив свой уход из Института «резким ухудшением здоровья», вышла на пенсию [НАКНЦ, ф. 2, оп. 35, д. 4034, л. 110].

Тем не менее, как требовательный к себе исследователь, научную стезю не оставила. Об этом свидетельствует выход в свет доработанного и дополненного новыми материалами 2-го издания ее последней монографии «Послания из прошлого. Традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России» [Косменко, 2011]. За комплексное исследование традиционного искусства и орнамента народов северо-западной России Анна Павловна от-

мечена грамотами Карельского научного центра РАН, Государственного комитета по национальной политике Карелии (2000 г.). Президиум Российской академии наук «за добросовестный труд на благо российской науки, практический вклад в развитие фундаментальных и прикладных научных исследований» наградил ее грамотой (23 декабря 2004 г.). Анну Павловну знают и ценят отечественные и зарубежные исследователи. К ним присоединяются и авторы книг по декоративно-прикладному искусству и русской вышивке Заонежья и Пудожья [Трифорова, 2004; Бакирова, Минина, 2012] и считают ее вместе с Г. С. Масловой важнейшими среди своих предшественников-исследователей. В связи с этим автор данной статьи еще раз подтверждает свой вывод, что научные заслуги выдвигают А. П. Косменко в ряды классиков не только этнографии Карелии, но и России в целом [Логинов, 2004. С. 286].

К. К. Логинов

Источники и литература

Бакирова О. И., Минина В. М. Народная вышивка Пудожья. М.: Древнее и современное, 2012. 400 с.: ил.

Винокурова И. Ю., Логинов К. К. Никольская и становление этнографической науки в Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 1. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2010. С. 132–139.

Косменко А. П. Карельское народное искусство. Изобразительное творчество. Петрозаводск: Карелия, 1977а. 159 с.: ил.

Косменко А. П. Этнографы на земле прионежских вепсов // Лен. правда. 1977б. 4 дек.

Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов / Отв. ред. И. П. Работнова. Л.: Наука, 1984. 200 с.: ил.

Косменко А. П. Северные узоры: народная вышивка Карелии / Авт. текста и науч. консультант А. П. Косменко; сост. Л. Н. Белоголова, Т. А. Мошина. Петрозаводск: Карелия, 1989. 240 с.: ил.

Косменко А. П. Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова. XIX–XX вв. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. 170 с.

Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2002. 220 с.: ил.

Косменко А. П. Послания из прошлого. Традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России. 2-е изд. Петрозаводск: Скандинавия, 2011. 304 с.: ил.

Логинов К. К. Петербургско-московский патронаж и современная этнологическая школа в Карелии // Мавродинские чтения-2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: материалы юбил. конф., посвящ. 70-летию ист. фак-та СПбГУ. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 284–288.

Научный архив Карельского научного центра РАН (в тексте – НАКНЦ).

Никольская Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965. 227 с.: ил.

Никольская Р. Ф., Косменко А. П. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Отв. ред. Е. И. Клементьев. Изд. подгот. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Л.: Наука, 1981. 264 с.

Полякова С. К. Бородин Осмо Павлович // Энциклопедия Карелии. Т. 1. Петрозаводск: Петро-Пресс, 2007. С. 177.

Сурво В. Образы вышивки и обрядовая семантика в традициях Карелии: [Электрон. ресурс]. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/4252>.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 237 с.

Трифорова Л. В. Декоративно-прикладное искусство Пудожья и Заонежья в собраниях музея «Кижы». Петрозаводск: Карелия, 2004. 96 с.: ил.

Ученые Карельского научного центра Российской академии наук. Биографический словарь (3-е изд., доп. и перераб.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 369–370.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

А. П. КОСМЕНКО (ХОККОНЕН)

1974. Искусство резьбы на предметах быта карел Карельской АССР. XIX – начало XX в. // Вопросы советского финно-угроведения: Археология, литературоведение, этнография, фольклор. (Тез. докл. и сообщ. на XII Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 250-летию Академии наук СССР / Ред. кол.: Г. М. Керт (отв. ред.), Г. А. Панкрушев, Э. Г. Карху, Р. Ф. Никольская, В. Я. Евсеев. Петрозаводск: КФАН СССР. С. 73–75.

Орнаментация тканых изделий карел Карельской АССР. XIX – начало XX в. // Там же. С. 75–77.

Техника и орудия первичной обработки волокна у карел Карельской АССР // XVI научная конференция Государственного этнографического музея Эстонской ССР. 15–16 апр. 1974: тез. докл. Тарту. С. 9–10.

Народное декоративное искусство карел в работах русских и финляндских исследователей // Некоторые проблемы современной этнографической науки: (источниковедение и историография). М.: Наука. С. 153–162.

Karjalaisia käsityötä [Карельское рукоделие] // Punalippu. N 8. S. 107–110.

1975. Народное изобразительное искусство карел Карельской АССР XIX – нач. XX в. (в свете историко-культурных связей): автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М.: АН СССР, 1975. 27 с.

Карельская народная вышивка второй половины XIX – начала XX века // Совет. этнография. № 1. С. 92–101: ил.

1976. Художественные промыслы Карелии: указ. лит. / Сост. О. П. Кошкина, под общ. ред. А. П. Косменко. Петрозаводск: Карелия. 25 с.

Карельская народная резьба и роспись по дереву (XIX – нач. XX в.) // Этнография Карелии: сб. ст. / Науч. ред. Р. Ф. Никольская (Тароева), Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КФ АН СССР. С. 104–136.

1977. Карельское народное искусство. Изобразительное творчество: Альбом. Петрозаводск: Карелия. 159 с.: ил. [Рец.: Этнографы на земле прионежских вепсов // Лен. правда. 4 дек.; Рождественская С. Б. // Совет. этнография. 1979. № 4. С. 183–184].

1979. Об ареальной характеристике изобразительного искусства карел Карельской АССР // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск: КФ АН СССР. С. 63–70.

Общие черты и специфические особенности вепско-карельской вышивки конца XIX – нач. XX века // Вопросы финно-угроведения: тез. докл. XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов, июнь 1979 г. / Отв. ред. Г. Г. Бараксанов: в 2-х ч. Ч. 2. Этнография, антропология, археология, литературоведение. Сыктывкар: Коми филиал ИЯЛИ АН СССР. С. 24–25.

Historialliset tarinat / R. Nikolskaja, A. Hokkanen // Punalippu. N 8. S. 100–101. Исторические предания: рец. на кн. «Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион)» / Изд. подгот. Н. А. Криничная, отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1978. 254 с.].

Vepsäläistä kirjontaa. Kansantieteen valossa [Вепсская вышивка. Этнографические заметки] // Punalippu. N 9. S. 103–106.

1981. К вопросу об общности орнамента карельских и вепских вышивок (по материалам XIX – начала XX века) // Природа и хозяйство Севера. Вып. 9. Мурманск: Кн. изд-во. С. 85–91.

Об этнолокальной специфике традиционного искусства северных вепсов (по материалам резьбы по дереву) // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: тез. докл. Петрозаводск: КФ АН СССР. С. 18–19.

Одежда и украшения // Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Отв. ред. Е. И. Клементьев, изд. подгот. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Л.: Наука. С. 116–137.

Декоративно-прикладное искусство // Там же. С. 195–243.

1982. Состояние и формы развития народного искусства в Советской Карелии // Актуаль-

ные проблемы развития соц. нац. худож. культур в условиях зрелого социализма: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Махачкала. С. 133–134.

1983. Функция и символика вепсского полотна (по фольклорно-этнографическим данным) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск. С. 38–85.

Annikki Lukkarinen: Anna Kosmenko, kansantieteen tutkija Neuvosto-Karjalasta [Анникки Луккаринен: Анна Косменко, этнолог из Советской Карелии] // Karjalan heimo. N 11/12. 201 s.

1984. Народное изобразительное искусство вепсов // Отв. ред. И. П. Работнова. Л.: Наука. 200 с.: ил. [Рец.: Титов Ю. В. Преемственность // Лен. правда. 17 янв.]

1985. Антропоморфная скульптура в декоре вепсских построек // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск: ПГУ. С. 46–58.

1986. Некоторые приемы обработки шкур, кожи и изготовления меховой одежды у саамов Кольского полуострова // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск: КФ АН СССР. С. 113–132.

1987. Saamalaisia koristekuoseja: Kansatieteellisiä havaintoja Kuolan niemimaalta [Саамские узоры: этнографические заметки с Кольского полуострова] // Punalippu. N 2. S. 117–123: kuv.

1988. Текстильные изделия в свадебной обрядности ижорцев // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КФ АН СССР. С. 37–53.

1989. Северные узоры: народная вышивка Карелии / Авт. текста и науч. консультант А. П. Косменко, сост. Л. Н. Белоголова, Т. А. Мошина. Петрозаводск: Карелия. 240 с.: ил. [Рец.: Титов Ю. В. // Лен. правда. 28 нояб.]

Народное искусство, художественные ремесла и промыслы Карелии // Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР: тез. докл. Петрозаводск: Карелия. С. 14–15.

Отражение межэтнических контактов в народном изобразительном искусстве саамов Кольского полуострова // Congr. Septimus Internationals Fenno-Ugristarum. Summaria dissert. Ethnologica et folklorica, literaria, historia, archaeologica et anthrorologica. Debrecen. S. 46.

1990. Традиционное орнаментальное искусство саамов Кольского полуострова в межэтническом аспекте // Congr. Septimus Intern. Fenno-Ugristarm. Sessiones sectionum. Dissert. Ethnologica et folklorica. Debrecen. S. 113–118.

1991. Common and specific features in clothes ornamentation of the Karelian population (the end of XIX – beginning of the XX century) // Физическая антропология и традиционная культура финно-угорских народов (антропологическая часть): материалы совет.-фин. симпозиума в г. Хельсинки, май 1989 г. М.: Наука. С. 176–192.

1993. Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова. XIX–XX вв. Петрозаводск: КНЦ РАН. 170 с.

Об историко-культурных компонентах в орнаменте восточных прибалтийско-финских народов // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: материалы симпозиума, сент. 1993. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 40–49.

1994. Vepsäläisten pyyheliinujen symbolikka [Символика вепсских полотенец] // Vepsäläiset tutuiksi kirjoituksia vepsäläisten kulttuurista. Joensuu. S. 119–128.

1996. The ornamentation of eastern Balto-Fennic peoples – a historical source // Historia Fenno-Ugrica 1: 1. Congressus primus historiae Fenno-Ugricae. Oulu. P. 549–573.

Художественные ремесла Олонецкого уезда // Карельский этнос: история и перспективы развития: тез. науч. конф. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 35.

Традиционный орнамент как предмет историко-этнографического изучения (на материале прибалтийско-финских народов: саамов, вепсов и карел) // 50 лет Карельскому научному центру Российской академии наук: юбил. науч. конф. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 222–223.

1997. Образцы традиционной вышивки и узорного ткачества карел-людиков // Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 223–227.

«Европейские» элементы в изобразительном искусстве саамов Кольского полуострова // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: междунар. симпозиум. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 32–33.

Общие и особенные черты в орнаментации традиционного костюма народов Карелии // Фольклорная культура и межэтнические связи в комплексном освещении. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 26–41.

2002. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск: КНЦ РАН. 220 с. [Рец.: Пулькин В. Письмена вечности // Народное творчество. 2004. № 5. С. 11; Курьер Карелии. 2003. 10 июля; Pulkkin V. Ikuisuuden kirjoituserkkejä: Reunahuomautuksia Anna Kosmenkon kirjaan Luoteis-Venäjänsuomalaisten kansojen perinteiset ornamentit // Karelia. 2003. N 11. S. 150–153].

2003. Декоративно-прикладное искусство [саамов] // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука. С. 148–158.

Народное декоративно-прикладное искусство [карелов] // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука. С. 306–317.

Народное декоративно-прикладное искусство [вепсов] // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука. С. 449–462.

2008. Орнаментальное искусство сямозерских ливвиков (XIX – начало XX века) // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 531–546.

2011. Послания из прошлого. Традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России. 2-е изд. Петрозаводск, Скандинавия. 304 с.: ил.

В. П. ФЕДОТОВА – СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАРЕЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Виено Петровна Федотова – известный собиратель и исследователь совершенно особого языкового пласта – карельской фразеологии, прекрасный знаток диалектной лексики. Она проработала в секторе языкознания Института языка, литературы и истории более сорока лет. Направление исследований, которому В. П. Федотова посвятила практически всю свою научную карьеру, в настоящее время приоритетно в научном финно-угорском мире и исключительно актуально в период возрождения письменности и становления литературного языка в практическом отношении. Она, первый руководитель кафедры карельского и вепсского языков Петрозаводского государственного университета, стояла у истоков развития преподавания родной речи и национальной культуры.

В. П. Федотова (девичья фамилия Лехто) родилась 28 июня 1934 года в деревне Карелакша Лоухского района. Ее детство и юность прошли в п. Калевала, там в 1952 году она закончила среднюю школу. До сих пор Виено Петровна с большой теплотой вспоминает своих учителей, особенно Унелму Семеновну Конкка, тогда преподававшую русский язык и литературу, а позже ставшую известным фольклористом, первым исследователем карельских сказок и причитаний. «Это был учитель от Бога! Мы с ней выпускали литератур-

ную газету и журнал. Она вела два кружка – литературный и драматический. Я была критиком в журнале. Мечтала стать Белинским! А как она преподавала литературу! Она так подала «Судьбу человека» М. Шолохова, что плакали все – и мы, и она. Она познакомила нас с «Тихим Доном», которого не было в программе. В классе было семнадцать человек, десять – поступили в университет. Меня в университете уговаривали пойти на финское отделение, туда был недобор, но я все твердила: «Я люблю русскую литературу!» И в 1952 году поступила на филфак, сдав все пять экзаменов на отлично. Вот такие были учителя!»

После окончания университета Виено Петровна несколько лет проработала в школе. В 1965 году она случайно увидела объявление в газете, что в ИЯЛИ требуется работник с высшим образованием и знанием карельского языка. Она поняла, что это место – для нее, она сможет заниматься родным языком! Первые восемь лет работы в секторе языкознания она помогала собирать и обрабатывать лексический материал Г. Н. Макарову, который в то время трудился над составлением Словаря карельского языка ливвиковского диалекта.

Придя на работу в ИЯЛИ, собирая и обрабатывая диалектный материал и тверских, и северных, и южных карелов, Виено Петровна почти сразу «обратила внимание, что никто не занимается образной речью. А карелы говорили фразеологизмами! У них очень живая речь! Образная!» Когда она объявила в секторе, что будет ездить и собирать материал по фразеологии, Г. М. Керт («душа нашего сектора, очень демократичный руководитель») сказал, что он «не компетентен в этой области». Г. Н. Макаров предупредил, что много работы с его словарем. Но Виено Петровна не отступала. И завсектором договорился о руководстве диссертацией с директором Института языкознания Юрием Сергеевичем Елисеевым, «хорошо знающим финский

язык, веселым и жизнерадостным человеком». В 1971 году Виено Петровна поступила в заочную аспирантуру по специальности «финно-угорское языкознание (карельский язык)». Она дважды в год ездила на консультации – руководитель очень требовательно подходил к написанию и статей, и диссертации. В 1977 году в Эстонии работа по теме «Фразеологические единицы в карельском языке» была успешно защищена, и 19 апреля 1978 года В. П. Федотовой была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. В выписке из Протокола заседания Ученого совета ИЯЛИ, хранящейся в Научном архиве Карельского научного центра РАН [ф. 2, оп. 35, д. 4385, л. 28], указано: «...работа является первым обращением к карельской диалектной лексике. На большом фактическом материале автор дает системное описание семантической и грамматической структур карельских фразеологических единиц. Использован огромный теоретический материал, свидетельствующий о значительной научной эрудиции аспиранта».

Чтобы добиться такой оценки, была проделана огромная работа. Еще когда Виено Петровна помогала Г. Н. Макарову делать словарь, она поразились: почему в примерах так мало фразеологизмов? Она каждый год, с 1966-го по 1991-й, выезжала в экспедиции. В первые годы с А. В. Пунжиной побывала во всех деревнях, в которых проживали тверские карелы, затем объездила всю Карелию. Можно представить, насколько трудно собирать устойчивые речевые обороты. Виено Петровна выработала свою методику ведения беседы, составила свой опросник, затем словник. Специально наводила разговор на определенные темы, чтобы информанты употребили больше фразеологизмов. Она стремилась проверить ранее записанные устойчивые обороты на современное бытование и контекстуальное окружение. Виено Петровна обратила внимание, что у тверских карелов устойчивых единиц в речи гораздо меньше, чем на севере Карелии. При этом сильно влияние русского языка, много русских калек. На юге своим фразеологическим богатством «особенно поразила Колатсельга, настолько искусно там была расцвечена и украшена обыденная разговорная речь!» Побывав впервые в 1984 году в архиве Финляндии, она увидела огромное количество материала, собиравшегося с 19 века. За 30 дней она просмотрела третью часть архива и расписала картотеку по фразеологизмам. Период с 1991 по 2004 годы Виено Петровна назвала «окаанным време-

нем», за эти полтора десятилетия она ни разу не выезжала в поле. Посетив в 2005–2006 гг. Ругозеро, Поросозеро, Койкары, она поразились увиденному и услышанному: «За эти годы тот образный язык исчез! В Койкаре даже старики уже не говорили так, как еще пару десятилетий назад!» Таким образом, в результате активных полевых выездов Виено Петровна успела очень вовремя зафиксировать угасающую традицию живого и образно богатого карельского языка.

В секторе языкознания ИЯЛИ ею собрана уникальная картотека изобразительных средств карельской речи, включающая фразеологизмы, дескриптивную и прочую лексику данного направления (всего более ста тысяч карточек).

В результате плодотворной собирательской и научной деятельности одна за другой выходят статьи, монографии и словари В. П. Федотовой, благодаря которым ее имя навсегда яркой страницей вписано в историю прибалтийско-финского языкознания. И в то же время, что немаловажно, эти работы закладывают практическую и теоретическую базу для дальнейших исследований по языковой идиоматике. В 1985 году опубликована работа «Фразеологизмы в карельском языке». В ней впервые была исследована фразеологическая система карельского языка с применением метода синхронного описания, раскрыты категориальные признаки карельских фразеологизмов в семантическом и грамматическом аспектах. В 1990 году вышел в свет «Очерк синтаксиса карельского языка». Это первый опыт системного описания данного раздела языкознания, раскрывающий типы синтаксических конструкций, характерных для современной карельской разговорной речи. В 1994 году в Финляндии напечатана коллективная работа «Образцы карельской речи».

В 1995 году В. П. Федотовой присваивают звание старшего научного сотрудника по специальности «финно-угорские и самодийские языки». И в том же году в связи со сложным положением и в стране, и в ИЯЛИ ее переводят на 0,5 ставки. Но она продолжает активно работать.

В 2000 году был издан «Фразеологический словарь карельского языка», в который включены более 4 000 словарных разработок. Это самый масштабный труд В. П. Федотовой, материал для него собирался более двадцати лет. Иллюстрации к фразеологическим сочетаниям даются на трех наречиях – собственно-карельском, ливвиковском и людиковском.

Большое внимание уделено переводам фразеологических единиц на русский язык, что расширяет читательскую аудиторию, делая словарь доступным для любого читателя-кареля, а также для всех, кто интересуется карельским языком. В издании наиболее полно отражена общекарельская лексика в ее конкретном функционировании в разговорной речи. В 2001 году издается «Краткий фразеологический словарь карельского языка» с использованием правил письменной речи на ливвиковском и собственно-карельском наречиях. Он предназначен в первую очередь для учащихся школ и студентов, изучающих карельский язык. Во вступительной статье даны методические рекомендации для преподавателей и кратко, в доступной форме изложена теория по идиоматике и фразеологии. В 2002 году был опубликован словарь «Дескриптивные глаголы в карельском языке», здесь автор продемонстрировала прекрасные навыки в области диалектной лексикографии. В работе дан максимально полный список дескриптивных глаголов (около тысячи лексических единиц), общих для большинства карельских говоров. Словарь предваряет вступительная статья, являющаяся первым опытом исследования огромного и совершенно особого пласта неизученной дескриптивной лексики, которая наделена особой экспрессией и призвана сделать разговорную речь более образной и выразительной. В работе намечены пути и для дальнейших исследований в данной области. На основе всех этих работ можно представить фразеологическую картину мира карельского народа, основанную на древнейших мифологических архетипах.

В. П. Федотова была редактором хрестоматии по фольклору «Песенный открою короб» (Петрозаводск, 1993); монографий «Материальная культура сегозерских карел» и «Духовная культура сегозерских карел» (Л., 1980); трех словарей.

Она занималась и просветительской деятельностью: читала лекции на предприятиях, сотрудничала с газетами, неоднократно выступала на радио и телевидении.

Свой вклад В. П. Федотова внесла и в развитие преподавания карельского языка. Она бережно относилась к возрождению и сохранению карельского языка, стремилась стабилизировать ситуацию и привить молодежи вкус к родному слову. На протяжении многих лет она оппонировала и руководила курсовыми и дипломными работами студентов университета и пединститута. По собственной инициативе активно привлекала к собира-

тельской деятельности студентов, составляла для них словники и опросники, руководила полевыми отрядами по 10–12 человек. Особенно активно они собирали языковой материал у ливвиков и людиков. Все их записные книжки лежат в архиве, а имя каждого студента, участвовавшего в сборе примеров для «Фразеологического словаря карельского языка», скрупулезно включено в Список собирателей. С 1993 по 1996 г. В. П. Федотова читала спецкурс по карельской фразеологии. Она оказывала всемерную поддержку школам и вузам Карелии, выпуская в том числе и для них учебные словари и приобщая таким образом детей и молодежь к знанию изобразительных средств карельской речи.

В. П. Федотова стояла у истоков создания кафедры карельского и вепсского языков ПетрГУ, несколько первых лет была ее заведующей. Это был самый трудный период, когда еще в процессе становления были методика и программа преподавания, учебная литература и сам учебный процесс, кадровый состав преподавателей. Виено Петровна вспоминает, что декан историко-филологического факультета З. К. Тарланов уговаривал ее уйти из ИЯЛИ. Когда она советовалась с коллегами, Ю. С. Елисеев сказал сакраментальную фразу: «Из Академии не уходят».

Именно те молодые люди, бывшие студенты, которых обучало поколение В. П. Федотовой (это и журналисты, и теле- и радиоведущие, преподаватели университета, члены общества «Nuori Karjala», научные сотрудники), ведут сейчас активную работу по сохранению родного языка.

В 2006 году произошло очередное сокращение штатов, и Виено Петровна добровольно согласилась уйти, уступив место новым талантливым сотрудникам. Но она и сегодня продолжает работать. В 2009 году в соавторстве с Т. П. Бойко вышел в свет «Словарь собственно-карельских говоров Карелии». В нем около 22 тысяч словарных статей, много примеров из метафорической фразеологии и из карельских фольклорных текстов.

В настоящее время В. П. Федотова, завершив составление словника и всех карточек, редактирует Русско-карельский словарь собственно-карельского говора. При этом на протяжении нашей беседы Виено Петровна подчеркивала, что она «всегда считала карельский язык единым». Именно в таком ракурсе (не делая фразеологизмы по диалектам) она сделала свою главную работу – «Фразеологический словарь карельского языка». И, быть может, если бы развитие языка пошло по этому пути,

у него было бы более светлое будущее. Хотя, как известно, у истории нет сослагательного наклонения...

В. П. Федотова – скромный, порядочный и добрый человек. Ее собственные душевные качества и ее отношение к людям ярко демонстрирует следующее высказывание: «С 1965 по 2006 год я проработала в секторе и никогда ни с кем плохому не переглянулась – значит, все вокруг

меня были хорошие люди!». Она «как специалист в области синтаксиса и лексики, а также великолепный знаток фразеологии» [АКНЦ РАН, ф. 2, оп. 35, д. 4385, л. 104] сумела внести свой вклад в развитие карельского языка в нескольких направлениях: собирательском, научном, преподавательском и просветительском.

Л. И. Иванова

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА ПУНЖИНА (к 80-летию со дня рождения)

Александра Васильевна Пунжина родилась 20 мая 1934 года в городе Калинин. Ее родители, тверские карелы, были родом из окрестностей села Толмачи Лихославльского района: Василий Иванович из деревни Курганы, Евдокия Феоктистовна из деревни Спорное. В семье говорили только на карельском языке, поэтому Александра Васильевна отлично владеет его толмачевским диалектом.

В 1937 году по «карельскому делу» были арестованы десятки тверских карелов. Среди них оказался и Василий Иванович Пунжин. На свободу его отпустили в 1938 году, но вскоре

призвали на Великую Отечественную войну. Семья же была вынуждена переехать обратно в Толмачи, где Александра Васильевна и ее старший брат Вениамин окончили школу.

В 1953 году А. В. Пунжина поступила на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета, но интерес к родному карельскому языку не угасал. В студенческие годы она работала под руководством Г. Н. Макарова в составе экспедиций к тверским карелам по заполнению «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» (под ред. Д. В. Бубриха). После окончания университета молодой специалист по распределению уехала работать учителем русского языка и литературы на о. Валаам, затем несколько лет проработала в школе г. Петрозаводска.

В конце 1965 года Александру Васильевну Пунжину пригласили на должность научного сотрудника в сектор языкознания Института языка, литературы и истории. В 1977 г. в Тартуском университете она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Именные категории в тверских говорах карельского языка», материал для которой был собран в трех диалектных группах карелов – весьегонской, толмачевской и держанской.

Одновременно с исследовательской деятельностью Александра Васильевна занималась сбором лексики для «Словаря карельского языка: Тверские говоры». К данной работе она приступила еще в 1966 году. К тому времени А. А. Беляковым был составлен словник будущего словаря, В. Е. Злобина записала первые полевые материалы. На начальном этапе работы над словарем в ней принимала участие В. П. Федотова. Летом 1966 года состоялась их первая совместная экспедиция в родной для Александры Васильевны Лихославльский район Калининской области. Были обследованы практически все карельские деревни района. Александра Васильевна вспоминает: «Сразу почувствовалось вхождение людей в язык. Удалось зафиксировать прекрасную

карельскую речь». Поездка вызвала такой задор, что тем же летом она снова отправилась на Верхневолжье, теперь уже к карелам Спировского района. Александра Васильевна с удовольствием вспоминает и рассказывает о беседах с информантами: «Я осознала огромную ценность людей в процессе изучения языка. Была поставлена задача: ездить дальше и дольше». И так каждый год совершалась одна экспедиция. Были обследованы Лихославльский, Спировский, Рамешковский, Максатихинский, Лесной, Весьегонский районы. Материал записывался на магнитофон и карточки. Наряду со сбором материала по словнику использовался опрос по тематическим сборникам. Во время отпусков Александра Васильевна также собирала языковой материал в тверских деревнях.

Работа над словарем была приостановлена в связи с тем, что в 1979 году А. В. Пунжина была назначена ученым секретарем Института языка, литературы и истории, а с февраля 1983 по 1986 г. работала ученым секретарем Президиума Карельского филиала АН СССР.

Словарь был завершен и увидел свет в 1994 году; в нынешнем году он, как и его составитель, празднует свой юбилей. «Словарь карельского языка: Тверские говоры» А. В. Пунжиной явился одним из важнейших звеньев в ряду диалектных словарей карельского языка. Александре Васильевне удалось максимально полно и точно зафиксировать лексику тверских толмачевского и весьегонского диалектов. Словарь содержит около 17 тыс. слов, значения и функционирование которых многогранно отражены в иллюстрациях. Он послужил базой для становления карельской письменности, основанной на толмачевском диалекте карельского языка, и до сих пор является основным ориентиром в процессе его развития. Наличие довольно подробного регистра позволяет восполнить отсутствие русско-карельского словаря тверских карельских диалектов.

К одной из важнейших заслуг Александры Васильевны относится работа над «Диалектологическим атласом карельского языка. Тверские говоры» (1997). К идее создания атласа Д. В. Бубрих пришел в 1930 году, вскоре началась работа по сбору материала в Республике Карелия. Атлас был готов к изданию в 1956 году, но не издавался по различным причинам. К работе над атласом вернулись в 90-е годы в рамках совместного проекта с Научно-исследовательским центром языков Финляндии. Встала проблема его дополнения тверскими карельскими данными. Упорядочением и уточнением имеющихся экспедиционных материалов занялась лучший знаток диалектов

А. В. Пунжина. В начале 90-х она определила пункты картографирования и подготовила для атласа 209 карт по тверским диалектам карельского языка. Одновременно Александра Васильевна занималась сбором материала для «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков».

За время работы в Институте языка, литературы и истории Александра Васильевна опубликовала ряд научных статей по проблемам прибалтийско-финского языкознания, письменности тверских карелов, терминологии карельского языка.

Значительная коллекция тверских материалов (около ста единиц хранения), записанных А. В. Пунжиной в многочисленных экспедициях, как одиночных, так и совместных, в том числе с финляндскими исследователями Пертти Виртантой и Лаури Хонко, хранится в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. Лишь часть из них расшифрована и опубликована в изданиях «Прибалтийско-финское языкознание» (1971), «Näytteitä karjalan kielestä» (1994). Поездка к карелам Зубцовского района Тверской области произвела на исследователя неизгладимое впечатление. «Притягивала особенность говора», – делится Александра Васильевна. В 2001 году вышел сборник текстов «Слушаю карельский говор», содержащий расшифровки держанских и валдайских записей карельской речи. Своего времени ждут ценные с этнографической и лингвистической точек зрения рукописные расшифровки А. В. Пунжиной.

В связи с возобновлением преподавания карельского языка в Тверской области начиная с 1996 года Александра Васильевна ежегодно организовывала семинары для учителей карельского языка в Лихославльском педагогическом училище, кроме того, занималась подготовкой группы будущих учителей карельского языка в Тверском государственном университете в 1999 г.

Выйдя на пенсию, она вернулась к работе над расшифровками и к дополнению словаря. С большим удовольствием консультирует начинающих специалистов по карельскому языку, делится своими красочными, детализированными воспоминаниями о работе в экспедициях.

Хотелось бы поздравить Александру Васильевну с замечательной датой и пожелать крепкого здоровья и благополучия, а от имени тверских карелов искренне поблагодарить за ее многолетний плодотворный труд на благо своего родного карельского языка.

И. П. Новак

ЭЙНО СЕМЕНОВИЧУ КИУРУ, ФОЛЬКЛОРИСТУ И ПЕРЕВОДЧИКУ – 85 ЛЕТ

Изучение эпоса прибалтийско-финских народов является одним из приоритетных направлений для карельских фольклористов на протяжении всего существования Института языка, литературы и истории. Существенный вклад в качестве собирателя и исследователя внес Эйно Семенович Киуру, издавший сборники народных рун, изучивший их особенности, а также неоднократно переводивший «Калевалу».

Эйно Семенович Киуру родился 18 января 1929 года в ингерманландской деревне Ала-Пукеро (Нижнее Пугярево) Ленинградской области. Его родители были простыми крестьянами, содержавшими небольшое личное хозяйство. Однако коллективизация вынудила их отказаться от привычного образа жизни, и, чтобы прокормить семью, отец пошел работать разнорабочим в город. В 1937 году его арестовали и приговорили к десяти годам заключения. Позже, в 1949-м, он был арестован повторно и получил полную реабилитацию лишь после

смерти Сталина, в 1953 году. Все эти обстоятельства не могли не сказаться на судьбе Эйно Семеновича.

Еще до войны Эйно начал ходить в школу; первые два класса он обучался на родном финском языке, а в 3–4 классе – уже на русском. Вскоре началась Великая Отечественная война, воспоминания о которой связаны с переездом в Сибирь: в течение месяца добирались до небольшой деревушки Новая Еловка. За три года проживания в Сибири Эйно окончил еще три класса, с 5-го по 7-й. Там, в русской деревне, финский язык почти позабылся. После войны возвращаться в родную ингерманландскую деревню было нельзя, семья получила разрешение поселиться в Карелии. Жили сначала в городе Сортавала, а затем уже переехали в Петрозаводск. В 1946–1949 годах Эйно Киуру учился в Сортавальском финансовом техникуме, затем был направлен в Спасскую Губу главным бухгалтером Петровского райфо. В начале 1950 года его перевели на работу в Министерство финансов КФССР в Петрозаводск, где он и проработал три года.

Новый этап в жизни Эйно Семеновича начался с осени 1953 года, когда он поступил учиться на финно-угорское отделение Петрозаводского государственного университета. После успешного его окончания направлен на работу в редакцию газеты «Неувосто-Карьяла», затем недолгое время был заведующим Выставочным залом Союза художников Карелии. С 1961 по 1964 год Эйно Семенович учился в аспирантуре ИЯЛИ, а с 1965 года зачислен в штат Института в должности младшего научного сотрудника. В 1966 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории финноязычной литературы Карелии, в которой рассматривал влияние народной поэзии на произведения карельских авторов.

Вскоре именно фольклор стал основным предметом его исследований. Свою деятельность в этой области Эйно Семенович начал с собирания ингерманландской и ижорской на-

родной поэзии, к которой до него в Карелии еще никто не обращался. Он неоднократно выезжал в Ленинградскую область, где записал огромное количество песен, причитаний, а также фиксировал разнообразный этнографический материал о семейных обрядах и праздниках. Исследователем собрана уникальная звуковая коллекция различных образцов устного народного творчества ингерманландских финнов и ижорцев, равной которой нет ни в одном архиве России. Вскоре систематизированный и переведенный на русский язык материал лег в основу сборника «Народные песни Ингерманландии», вышедшего в 1974 году.

С 1970 по 1980 год произошел своеобразный перерыв в активной исследовательской деятельности, связанный с работой Э. С. Киуру ученым секретарем Президиума КФ АН СССР. В 1980 году он вернулся в Институт, с 1981 по 1983 гг. исполнял обязанности заведующего сектором фольклора и этнографии, а затем долгие годы работал старшим научным сотрудником сектора фольклора. Этот период научной деятельности был посвящен изучению рунической традиции Северной Карелии. Э. С. Киуру совместно с Н. А. Лавонен подготовили и издали сборник «Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов» (1985 год). Кроме того, велась работа по созданию свода ингерманландских рун. Э. С. Киуру была опубликована антология ижорских эпических песен, в которую вошло 70 вариантов рун на разные сюжеты. Соавтором переводов в указанном сборнике стал А. И. Мишин.

Скруплезное изучение текстов в ходе многочисленных переводов послужило толчком к написанию монографического исследования «Тема добывания жены в эпических рунах: К семантике поэтических образов» (1993), посвященного одной из центральных проблем любого эпоса – теме сватовства. Привлекая в качестве сравнения материал русских былин, а также ижорские руны о сватовстве, Э. С. Киуру подробно рассмотрел все мотивы указанного сюжета во множестве его контаминаций.

Севернокарельский эпос захватил настолько, что именно ему были посвящены все последующие годы работы. Э. С. Киуру в творческом тандеме с известным карельским поэтом А. И. Мишиным приступили к переводу «Калевалы». Первоначально за основу был взят канонический вариант Э. Леннрота, вышедший в 1849 году. Основную задачу нового перевода авторы видели в том, чтобы перевести эпос как можно ближе к оригиналу, точ-

нее передать все этнографические нюансы повествования. Кроме того, переводчики посчитали возможным поместить текст оригинала параллельно с русским текстом. Следует отметить, что в таком виде эпос не публиковался ранее. Шесть лет кропотливой работы ознаменовались выходом в 1998 году прекрасной книги. Позже были сделаны переводы «Калевалы», вышедшей в 1835 году (1999 г.), сокращенного школьного варианта 1862 года (2001 г.), «Первокалевалы» 1834 года (2004). В 2007 году были переведены «Наброски к “Калевале”», включающие три поэмы: «Лемминкяйнен», «Вяйнямейнен», «Свадебные песни». В 2007 году в Петербурге вышло двухтомное коллекционное издание «Калевалы» в двух томах, ставшее последним совместным переводом этих двух замечательных авторов.

Новые переводы известного эпоса вызвали дискуссию в научных кругах, следовательно, работы были замечены и оценены.

Наряду с переводами проводилась исследовательская работа. В 2001 году в соавторстве с А. И. Мишиным вышла в свет монография «Фольклорные истоки “Калевалы”». В разделе, подготовленном Э. С. Киуру, рассмотрены основные принципы обработки Э. Леннротом фольклорного материала и сведения разрозненных сюжетов в единую последовательно развивающуюся фабулу. Помимо указанных работ за все годы исследовательской деятельности Э. С. Киуру опубликовал более 60 научных статей по различным проблемам ингерманландской и карельской эпической поэзии.

Э. С. Киуру с 1991 года является членом Союза писателей Карелии, в 1997 году удостоен звания заслуженного работника культуры Республики Карелия, удостоен диплома «Лауреат года города Петрозаводска» (1996), Лауреат премии Главы Республики Карелия «Сампо» (1999), награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени.

С 2004 года Э. С. Киуру проживает в Финляндии, в городе Лаппеенранта. Однако он не перестает поддерживать связь с Институтом, в частности, являлся научным руководителем моего диссертационного исследования. Несомненно, в ходе нашей совместной работы он старался передать свой богатый опыт изучения эпической традиции. Хочется еще раз поблагодарить Эйно Семеновича за терпение и присутствующую финнам сдержанность, пожелать крепкого здоровья и долгих лет жизни.

В. П. Миронова

ЯКОВ АЛЕКСЕЕВИЧ БАЛАГУРОВ **(к 110-летию со дня рождения)**

Среди ученых, внесших крупный вклад в развитие исторической науки в Карелии, одно из самых почетных мест принадлежит профессору, доктору исторических наук Якову Алексеевичу Балагурову (22.10.1904 – 21.04.1977), который в течение многих лет возглавлял сектор истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне Карельского научного центра РАН).

Сын простого крестьянина-помора из села Шуерецкое, он прошел большой и сложный путь к вершинам науки. Трудовую жизнь Яков Балагуров начал еще подростком в качестве «зуйка» – подсобного рабочего на морских промыслах, затем трудился на горных раз-

работках, на Мурманской железной дороге, в культурно-просветительных учреждениях с. Шуерецкое и г. Кеми. С юных лет его отличала неумная тяга к знаниям и исключительное трудолюбие. Сочетая работу с целеустремленной учебой, он успешно сдал экстерном экзамены за курс средней школы, заочно окончил Ленинградский политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской, а затем – накануне Великой Отечественной войны – знаменитый Московский институт истории, философии и литературы.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность Якова Алексеевича началась в 1935 г., когда после завершения учебы в институте им. Н. К. Крупской он был направлен преподавателем истории в Карельскую республиканскую совпартшколу. В дальнейшем Я. А. Балагуров преподавал курс отечественной истории в Карельском государственном пединституте, а с 1940 г. – в Петрозаводском университете. Содержательные, читавшиеся на высоком методологическом и методическом уровне лекции Я. А. Балагурова пользовались неизменной популярностью у студентов. В предвоенные годы он создал и свою первую крупную научную работу – «Очерки по истории Карельского Поморья XVIII – начала XX в.». К сожалению, ей не суждено было увидеть свет. Рукопись погибла в огне Великой Отечественной войны.

В военный период Я. А. Балагуров находился в Сыктывкаре, куда был эвакуирован Петрозаводский университет. Зимой 1941 г. Яков Алексеевич перенес тяжелую операцию, но и после этого продолжал выполнять огромную учебную нагрузку – читал лекции в своем университете, Коми пединституте, партийной школе, курсах при обкоме партии. Одновременно на материалах Коми республиканского архива занимался исследованием темы «История Кажимских горных заводов», в 1946 г. по этой теме защитил кандидатскую диссертацию.

Вернувшись в Петрозаводск после его освобождения от оккупации, Я. А. Балагуров до 1952 г. преподавал в университете и руководил там кафедрой истории СССР. А затем в его жизни начался новый этап. В соответствии с рекомендацией бюро ЦК Компартии Карелии он перешел на работу в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР и целиком посвятил себя научной деятельности. В течение десяти лет Яков Алексеевич возглавлял сектор истории, а с 1962 г. и до самой кончины трудился в должности старшего научного сотрудника. В стенах Института ЯЛИ особенно ярко проявился талант Я. А. Балагурова как ученого и организатора науки. Он стал одним из руководителей и научных редакторов таких крупных обобщающих трудов, как «Очерки истории Карелии» в двух томах и «Очерки истории Карельской организации КПСС», а также многих документальных сборников и сборников статей.

Неустанную заботу Я. А. Балагуров проявлял о воспитании молодой научной смены, им было подготовлено несколько десятков докторов и кандидатов наук. Среди учеников Я. А. Балагурова, в частности, широко известные в нашей стране и за рубежом профессора, доктора исторических наук Р. В. Филиппов и М. И. Шумилов.

Сам Яков Алексеевич являл собой образец вдохновенного, пытливого и неутомимого исследователя. В круг его научных интересов входил широкий диапазон проблем истории Карелии от начала XVIII в. до периода установления в крае советской власти. Он подготовил и опубликовал более 100 научных работ, в том числе восемь фундаментальных монографий.

Одно из центральных мест в научном наследии Я. А. Балагурова занимает цикл работ по истории промышленности и рабочего класса дореволюционной Карелии. В монографиях «Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов» (1955) и «Олонецкие горные заводы в дореформенный период» (1957), основанных на обширнейшем документальном материале, он впервые в отечественной историографии дал исчерпывающую картину развития горнозаводской промышленности Олонецкого края в эпоху феодализма. В этих книгах были выявлены причины возникновения в Карелии крупного горнометаллургического производства в начале XVIII в., показан производственный процесс на заводах, раскрыт принудительный характер комплектования рабочих кадров, освещено социальное положение мастеровых и рабочих людей. Проблема, поднятая и разрешенная Я. А. Балагу-

ровым, имела не только региональное, но и важное общесоюзное значение. Олонецкие горные заводы в течение XVIII и в начале XIX в. находились в числе ведущих центров отечественной металлургической и оружейной промышленности, были одним из главных arsenалов русской армии и флота.

Тематически и хронологически к трудам об Олонецких горных заводах примыкает капитальное исследование «Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. 1861–1917», опубликованное в 1968 г. В нем тщательно проанализированы процессы формирования пролетариата как класса капиталистического общества, зарождения рабочего движения, возникновения социал-демократических организаций в Карелии. Тема становления и развития пролетарского и социал-демократического движения в крае получила также освещение в последней монографии Я. А. Балагурова «Революция 1905–1907 гг. в Карелии» (1977).

Большое внимание Я. А. Балагуров уделял разработке проблем истории карельского крестьянства. В монографии «Приписные крестьяне Карелии XVIII–XIX вв.» (1962), которая была плодом многолетних научных изысканий, Я. А. Балагуров впервые в советской историографии обратился к истории приписных крестьян Олонецкого горного округа. В данном исследовании Яков Алексеевич характеризовал приписных крестьян как особую, отличную от государственных крестьян, феодально-зависимую категорию населения. Эти крестьяне, находясь в приписке к казенным горным заводам, выполняли всевозможные заводские работы в порядке отбывания феодальной повинности. В монографии были обстоятельно разработаны такие вопросы, как специфика управления приписной деревней, влияние заводских отработок на весь строй жизни крестьянства, имущественное и социальное расслоение приписной деревни, включая сюжет о предпринимательской деятельности богатых горнозаводских крестьян, антифеодальное движение. Крупнейшему выступлению приписных крестьян – Кижскому восстанию 1769–1771 гг. – Яков Алексеевич посвятил отдельную книгу «Кижское восстание», выдержавшую два издания (1951, 1968). Работы о своеобразной категории феодально-зависимого населения Карелии – приписных крестьянах – легли в основу докторской диссертации, которую Я. А. Балагуров успешно защитил в 1963 г.

Весомый вклад внес Я. А. Балагуров и в изучение истории революции 1917 г. и гражданской войны на Севере. Его перу принадлежит

монография «Борьба за Советы в Карельском Поморье» (1958, 2-е изд. 1973). Она воссоздает картину борьбы трудящихся Поморья против англо-американских интервентов и бело-гвардейцев в 1918–1920 гг.

Труды Я. А. Балагурова, основанные на обширном документальном материале и отличающиеся высоким методологическим уровнем, получили признание как у специалистов, так и у более широкого круга читателей, интересующихся историей российского Севера. Они являются прочным фундаментом наших знаний о прошлом Карелии.

Впрочем, достаточно привести некоторые отзывы крупнейших ученых-историков нашей страны об исследованиях Якова Алексеевича. Так, академик Н. М. Дружинин написал в своем отзыве: «Многолетняя сосредоточенная работа Я. А. Балагурова над важными темами нашей истории и несомненные достижения его монографических исследований дают ему полное право на получение степени доктора исторических наук».

Профессор Ленинградского университета, доктор исторических наук В. В. Мавродин: «Работам Я. А. Балагурова мы обязаны блестящим анализом Кижского восстания – наиболее яркого проявления классовой борьбы в крепостную эпоху. Работы Я. А. Балагурова принесли большую пользу советской исторической науке. Нет исследователя, занимающегося работным людом крепостной России, который бы не сослался на его труды».

Виднейший источниковед, доктор исторических наук, профессор С. Н. Валк: «Для экономической и социальной истории Карелии XVIII–XIX вв. труды Я. А. Балагурова представляют совершенно исключительный интерес». (См.: Карелия. Годы. Люди. Петрозаводск, 1967. С. 241–242).

Я. А. Балагуров был активным общественным деятелем. Он неоднократно избирался в состав местных Советов различного уровня, был членом пленума Петрозаводского окружкома КПСС, в 1950–1958 гг. являлся депутатом Верховного Совета СССР. Много сил и энергии Яков Алексеевич отдавал пропаганде научных знаний. Им были прочитаны сотни публичных лекций в самых различных аудиториях, он охотно и часто выступал с научно-популярными статьями по актуальным историческим темам на страницах республиканских газет и журналов.

За большие заслуги в развитии науки и активную общественную деятельность Я. А. Балагуров был награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», а также медалями. Ему были присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки РСФСР», «Заслуженный деятель науки Карельской АССР» и «Почетный гражданин г. Петрозаводска». Имя Якова Алексеевича носит одна из улиц его родного села Шуерецкое, а в Беломорске ежегодно проводится межрегиональная краеведческая конференция «Балагуровские чтения».

Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Jüri Ant. August Rei – Eesti riigimees, poliitik, diplomat. Tartu: Rahvusarhiv, 2012. 399 s. (Ант Ю. Август Рей – государственный деятель Эстонии, политик, дипломат. Тарту: Национальный архив, 2012. 399 с.)

Жанр политической биографии нередко преподносит читательской аудитории удивительные шедевры. Восхищение автора своим героем или нескрываемая антипатия могут творить чудеса. Образ увенчанного славой объекта поклонения или же, напротив, вызывающий если не омерзение, то по меньшей мере брезгливость психологический портрет человека бывают выписаны настолько убедительно, что остаются в памяти надолго. Результатом писательского усердия может, впрочем, оказаться и такой «памятник письменности», знакомство с которым невольно заставляет читателя задуматься о напрасной трате времени.

Постепенно разрастающаяся российская историография, в поле зрения которой – история государств Балтии в XX–XXI вв., не радуется обилием информации, что, однако, и позволяет воздвигать некие прочные на первый взгляд конструкции. Это невольно побуждает с особым вниманием относиться к сочинениям коллег-историков Эстонии, Латвии, Литвы. Следует признать, что их неугасающий интерес, правда, проявляемый подчас к довольно специфичным аспектам и проблемам недавней истории [например, с исключительной педантичностью исследованная Рейго Розенталем и Марко Таммингом в двух томах история борьбы эстонских спецслужб со шпионажем и деятельностью коммунистов в 1920–1924 гг.: Reigo Rosenthal, Marko Tamming. *Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega. 1920–1924. Tallin: Kirjastus SE&JS, 2010. 861 s.; Reigo Rosenthal, Marko Tamming. *Sõda ennesõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallin: Kirjastus SE&JS, 2013. 783 s.*], оставляет несравненно лучшее впечатление, чем результаты трудов отечественных историков.*

Перечисление имен эстонских политических деятелей, которые обычно упоминаются в российской историографии, редко не вмещается в одну строчку. Константин Пятс, Йохан Лайдонер, Карл Эйнбунд (Карел Ээнпалу), Ян Тыниссон. Не менее интересной личностью, чем кто-либо из этой четверки, был один из вождей эстонских социалистов Август Рей, но его имя лишь мимоходом упоминается, когда речь заходит о советско-эстонских отношениях в 1938–1939 гг. В то время Рей был главой дипломатии Эстонии в СССР. В действительности же вся его жизнь так или иначе была связана с Российской империей и Советским Союзом, а проявляемый к его личности интерес в Москве не угасал на протяжении полувека, даже когда этот эстонский политик оказался в эмиграции – ведь с 1945 по 1963 г. (вплоть до своей

кончины) он был премьер-министром с полномочиями главы Эстонской республики в изгнании (а в 1947–1963 гг. – председателем Эстонского национального совета). В эстонской диаспоре Европы и Америки он был одним из самых влиятельных деятелей. Те, кто обращался к истории Эстонии в межвоенный период, не могли обойти вниманием написанные Реем мемуары и изданную в 1961 г. монографию, название которой обусловило ее попадание в Советском Союзе в «спецхран» – «The Drama of the Baltic Peoples» (Stockholm: Vaba Eesti, 1961, 2nd edition – 1970).

Однако кроме краткой биографии Августа Рея специальных работ, ему посвященных, фактически не было. В силу этого уже одно анонсирование в 2012 г. написанной эстонским историком Юри Антом биографии Рея привлекало внимание. Публика получила в свое распоряжение великолепно изданную книгу. При ближайшем же знакомстве с содержанием стало, впрочем, очевидным, что оно не идет ни в какое сравнение с полиграфическими достоинствами. Собственно история Эстонии по непонятным причинам оказалась почти полностью за рамками повествования, а портрет героя книги – настолько выцветшим, что даже контуры просматривались не вполне отчетливо. Данное обстоятельство тем более удивительно, что приведенный автором перечень использованных источников и литературы косвенно свидетельствует об очень хорошей проработке материалов. Эта новая работа Юри Анта контрастирует с написанными им текстами разделов 6-го тома истории Эстонии, который увидел свет в 2005 г. [Eesti ajalugu. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Peatoimetaja Sulev Vahtre. Tartu: Kirjastus ilmamaa, 2005. 463 s.].

Даже если исходить из того, что Юри Ант намеренно избегал заострять внимание читателя на дискуссионных вопросах, остается неясным, почему те периоды жизни Августа Рея, которые до сих пор не создавали почвы для дискуссии, написаны так, будто автор намеренно лишил себя права сказать о своем герое то, что хотелось бы сказать. В частности, это касается петербургского периода жизни Рея и его воинской службы во время Первой мировой войны. Констатация, что главным в петербургском периоде для Рея была учеба на юридическом факультете университета (С. 44), представляется неубедительной уже в силу того, что даже дата поступления в ведущий университет империи оказалась упомянутой, а журналистская деятельность и участие в политических дискуссиях в среде эстонского студенчества столицы полностью

вытеснили, как следует из текста, его увлеченность учебной. Обращение к этой стороне жизни героя отнюдь не вызывает нареканий, однако от внимания автора явно ускользает один важный аспект: политические взгляды Августа Рея в то время характеризовала не то что гибкость, а поверхностность. Стремление к лидерству сводилось во многом к суетной активности, позерству, при явном отсутствии особых организаторских талантов. Эти качества Рея впоследствии благоприятно сказывались на его взаимовыгодном сотрудничестве с людьми, чьи политические воззрения никак не соответствовали его социалистическим убеждениям. Знакомство с Яном Анвельтом, Виктором Кингисеппом и другими активистами Общества эстонских студентов на дальнейшей судьбе Рея никак не отразилось.

Окончив в 1911 г. юридический факультет, Рей оказался призванным на воинскую службу. Насколько интересен был тот период жизни Рея, когда он служил в 1-м Финляндском стрелковом артиллерийском дивизионе, расквартированном в Або (Турку), с началом Первой мировой войны – в запасной артиллерийской батарее в Луге, в дружине Тверского ополчения, а в 1915–1916 гг. – на артбатарее № 1 в Сестрорецке под Петроградом, вчитавшемуся в скудную информацию трехстраничного текста читателю остается только догадываться. Тыловая служба протекала спокойно, грохот орудий в этом курортном местечке в трех десятках верст от столицы слышен не был. Былая тяга к писанию политических сочинений (точнее, к пересказу взглядов Карла Либкнехта, Фердинанда Лассалля, Карла Каутского) уже не давала о себе знать.

Только Февральская революция послужила, судя по всему, своего рода импульсом, заставившим Рея вспомнить о своих социалистических убеждениях. А резкий подъем эстонского национального движения, охвативший также и призванных на воинскую службу в российскую армию 50 000 эстонцев, побудил Рея включиться в процесс. 18–21 июня 1917 г. в Ревеле проходил Первый всероссийский съезд воинов-эстонцев. Среди полутора сотен делегатов был и прапорщик Август Рей, избранный заместителем председателя съезда (председателем был Вильям Томингас). Позже был избран Высший эстонский военный комитет из 24 человек, который возглавил Константин Пятс. Его помощником оказался Рей. Это знакомство в дальнейшем сыграло огромную роль в судьбе Рея. Можно, однако, только догадываться, что деятельность в упомянутом комитете славы ему не принесла. Дабы благодный образ ге-

роя не оказался подвергнутым сомнениям, Юри Ант не задерживает внимание читателя и на этом промежутке жизни Рея.

Потрясающий по драматичности период истории Эстонии – от провозглашения независимости и событий, которые принято в эстонской историографии именовать Освободительной войной, до формирования политической системы нового государства – автор книги, явно не желая уклоняться от избранной им стилистики повествования, свел к тоскливому перечислению общеизвестных фактов. По этой причине интересующийся историей Эстонии читатель вынужден будет искать иные источники информации.

С конца 1920-х годов во внутривнутриполитической ситуации Эстонии стали все более отчетливо проявляться признаки системного кризиса, разрешением которого только на первый взгляд стал осуществленный Константином Пятсом в феврале 1934 г. государственный переворот. За это время Августу Рею довелось не только быть главой государства – государственным старейшиной (с декабря 1928 по июль 1929 г.), но и возглавлять министерство иностранных дел (1932–1933), а позже быть заместителем министра. Однако Юри Ант оставляет читателя в неведении о той роли, которую Август Рей сыграл на этих постах. Повествуя о процессе формирования Реем коалиционного правительства в ноябре-декабре 1928 г., автор уклонился даже от упоминания условий достигнутого компромисса. Более того, рассказ о проходившем в конце декабря съезде Социалистической рабочей партии, на котором Рею необходимо было отстаивать свои позиции, с неизбежностью вызывает у читателя вопросы, на которые ответа в книге не найти.

Рассмотрение автором деятельности сформированного Реем коалиционного правительства оставляет впечатление, что высшая исполнительная власть действовала без участия в этом процессе своего главы (С. 156–161). Даже тогда, когда речь идет о важных внешнеполитических актах, Рей не вспоминается и мимоходом. Так, при упоминании заключения 17 мая 1929 г. советско-эстонского хозяйственного договора Ю. Ант ссылается лишь на стремление социалистов заключить этот акт. Остается неизвестным отношение Рея к таким важным, вызывавшим острые дискуссии в политических кругах внутривнутриполитическим актам, как закон о коллективных договорах, закон о повышении пенсий государственных и муниципальных служащих и пр. Чтобы узнать о причинах отставки правительства Рея, читателю также следует обратиться к иным сочинениям.

Не менее странное впечатление оставляют страницы, посвященные дипломатической деятельности Августа Рея. Безусловно, то, что он свободно говорил по-русски, по-немецки, по-английски, по-французски, мог объясниться на польском, финском и украинском языках, заслуживает уважения. Нельзя не согласиться с мнением Юри Анта, что сложившаяся в 1931–1934 гг. в Эстонии внутривнутриполитическая ситуация (особенно деятельность вапсов) вынуждала Рея, занявшего в ноябре 1932 г. пост главы МИД в правительстве доверия Константина Пятса, к особой осторожности и осмотрительности (С. 167). Так же как нельзя не согласиться и с тем, что этот пост Рей получил отнюдь не благодаря советскому полпреду Федору Раскольникову (в ноябре 1932 г. Раскольников докладывал руководству в Москву: «В настоящее время следует использовать пребывание Рея на должности министра для чистки “авгиевых конюшен” министерства иностранных дел». Мысли Федора Федоровича неизменно витали в далеких от реальности областях) и что работа в МИД у Рея проходила спокойно, без размаха (С. 170). Можно предположить, что в распоряжении автора не было достаточно материалов для освещения деятельности Рея на внешнеполитической арене, но можно было хотя бы упомянуть о многосторонних переговорах об определении агрессии, завершившихся подписанием в Лондоне 1 июня соответствующей конвенции, в которой участвовали практически все государства-лимитрофы. Упоминание о встречах Рея с советским полпредом Раскольниковым, в том числе и в неофициальной обстановке, например на частной квартире Александра Ойнаса, представляли бы для читателя интерес в том случае, если бы о содержании проходивших бесед было упомянуто хотя бы вскользь. Информацию о том, что делал Август Рей на посту главы МИД, а позже – на посту заместителя министра иностранных дел, автор книги, вероятно, приберет для другого своего сочинения.

Под конец дипломатической карьеры – в начале 1938 г. – Рей получил назначение на пост посланника в СССР. Остаться в Москве продолжительное время он не намеревался. Достигнутая с эстонским «диктатором» Пятсом договоренность гарантировала ему при последующей ротации эстонских посланников пост главы миссии в Париже. Сразу стоит сказать, что и при описании деятельности Рея на посту посланника в Москве Юри Ант проявил исключительную осмотрительность. Те десять страниц, что посвящены периоду 1938–1939 гг., интересны, пожалуй, только цитатой из одного доклада Рея, написанного 29 сентября 1938 г.

и посвященного анализу позиции СССР в отношении событий вокруг Чехословакии. Рей писал: «Многие обстоятельства свидетельствуют в пользу того, что Москва ничего не предпримет в случае начала войны в Центральной Европе. Возможно даже, что русские в глубине сердца сейчас желают начала войны между западными державами, которая эвентуально избавит Москву от множества тяжелых забот и создаст хорошие перспективы на будущее для деятельности Коминтерна в разоренной войне Европе» (С. 184).

После прочтения написанной Юри Антоном биографии Августа Рея остается недоумение: с какой целью создавался такой текст? Рей отнюдь не заслуживает столь тусклого портрета. Неоднократно проявляемый им в жизни оппортунизм побуждает не к простому перечислению биографических данных, а к осмыслению очень сложного процесса становления государственности Эстонии в межвоенный период.

А. И. Рупасов

Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары: новая книга о судьбах северокарельской деревни в годы Гражданской войны. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. 346 с.

В серии «Эпоха войн и революций», издаваемой Европейским университетом в Санкт-Петербурге, вышли в свет мемуары профессионального военного и политика Филиппа Дж. Вудса и его биографический очерк, подготовленный профессором истории Университета Ноттингема (Великобритания) Н. Бароном. Очерк известного в нашей республике исследователя посвящен непростой и яркой жизни одного из создателей «Карельского легиона» («Карельского полка», который был сформирован в Беломорской Карелии весной 1918 г.).

Публикация проливает свет на события драматического времени в истории карельского народа, когда в переломные для истории Российского государства годы революции и Гражданской войны территория современной Республики Карелия была вовлечена в орбиту международной политики. Прежде всего в сферу интересов Германии и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки – недавних союзников России по антигерманской коалиции. С заключением в начале марта 1918 г. Брестского мирного договора между Германией и советской Россией последняя все же не осталась в стороне от продолжавшейся мировой войны. Поменялся ее противник, преследовавший свои интересы на северо-западе бывшей Российской империи, – Великобритания, и вчерашние союзницы – страны Антанты – оказались врагами.

Так, в эпоху, последовавшую за российской революцией 1917 года, часть Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии (Беломорская Карелия и Карельское Поморье) оказались театром военных действий еще продолжавшейся Первой мировой войны. Тем актуальнее в год столетней годовщины начала войны видится обращение автора публикации к исследованию мемуаров Вудса о карельской кампании британских экспедиционных сил 1918–1919 гг.

История войны и порожденных ею конфликтов продолжает оставаться «горячей» темой и активно используется в современной культурной, общественной и политической жизни.

Юбилей 2014 года становится своеобразным индикатором: в оценке событий вековой давности проявляются особенности современного развития различных стран и международных объединений. В последнее время историки осознают необходимость рассматривать период 1914–1922 годов как комплекс войн, социальных и политических конфликтов.

Рецензируемая книга впервые была опубликована в Лондоне в 2007 г. под названием «The King of Karelia. Col. P.J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memory» и вызвала множество положительных откликов в прессе. В нашей стране она стала известна благодаря высокопрофессиональному переводу доцента кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского университета А. В. Голубева.

В своей новой работе Ник Барон, основываясь на введенных им в научный оборот мемуарах Ф. Вудса, подробно рассматривает события весны 1918 г., когда страны Антанты усилили военное присутствие в этом регионе, опасаясь проникновения в него войск Германии и ее союзника – обретшей независимость Финляндии. Поначалу англичане объясняли свое появление здесь необходимостью защитить регион от возможного продвижения немцев и охраны военных грузов, однако скоро стали очевидными их цели – борьба с большевизмом и укрепление геополитического влияния на Европейском Севере.

К моменту завершения Первой мировой войны в ноябре 1918 г. войска Антанты и военные формирования союзного им белого правительства в Архангельске (Временного правительства Северной области) остановились на границе Кемского уезда Архангельской губ. и Повенецкого уезда Олонецкой губ., став фактором обострения Гражданской войны в крае и организации сопротивления населения иностранной интервенции. Сюжеты, связанные с военными действиями в Карелии в 1918–1920 гг., долгое время оставались традиционной, если не ведущей отраслью советской историографии в нашей республике. Изучение истории Гражданской войны и иностранной интервенции как в России в целом, так и на ее Европейском Севере, имеет давнюю традицию: происходившее в Карелии нашло отражение в исследованиях М. И. Шумилова, Ю. М. Килина, В. И. Голдина, М. А. Ви-

тухновской, С. Н. Филимончик, А. Ю. Осипова и др. Однако если дальнейшее развитие событий 1919–1920 гг. прослеживалось достаточно подробно, то проблемы истории Карельского края в завершающий период Первой мировой войны еще специально не рассматривались под этим углом зрения.

Как свидетельствуют мемуары участника и очевидца событий, в начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии стали англичане, и под покровительством интервентов белые сформировали для борьбы с большевиками Российскую народную армию. Главные силы интервентов и белогвардейцев действовали в зоне Мурманской железной дороги. Станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района. Сложилась критическая ситуация, при которой Север России оказался в руках англо-французских интервентов, а в Ухтинской волости оставались т. н. «белые финны», которые готовили новое вторжение в Карелию.

Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция Антанты на Русский Север под предлогом защиты от финнов и особенно от немцев все более накаляла обстановку в севернокарельских волостях. Воспоминания об инициативе англичан, оказавшихся организаторами защиты Беломорской Карелии от вторжения финских вооруженных отрядов, мало соотносятся с базовым мифом о гражданской войне, сформированным советской историографией. Такими же «неудобными» оставались подробности, связанные с историей «Карельского легиона», действовавшего под британским командованием.

Этот легион, или «Карельский полк», ставивший целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывавший не более трех сотен бойцов, был сформирован в июле 1918 г. карельскими добровольцами и командованием английских интервенционистских войск, в составе которых полковник Ф. Вудс играл первую скрипку. Карельский отряд, организованный в Кеми в конце апреля под руководством бывшего фронтовика Григория Лежеева (Рикко Лесонена), уроженца с. Кивиярви Вокнаволоксской вол., состоял из карелов, ранее работавших на Мурмане, и первоначально насчитывал около трех десятков бойцов. Их задачей стало вытеснить из Ухтинской вол. вторгшихся из Финляндии сторонников «воссоединения финно-угорских племен» и спасти от голодной смерти население севернокарельских волостей: будучи отрезанными от южной Карелии, они не снабжались продовольствием.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой дать им оружие и военную подготовку, чтобы они могли выступить против финнов. Мемуары Ф. Вудса свидетельствуют о том, что отряд был создан благодаря сотрудничеству местных жителей и англичан, движимых одной целью – изгнать финнов из Карелии. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально, а фактическое командование осуществлялось англичанами.

В фондах Научного архива Карельского научного центра РАН сохранились воспоминания бойцов «Карельского легиона». Несмотря на время их записи (1930–1950-е гг.), эти документы личного происхождения во многом подтверждают изложенное в мемуарах британского полковника. В частности, что в отличие от «белых финнов» довольно дисциплинированным английским частям все же скоро удалось завоевать некоторую популярность у населения Беломорской Карелии. Решающее значение в этом сыграли регулярные поставки продовольствия, благодаря которым удалось предотвратить голод в севернокарельских волостях.

Н. Барон убедительно показал, что «Карельский легион», предназначенный британским командованием для изгнания отрядов белых финнов из Российской Карелии, оказался во власти не предвидевшихся англичанами внутренних процессов после того, как эта цель была достигнута. Обострившиеся противоречия в конечном счете привели к разрыву карельского национально-освободительного движения с бывшими союзниками России. Весной 1919 г. «легион» стал расформировываться англичанами, а его бойцы переводились в русские части Белой армии.

Мемуары Ф. Вудса и биографическое исследование Н. Барона связаны с проблемой трансформации исторической памяти современников общественно-политических перемен в России в начале XX в. Предлагаемая российскому читателю публикация позволяет на материале Карелии по-новому взглянуть на общественную жизнь и политическую историю края, которая часто рассматривалась лишь как борьба политических партий за власть. Историко-антропологический подход британского ученого к анализу увлекательно написанного источника дает возможность увидеть во взаимосвязи политические конфликты разного уровня и связать политическую историю Карелии с историей этносоциальной и этнокультурной.

Бесспорным достоинством новой книги стал богатый иллюстративный материал. Многие из фотографий, связанные с биографией Вудса и временем его службы в Беломорской Карелии, были опубликованы лишь в англоязычном издании 2007 года. Это, несомненно, повысит внимание читателей к новому исследованию, появление которого важно не только для специалистов, занимающихся историей

Карелии и сюжетами Первой мировой и Гражданской войн. Оно может стать ценным подспорьем для школьной и студенческой аудитории, для педагогов, краеведов и всех, кого интересуют судьбы родственных финно-угорских народов и прежде мало освещавшиеся проблемы истории российского северо-запада.

Е. Ю. Дубровская

Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, 2013. 350 с.

В настоящее время значительно возрос интерес к изучению лексического состава русского языка с точки зрения его происхождения и включения полученных в результате анализа данных в новейшие научные парадигмы. В этой связи словарь Л. П. Михайловой представляется крайне важной и нужной работой. В ней аналитически осмысляются и репрезентируются некоторые сложные, не получившие должного освещения словарные материалы на фоне непростых проблем диалектной лексикологии, морфемики, фонетики и фонологии.

Работа базируется на большом фактическом материале, что делает ее важным источником для исследовательской диалектологии.

Материал для словаря накапливался автором на протяжении многих лет, в том числе и при работе над составлением словарных статей для «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» с 1970 по 2004 г. в составе редколлекции СРГК под руководством А. С. Герда. При изучении лексики севернорусских говоров в ареальном и этноисторическом аспектах, сопоставлении данных разных лексикографических источников обнаружилось многочисленное лексико-фонетические варианты, отличающиеся от исходного слова явлениями, не характерными для русского языка, не обусловленными историческими процессами в языке. Поиск причин изменения внешнего облика русского слова привел к необходимости учета Л. П. Михайловой особенностей фонетических систем языков, с которыми русский язык взаимодействовал в течение многих столетий, естественным результатом чего стало своеобразие исконных лексических единиц контактирующих языков.

На начальном этапе исследования внимание автора было сосредоточено на лексике русских говоров Карелии, затем – говоров Севера и Северо-Запада, особенно псковских и новгородских; в последующем границы материала, отражающего выявленные нами типичные процессы, были расширены.

Реально в поле внимания оказалось большинство русских диалектных словарей. Методом сплошной выборки выделены лексические единицы, обладающие так называемыми экстенциальными признаками, то есть элементами, возникшими под воздействием иноструктурной языко-

вой системы. В процессе работы над словарем менялись некоторые принципиально важные лексикографические ориентиры, в частности, материал сначала подавался в алфавитном порядке, что затрудняло при пользовании словарем видение словарных и этимологических связей единиц, имеющих одну исходную лексему или единый этимон. В итоге в словаре используется алфавитно-гнездовой способ подачи материала.

Автором выявлено около 5000 лексических единиц, обладающих признаками экстенциального характера. Представленный в словаре материал неоднороден как в отношении проявления того или иного признака иносистемного языка, так и в отношении к степени вхождения в систему русской диалектной лексики. В связи с этим материал словаря может дать широкие возможности для решения многих вопросов, касающихся этноязыковых контактов, состояния севернорусской лексической системы, а также для этимологизации многих слов русского языка, которые считаются единицами неясного происхождения.

По типу словарь, включающий в себя экстенциальные лексические единицы русского языка, является сопоставительным, так как в нем представлены семантически тождественные слова, отличающиеся одной-двумя фонемами, бытующие в разных говорах. В общеизвестной классификации диалектных лексических различий подобные лексемы рассматриваются как лексико-фонетические варианты.

В словаре объединяются разные лексические единицы, которые имеют какой-либо отличительный признак внешнего воздействия в сравнении с обычными для говора словами, и лексемы, образованные на их базе. В состав словаря входят лексикализованные фонетические варианты, которые могли возникнуть под влиянием иноструктурной языковой системы.

При отборе лексики в словарь существенными для автора были следующие положения:

1. Несистемный характер явления в фонемном составе слова.
2. Совпадение семантики сопоставляемых слов.
3. Фонетическое и т. п. сходство со смежными контактирующими языками.

Подводя итог под теоретической основой словаря, следует отметить обоснованность в большинстве случаев выводов по сопоставлению вариантов единиц, помещенных в словарь.

Весьма удачны многие найденные сопоставления различных лексических гнезд. Однако ввиду сложности материала по тексту работы можно высказать некоторые соображения, а в ряде случаев и предложить иные версии происхождения некоторых лексических гнезд.

1. Вариантность в русской диалектной макроструктуре и на уровне региональных говоров – вещи совершенно различные. Так, например, в сводной диалектной лексикографии (СРНГ) репрезентируются только фонологические варианты, а фонетические варианты даются в случае неясности происхождения лексикографируемой единицы. Поэтому сведение в одно гнездо дистантных диалектных данных требует крайней осторожности и серьезной историко-этимологической базы.

2. Вероятно, не вполне оправданна попытка обозреть данные всех русских говоров, поскольку в разных регионах их фонетическая основа и иноязычные континуумы, влияющие на нее, могут быть различны. В Якутии и в Брянской области сходные на первый взгляд чередования могут обладать различной основой. По нашему мнению, следовало бы ограничиться регионом, описанным в СРГК.

3. В работе представлены как однотипные слова единицы, в которых утрачивается начальный согласный перед согласным. Вероятно, процессы, лежащие в основе такой утраты, не будут тождественными для разных консонантов, и в дальнейшем при осмыслении такого рода данных потребуются их разграничение. Так, например, *алва* < *халва* (Брян.), где [х] фрикативный и *арба* ‘сеть для крупной рыбы’ и *гарба* ‘то же’ в плане морфонологических изменений представляют собой разные явления.

4. Некоторые данные, рассматриваемые как варианты, можно трактовать несколько иначе. Автор рассматривает как вторичную единицу *а'рандять* ‘ворчать, брюзжать’ из *варандать* [Михайлова, 2013. С. 19]. Однако Лесков впервые дает карельскую этимологию, ср. кар. *äristä* ‘ворчать (о старухе)’ [Лесков, 1892. С. 98]. Погондин сравнивает с фин. *aristaa* ‘пугать, бояться’, едва ли достоверной из-за семантических различий [Kalima, 1915. С. 79; Фасмер. Т. 1, с. 83], ср. также: фин. *äristä, ärätä, äräjää* ‘ворчать, брюзжать’, в том же и близких значениях карел. *äriśsä, ärätä*, ливв. *äristä, äräjeä*, люд. *äristä*, вепс. *äraita, äreita* (SKES: 1876), вепс. шим. *areita* ‘ворчать, рычать’ [СВЯ: 658]. География (юго-запад региона) указывает на вепсское происхождение, как обычно и квалифицируются глаголы на -ндать с прибалтийско-финскими основами. Таким образом, первичен глагол *а'рандять*, а вторичен *ва'рандять*.

5. Не всегда можно однозначно сказать, идет ли речь о вариантности или не исключена возможность контаминационного воздействия. Так, например, в словаре лексема *араника* представлена как вариант к *вороника* [Михайлова, 2013. С. 19]; однако в данном случае следует учитывать общенародное *а'рника*, и, ж. Растение сем. сложноцветных, употребляемое как медицинское средство; иначе: баранья трава [БАС].

6. В ряде случаев сопоставляемые варианты являются различными рефлексам исторического развития в диахронии, а не синхронными вариантами, например: *га'ло* ‘приспособление для сгибания полозьев’ Вашк., Кадн. Волог. сопоставляется с *бгало, бгал* ‘станок, на котором гнут полозья для саней’ Брян. [Михайлова, 2013. С. 98].

Не учитывается тот факт, что лексема *га'ло* стоит этимологически в одном ряду с *ба'ло*.

Га'ло ‘снаряд для гнутья дуг, ободьев, полозьев’ – «Гибало, снаряд для гнутия дуг, ободьев и полозьев: в сплоченных брусках вырублен круг или погиб бороздою; плаха, распоренная в паровике или под землей, на которой разложен большой огонь, вкладывается в гало и заклинивается» [Даль; СРНГ, 6: 116]. *Гало* ‘пролет в потолке между балкой и стеной или между балками’, «у плотников» Ветл. Костром. [СРНГ, 6: 116]. *Га'ло* ‘приспособление для выгибания дуг, полозьев’ Бабаев., Белозер., Вашк., Кадн. [СГРС].

Данная лексема, вероятно, является преобразованием от *гиба'ло*, причем обе единицы функционируют в диалектах, а последняя была представлена в стандартном языке еще в XIX веке: *гиба'ло* ‘станок, на котором шлюпочные плотники гнут из брусков шпангоуты для гребных судов’ [Слов. Акад., 1: 260]. В вепсском языке от глагола *painda* ‘гнуть (дуги, полозья)’ имеется семантически сходное наименование – *paine, painez* ‘гибало (станок, на котором гнут санные полозья)’ [СВЯ: 393].

Единица *гиба'ло* имеет еще один рефлекс: *ба'ло* ‘приспособление для загибания полозьев, ободьев, дуг, колес, состоящее из толстого, с двух сторон стесанного бревна с вырезанными в нем желобами’ Охан. Перм., 1854. Перм., Волог., Кем. Арх., Печор., Карсвайск. Удм. АССР, Свердл., Сиб., Тобол., Мариин. Кемер., Тюмен., Том., Нерч. Забайк. [СРНГ, 2: 83]. ‘Инструмент для сгибания дужек (ручек) для крышек бурачков, туесов и т. п.’ Никол. Волог., 1895–1898 [СРНГ, 2: 83]. ‘Березовые рейки для полозьев’ Арх., 1954 [СРНГ, 2: 83]. *Ба'ло* ‘приспособление для загибания полозьев и дуг’ Медвежьегор. [СРГК, 1: 36]. *Ба'ло*

‘приспособление для загибания полозьев, дуг, колес’ Вельск., Вилегод., Виногр., Верхнетоем., Краснобор., Котлас., Ленск., Лешукон., Пинеж., Примор., Устьян., Холмогор., Шенк., Бабушкин., Верховаж., Великоус., Кичменгско-городец., Никол., Сямж., Тарног., Тотем. [СГРС]. ‘Деревянный ворот у колодца’ Верховаж. [СГРС]. ‘Полная женщина’ Холмогор. [СГРС]. *Ба’ло* ‘приспособление для гнутья полозьев’ Пинеж. (Валдокурье, Вонга, Айнова Гора, Усть-Ежуга) [Сими́на]. *Ба’ла* ‘приспособление для гнутья санных полозьев’ Заонежье [Куликовский]. Коми-Перм., Ныроб., Чердын. Перм. [Матвеев, 1964. С. 287]. *Ба’ло* ‘то же’ Свердл. [Там же]. *Бало’* ‘то же’ Карсов. Удм. [Там же]. *Ба’ло* ‘устройство для сгибания санных полозьев’ Акчим. [СГДА, 1: 49].

А. К. Матвеев предполагает, что это заимствование из коми языка, ср. коми *бала*, коми-перм. *бава* ‘приспособление для гнутья санных полозьев; колодка (напр., сапожная)’ [Матвеев, 1964. С. 287]. Однако авторы КЭСЯ полагают, что коми *бала* ‘колодка (сапожная), для гнутья полозьев и т. п.’ имеет русские источники: *болва’шек* ‘колодка для обделки или расправления чего-л.’ [КЭСЯ: 36]. Таким образом, форма *ба’ло*, вероятно, возникла при переразложении слова *гибало*. Л. Г. Панин возводит *бало* < *гибало* к праслав. *gibadlo [Панин. С. 31]. Ср. *гиба’ло* ‘деревянное приспособление для загибания полозьев’ Бокситогор., Чагодощ. [СРГК, 1: 332]. А. Е. Аникин считает возможным возводить данную лексему к праслав. *gъbadi ‘гнуть’ [ЭССЯ, 7: 187; Аникин, 1987. С. 109].

А лексемы *бгало*, *бгал*, зафиксированные в брянских говорах, восходят к белорусским источникам: ср. белорусск. *бгаць* ‘гнуть, мять’ [ЭСБМ, 1: 340].

Хотя М. Фасмер сопоставляет *быга́ть*, *обыгать* с *бгать* ‘гнуть’, при итеративном -ы- в первом случае, возводя к *gъbati, *гнуть*, при возможной связи с нем. *biegen* ‘гнуть’ [Фасмер. Т. 1, с. 257].

7. Когда представляются данные, общие на восточнославянской почве и вошедшие в севернорусские говоры из смежных языков, это как-то образом следует разграничивать. Например, *ва’йда* ‘доска’ Вытегор. Волог. и *байда* ‘паром’ Дон. [Михайлова, 2013. С. 72] являются единицами различного происхождения. Ср. укр. *байда* ‘долбленая лодка’, тогда как *ла’йда* ‘борт лодки’ Вытегор. [СРГК, 3: 92] и *ва’йда* ‘доска’ Вытегор. [СРГК, 1: 158] на прибалтийско-финской почве являются единицами одного гнезда, ср. фин. *laita*, кар. *laida*, люд. *laid*, ливв. *laidu* ‘доска’ [SKES: 271], причем вторая явно восхо-

дит к вепс. *laud*, *loud*, *lād* ‘доска’ [СВЯ: 279], *laid* ‘борт лодки’ [СВЯ: 272]. Вариативность [в] и [л] ввиду особенностей произношения последней вполне объяснима. Авторы SKES сомневаются в германском происхождении гнезда *laita* ‘доска’, при саам. норв. *lai’de* ‘борт речной лодки’; из эст. *laid* ‘борт, борт лодки’ происходит латыш. *laides* ‘борта лодки-плоскодонки из одного бревна’ [SKES: 271]. В SSAP германское происхождение этого «мореходного термина» уже не вызывает сомнений [SSAP, 2: 38].

Высказанные соображения никоим образом не снижают высокой научной оценки труда Л. П. Михайловой, и следует констатировать, что «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах» представляет собой работу, выполненную на высоком научном уровне, с весьма серьезной практической значимостью. Впервые продемонстрированы возможности анализа диалектных данных на широком языковом фоне с введением в оборот комплексного анализа данных с весьма широкой сферой внимания, дающей возможность выдвигать нетривиальных версий и получения значимых результатов.

С. А. Мызников

Литература

- Аникин А. Е. Финно-угорско-русские этимологические и лингвогеографические заметки // Совет. финно-угроведение. 1987. XXIII, 2. С. 109–111.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, исправ. и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
- Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (в тексте – КСРГК).
- Картотека «Словаря русских народных говоров» (в тексте – КСРНГ).
- Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 (в тексте – КЭСЯ).
- Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14, Ф. 3–4. С. 285–315.
- Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.
- Полевое лингвогеографическое обследование автора (в тексте – ПЛГО).
- Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН) (в тексте – Сими́на).

Словарь вепсского языка / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972 (в тексте – СВЯ).

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011 (в тексте – СГДА).

Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2011. Т. 1–5 (в тексте – СГРС).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6 (в тексте – СРГК).

Словарь русских народных говоров. Т. 1–46. М.; Л.; СПб., 1965–2013 (в тексте – СРНГ).

Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991. 179 с. (в тексте – Панин).

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965 (в тексте – БАС).

Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. I–IV (в тексте – Слов. Акад.).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачова. М., 1974–2012. Вып. 1–38 (в тексте – ЭССЯ).

Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981 (в тексте – SKES).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000 (в тексте – SSAP).

Библиография изданий сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН по финно-угроведению за 2009–2013 гг.

2009

Монографии

Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – 178 с.

Сойни Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. – М.: Наука, 2009. – 223 с.

Сборники

Вепсы: на рубеже XX–XXI веков (по материалам межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации». Петрозаводск, 24–25 апр. 2008 г.) / Науч. ред. З. И. Строгальщикова. – Петрозаводск, 2009.

Карельское национальное движение. Ч. 1. От съезда к съезду: сб. материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – 248 с.

Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: материалы науч.-практ. семинара (Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г.) / Отв. ред. В. П. Кузнецова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – 147 с.

Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: сб. ст. памяти Ю. Ю. Сурхаско / Ред. А. П. Конкка. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – 447 с.

Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века: сб. ст. / Науч. ред. О. П. Илюха. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – 464 с.

Словари

Зайцева Н. Г. Новый русско-вепсский словарь / Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен. – Петрозаводск: Периодика, 2009. – 518 с.

Новый большой русско-финский словарь: в 2-х т. / Сост. М. Э. Куусинен, В. М. Оллыкяйнен, Ю. Э. Сюръялайнен. 5-е изд. – М.: Живой язык, 2009.

Русско-вепсский разговорник / Сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. – Петрозаводск: Периодика, 2009. – 224 с.

2010

Монографии

Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 262 с.

Сойни Е. Г. Солоневичи и Север: финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1920-х годов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 244 с.

Сборники

Евсеев В. Я. Полевые записи фольклориста = Viktor Jevsejev. Folkloristi kentällä (аудиодиск). – Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН & Juminkeko, 2010.

«Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы» / Ред. кол. И. Ю. Винокурова, Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен (отв. ред.) и др. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 554 с.

Карелия на этнокультурной и политической карте России: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Респ. Карелия. Петрозаводск, 21 мая 2010 г. / Ред. кол. Е. Ю. Дубровская, О. П. Илюха (отв. ред.), Н. А. Кораблев и др. – Петрозаводск: Verbo, 2010. – 191 с.

Карельские народные сказки: репертуар Марии Ивановны Михеевой / Сост. Н. Ф. Онегина, пер. О. Э. Горшкова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 643 с.

Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. – Петрозаводск: Периодика, 2010. – 192 с.

Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография / Науч. ред. И. Ю. Винокурова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 223 с.

Российские финны: вчера, сегодня, завтра: материалы межрегион. науч. конф., посвящ.

20-летию Ингерманланд. союза финнов Карелии / Науч. ред. Е. И. Клементьев. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 208 с.

У истоков карельской фольклористики. Вып. 1: К 100-летию В. Я. Евсеева / Сост. В. П. Миронова, Н. В. Чикина, авт. вступ. ст. Ю. А. Савватеев. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 70 с.

У истоков карельской фольклористики. Вып. 2: К 80-летию А. С. Степановой / Сост. В. П. Миронова, Н. В. Чикина, авт. вступ. ст. Э. П. Степанова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 90 с.

Ryhät da arret: karjalaine rahvahankalendari = Праздники и будни: карельский народный календарь / Сост. А. П. Конкка, О. В. Огнева. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 213 с.

Словари

Зайцева Н. Г. Новый вепско-русский словарь. – Петрозаводск: Периодика, 2010. – 512 с.

Atlas Linguarum Fennicarum, ALFE = Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков: в 3-х т. Т. 3. (Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus) / Авт.: В. Д. Рягоев, Н. Г. Зайцева и др. – Riga: SKS & KKT, 2010. – 486 с.

Авторефераты

Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в.: модернизация и этнокультурная традиция. СПб., 2010. 46 с.

Пеллинен Н. А. Лингвистический аспект мира детства (на материале карельских колыбельных песен). – Петрозаводск, 2010. – 22 с.

2011

Монографии

Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов: учеб. пособие. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – 205 с.

Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Ортье Степанов: очерк жизни и творчества. – Петрозаводск: Северн. сияние, 2010. – 280 с.

Ковалева С. В. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социологического исследования) / С. В. Ковалева, Р. П. Родионова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – 138 с.

Кочуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей. – Петрозаводск: АУ РК «Информ. Агентство «РК», 2011. – 223 с.

Чикина Н. В. Современное состояние литературы на карельском языке. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – 120 с.

Сборники

Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лониной): материалы первой межрегион. краевед. конф. «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сент. 2010 г. / Науч. ред. З. И. Строгальщикова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – 215 с.

Как это было: к 70-летию Н. Н. Мамонтовой / Авт. вступ. ст. И. И. Муллонен. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – 83 с.

Летопись литературной жизни Карелии (1997–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. – Петрозаводск: Периодика, 2011. – 245 с.

Праздничная культура на страницах национальных газет Республики Карелия (1993–2011 гг.): библиогр. указ. / Сост. Н. Ю. Кирикова, Н. В. Чикина. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – 34 с.

У истоков карельской фольклористики. Вып. 4: К 90-летию У. С. Конкка / Сост. В. П. Миронова, Н. В. Чикина, авт. вступ. ст. А. С. Степанова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. – 78 с.

Словари

Бойко Т. П. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова. – Петрозаводск: Verso, 2011. – 400 с.

Авторефераты

Конкка А. П. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. – Петрозаводск, 2011. – 29 с.

Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции. – Петрозаводск, 2011. – 22 с.

Новак И. П. Формирование и функционирование чередования ступеней согласных в карельском языке (фонологический и морфологический аспекты). – Петрозаводск, 2011. – 26 с.

2012

Монографии

Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Яакко Ругоев: очерк жизни и творчества. – Петрозаводск: Север. сияние, 2012. – 455 с.

Косменко А. П. Послания из прошлого: традиционные орнаменты финноязычных народов Северо-Западной России. – Петрозаводск: Скандинавия, 2012. – 304 с.

Чикина Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепском языках. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2012. – 150 с.

Lavonen N. Puhtaat pojat, taivaan tyttäret: Inkerin kuohittujen lahko. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. – 272 с.

Сборники

Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. – 557 с.

Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX – начало XX веков): сб. документов и материалов / Сост.: И. С. Петричева, Ю. В. Литвин, О. П. Илюха. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2012. – 293 с.

Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: материалы V науч.-практ. семинара. Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г. / Отв. ред. В. П. Кузнецова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. – 273 с.

Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Очерки и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 218 с.

Karjalaisia joikuja = Карельские ёйги (аудиодиск). – Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН & KKS, 2012.

«Käte-ške käbedaks kägoihudeks» = «Обернись-ка милой кукушечкой»: вепские причитания / Сост.: Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова, нотировки С. В. Косырева. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. – 230 с.

Zaitseva N. Virantanaz: vepsläine epos. – Helsinki: Juminkeko, 2012. – 93 s.

Словари

Зайцева Н. Г. Орфографический словарь вепского языка / Н. Г. Зайцева, Е. Е. Харитоновна, О. Ю. Жукова. – Петрозаводск: Периодика, 2012. – 428 с.

Куусинен М. Э. Новый большой русско-финский словарь: в 2-х т. / М. Э. Куусинен, В. М. Олыкайнен, Ю. Э. Сюръялайнен. – СПб.: Геннадий Маркелов, 2012. – Т. 1. А–О. – 839 с.; Т. 2. П–Я. – 732 с.

2013

Монографии

Конкка А. П. Карсикко. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. – 286 с.

Кочуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками: каталог. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2013. – 160 с.

Сойни Е. Г. Финляндия в русском искусстве. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 172 с.

Сборники

Вепские ареальные исследования: сб. ст. / Ред. Н. Г. Зайцева, А. С. Мызников. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 193 с.

Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. ст. и материалов / Сост. и ред. О. П. Илюха. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 498 с.

Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов: сб. ст. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 194 с.

Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов: материалы VI науч.-практ. семинара. Петрозаводск, 27–28 марта 2013 г. / Отв. ред. В. П. Кузнецова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 235 с.

Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. – Петрозаводск: Verso, 2013. – 414 с.

Православие в вепском крае: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию основания Благовещенского Ионо-Яшезерского муж. монастыря (г. Петрозаводск, 26 сент. 2012 г.) / Ред. И. Ю. Винокурова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 267 с.

Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель: сб. ст. / Науч. ред. Е. Г. Сойни. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 270 с.

Ogneva O. Pyhät da arret: karjalaine rahvahankalendari = Праздники и будни: карельский народный календарь / О. Ogneva, А. Конкка. Изд. 2-е, исправ. и доп. – Петрозаводск: Verso, 2013. – 335 с.

Словари

Коппалева Ю. Э. Новый финско-русский словарь / Изд. 3-е, исправ. и доп. СПб.: Геннадий Маркелов, 2012. – 927 с.

Авторефераты

Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях. – Петрозаводск, 2013. – 22 с.

Литвин Ю. В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли. – СПб., 2013. – 24 с.

Составитель Н. В. Чикина

Издания ИЯЛИ КарНЦ РАН за 2013 год

1. Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 337 с.

Исследование основано на уникальных архивных материалах, содержащихся в местных архивах Республики Карелия, которые впервые вводятся в научный оборот и меняют многие традиционные взгляды на проблему спецпоселения и военного плена Второй мировой войны. Комплексно рассмотрены вопросы численности, категорий и географии расселения спецпоселенцев и иностранных военнопленных, их социального положения и правового статуса, особенностей жизнеобеспечения и трудового использования, показаны адаптация человека к условиям жизни в местах спецпоселения и лагерях, взаимоотношения спецконтингента с органами власти, администрацией лагерей и спецпоселков, местным населением.

2. Вепсские ареальные исследования. Сборник статей / Ред. Н. Г. Зайцева, А. С. Мызников. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 193 с.

В сборнике рассматривается диалектная лексика, которая в своем фонетическом, грамматическом и семантическом оформлении является одним из наиболее ярких маркеров диалектных ареалов. В статьях диалектное слово выступает как объект лингвогеографических исследований, материал для изучения истории языка, как факт топонимической системы. Названные аспекты имеют выход в решение проблем языковых контактов, субстрата в языке и культуре, в вепсский мифологический пантеон и этническую историю.

3. Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 492 с. + вкл.

В монографии исследуется феномен самоуправления в истории России на примере средневековой Карелии. Край занимал отделенную от столиц, Великого Новгорода и Москвы, территорию вдоль границы с воинственной Швецией, прямое государственное управле-

ние его землями долгое время было затруднено. Выявлены приемы и способы вовлечения самоуправления в решение задач внутренней и внешней политики государства, изучены конкретные модели взаимодействия самоуправления с ведущими органами государственной власти на центральном, областном и местном уровнях управления. Установлена периодизация данного взаимодействия во времена Новгородской феодальной республики (XII в. – 1478 г.) и на этапе становления сословно-представительной монархии в России (конец XV – начало XVII в.).

4. Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Сборник статей и материалов (сост. и ред. О. П. Илюха). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 498 с.

На историческом фоне второй половины XIX – начала XXI в. раскрывается этнокультурная специфика карельской семьи, организация ее повседневной жизни, механизмы адаптации к меняющимся социальным реалиям. Историки, этнологи, социологи, литературоведы, фольклористы и языковеды, чьи работы представлены в данном сборнике, стремились проследить, как в рамках семьи переживаются и осмысливаются социокультурные перемены и социальные потрясения, по каким направлениям происходит переработка «социального опыта» семьи, как меняются ее внутренний уклад, привычки и предпочтения: семейный фольклор, языковая среда и восприятие окружающего мира, формируются новые идеалы и ориентиры. Решение этих задач осуществлялось на основе широкого круга архивных материалов, периодической печати, воспоминаний и интервью, официальной статистики и результатов социологических опросов; использовался семейный фольклор и произведения карельских писателей.

5. Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов и финнов. Сборник статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 194 с.

В сборник вошли работы Е. И. Клементьева, известного этносоциолога, отражающие картину развития языковых процессов в Карелии в XX и начале XXI в. Автор, будучи активным популяризатором научных знаний и непосредственным участником общественной и законотворческой деятельности, направленной на поддержку и развитие карельского, вепсского и финского языков, пишет о результатах социологических исследований прибалтийско-финских народов Карелии, современной этноязыковой ситуации, проблемах национальной школы. В ряде статей представлены этнодемографические и этноязыковые характеристики прибалтийско-финского населения в свете переписей разных лет, рассмотрены вопросы реализации языковых прав и языковой политики.

6. Конкка А. П. Карсикко. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 286 с.

Монография посвящена исследованию деревьев-знаков, имевших ритуальное и практическое применение в традиционной культуре населяющих Европейский Север народов. Феномен карсикко относится к малоизвестным, но характерным для культуры прибалтийско-финских народов явлениям в парадигме мифологических и обрядовых значений. Деревья-карсикко используются в обрядах перехода, а также в промысловой обрядности как ритуальный символ со значениями духа-охранителя, заместителя Мирового древа с функциями оберега и медиатора, маркера сакральных границ, инструмента освоения жизненного пространства. Предметом монографического исследования стали значения данного ритуального символа в конкретных обрядах и различные формы карсикко, т. е. идеология (семантика) и способы ее материального воплощения.

7. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 109 с.: 45 ил.

Книга посвящена крупной в дореволюционной исторической Карелии предпринимательской династии Пименовых – выходцев из вепсского села Шокша. С именем основателя династии канцелярии советника М. П. Пименова связано строительство Аничкова моста в Петербурге и оборонительных сооружений Кронштадта. Представители этой династии внесли значительный вклад в развитие экономической и социальной сферы карельского края, получили широкую известность благодаря своей активной общественной и благотворительной деятельности. Книга основа-

на на архивных и опубликованных документах, а также мемуарах и свидетельствах современников.

8. Кочкуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Каталог. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 160 с.

В большинстве случаев монеты являются надежным временным определителем погребения. Ареал приладожской курганной культуры на рубеже I–II тысячелетий включал Юго-Восточное Приладожье с бассейнами рек Сяси, Тихвинки, Воронежки, Паши, Капши, Ояти, Свири, район Прионежья с речными системами рек Олонки, Тулоксы, Видлицы и северное побережье Онежского озера. Исследовано более 700 насыпей, где найдены английские, немецкие, чешские, византийские и восточные, а также неопределенные западно-европейские монеты и их обломки. Монеты с приклепанными ушками вместе с бусами использовались в качестве шейных украшений, монеты с отверстиями могли нашиваться на одежду. Гирьки, весы найдены в мужских погребениях в сопровождении мечей, копий, боевых топоров, что свидетельствует о высоком статусе погребенных и об атрибутах профессии торговца-воина.

9. Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 22 с.

10. Литвин Ю. В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 23 с.

11. Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Материалы VI научно-практического семинара. Петрозаводск, 27–28 марта 2013 г. / Ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 235 с.

Издание включает материалы научно-практического семинара, организованного совместно ИЯЛИ КарНЦ РАН и музеем-заповедником «Кижы». Семинар был посвящен двум знаменательным событиям – 90-летию юбилею видного российского языковеда Г. М. Керта и 55-летию Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Основным предметом научного интереса авторов статей стали научные архивы, их история и изучение архивных источников. В сборнике представлены также

результаты экспедиций в районы Русского Севера, ряд статей посвящены методике экспедиционной работы.

12. Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск: Verso, 2013. 414 с.

В сборнике представлены образцы всех жанров устно-поэтической традиции карелов Ведлозерья. Материалы выявлены из Научного архива Карельского научного центра, Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН и Фольклорного архива Общества финской литературы (Финляндия). Книга состоит из вступительной статьи, освещающей некоторые стороны истории и быта указанного региона, а также этапы собирания народной поэзии с указанием вклада как российских, так и финляндских ученых. Корпус текстов составляют карелоязычные фольклорные материалы с филологическим переводом на русский язык. Научный аппарат состоит из примечаний, списка исполнителей и собирателей, реестра населенных пунктов и списка престольных праздников.

13. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Свод топонимов Заонежья (ред. А. С. Герд). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 254 с.

Свод – это уникальная коллекция географических названий Заонежского полуострова, составленная на основе многолетних полевых сборов и архивных материалов XIX–XX вв. Компактная территория представлена почти 12 тыс. названиями, являющимися элементом культурного наследия Заонежья и обладающими значительным этноязыковым и историко-культурным потенциалом. За многими топонимами стоит многовековая история, восходящая к дорусскому этапу освоения этих мест, хорошо отражено и новгородское наследие. В топонимах находят отражение природные особенности, разнообразные стороны деятельности, картина мира и ментальность заонежан.

14. Новый финско-русский словарь / Сост. Ю. Э. Коппалева; изд. 3-е, испр. и доп.. СПб.: Геннадий Маркелов, 2013. 927 с.

Словарь включает в себя наиболее употребительную лексику современного финского языка – от разговорной и публицистической лексики до научно-популярной терминологии и некоторых специальных отраслевых слов. Широко представлены фразеологические выражения, пословицы и поговорки. В словник в алфавитном порядке включены общеупотребительные аббревиатуры финского языка и некоторые географические названия. Словарь предназначен для широкого круга читателей.

15. Огнева Ольга, Конкка Алексей. Праздники и будни. Карельский народный календарь = Puhät da arret. Karjalaine rahvahankalendari. Изд. 2-е, исп., доп. Петрозаводск: Verso, 2013. 336 с.

Сборник представляет собой выборку текстов на диалектах карельского языка с переводом на русский язык о традиционных праздниках и представлениях о времени в карельском народном календаре. По сравнению с первым изданием (2010 г.) расширилась география записей. В книге представлены все этнолокальные группы карелов: собственно-карелы, карелы Северного Приладожья, ливвики и людики. Разножанровые тексты состоят из «малых жанров» (пословицы, поговорки, загадки, приметы и присловья) и записанных в полевых условиях рассказов о календарных праздниках. Книга станет хорошим источником знаний о карельской народной культуре для всех, кто занимается возрождением традиционных праздников, интересуется карельским языком.

16. Православие в вепском крае. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 450-летию основания Благовещенского Ионо-Яшезерского мужского монастыря (г. Петрозаводск, 26 сентября 2012 года) / Ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 267 с.

Сборник статей представляет собой первую работу коллектива исследователей, обозначившую различные аспекты православия у вепсов. Подготовленный по материалам конференции сборник состоит из трех разделов, которые соответствуют проблемам, обсуждаемым на научном форуме и требующим дальнейшей разработки. В первый раздел помещены статьи, анализирующие различные факты, выявленные в результате архивных и полевых изысканий и связанные с Яшезерским монастырем. Второй раздел посвящен храмам, духовным и церковным учреждениям, расположенным на территории Межозерья и Карелии. Статьи третьего раздела рассказывают о традиции почитания православных святых в вепском крае.

17. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 гг.). Сборник документов и материалов / Сост. Н. А. Кораблев, В. Г. Баданов, науч. ред. Н. А. Кораблев. Петрозаводск, КарНЦ РАН. 2013. 499 с. + 1 вкл., 24 ил.

Сборник посвящен проведению в Карелии Столыпинской аграрной реформы – последней крупной социально-экономической реформы в истории дореволюционной России, которая была призвана ускорить модернизацию сельского хозяйства и стабилизировать социально-

политическую обстановку в деревне. Итоги и последствия реформы в историографии до сих пор остаются предметом дискуссий. Изучение реализации столыпинской реформы в Карелии представляет значительный научный интерес, так как реформа проводилась в особых условиях, заметно отличавшихся от обстановки не только в центральных регионах Европейской России, но и в сопредельных северных губерниях. В сборнике даются основные законодательные акты реформы, впервые приводится комплекс документов, извлеченных из фондов Национального архива РК и РГИА.

18. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.

Исследование посвящено самосожжениям и другим формам ритуального суицида старообрядцев – малоизученному феномену религиозной жизни середины XVII – XIX в. Преимущественное внимание уделяется богословским спорам старообрядческих наставников о «гарах», статистике и локализации самосожжений, обрядам, предшествующим «огненной смерти», а также памяти о мучениках, сохраняющейся на протяжении столетий среди сторонников и противников самосожжений. Основой для выводов послужили многочисленные опубликованные источники, а также документы (преимущественно следственные дела), обнаруженные в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска.

19. Сказки Водлозерья / Сост. А. С. Лызлова. Петрозаводск: ИП Барбашина Е. А., 2013. 427 с.

В сборнике опубликованы сказки из Научного архива КарНЦ РАН, записанные в 1930–40-е, 1970-е, 1990-е гг. на территории Водлозерья. Водлозерье – край с богатой фольклорной традицией, сохранившейся во многом благодаря изолированному характеру расположения населенных пунктов. В разное время собиратели находили здесь богатейший фольклорно-этнографический материал, включающий предания, былички, заговоры, сказочное творчество. Всего сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН здесь были записаны свыше 150 сказок, представляющих различные жанры. Аппарат издания

включает вступительную статью, примечание, словарь местных слов, опись не вошедших в сборник сказок, различные указатели.

20. Сойни Е. Г. Финляндия в русском искусстве. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 172 с.

Монография освещает финляндскую проблематику в русском искусстве конца XIX – начала XXI в. Образ Финляндии рассматривается многопланово: в живописи и графике, в художественной критике, мемуарах и эпистолярном наследии русских художников. С привлечением большого архивного материала исследуются творческие связи А. Эдельфельта и И. Репина, А. Галлен-Каллела и Н. Рериха, А. Людекена и В. Кандинского, анализируется значение финской природы и культуры в творчестве классиков реализма и представителей русского авангарда, охарактеризована история оформления «Калевалы» 1933 г. художниками филоновской школы.

21. Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования: научный журнал. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. № 4, вып. IV. 163 с.

22. Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: КарНЦ РАН, 2013. 23 с.

23. Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель / Ред. Е. Г. Сойни. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 271 с.

Книга посвящена 90-летию известного филолога-финноугроведа Эйно Генриховича Карху, заслуженного деятеля науки России и Карелии, Почетного гражданина и лауреата Государственной премии Республики Карелия. Сборник составлен с участием исследователей Петрозаводска, Москвы, Финляндии. В нем представлены три корпуса текстов: расшифровка одной из последних записей ученого; аналитические публикации по проблемам, которые были в русле внимания исследователя; воспоминания друзей и коллег. Завершается сборник библиографическим указателем его работ.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(требования к работам, представляемым к публикации
в «Трудах Карельского научного центра Российской академии наук»)

«Труды Карельского научного центра Российской академии наук» (далее – Труды КарНЦ РАН) публикуют результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной науки: теоретические и обзорные статьи, сообщения, материалы о научных мероприятиях (симпозиумах, конференциях и др.), персоналии (юбилеи и даты, потери науки), статьи по истории науки. Представляемые работы должны содержать новые, ранее не публиковавшиеся данные.

Статьи проходят обязательное рецензирование. Решение о публикации принимается редакционной коллегией серии или тематического выпуска Трудов КарНЦ РАН после рецензирования, с учетом научной значимости и актуальности представленных материалов. Редколлегия серий и отдельных выпусков Трудов КарНЦ РАН оставляет за собой право возвращать без регистрации рукописи, не отвечающие настоящим правилам.

При получении редакцией рукопись регистрируется (в случае выполнения авторами основных правил ее оформления) и направляется на отзыв рецензентам. Отзыв состоит из ответов на типовые вопросы «Анкеты» и может содержать дополнительные расширенные комментарии. Кроме того, рецензент может вносить замечания и правки в текст рукописи. Авторам высылаются электронная версия «Анкеты» и комментарии рецензентов. Доработанный экземпляр автор должен вернуть в редакцию вместе с первоначальным экземпляром и ответом на все вопросы рецензента не позднее чем через месяц после получения рецензии. Перед сдачей в печать авторам высылаются распечатанная версия статьи, которая вычитывается, подписывается авторами и возвращается в редакцию.

Почтовый адрес редакции: 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11, КарНЦ РАН, редакция Трудов КарНЦ РАН. Телефон: (8142) 762018.

Содержание номеров Трудов КарНЦ РАН, аннотации и полнотекстовые электронные варианты статей, а также другая полезная информация, включая настоящие Правила, доступна на сайте – <http://transactions.krc.karelia.ru>.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Статьи публикуются на русском или английском языке. Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам, рисунки) не должен превышать: для обзорных статей – 30 страниц, для оригинальных – 25, для сообщений – 15, для хроники и рецензий – 5–6. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Рукописи большего объема (в исключительных случаях) принимаются при достаточном обосновании по согласованию с ответственным редактором.

При оформлении рукописи применяется полуторный межстрочный интервал, шрифт Times New Roman, кегль 12, выравнивание по обоим краям. Размер полей страницы – 2,5 см со всех сторон. Все страницы, включая список литературы и подписи к рисункам, должны иметь сплошную нумерацию в нижнем правом углу. Страницы с рисунками не нумеруются.

Рукописи подаются в электронном виде, в формате MS Word, желательно версии 2003, лично в редакцию или по e-mail: trudy@krc.karelia.ru. Также к подаваемой рукописи желательно прилагать два экземпляра, напечатанных на одной стороне листа формата А4 в одну колонку.

ОБЩИЙ ПОРЯДОК РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ СТАТЬИ

Элементы статьи должны располагаться в следующем порядке: *УДК* курсивом на первой странице, в левом верхнем углу; заглавие статьи на русском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; инициалы, фамилии всех авторов на русском языке полужирным шрифтом; полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже на русском языке курсивом (если авторов несколько и работают они в разных учреждениях, то следует отметить арабскими цифрами соответствие фамилий авторов учреждениям, в которых они работают; если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно); аннотация на русском языке; ключевые слова на русском языке; инициалы, фамилии всех авторов на английском языке полужирным шрифтом; название статьи на английском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; аннотация на английском языке; ключевые слова на английском языке; текст статьи (статьи экспериментального характера, как правило, должны иметь разделы: ВВЕДЕНИЕ. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. ВЫВОДЫ. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ); благодарности; список литературы (с новой страницы); таблицы (на отдельных листах); рисунки (на отдельных листах); подписи к рисункам (на отдельном листе).

На отдельном листе дополнительные сведения об авторах: фамилии, имена, отчества всех авторов полностью на русском и английском языке; полный почтовый адрес каждой организации (страна, город) на русском и английском языке; должности авторов; адрес электронной почты для каждого автора; телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов).

ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ должно точно отражать содержание статьи и содержать не более 8–10 значащих слов.

АННОТАЦИЯ должна быть лишена вводных фраз, создавать возможно полное представление о содержании статьи и иметь объем 10–15 предложений. Рукопись с недостаточно раскрывающей содержание аннотацией может быть отклонена.

Отдельной строкой приводится перечень КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга запятой, в конце фразы ставится точка. Слова, фигурирующие в заголовке статьи, ключевыми являться не могут.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ должны содержать сведения об объекте исследования с обязательным указанием латинских названий и сводок, по которым они приводятся, авторов классификаций и пр. Транскрипция географических названий должна соответствовать атласу последнего года издания. Единицы физических величин приводятся по Международной системе СИ. Желательна статистическая обработка всех количественных данных. Необходимо возможно точнее обозначать местонахождения (в идеале – с точным указанием географических координат).

ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ должно заключаться не в пересказе содержания таблиц и графиков, а в выявлении следующих из них закономерностей. Автор должен сравнить полученную им информацию с имеющейся в литературе и показать, в чем заключается ее новизна. Следует ссылаться на табличный и иллюстративный материал так: на рисунки, фотографии и таблицы в тексте (рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2 и т.д.), фотографии, помещаемые на вкладышах (рис. I, рис. II). Обсуждение завершается формулировкой основного вывода, которая должна содержать конкретный ответ на вопрос, поставленный во Введении. Ссылки на литературу в тексте даются фамилиями, например: Карху, 1990 (один автор); Раменская, Андреева, 1982 (два автора); Крутов и др., 2008 (три автора или более), и заключаются в квадратные скобки. При перечислении нескольких источников работы располагаются в хронологическом порядке, например: [Иванов, Топоров, 1965; Успенский, 1982; Erwin et al., 1989; Рыбаков, 1994; Longman, 2001].

ТАБЛИЦЫ нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица имеет свой заголовок. На полях рукописи (слева) карандашом указываются места расположения таблиц при первом упоминании их в тексте. Диаграммы и графики не должны дублировать таблицы. Материал таблиц должен быть понятен без дополнительного обращения к тексту. Все сокращения, использованные в таблице, должны быть пояснены в Примечании, расположенном под ней. При повторении цифр в столбцах нужно их повторять, при повторении слов – в столбцах ставить кавычки. Таблицы могут быть книжной или альбомной ориентации (при соблюдении вышеуказанных параметров страницы).

РИСУНКИ представляются отдельными файлами с расширением TIFF (*.TIF) или JPG. При первичной подаче материала в редакцию рисунки вставляются в общий текстовый файл на отдельных страницах. При сдаче материала, принятого в печать, все рисунки из текста статьи должны быть убраны и представлены в виде отдельных файлов. Графические материалы должны быть снабжены распечатками с указанием желательного размера рисунка, пожеланий и требований к конкретным иллюстрациям. На каждый рисунок должна быть как минимум одна ссылка в тексте. Иллюстрации объектов, исследованных с помощью фотосъемки, микроскопа (оптического, электронного трансмиссионного и сканирующего), должны сопровождаться масштабными линейками, причем в подрисуночных подписях надо указать длину линейки. Приводить данные о кратности увеличения необязательно, поскольку при публикации рисунков размеры изменятся. Крупномасштабные карты желательны приводить с координатной сеткой, обозначениями населенных пунктов и/или названиями физико-географических объектов и разной фактурой для воды и суши. В углу карты желательна врезка с мелкомасштабной картой, где был бы указан участок, увеличенный в крупном масштабе в виде основной карты.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ должны содержать достаточно полную информацию, для того чтобы приводимые данные могли быть понятны без обращения к тексту (если эта информация уже не дана в другой иллюстрации). Аббревиации расшифровываются в подрисуночных подписях.

ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ. В расширенных латинских названиях таксонов не ставится запятая между фамилией авторов и годом, чтобы была понятна разница между полным названием таксона и ссылкой на публикацию в списке литературы. Названия таксонов рода и вида печатаются курсивом. Вписывать латинские названия в текст от руки недопустимо. Для флористических, фаунистических и таксономических работ при первом упоминании в тексте и таблицах приводится русское название вида (если такое название имеется) и полностью — латинское, с автором и желательно с годом, например: водяной ослик (*Asellus aquaticus* (L. 1758)). В дальнейшем можно употреблять только русское название или сокращенное латинское без фамилии автора и года опубликования, например, для брюхоногого моллюска *Margarites groenlandicis* (Gmelin 1790) – *M. groenlandicus* или для подвида *M. g. umbilicalis*.

СОКРАЩЕНИЯ. Разрешаются лишь общепринятые сокращения – названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеупотребительных.

* Названия видов приводятся на латинском языке КУРСИВОМ, в скобках указываются высшие таксоны (семейства), к которым относятся объекты исследования.

БЛАГОДАРНОСТИ. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. Пристатейные ссылки и/или списки пристатейной литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления (http://www.bookchamber.ru/GOST_P_7.0.5.-2008). Список работ представляется в алфавитном порядке. Все ссылки даются на языке оригинала (названия на японском, китайском и других языках, использующих нелатинский шрифт, пишутся в русской транскрипции). Сначала приводится список работ на русском языке и на языках с близким алфавитом (украинский, болгарский и др.), а затем – работы на языках с латинским алфавитом. В списке литературы между инициалами ставится пробел.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ 1-Й СТРАНИЦЫ

УДК 631.53.027.32:635.63

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ РЕЖИМОВ ПРЕДПОСЕВНОГО ЗАКАЛИВАНИЯ СЕМЯН НА ХОЛОДОУСТОЙЧИВОСТЬ РАСТЕНИЙ ОГУРЦА

Е. Г. Шерудило¹, М. И. Сысоева¹, Г. Н. Алексейчук², Е. Ф. Марковская¹

¹Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт биологии Карельского научного центра РАН

²Институт экспериментальной ботаники НАН Республики Беларусь им. В. Ф. Купревича

Аннотация на русском языке

Ключевые слова: *Cucumis sativus* L.; кратковременное снижение температуры; устойчивость.

E. G. SHERUDILO, M. I. SYSOEVA, G. N. ALEKSEICHUK, E. F. MARKOVSKAYA. EFFECTS OF DIFFERENT REGIMES OF SEED HARDENING ON COLD RESISTANCE IN CUCUMBER PLANTS

Аннотация на английском языке

Key words: *Cucumis sativus* L.; temperature drop; resistance.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Таблица 2. Частота встречаемости видов нематод в исследованных биотопах

Биотоп (площадка)	Кол-во видов	Встречаемость видов нематод в 5 повторностях				
		100 %	80 %	60 %	40 %	20 %
1Н	26	8	4	1	5	8
2Н	13	2	1	1	0	9
3Н	34	13	6	3	6	6
4Н	28	10	5	2	2	9
5Н	37	4	10	4	7	12

Примечание. Здесь и в табл. 3–4: биотоп 1Н – территория, заливаемая в сильные приливы; 2Н – постоянно заливаемый луг; 3Н – редко заливаемый луг; 4Н – незаливаемая территория; 5Н – периодически заливаемый луг.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСИ К РИСУНКУ

Рис. 1. Северный точильщик (*Hadrobregmus confuses* Kraaz.)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Ссылки на книги

Вольф Г. Н. Дисперсия оптического вращения и круговой дихроизм в органической химии / ред. Г. Снатцке. М.: Мир, 1970. С. 348–350.

Илиел Э. Стереохимия соединений углерода / пер. с англ. М.: Мир, 1965. 210 с.

Несис К. Н. Океанские головоногие моллюски: распространение, жизненные формы, эволюция. М.: Наука, 1985. 285 с.

Knorre D. G., Laric O. L. Theory and practice in affinity techniques / Eds. P. V. Sundaram, F. L. Eckstein. N. Y., San Francisco: Acad. Press, 1978. P. 169–188.

Ссылки на статьи

Викторов Г. А. Межвидовая конкуренция и сосуществование экологических гомологов у паразитических перепончатокрылых // Журн. общ. биол. 1970. Т. 31, № 2. С. 247–255.

Grove D. J., Loisides L., Nott J. Satiation amount, frequency of feeding and emptying rate in *Salmo gairdneri* // J. Fish. Biol. 1978. Vol. 12, N 4. P. 507–516.

Ссылки на материалы конференций

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 125–128.

Ссылки на авторефераты диссертаций

Шефтель Б. И. Экологические аспекты пространственно-временных межвидовых взаимоотношений землероек Средней Сибири: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1985. 23 с.

Ссылки на диссертации

Шефтель Б. И. Экологические аспекты пространственно-временных межвидовых взаимоотношений землероек Средней Сибири: дис. ... канд. биол. наук. М., 1985. С. 21–46.

Ссылки на патенты

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Ссылки на архивные материалы

Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

Ссылки на интернет-ресурсы

Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Ссылки на электронные ресурсы на CD-ROM

Государственная Дума, 1999–2003 [Электронный ресурс]: электронная энциклопедия/Аппарат Гос. Думы Федер. Собрания Рос. Федерации. М., 2004. 1 CD-ROM.

TABLE OF CONTENTS

A. E. Zagrebin. ETHNOGRAPHIC FINNO-UGRIC STUDIES IN RUSSIA: THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC IDEAS AND KNOWLEDGE	3
S. I. Kochkurkina, O. V. Orfinskaya. TEXTILES FROM LADOGA BURIAL MOUNDS (A RESEARCH IN TECHNOLOGY)	9
T. B. Nikitina. MEDIEVAL COSTUME OF MARI POPULATION AS A MARKER OF ETHNIC CULTURE	21
I. Yu. Vinokurova. VEPSIAN MYTHOLOGICAL CHARACTERS ASSOCIATED WITH HORTICULTURE: THE ETHNOCULTURAL SOURCES AND GENESIS	33
P. Veres. THE ETIOLOGICAL MYTH OF OB-UGRIANS ON THE ORIGINS OF PHRATRIAL ORGANIZATION, AND THEIR WORLD MODEL	43
M. V. Kundozerova. THE REFLECTIONS OF THE WORLD CREATION MYTH IN THE KARELIAN EPIC “THE SINGING MATCH”	53
E. A. Pivneva. SOLUTIONS AND OPPORTUNITIES FOR PRESERVING OB-UGRIC LANGUAGES AND CULTURES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: THE EXPERIENCE OF UGRA	58
O. M. Fishman. SUBJECT MATTER OF EVERYDAY BILINGUALISM OF TVER KARELIANS IN THE 20 TH –21 ST CENTURIES	66
M. V. Mosin. IS IT POSSIBLE AND NECESSARY TO CREATE SINGLE LITERARY LANGUAGES FOR INDIVIDUAL URALIC NATIONS?	76
D. V. Tsygankin. THE WORD BUILDING POTENTIAL OF THE PROTOFINNO-URGIC SUFFIX <i>-D</i> IN MORDVIN, THE KHANTY, AND THE MANSI LANGUAGES	83
S. A. Myznikov. SOME ASPECTS OF THE ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE KOMI LANGUAGE LEXIS	90
L. P. Roshchevskaya, N. G. Lisevich. D. V. BUBRIKH’S DOCUMENTS IN THE SCIENTIFIC ARCHIVES OF THE KOMI SCIENCE CENTRE OF THE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	99
E. I. Markova. KALEVALA THEMES IN NIKOLAI KLYUEV’S NARRATIVE POEM ‘THE SONG OF THE SUN BEARER’	108
A. A. Arzamazov. BETWEEN REALITY, MYTH AND FICTION: THE IMAGE OF IZHEVSK IN UDMURT POETRY OF THE 1990s	114
Yu. G. Antonov. THE ORIGINS AND EVOLUTION OF COMEDY IN MORDOVIAN DRAMA	120
I. A. Nikitina, I. R. Takala. “KARELIAN COSMOPOLITANS”: FINNISH DRAMA THEATRE IN 1946–1953	125
 DOCTORAL STUDENT NOTEBOOKS	
I. M. Potasheva. POTTERY OF ANCIENT KARELIANS: THE TRADITIONAL AND THE INNOVATIVE IN THE STUDY METHODS	134
A. O. Murav’yov. THE EFFECT OF O. W. KUUSINEN’S SECRET JOURNEY TO FINLAND IN 1919 ON THE PURSUIT OF NEW FORMS OF POLITICAL STRUGGLE BY THE FINNISH COMMUNIST PARTY	141
K. A. Tarasov. SIZE OF THE BOLSHEVIK MILITARY ORGANIZATION ON THE EVE OF OCTOBER 1917 EVENTS	146
O. A. Kolokolova. THE “PRODIGAL SON” THEME IN A. TIMONEN’S NOVEL “WE ARE KARELIANS”	149
A. A. Bern. SOME FEATURES OF THE FINNISH ADMINISTRATIVE DISCOURSE	153
 DATES AND ANNIVERSARIES	
K. K. Loginov. A. P. Kosmenko – a researcher of the graphic arts of the Balto-Finnic nations of Russia . .	158

L. I. Ivanova. V. P. Fedotova – a gatherer and researcher of Karelian phraseology	165
I. P. Novak. Alexandra V. Punzhina (on the 80 th anniversary)	169
V. P. Mironova. Eino Kiuru, folklorist and translator, turned 85	171
N. A. Korablyov, V. G. Makurov. Yakov A. Balagurov (on the 110 th anniversary)	173

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

A. I. Rupasov. Juri Ant. August Rei – Estonian statesman, politician, diplomat. Tartu: National Archives, 2012. 399 p.	176
E. Yu. Dubrovskaya. Nick Baron. The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia 1918–1919. A History & Memoirs: a new book on the fate and fortunes of the North Karelian village during the Civil War. St. Petersburg: European University Publishers, 2013. 346 p.	180
S. A. Myznikov. Mikhailova L. P. A Glossary of Extensive Lexical Units in Russian Dialects. Petrozavodsk; Moscow: KGPA Publishers, 2013. 350 p.	183
Bibliography of publications on Finno-Ugric studies by staff of the KarRC RAS Institute of Language, Literature and History in 2009–2013 (Compiled by N. V. Chikina)	187
ILLH KarRS RAS publications in 2013	190
INSTRUCTIONS FOR AUTHORS	194

Научное издание

**Труды Карельского научного центра
Российской академии наук
№ 3, 2014**

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Печатается по решению
Президиума Карельского научного центра РАН*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-48848 от 02.03.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Редактор А. И. Мокеева
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 30.05.2014. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура Pragmatica. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 20, 16. Усл. печ. л. 23, 25.
Тираж 500 экз. Изд. № 446. Заказ 209.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50